

У 25
3518

Бѣлоконскій

И. П. Бѣлоконскій

РАЗСКАЗЫ

Томъ I

Деревенскія впечатлѣнія

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗЕМСКАГО СТАТИСТИКА)

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

3816

28538-43

2010516153

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
На подворной переписи	1
Сутки въ степной деревнѣ	19
«Мужицкіи господа»	45
Неурядица	75
Деревня Печальная	95
Волостная статистика	119
«Отецъ Симіёнъ».	135
Деревенская интеллигенція и народъ	147
Баташевы	173
На развалинахъ	207
Сибирскій помѣщикъ	235
Край «долбни» и «картошки»	253
Въ родномъ гнѣздѣ И. С. Тургенева	321
Проклятый нѣмецъ	339
Баринъ	365
«Настоящій мужикъ»	385

На подворной переписи.

Насъ привели въ «сборную избу». Это была довольно обширная, съ деревенской, конечно, точки зрѣнія, глиняная горница съ необыкновенно отсырѣвшими стѣнами, съ грязнымъ до-нѣльзя поломъ, съ тремя маленькими тусклыми окнами и низкимъ потолкомъ. Кромѣ входной двери, въ ней были еще двѣ, ведшія въ какіе-то темные чуланы. Возлѣ стѣнъ стояли длинныя узкія скамейки, а въ переднемъ углу — среднихъ размѣровъ столъ, надъ которымъ висѣла небольшая, съ закопченнымъ стекломъ и запачканная мухами керосиновая лампочка.

Быстро сваливши въ одинъ уголъ свои вещи и вытащивъ изъ чемодановъ необходимыя «статистическія принадлежности», какъ-то: всевозможныхъ цвѣтовъ «карточки», «пообщинные бланки», перья, чернила и т. д., мы—насъ было четверо—стали поджидать народъ, а главнымъ образомъ сборщика податей съ его органическою, такъ сказать, принадлежностью—«книгою», куда занесены всѣ безъ изъятія обыватели деревни мужского пола, фамиліи и имена которыхъ, а также количество надѣльной земли намъ необходимо было заранѣе выписать на бланки, чтобы потомъ вы-

зывать каждого въ отдѣльности хозяина для болѣе детальныхъ разспросовъ.

Однако, никто не появлялся, хотя старшина въ волости, откуда мы пріѣхали, говорилъ намъ:—«Въ деревнѣ васъ, поди, давно уже ожидаютъ, весь сходъ, должно, въ сборѣ».

Одинъ изъ наиболѣе нервныхъ товарищей былъ чрезвычайно огорченъ этимъ обстоятельствомъ и ежеминутно выбѣгалъ на крыльцо, чтобы посмотрѣть: «не идутъ ли?» Остальные, въ томъ числѣ и я, подсмѣиваясь надъ тщетнымъ нетерпѣніемъ пріятеля, ходили отъ нечего дѣлать изъ угла въ уголъ, а потомъ начали разсматривать лубочныя картины, одна изъ которыхъ мнѣ особенно понравилась.

Подъ общимъ заглавіемъ: «Пьянство есть корень всякаго зла» нарисована громаднхъ размѣровъ голова діавола, которая, если всмотрѣться въ нее, представляетъ изъ себя винокуренный заводъ. На мѣстѣ роговъ нарисованы двѣ змѣи; изъ темени возвышается большая дымящаяся труба; ротъ изображаетъ пылающую печь; въ одно ухо чорта мужикъ всыпаетъ муку, которую подаютъ изъ тутъ же нарисованнаго хлѣбнаго магазина, а изъ другого уха льется водка въ ведро, которое подставляетъ другой мужикъ. Подъ головою чорта нарисованъ большой «питейный домъ», внутри котораго видны полки съ бутылками, за прилавкомъ стоитъ и наливаетъ водку сердитый кабатчикъ; на скамейкахъ сидятъ пьяные крестьяне и крестьянки; подъ прилавкомъ, подбоченясь, пляшетъ трепакъ маленькій чортикъ съ рогами и хвостомъ, а передъ пьяными посѣтителями кабака стоитъ, поднявъ одну руку кверху, сѣдой бородатый старецъ-пропо-

вѣдникъ. По бокамъ, внизу и вверху, нарисованы маленькія картинки, изображающія послѣдствія пьянства, какъ-то: воровство, мошенничество, развратъ, внезапную смерть, убійство, самоубійство и т. д. Въ самомъ низу, подъ картиною, помѣщено длинное стихотвореніе о пьянствѣ.

Въ то время, когда я разсматривалъ эту картину, въ избу вошелъ лысый, съ небольшою бородкою, средняго роста старикъ; глаза его слезились, а ноги выдѣлывали «мыслете». Не поздоровавшись съ нами, онъ, подбоченясь, произнесъ: «ничего не вижу!» Сказавъ это, старикъ сталъ передъ нами, ожидая, вѣроятно, отвѣта на свою фразу.

Мы, переглянувшись, молчали. Старикъ вторично повторилъ то же самое, сообщилъ, что онъ хозяинъ квартиры, и, не переставая смотрѣть на насъ помутившимися глазами, сѣлъ на скамейку.

— Плохой признакъ,—сказалъ тихо одинъ изъ товарищей: — деревня, вѣроятно, пьяна, и день у насъ пропалъ напрасно.

Какъ бы въ подтвержденіе его словъ, вслѣдъ за старикомъ явились еще два-три совершенно пьяныхъ крестьянина и начали приставать къ намъ съ разспросами. Къ счастью, скоро за ними вошелъ молодой парень, оказавшійся сыномъ хозяина дома. Выпроводивъ безъ церемоніи и отца своего—старика, и остальныхъ гостей, онъ заявилъ намъ, что — «должно, сегодня ничего не будетъ: народъ и староста пьяны, а сборщикъ уѣхалъ въ городъ подати сдавать».

Потерявъ надежду переписать деревню, мы начали было хлопотать о подводахъ для поѣздки въ слѣдующее селеніе, но и это оказалось безуспѣшно: несмотря

на предписаніе — «давать безпрепятственно подводы», достать ихъ не было никакой возможности. Тогда два товарища, чтобы не терять времени, несмотря на грязь и приближавшуюся ночь, отправились за подводами въ волость пѣшкомъ, а я съ однимъ товарищемъ остались въ деревнѣ.

Не зная, что дѣлать, мы, какъ водится въ этихъ случаяхъ, опять начали безъ толку слоняться изъ угла въ уголъ, курить папиросу за папиросою и передавать другъ другу въ сотый разъ впечатлѣнія несчастнаго дня. Скоро намъ подали самоваръ и зажгли лампу.

Черезъ нѣсколько минутъ въ избу ввалилась большая толпа крестьянъ, со старостою во главѣ, котораго пропустили впередъ. Послѣдній приблизился къ намъ, но не издалъ ни единого звука. Крестьяне, по-видимому, протрезвились и сочли нужнымъ нанести намъ визитъ, хотя было уже совсѣмъ темно.

Послѣ продолжительнаго и крайне неловкаго обоюднаго молчанія, староста, наконецъ, переминаясь съ ноги на ногу и вертя въ рукахъ шапку; спросилъ: — Такъ какъ же, прикажете для вашей милости собрать народъ?..

— Теперь уже поздно, — отвѣтилъ одинъ изъ насъ.

Наши гости снова застыли, сохраняя прежнюю позу и гробовое молчаніе. Не менѣе какъ черезъ четверть часа староста заговорилъ опять:

— Такъ, значитъ, теперь ничего не надо?

— Рѣшительно ничего, — отвѣчалъ я.

— Какъ есть, то-есть, ничего?

— Какъ есть ничего.

— А какъ же насчетъ схода? — опять спросилъ насъ староста.

— Да вѣдь теперь ночь, поздно, отчего же вы днемъ не собрали схода?

— Днемъ у насъ никогда не соберешь.

— А теперь развѣ можно собрать?

— Теперь не теперь, а завтра утромъ какъ-нибудь постарались бы.

— Вы же говорите, что днемъ у васъ нельзя собрать?

— Какъ-нибудь постарались бы...

— У насъ работы распредѣлены на каждый день, и завтра утромъ въ сосѣдней деревнѣ насъ будетъ уже ждать сходъ,—пояснилъ я.—Если мы не прїедемъ, у нихъ пропадутъ даромъ сутки, а вы еще схода не собирали. Мы лучше прїедемъ къ вамъ послѣзавтра, и тогда вы соберетесь.

Несмотря на это объясненіе, крестьяне не двинулись съ мѣста и не проронили ни слова; староста тоже замолчалъ, а мы принялись надписывать бланки. Прошло еще минутъ пятнадцать, и староста опять заговорилъ:

— Такъ, значитъ, ничего не надо?

— Ничего, рѣшительно ничего! — почти одновременно отвѣчали мы.

— Какъ бы чего не было за это?—началъ беспокоиться староста.

— Да что же за это можетъ быть?

— То-то, чтобы чего не было...

Крестьяне переглянулись, почти всѣ одновременно начали чесать затылки и мять въ рукахъ шапки; видно было, что они на что-то рѣшились.

— Пойдемъ, что ли, — шепнулъ кто-то изъ нихъ.

— Погоди, какъ староста, — отвѣтилъ тихо другой.

Староста обернулся и сдѣлалъ головою какой-то знакъ, а затѣмъ спросилъ:

— Можно, значить, уходить?

— Конечно, можно.

— Прощенія просимъ!

Крестьяне поклонились и, къ нашему удовольствію, начали уходить изъ избы. Но радоваться намъ пришлось недолго: скоро вошелъ въ избу хозяинъ. Изъ рѣчей его мы догадались, что все общество, со старостою во главѣ, испугалось и не хотѣло вѣрить въ благоприятный исходъ дѣла, считая себя виновнымъ въ неисполненіи приказанія высшаго начальства, за которое крестьяне, протрезвившись, признали насъ. Кто мы были въ ихъ глазахъ — неизвѣстно. Припомнилось мнѣ, что въ одной губерніи три разѣзжавшіе вмѣстѣ статистика получили на свое имя прошеніе отъ крестьянъ, озаглавленное такъ: «тремъ сіятельствамъ неизвѣстнаго сана — прошеніе». Даже болѣе культурные нѣмецкіе колонисты и тѣ были убѣждены, что статистики — это посланцы германскаго императора, который желаетъ знать, какъ живутъ его подданные въ Россіи. Нѣтъ ничего удивительнаго, если крестьяне и насъ причислили къ лику сановниковъ. Хозяинъ былъ неузнаваемъ. Онъ любезно и заботливо спросилъ прежде всего, не желаемъ ли мы чего-нибудь поѣсть: «поужинали бы, а то ваша милость ничего весь день не кушали». Мы поблагодарили за предложеніе, сказавъ, что у насъ есть своя провизія.

— Ваша милость все баранку сухую кушаете, да

колбасу,—что это за їда? Яичекъ, можетъ, желаете, или курочку зажарить?

На отказъ нашъ хозяинъ посовѣтовалъ «не гордиться» и сообщилъ, что онъ «тоже видалъ людей: въ Одесту ходилъ — всякихъ господъ встрѣчать приходилось: и анараловъ, и графовъ разныхъ, и агличана видѣлъ, и всякій народъ, а съ грекомъ, съ позволенія сказать, въ бой вступалъ».

Мы отвѣтили что «гордиться» и не думаемъ, а что мы сыты, и единственное желаніе наше — отдохнуть. Но хозяинъ не унимался. Постоявъ нѣсколько минутъ въ молчаніи и размышленіи и почесавъ затылокъ, онъ началъ заходить съ другой стороны. — «Не надо бы, ваше вскородіе, гордиться: лучше по-божески... Конечно, сгубить человѣка — разъ плюнуть, но только это не годится... Извините, ежели что, по темнотѣ своей, не такъ скажу... Выпили бы водочки или винца хорошаго. Вы, ваша милость, не полагайте, чтобы у насъ вино было какое-нибудь—ни Боже мой! Мы тоже знаемъ, какъ господъ благородныхъ принимать. Прикажите принести! Староста мигомъ обдѣлаетъ, въ одинъ секундъ! Человѣкъ онъ у насъ первый сортъ, и ежели чтò случилось,—кто Богу не долженъ, царю не виноватъ!»—Мы заявили, что ничего не пьемъ, и наотрѣзъ отказались отъ всего, такъ какъ, дѣйствительно, чувствовали большое утомленіе и совершенно не хотѣли ни їсть, ни пить.

Постоявъ немного, хозяинъ молча удалился, а мы принялись осматривать мѣсто, гдѣ бы поскорѣе устроить постели. Но не тутъ-то было: на порогъ появился староста и сталъ, не произнося ни слова, у дверей. Показалось ли хозяину, что онъ уломалъ насъ, или, на-

оборотъ, онъ посовѣтовалъ самому старостѣ вступить съ нами въ переговоры, но только староста стоялъ у дверей въ какой-то выжидательной позѣ, словно его звали. Мы сдѣлали видъ, что не замѣчаемъ его, составили скамейки, начали стлать постели, а затѣмъ поспѣшно раздѣваться. Увидѣвъ это, староста, наконецъ, спросилъ:—Вашей чести ничего не прикажете?

— Вѣдь мы же сказали вамъ, что намъ рѣшительно ничего не надо,—отвѣчалъ товарищъ.

— Извините, ежели не такъ спросилъ: мы люди темные... Можетъ, обидѣлъ чѣмъ?

— Вы насъ рѣшительно ничѣмъ не обидѣли.

— Извѣстно, мы люди темные... Спокойной ночи вашей чести!

Староста вышелъ. Изъ опасенія дальнѣйшихъ визитовъ мы немедленно погасили лампу. Когда мы начали-было уже дремать, насъ разбудилъ сильный стукъ въ окно: товарищи прислали за нами лошадей изъ волости. Уложивъ на скорую руку свои вещи, которыя были моментально вынесены старостою и ямщикомъ на повозку, мы, сопровождаемые не разошедшимися еще крестьянами, тронулись въ путь.

— Какъ-бы чего, братцы, не вышло? — долетѣла до насъ послѣдняя фраза, произнесенная кѣмъ-то изъ толпы.

Ночь была холодная и темная. Пара прекрасныхъ лошадей волостного старшины везла насъ превосходно, благодаря чему, несмотря на грязь, мы скоро прибыли въ волость, гдѣ застали товарищей за чаемъ.

Черезъ день всѣ мы опять собрались въ этой же деревнѣ. Староста и сборщикъ встрѣтили насъ теперь при самомъ въѣздѣ. Первый, снявъ шапку, сказалъ: «всѣ сейчасъ будутъ, уже собираются», и быстро пошелъ въ деревню, а второй въ припрыжку побѣждалъ за нашею телѣгою. Около знакомой уже намъ сборной избы собралось, дѣйствительно, не мало народу, такъ что не успѣли мы разобраться, какъ горница биткомъ наполнилась крестьянами всѣхъ возрастовъ и половъ. Несмотря на полуотворенную дверь, воздухъ моментально сдѣлался тяжелъ и удушливъ; сразу начинала кружиться голова, а ноги зябли отъ холода. И въ собственныхъ интересахъ, и въ интересахъ крестьянъ, не желая терять времени, мы сейчасъ же приступили къ работѣ.

Къ моему століку, по вызову, подошелъ ниже средняго роста сутуловатый тощій крестьянинъ съ включенными, давно, вѣроятно, нечесаными волосами, рѣдкою рыжею бородой и больными, постоянно мигавшими глазами; на немъ былъ рваный полушубокъ, въ рукѣ онъ держалъ картузъ безъ козырька, а на ногахъ виднѣлись изношенные лапти.

За нимъ, по пятамъ, слѣдовала немолодая уже, вся въ морщинахъ, женщина, тоже въ старомъ полушубкѣ. Оба они, приблизившись, низко поклонились и глядѣли на меня не то съ выраженіемъ страха, не то любопытства. Крестьянинъ нагибалъ голову и усиленно мялъ обѣими руками шапку, а крестьянка подперла щеку лѣвою рукою, поддерживая ее правою. Подошедшіе оказались мужъ и жена. На первые вопросы они отвѣчали медленно и нерѣшительно, посматривая одинъ на другого и на ближайшихъ односельчанъ; но, спустя

немного, при обоюдной помощи и при содѣйствіи окружающихъ крестьянъ, съ интересомъ слѣдившихъ за отвѣтами, стали давать удовлетворительныя объясненія, причемъ жена въ нѣкоторыхъ, близко затрогивавшихъ ее вопросахъ принимала настолько дѣятельное участіе, что мужу приходилось только подтверждать ея отвѣты или вносить незначительныя поправки. Такъ, она окончательно отстранила мужа, когда рѣчь зашла о дѣтяхъ.

— Много у васъ дѣтей?

— Восьмеро было, батюшка.

— А теперь сколько?

— Одинъ, батюшка, одинъ.

— Остальныя, значитъ, умерли?

— Въ одну зиму, батюшка.

— Отчего же это?

— Господь ихъ знаетъ!—вставилъ свое замѣчаніе мужъ.

— Въ глоткѣ что-то было,—поправила жена.

— Не дифтеритъ ли?

— Не знаемъ, батюшка: какъ захватить, какъ захватить — дыхнуть не дастъ... Покричитъ, покричитъ дитѣ и отдастъ Богу душу.

— Чѣмъ занимаетесь? — предложилъ я слѣдующій вопросъ.

— Хлѣбопашествомъ занимаемся, — отвѣчалъ Гаврила.

— Что же у васъ, земля плоха?

— Плоховата, и конопляникъ насъ поѣдомъ ѣстъ!

— Почему это конопляникъ васъ «поѣдомъ ѣстъ»?

— Весь назѣмъ на него идетъ.

— Зачѣмъ же вы одни только конопляники удобряете?

— Изстари такъ заведено, споконъ вѣковъ...

— Отцы еще наши такъ дѣлывали, — подтвердили сосѣди.

— Но вѣдь вы видите, что такъ плохо выходитъ?

— Какъ не видѣть, очинно даже хорошо видимъ.

— Почему же вы продолжаете дѣлать то же самое?

— Пóдать—главное дѣло...—вмѣшался одинъ изъ толпы.

— Это вѣрно, что пóдать—согласился Гаврила.

— Причемъ же тутъ пóдать?

— Конопляникъ какъ разъ, значить, подъ пóдать подходитъ.

— Какъ это «подходить подъ пóдать?»

— Весною, значить, подъ сѣмя возьмешь, а осенью—подъ пеньку.

— Не все ли равно хлѣбъ продать?

— Оно равно, да не равно. Вонъ раньше хлѣбъ по восьми рублей продавали, а нонѣ по три, — вотъ и бери подъ хлѣбъ.

— И на базаръ тоже вези,—согласился Гаврила.

— А коноплю и пеньку развѣ не нужно везти?

— Это мы здѣсь отдаемъ, подъ это намъ сейчасъ, сколько надо, дадутъ.

— А подъ хлѣбъ не дадутъ?

— Ни-ни! Развѣ ужъ въ большой цѣнѣ онъ; да когда это было?..

— Кто же у васъ коноплю и пеньку беретъ?

Гаврила замялся, посмотрѣлъ на жену, оглянулся на сосѣдей и нехотя отвѣтилъ:—Да тутъ одинъ человекъ...

— Не бось! — подбадривали сосѣди: — нѣтъ его тутъ...

— Какъ бы не взошелъ,—обратился къ нимъ Гаврила.

— Тогда перестанешь,—отвѣтили они ему.

— Это о комъ вы?—спросилъ я.

— Ѳедоръ Тимоѳеевичъ тутъ есть,—нехотя отвѣчалъ Гаврила.

— Какой такой Ѳедоръ Тимоѳеевичъ?

— Это—кому мы пеньку и коноплю доставляемъ.

— Что же вы его боитесь?

— Какъ же, ваше вскородіе: не дастъ вѣдь онъ, какъ услышитъ, а тогда—пропадай совсѣмъ. Вы уже ему не говорите, ваше вскородіе!..

Я понялъ, въ чемъ дѣло, и пообѣщалъ ничего не говорить совершенно неизвѣстному мнѣ Ѳедору Тимоѳеевичу.

— Не выдай, батюшка! — проговорила послѣ долгаго молчанія и жена Гаврилы.

Я еще разъ успокоилъ крестьянъ. Тогда близъ стоявшіе поднялись на пальцы, осмотрѣли тщательно всѣхъ собравшихся и, не увидѣвъ, вѣроятно, загадочнаго Ѳедора Тимоѳеевича, еще разъ подбодрили Гаврилу. Этотъ послѣдній ближе придвинулся ко мнѣ, наклонилъ голову и началъ тихимъ голосомъ:

— Мы теперь, ваше вскородіе, никому податей не платимъ, а только, значитъ, ему, Ѳедору Тимоѳеевичу. У него и книжка такая есть, гдѣ, значитъ, все общество записано. Придетъ къ нему сборщикъ и говорить: «столько-то и столько-то, Ѳедоръ Тимоѳеевичъ, съ общества податей требуется». Онъ сейчасъ полностью выложитъ и отъ сборщика записку получить, а потомъ на насъ и записываетъ. Мы теперь ничего не

знаемъ: сколько съ насъ чего требуется и сколько мы ему должны состоимъ.

— Какъ же такъ? Развѣ вы ему не выплачиваете долга?

— Какъ не выплачиваемъ!—воскликнули нѣсколько голосовъ.

— Если выплачиваете, то какъ же это вы ничего не знаете?

— Какъ его узнаешь? Привезешь ему сѣмя или пеньку во дворъ, сложишь—и шабашъ!

— Развѣ не при васъ взвѣшивается и вымѣряется?

— Ни Боже мой! Привезешь, а онъ говоритъ: «время, молъ, нѣтъ теперь, я, говоритъ, потомъ самъ прикину, сколько чего». А скажешь ему: какъ же, молъ, такъ, Ѳедоръ Тимовеевичъ?.. Онъ и возопитъ: «что я, говоритъ, воръ или мошенникъ?! Я вамъ, говоритъ, всѣ деньги отдалъ, а вы, говоритъ, ко мнѣ въ этакоемъ пустяковомъ дѣлѣ довѣрія не имѣете!? Бери, говоритъ, назадъ свое добро, а мнѣ денежки чистыя принеси!» Гдѣ-жъ ты ему денегъ возьмешь? Постоишь, постоишь, да со двора порожнякомъ назадъ. Спросишь кой-когда: много-ль, молъ, долженъ я вамъ, Ѳедоръ Тимовеевичъ? А онъ въ отвѣтъ: «много, говоритъ, еще!»—и больше ничего не скажетъ.

— По какой же цѣнѣ онъ беретъ?

— А какъ его разберешь: запишетъ, значить, въ книжку и—кончено!

— Отчего же вы на базаръ коноплю не возите?

— Это никакъ невозможно, потому мы, значить, обществомъ поручились, что кажинный долженъ конопляникъ засѣвать и, какъ убралъ, все ему полностью предоставить. Мы глядимъ, чтобы кто изъ общества

тайкомъ на базаръ не увезъ, а то, какъ узнаетъ — всѣмъ бѣда будетъ... Ни Боже мой! Ни одного зерна нельзя, кромѣ его...

— Значить, вы всѣ свои долги выплачиваете ему коноплею и пенькой?

— Пенькою, коноплею и отработкомъ.

— Что же отработываете?

— Какъ, значить, онъ повелитъ. То скажетъ— подводъ ему столько-то представить, то—хлѣбъ свозить, то—запахать. Какъ скажетъ, такъ сейчасъ все бросай, чтобы ему дѣлать.

— Вы у него деньги только на подати берете?

— Деньги беремъ, хлѣбомъ забираемъ.

— Хлѣба развѣ не хватаетъ?

— Что вы, ваше вскородіе! Гдѣ же хватить? Мѣсяцъ-другой побалуешься новымъ хлѣбцомъ, а тамъ и пошелъ прикупать.

— И онъ всѣмъ даетъ хлѣба?

— Кому, значить, надо. Иной какимъ промысломъ, заработкомъ копѣйку зашибетъ на хлѣбъ, а другому не достанется: ну, тогда у Федора Тимоѣевича...

Въ это время распахнулась входная дверь и въ ней показалось еще съ десятокъ крестьянъ. Всѣ инстинктивно обернулись въ ту сторону и, вѣроятно, замѣтили Федора Тимоѣевича; по крайней мѣрѣ, Гаврила, разохотившійся говорить, остановился на половинѣ фразы и съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на сосѣдей. Я понималъ, въ чемъ дѣло, и пересталъ предлагать дальнѣйшіе вопросы на эту тему, тѣмъ болѣе, что, собственно говоря, при подворной переписи и не слѣдовало касаться роли Федора Тимоѣевича въ жизни данной общины: это лучше бы выяснилось при составленіи по-

общиннаго бланка. Теперь я началъ предлагать обыкновенные короткіе вопросы и быстро записывалъ отвѣты. Крестьяне отвѣчали довольно бойко, и дѣло шло быстро. Степаны, Петры, Иваны и т. д. были такъ похожи, съ экономической точки зрѣнія, другъ на друга, что казалось, это стоялъ все тотъ же Гаврила.

— Много вамъ лѣтъ?—спросилъ я одного старика.

— Десятковъ девять, поди, будетъ.

— Семья у васъ большая?

— Одинъ я, какъ палецъ, весь тутъ. Прежде полонъ домъ былъ.

— Умерли, что ли?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ: подѣлились. Дѣлились, значить, дѣлились, покуда я одинъ не остался.

— Изъ-за чего же вы дѣлились?

— Изъ-за хлѣбушка больше, ежели разсудить, какъ слѣдуетъ.

— Какъ изъ-за хлѣбушка?

— А вотъ видишь. Было у меня четыре сына. Женился старшій сперва. Дѣти у него пошли. Потомъ средній женился. И у того дѣти, только, вѣдомо, поменьше, чѣмъ у старшаго, потому тотъ раньше женился. Невѣстки и ну грызться. Вторая-то говоритъ первой: «что я, говоритъ, на твою ораву работать буду, у меня, говоритъ, двое, а у тебя шестеро». Слово за слово — и выдѣлились два сына; а тутъ два меньшихъ поженились, — тоже опять грызня: ртовъ понародилось много, а ѣсть нечего. Грызутся невѣстки, что у одной, значить, дѣтей больше.

— Значить, изъ-за бабъ ссорились?

— Всегда такъ бываетъ, потому баба весь день рукъ не складаетъ; трудно ей приходится, — и своихъ-то

дѣтей одѣть, покормить, присмотрѣть за ними, а тутъ ихъ цѣлая изба. Ну и почнутъ...

Когда зашелъ вопросъ о томъ, много ли старикъ тратитъ денегъ на водку, онъ заявилъ, что не тратитъ ни копѣйки, но пьетъ каждый день.

— Какъ же это такъ вы пьете?

— Знакомые мои все голь перекатная, потому и пьемъ.

Окружающіе засмѣялись.

— Откуда же вы деньги берете?

— У бѣднаго хотя и денегъ нѣтъ, а пьетъ онъ больше.

— Почему?

— А потому, что ему, значить, все занимать приходится, а если занимаешь—могарычъ долженъ быть; а второе — бѣдный человѣкъ и заработокъ плохой имѣетъ: получить какой пятакъ или три копѣйки,—что съ ними дѣлать? Податей не уплатишь, долговъ—тоже; самое лучшее—въ кабакъ сходить. Вотъ и выходитъ, что денегъ меньше у человѣка, а пьетъ онъ больше.

— Это ты вѣрно, дядя Иванъ! — замѣтилъ кто-то изъ окружающихъ.

— Это чтò и говорить!—подтвердили другіе.

За дядей Иваномъ потянулись однообразные «сѣрые мужики», повторявшіе то, чтò сказали уже и другіе. Ихъ подходило къ столику человѣкъ 100. Когда я увидѣлъ, что передо мною лежитъ послѣдняя карточка, я необыкновенно обрадовался. Въ головѣ у меня шумѣло, въ горлѣ пересохло, и я охрипъ отъ разговоровъ, тѣмъ болѣе, что съ глухими приходилось кричать, а недалекимъ крестьянамъ предлагать,

пока они поймутъ, разъ 5 — 6 одинъ и тотъ же во-просъ. Съ удовольствіемъ складывалъ я карточки, пред-вкушая отдыхъ, хотя изба была еще биткомъ набита, такъ какъ одинъ изъ моихъ товарищей составлялъ пообщинный бланкъ, т.-е. знакомился съ общими усло-віями жизни данной общины. Наконецъ, и онъ кон-чилъ опросы.

Въ избѣ стоялъ какой-то туманъ, такъ что трудно было сразу разглядѣть фізіономіи; воздухъ былъ испорченъ до послѣдней степени. Товарищи мои молча убирали свои матеріалы и попросили немедленно при-нести соломы. Хозяинъ тотчасъ исполнилъ эту просьбу и вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ самоваръ. Не произнеся ни слова, мы проглотили по стакану чаю и, не раздѣ-ваясь, улеглись на соломѣ, посланной прямо на гряз-номъ холодномъ полу.

Проснулись мы на зарѣ и сейчасъ же начали со-бираться въ путь, въ слѣдующую деревню. Подводы пріѣхали очень быстро, потому что староста заказалъ ихъ съ вечера. Шагомъ тянулись мы по невылазной грязи среди улицъ деревни, которая начала уже про-сыпаться. Когда выѣхали изъ деревни, ямщикъ завелъ съ нами разговоръ на тему о злобахъ крестьянской жизни, желая, по порученію крестьянъ, вывѣдать у насъ — не посланники ли мы отъ высихъ сферъ. Отвѣты наши, конечно, не подтвердили убѣжденія крестьянъ, но нѣтъ сомнѣнія, что ямщикъ, какъ и всѣ крестьяне, остался при своемъ взглядѣ на насъ.

Сутки въ степной деревнѣ.

„Работаешь годъ—нечего класть
въ ротъ“...

„У насъ не токмо что рыбѣ —
лягушкѣ жить негдѣ; когда рабо-
таешь — напиться не изъ чего“..

„Ребята! бери счета — пойдемъ
считать, сколько нищеты“...

Изъ отвѣтовъ и разговоровъ степ-
ныхъ жителей.

Не о тѣхъ степяхъ буду писать я, о которыхъ Гоголь выразился: «чортъ васъ возьми, какъ вы хо-роши!» Да и есть ли въ настоящее время такія степи? Незамѣтно теперь въ степяхъ «неизмѣримыхъ волнъ дикихъ растеній», не могутъ «въ нихъ скрыться кони, какъ въ лѣсу», и не «зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули миллионы разныхъ цвѣтовъ», представляется поверхность земли: осталась, кажется, лишь одна необъятная, тоску наводящая своимъ однообра-зіемъ ширь да гладь. Въ «Памятной книжкѣ Тавриче-ской губерніи», между прочимъ, говорится: «въ ста-рину, до новѣйшаго заселенія края, таврическія степи сохраняли травяную растительность, которая въ благо-пріятные годы представлялась безбрежнымъ моремъ

густыхъ и питательныхъ травъ. Въ настоящее время степи большею частью распаханы, и цѣлинная флора встрѣчается уже не вездѣ, а замѣняетъ ее размножаются разныя грубыя и сорныя травы—обычные замѣстители первоначальной растительности». Таковы-то теперь степи, въ которыхъ во времена Тараса Бульбы «скрывались кони, какъ въ лѣсу». По мнѣнію проф. В. В. Докучаева, «степи, воспѣтыя Гоголемъ, будутъ не сегодня—завтра имѣть такъ же много общаго съ современностью, какъ и самая Запорожская сѣчь».

Но я буду описывать не эти степи, а много худшія, распаханныя, перепаханныя, вовсе выпаханныя, на которыхъ даже и сорныхъ травъ не растеть уже, такъ что на парахъ «гривенникъ найдешь», какъ говорятъ крестьяне, — я буду описывать степи центральной Россіи.

Онѣ и по наружному виду значительно отличаются отъ великихъ степей Новороссіи. Въ нихъ прежде всего нѣтъ той безконечной равнинности, какая присуща южнымъ степямъ, — степи центральной Россіи скорѣе волнисты, чѣмъ ровны; затѣмъ, онѣ изрыты по всѣмъ направленіямъ оврагами, «вершками» да «отвершками», наконецъ, разнообразятся кой-какою растительностью, въ большинствѣ «ракитнячкомъ», а иногда лѣсочками и перелѣсками, не говоря уже о паркахъ барскихъ усадебъ, въ видѣ оазисовъ разбросанныхъ по степи. Вообще въ благопріятную весну и лѣто эти степи не особенно тоскливы. Весною отливаютъ нѣжно изумруднымъ цвѣтомъ, а лѣтомъ на нихъ стѣною стоятъ золотистые хлѣба, среди которыхъ тамъ и сямъ мелькають группами зеленыя деревца; вдали бѣлѣють сельскія церкви съ блестя-

щими крестами; воздухъ оглашается пѣніемъ безконечнаго числа жаворонковъ, а то порой слышится крикъ перепела или рѣзкіе звуки деркача съ отдавленнаго лужка, затонувшаго въ морѣ хлѣбовъ. Но такой видъ степи имѣютъ четыре, много пять мѣсяцевъ, а во все остальное время года нѣтъ ничего въ мірѣ убійственнѣе этихъ степей. Зимою—это сплошное, покрытое бѣлымъ саваномъ кладбище, безъ малѣйшихъ признаковъ жизни. Убогія селенія и деревушки, пріютившіяся по низинамъ, въ ложбинахъ, поближе къ водѣ, и въ лѣтнюю пору виднѣются неясно, а зимою они и вовсе исчезаютъ подъ снѣгами. Санная ѣзда по большакамъ мучительна, благодаря невѣроятнымъ выбоинамъ и скатамъ, а по проселкамъ хотя и лучше, но зато не дай Богъ встрѣтиться на этомъ пути съ сильными міра сего, а особливо съ земскимъ начальникомъ! Несчастная крестьянская кляча по уши должна залѣзть въ снѣгъ, такъ что ее буквально надо вытаскивать, да еще, пожалуй, и хозяинъ клячи, въ случаѣ нерасторопности, посидитъ въ кутузкѣ за то, что свернулъ не въ-время...

Но невыносимѣе всего въ степи осенью, когда она превращается въ одно сплошное, необъятное черное пятно съ невылазною грязью!

Вотъ именно въ такую пору пришлось мнѣ впервые изслѣдовать эти степи.

На зарѣ одного изъ дней глубокой осени кондукторъ разбудилъ меня и заявилъ, что поѣздъ приближается къ станціи, гдѣ я долженъ былъ слѣзть. Неохотно поднявшись съ мягкаго дивана, я посмотрѣлъ въ окно вагона. Тяжелыя свинцовыя тучи густою вереницею низко ползли надъ землею; моросилъ мелкій

осенній дождь; вся даль до крайнихъ предѣловъ горизонта чернѣла вспаханными полями, прорѣзанными въ разныхъ направлєніяхъ дорогами, лоснившимися жидкою грязью; тоскливый пейзажъ разнообразился лишь виднѣвшимися кой-гдѣ тощими оголенными рощницами да кустарникомъ по склонамъ многочисленныхъ овраговъ.

Скоро послышался продолжительный свистъ паровоза; поѣздъ уменьшилъ ходъ, а черезъ нѣкоторое время остановился на одномъ изъ захолустныхъ полустанковъ въ прогонѣ между Орломъ и Курскомъ. Съ завистью посмотрѣвъ на спящихъ пассажировъ, остающихся въ тепломъ вагонѣ II класса, я отправился на станцію, откуда мнѣ предстояло начать экскурсію въ полуразрушенныхъ «экипажахъ», телѣгами именуемыхъ, на народныхъ россиантахъ по невылазнымъ колеямъ однообразной, тоскливой, какъ русская жизнь, степи.

Какъ и слѣдовало ожидать, на станціи не было ни единого «экипажа», но зато былъ вездѣсущій мужикъ въ лицѣ станціоннаго сторожа.

По уходѣ поѣзда я и подошелъ къ этому мужику въ тотъ моментъ, когда онъ, исполнивъ однообразную обязанность, сладко и громогласно зѣвалъ, стремясь, вѣроятно, направиться въ какую-либо конуру, чтобы вздремнуть до слѣдующаго поѣзда.

— Какъ тутъ проѣхать въ деревню N? — спрашиваю.

— Въ деревню N?

— Да.

— А вотъ какъ чугунку переѣдешь, такъ и пошелъ прямо, никуда не сворачивай: тутъ одна она и есть.

— А повезетъ-то кто?

— Повезетъ?

- Да.
- А издалека ѣдешь?
- Изъ губерніи.
- По дѣлу какому?
- Земство послало
- Изъ чиновниковъ, значить, будете?
- Въ земствѣ служу.
- Та-акъ...

И сторожъ снялъ шапку и энергично сталъ чесать ногтями голову.

- Что же, можно подводу найти?
- Подводу?
- Да.
- Чего нельзя—извѣстно можно...
- Да гдѣ же она?
- А сколько дадите?
- Я не знаю—ни разу здѣсь не былъ... Сколько верстъ?

- Верстовъ съ десятокъ, поди, будетъ...
- Ну? А мнѣ говорили пять...
- Эвона! Тутъ хорошихъ пять до сворѣта, да тамъ столько же, а то и больше...
- Вы же говорили, что сворачивать никуда не надо.
- Какъ не сворачивать—развѣ можно, чтобы безъ поворотовъ, этого никакъ нельзя; такихъ, поди, и мѣстовъ нѣтъ, чтобы безъ поворотовъ; на что чугунокъ—и та сворачиваетъ...

- Значить, деревня далеко отъ желѣзной дороги?
- Отъ дороги-то небольше какъ съ версту, а отъ станціи десятокъ вѣрный: дорога-то какъ разъ сейчасъ за огородами идетъ, а вотъ станція далеко: овраги линія обходить и кругомъ взялась...

Я видѣлъ, что сторожъ вретъ относительно разстоянія, т.-е., собственно говоря, не самъ сторожъ, а нужда вретъ, чтобы воспользоваться благоприятнымъ обстоятельствомъ и стянуть съ барина, который, конечно, ѣдетъ «пóпусту», «отъ нечего дѣлать». Въ виду этого я, прекративъ препирательства, прямо перешелъ къ дѣлу:

— Сколько же будетъ стоить доѣхать до N?

— Рублевочка...

— Не дорого ли?

— Ни Боже мой...

— Ну, хорошо; а подвода же гдѣ?

— Я мигомъ схожу въ деревню.

— За десять-то верстъ!

— Дѣло привычное—мигомъ схожу...

И съ этими словами сторожъ скрылся, а я вошелъ въ грязный полустанокъ, гдѣ рѣшительно никого не было.

Къ моему удивленію, и полчаса не прошло, какъ посланецъ возвратился и доложилъ, что подвода готова: на пути повстрѣчалъ онъ «пустопорожнюю телѣгу» и заручился согласіемъ владѣльца дотащить на этой телѣгѣ меня до деревни. На какихъ условіяхъ была совершена эта сдѣлка—не знаю, но «рублевочку» сторожъ попросилъ отдать ему, заявивъ, что «ужо мы съ нимъ (т.-е. съ моимъ возницею) разсчитаемся». Возница, вошедшій въ комнату, подтвердилъ правдивость заявленія.

Довольный, что недолго пришлось ждать, я немедленно вышелъ во дворъ, влѣзъ въ телѣгу, сѣлъ на совершенно мокрую «ярицу» и, сопровождаемый холоднымъ дождемъ, пустился въ путь.

Было ли до Н десять верстъ или меньше, но ѣхалъ я неимоѣрно долго. Несмотря однако на продолжительность ѣзды, приближаясь къ деревнѣ и увидѣвъ дымящіяся соломенные крыши, я пожалѣлъ, что не ѣхалъ дальше: бабы не истопили курныхъ избъ, и слѣдовательно все равно заниматься не было возможности, если нѣтъ гдѣ-либо помѣщенія съ бѣлою топкою. Обращаюсь за справками къ возницѣ.

— Трубы въ деревнѣ есть?

— А Богъ его вѣдаетъ, — отвѣчаетъ онъ, выглядывая изъ-подъ мокрой дырявой рогожи, — что-то незамѣтно... А куды взять-то?

— У старосты изба хорошая?

— Какое тамъ!

— Черная?

— Черная.

— Ну, такъ везите куда-нибудь поближе, за старостою послать можно.

— Разлюбезное дѣло, а то онъ на томъ концѣ живеть... Тутъ кума моя по близости — баба хорошая...

Подъѣзжаемъ къ «кумѣ».

Вхсжу въ сѣни и, заглянувъ въ избу, убѣждаюсь, что остановиться у «кумы», хотя она и «хорошая баба», нѣтъ никакой физической возможности. Изъ отворенной двери валомъ валить темный, сладкій на вкусъ *), торфяной дымъ. Возлѣ печи стоитъ беременная босая баба съ ухватомъ и грязнымъ донельзя рукавомъ протираетъ слезящіеся отъ ѣдкаго дыма

*) Попадая въ ротъ, торфяной дымъ оставляетъ сладкій вкусъ, напоминающій лакрицу. По крайней мѣрѣ онъ на меня производилъ такое впечатлѣніе.

глаза. На земляномъ полу, покрытомъ лужами воды и грязью, сидятъ въ однѣхъ закоптѣлыхъ рубашонкахъ дѣти и что-то ѣдятъ, отталкивая назойливо хрюкающаго поросенка, нахально стремящагося подѣлиться убогимъ дѣтскимъ затракомъ; откуда-то, вѣроятно, изъ люльки, скрытой дымомъ, доносится страдальческій пискъ еще одного ребенка.

Предполагая, что то же самое происходитъ въ любой избѣ, я рѣшилъ переждать топку печей на улицѣ. Но надо мною сжалилась хозяйка избы: войдя въ сѣни и поздоровавшись съ «кумомъ», она порекомендовала ему спровадить меня къ какой-то Дарьѣ, у которой «изба съ теплушечкой».

Нужно ли говорить, что это предложеніе встрѣчено было мною съ большимъ удовольствіемъ; хотя я и не зналъ, что такое «теплушечка», но предполагалъ встрѣтить нѣчто лучшее «настоящей» курной избы, ибо въ противномъ случаѣ врядъ ли было основаніе «кумѣ» отсылать меня къ невѣдомой Дарьѣ.

Послѣдняя жила черезъ нѣсколько избъ.

«Теплушечка» оказалась много лучше «настоящей» курной избы.

Суть «теплушечки» заключается въ томъ, что жерло печи выходитъ не въ избу, а въ сѣни, такъ что печь, входя всѣмъ корпусомъ своимъ, за исключеніемъ отверстія, въ избу, согрѣваетъ послѣднюю, а дымъ уже черезъ сѣни валитъ на улицу. Такимъ образомъ «теплушечка» является несомнѣннымъ «самобытнымъ» прогрессомъ въ строительномъ искусствѣ степного крестьянства. Положеніе хозяйки отъ этого прогресса нѣсколько ухудшилось, такъ какъ зимою она находится на холодѣ (хотя при открытой двери

и въ избѣ бываетъ сильный холодъ, особенно на полу), но зато въ «теплушечкѣ» нѣтъ дыма.

Сложивъ мои вещи въ избѣ, возница сталъ почесывать затылокъ и мять въ рукахъ ветхую шапку, несмотря на то, что получилъ гривенникъ на водку. На вопросъ, чего онъ еще ждетъ,—возница объяснилъ, что станціонный сторожъ его кумъ, что у кума этого онъ какъ-то занималъ хлѣбъ, а потому изъ рубля, даннаго сторожу, онъ, возница, ничего не получитъ. Я отвѣтилъ-было на это, что мнѣ нѣтъ дѣла до ихъ счетовъ, что я заплатилъ по договору и еще прибавилъ гривенникъ, но видъ возницы былъ такъ жалокъ, нищета до такой степени отражалась на немъ, что пришлось добавить полтинникъ, съ тѣмъ, чтобы онъ доставилъ мнѣ старосту.

Возница моментально оживился, пожелалъ мнѣ массу различныхъ благъ и, быстро выйдя изъ избы, вспрыгнулъ на телѣгу и энергично сталъ трепать свою лошаденку, чтобы скорѣе съѣздить за старостою. Но, къ счастью клячи, староста прибѣжалъ самъ, такъ какъ, оказалось, «кума» уже оповѣстила всю деревню о пріѣздѣ «чиновника изъ губерніи».

Вскорѣ моя «теплушечка» вплотную была набита народомъ. Отъ грязныхъ лаптей полъ превратился въ черное влажное пятно, а десятки дыханій и ароматы полушубковъ испортили воздухъ до головокруженія. Я приступилъ къ опросу.

Первый вопросъ былъ о землѣ.

Слово «земля» и планъ, разложенный мною на столѣ, по обыкновенію, магически подѣйствовали на

сходъ. Собравшіеся близко придвинулись къ столу, лица оживились, послышался шепотъ: «глянь, братцы, всю землю нашу привезъ; поглядико-сь, ребята, планты наши тутъ»...

— Вы за 450 десятинъ платите?—спрашиваю.

— Точно такъ, за 450,—отвѣчаетъ нѣсколько голосовъ.

— Только, ваше вскородіе, у насъ этой земли нѣтъ,—замѣчаетъ кто-то изъ толпы.

— Это вѣрно, ваше вскородіе, — подтверждаютъ другіе,—у насъ земли не хватаетъ...

— Какъ такъ не хватаетъ? Гдѣ же она?

— Отрѣзана отъ насъ...

— Ну, сейчасъ увидимъ.

И я началъ подробно вычислять площадь общиннаго владѣнія.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что насколько трудно добиться какихъ-либо свѣдѣній объ общемъ размѣрѣ земли у крестьянъ четвертного права, владѣющихъ землею подворно, настолько легко у общинниковъ, знающихъ всю принадлежащую общинѣ землю, какъ свои пять пальцевъ. Если попадется толковая община, то любо слушать, какъ она сообщаетъ детальнѣйшія подробности о каждомъ клочкѣ владѣнія. Особенно прекрасно знаютъ распашную землю, дѣлежъ которой иногда доходитъ до виртуозности.

Къ моему удовольствію, изъ первыхъ же словъ нѣкоторыхъ общинниковъ я убѣдился, что община толковая, свѣдѣнія будутъ хорошія, и потому охотно принялся за кропотливое дѣло вычисленія земель деревни N.

Безъ запинки сообщили мнѣ крестьяне, сколько

у нихъ приходится сажень на душу въ каждомъ полѣ, а также число и размѣръ загоновъ. Проставивъ пашню, перехожу къ покосамъ.

— По плану у васъ числится пятьдесятъ десятинъ покоса...

— Пятьдесятъ десятинъ!..

— Да, а по-вашему сколько же?

— По-нашему, ваше вскородіе, ничего нѣтъ: можете у кого угодно спросить...

— То-есть какъ? Вы вовсе нигдѣ не косите?

— А ни Б-же мой!

— Куда же покось дѣлся?

— Не можемъ знать, ваше вскородіе!..

— И никогда не косили?

— Старики бають, что на старомъ мѣстѣ кашивали.

— На какомъ «старомъ мѣстѣ»?

— Насъ сюда выгнали: мы при барынѣ за версту отсюда жили.

— Почему же васъ выгнали?

— Такъ, взяли да и согнали со стараго мѣста, какъ волю-то давали... Не дай Богъ, чтò здѣсь было! Солдаты здѣсь были, жандармы... Рота солдатъ насъ порола — во - какъ! Избы наши разобрали, и три волости сюда ихъ возили... Все поломали, порастаскали, и годъ строенія здѣсь валялись, а мы на старомъ мѣстѣ года два по квартирамъ жили... На войнѣ того не было, чтò здѣсь было... Цѣлую недѣлю на барщину гоняли...

— Позвольте, какъ же здѣсь на планѣ сказано, что у васъ пятьдесятъ десятинъ покоса, и вотъ онъ нарисованъ—смотрите!

Я указалъ пальцемъ на планъ на длинную зеленую полосу, проведенную отъ самой усадьбы до крайнихъ предѣловъ вытянувшейся холстомъ пашни. Крестьяне еще ближе придвинулись къ столу и съ величайшимъ вниманіемъ смотрѣли на зеленую полосу. Послѣ нѣкотораго молчанія, вдругъ нѣсколько голосовъ разомъ произнесли:

— Ребята! да это наши провалья!

— Какія «провалья»?

— Да такія, что мы и скотину туда не пускаемъ, потому, ежели провалится, тамъ ей и конецъ!..

— Овраги, значитъ?

— Да такія провалья, что не дай Богъ! Ежели ваше вскородіе желаете, мы васъ провеземъ туда... Вы куда отсюда ѣхать изволите?

Я назвалъ слѣдующую деревню.

— Ну, ладно, тутъ небольшой своротъ—мы васъ провеземъ какъ разъ возлѣ нашихъ покосовъ—увидите, каковы они есть...

— Хорошо, я посмотрю... Ну - те, а лѣсъ у васъ есть? По плану его значится 39 десятинъ...

— Лѣсу-то?!

— Да...

Общинники изумленно посмотрѣли другъ на друга.

— Неужели и лѣсу нѣтъ?

— Ваше вскородіе! у насъ ребятъ выдрать нечѣмъ, а не то, чтобы лѣсъ... Кнутовища не изъ чего сдѣлать...

— Но вотъ, смотрите...

И я опять провелъ на планѣ пальцемъ по свѣтло-зеленому мѣсту съ крупными темно-зелеными пятнами,

обозначающими деревья, словомъ, показалъ, гдѣ значится лѣсъ.

— А-а! Знаемъ, знаемъ! Это старики вамъ расскажутъ... Дядя Семень, а дядя Семень! Иди-ка сюда!

Толпа разступилась, а къ столу подошелъ сѣдой, какъ лунь, сгорбленный старикъ съ громадною палкою, на которую онъ опирался.

— Дядя Семень! Расскажи-ка барину о нашемъ лѣсѣ...

— О лѣсѣ? — переспросилъ дрожащимъ голосомъ старикъ.

— Да, о лѣсѣ...

— Вишь, баринъ милый, — началъ старикъ, — какъ землю нарѣзали, точно лѣсъ былъ и хор-рошій лѣсъ, только баринъ его срубилъ и выкорчевалъ, а мы потомъ мѣсто это распахали...

— Такъ что у васъ ни одного дерева, что называется, нѣтъ?

— Ни-ни!

Чтобы не повторяться, здѣсь же скажу, что, осмотрѣвъ мѣста, на которыхъ по плану находились покосъ и лѣсъ, я убѣдился, что крестьяне были совершенно правы: ни покоса, ни лѣса у нихъ дѣйствительно не было. Впервые явленіе это поразило меня, но затѣмъ я пересталъ удивляться, такъ какъ, оказалось, документальныя данныя весьма часто не имѣли ничего общаго съ дѣйствительностью.

Для подтвержденія этого въ высшей степени важнаго факта, о которомъ ниже мы еще скажемъ нѣсколько словъ, привожу цифровыя, мною лично собранныя, данныя по одному изъ степныхъ уѣздовъ. Беру первыя попавшіяся селенія, означая ихъ буквами:

Селенія:	А.		Б.		В.		Г.		Д.		Е.	
	По документамъ.	По мѣстному изслѣдованію.	По документамъ.	По мѣстному изслѣдованію.	По документамъ.	По мѣстному изслѣдованію.	По документамъ.	По мѣстному изслѣдованію.	По документамъ.	По мѣстному изслѣдованію.	По документамъ.	По мѣстному изслѣдованію.
Покося (десят.).	18,6	0	12,5	0	29,6	0	90,6	45	15	0	29	0
Лѣса (десят.).	—	—	—	—	—	—	30,9	0	24,1	1,5	23,7	16 (кустар.).

Полагаю, что цифры эти не требуютъ комментаріевъ, а потому перехожу къ дальнѣшему изложенію опроса.

Отсутствіе покоса, лѣса и кустарника до нельзя упрощало работу выясненія размѣровъ землевладѣнія деревни N, такъ какъ, повторяю, количество распашной земли они знали до мельчайшихъ подробностей. Но, увы, довольно долго провозившись, вычисляя отдѣльно величину клиновъ сначала по величинѣ душевого владѣнія въ каждомъ изъ нихъ, а потомъ по загонамъ, опредѣливъ площадь огородовъ, конопляниковъ, мѣсть подъ постройками и выгонъ, я не досчитался значительнаго количества десятинъ. Вступивъ опять въ бесѣду по поводу этого обстоятельства, я убѣдился, что часть недостающихъ десятинъ представляла землю неудобную, а часть дѣйствительно была отрѣзана отъ крестьянъ при размежеваніяхъ частныхъ владѣльцевъ.

Какъ и отсутствіе значившихся по плану угодій, громадное количество неудобной земли, которой, по документамъ, обозначено не было, а также несоотвѣтствіе дѣйствительнаго количества земли съ такимъ по планамъ, привели меня въ изумленіе, и я ду-

малъ, что или крестьяне невѣрно показываютъ, или я ошибаюсь въ вычисленіяхъ, тѣмъ болѣе, что опредѣленіе площади «провальевъ» — адская работа! Какъ я уже сказалъ, распашную землю при общественномъ владѣніи выяснить не трудно; не такъ легко опредѣляются покосы, имѣющіе самую прихотливую форму, и дѣлежъ которыхъ производится не землею, а продуктами этого угодыя; но все же, если нельзя добиться опредѣленія покоса въ десятинахъ, можно кое-какъ выяснить размѣръ его по укусу; но что дѣлать съ оврагами, съ «провальями», которые не утилизируются въ хозяйственномъ отношеніи и иной разъ развѣтвляются, словно дерево, по пашнямъ и лугамъ? А между тѣмъ не выяснить площади ихъ, значитъ нерѣдко заставить крестьянъ платить за землю, которою они не только не пользуются, но которая приноситъ безусловный вредъ въ хозяйственномъ отношеніи. «Съ развитіемъ сѣти овраговъ — говоритъ проф. В. В. Докучаевъ — увеличивается испаряющая поверхность данной мѣстности; весеннія и дождевыя воды гораздо быстрѣе стекаютъ со степи въ низины, вслѣдствіе чего уменьшается количество поступающей въ почву влаги; а это должно вызывать неизбѣжно пониженіе грунтовыхъ водъ. Благодаря той же причинѣ, тѣми же оврагами сносится со степи масса плодородной земли, засоряются источники и забиваются пескомъ и иломъ рѣки и озера».

Такихъ «провальевъ» среди земель деревни N оказывалось очень много, а по плану, повторяю, ихъ не числилось.

Дальнѣйшее изслѣдованіе степи убѣдило меня, что и развитіе овраговъ на счетъ удобныхъ земель, и недочеты въ крестьянскихъ владѣніяхъ, благодаря «недо-

мѣрамъ» или «отрѣзамъ»—явленія не рѣдкія, и, чтобы не говорить объ этомъ больше, здѣсь же приведу нѣкоторыя цифровыя данныя.

Въ одномъ селеніи, въ которомъ по документамъ числилось 9 дес. неудобной земли, таковой на самомъ дѣлѣ оказалось 31 дес., въ другой по документамъ 8,9 дес., а въ дѣйствительности 30 дес., въ третьей по документамъ вовсе не значилось неудобныхъ земель, а по мѣстному изслѣдованію найдено около 30 дес. «Отрѣзки» оказались также далеко не исключеніемъ: въ одномъ селеніи изъ 42 д. крестьянскихъ земель не хватало 6 дес., въ другомъ изъ 75 дес. недоставало 17 дес., въ третьемъ изъ 338 дес. не досчитывалось 18 дес., въ четвертомъ изъ 392 дес. не было 66 десятинъ и т. д.

Остановимся на изложенныхъ фактахъ. Кому неизвѣстно, что крестьянскій надѣлъ очень невеликъ, что населеніе страшно нуждается въ землѣ. Но оказывается, что общеизвѣстныя данныя далеко не рисуютъ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ, если ближе присмотрѣться къ крестьянскому землевладѣнію, количество удобной земли у крестьянъ на значительный % меньше, чѣмъ мы думаемъ, а качество ея много ниже предполагаемаго. Итакъ, извѣстно, что мало у крестьянъ покосовъ и лѣсовъ, но въ дѣйствительности ихъ далеко меньше, потому что документы нерѣдко отражаютъ лишь былыя данныя, не имѣя ничего общаго съ настоящимъ; и такъ извѣстно, что у крестьянъ земли мало, но къ этому надо еще прибавить, что часть неудобныхъ земель отнесена къ удобнымъ и немало удобныхъ превращено въ неудобныя. Но этого мало—крестьяне нерѣдко платятъ за то количество

земли, какимъ въ дѣйствительности не владѣютъ, причемъ помимо «отрѣзокъ», судиться за каковыя трудно и дорого; бываетъ, что и документальныя данныя, доказывающія отсутствіе земельного владѣнія, не избавляютъ иногда отъ платы за всю площадь, положенную въ окладѣ. Такъ, въ одномъ селеніи кулаки-кабатчики, за какія-то темныя ссуды крестьянамъ подъ векселя, забрали изъ 111 десятинъ 42, такъ что у крестьянъ осталось всего 69 десятинъ, а и до сихъ поръ они платятъ за 111 десятинъ.

Послѣ всего сказаннаго, врядъ ли можно оспаривать крайнюю необходимость точной провѣрки крестьянскаго землепользованія при оцѣнкѣ имуществъ, принадлежащихъ обложенію земскими сборами, и мы полагаемъ, что такая провѣрка обязательно должна быть произведена на мѣстахъ, въ противномъ же случаѣ не будутъ выяснены измѣненія въ крестьянскомъ землеуладѣніи, что при оцѣнкѣ очень тяжело отразится на сельскомъ населеніи, не говоря уже о томъ, что вѣчно будутъ получаться «недоразумѣнія», благодаря несоотвѣтствію данныхъ съ дѣйствительностью, какія и мнѣ приходилось слышать. Напримѣръ, одинъ становой приставъ, характеризуя деревню, которую я долженъ былъ изслѣдовать, говорилъ: «Тамъ большіе мерзавцы живутъ; при собираніи податей—бѣда съ ними: состроятъ лазаря и клянутся-божатся, что у нихъ ничего нѣтъ, потому, молъ, что хлѣбъ не уродился. А между тѣмъ у нихъ есть покосы, лѣсъ—могли бы, каналы, быть исправны». По изслѣдованію же на мѣстѣ оказалось, что у «мерзавцевъ» дѣйствительно ничего не было, ибо земля плоха, и ея мало, а покосы и лѣса красовались лишь на планѣ и значились лишь въ до-

кументахъ, на самомъ же дѣлѣ нѣкогда бывшія небольшія лужайки среди полей давнымъ давно были распаханы, а подъ именемъ «лѣса» по оврагамъ скрывался корявый орѣшникъ, по которому ходилъ скотъ, такъ какъ другого выгона не было *).

Ничтожный размѣръ владѣній Н-ской общины, соединенный съ вышеизложенными количественными и качественными недочетами, невольно вызывалъ вопросъ о средствахъ къ существованію; поэтому, выяснивъ земельную площадь, я предложилъ вопросъ о промыслахъ и заработкахъ.

— Кромѣ земли, ничѣмъ больше не занимаетесь?

— Ничѣмъ, ваше вскородіе, только кружимся...

— Что это значитъ «кружимся»?

— Круги беремъ за отработки, значитъ: одна озимая десятина, да одна яровая—вотъ и кругъ.

— Много берете за кругъ?

— Двѣнадцать рублей полная обработка и уборка, да должны вывезти 30 возовъ навозу барину.

— А если бы вы каждую работу брали отдѣльно,—тогда «кругъ» обошелся бы столько же?

— Что вы, баринъ! Кабы за каждую работу отдѣльный платежъ—это бы жить можно!

— Ну, считайте въ отдѣльности.

— Ладно, пишите:

*) Несомнѣнно такого же рода «недоразумѣніями» объясняется и знаменитый, въ свое время опубликованный, циркуляръ тамбовскаго губернатора къ земскимъ начальникамъ о взиманіи платежей.

- 1) Первый разъ вспахать кругъ на парѣ лошадей = 4 дня = 4 р. — к.
- 2) Передвоить на парѣ лошадей . . . = 3 » = 2 » 25 »
- 3) Посѣять на парѣ лошадей = 3 » = 2 » 25 »
- 4) Скосить кругъ въ одну косу. . . . = 4 » = 4 » — »
- 5) Связать кругъ одной бабѣ = 4 » = 2 » — »
- 6) Свозить и сложить кругъ на 1 лош. = 3 » = 3 » — »
- 7) Покрыть (1 мужч. и 1 женщ.) . . . = 1 день = — » 50 »
- 8) 30 возовъ навоза возить на 1 лош. . = 2 дня = 1 » 50 »

Сколько выходитъ?

— Работы выходитъ 24 дня, а денегъ 19 р. 50 к.

— Вотъ видите?.. А мы беремъ 12 р.!

— А на отдѣльныя работы не нанимаютъ?

— Ни Боже мой! и круги-то теперь не всегда получишь... Вотъ подъ городомъ господъ арестантовъ берутъ, солдатъ нанимаютъ—эти еще дешевле берутъ... Зарботки наши, ваше вскородіе, никчемные,—такъ только одно слово кружимся, а остается самая малость, да и та на подать идетъ.

Я нарочно подробно остановился на «кругахъ», во-первыхъ, потому, что значительное, если не подавляющее, количество частновладѣльческихъ земель въ степяхъ обрабатывается крестьянами «кругами», во-вторыхъ, чтобы отчасти уже выяснить современную злобу дня, именно жалобы владѣльцевъ на дороговизну обработки земли, вслѣдствіе чего хозяйничать приходится «въ убытокъ». Предоставляю судить читателямъ—дорого или дешево вполне обработать и убрать двѣ десятины за 12 р., при чемъ за эту же сумму вывезти и 30 возовъ навоза? Такимъ образомъ, по словамъ крестьянъ, ихъ зарботки нисколько не скрашивали ничтожности земельного надѣла. Начинаю выпытывать, какіе же еще имѣются у нихъ доходы или

виды въ будущемъ, и, между прочимъ, спрашиваю: не было ли переселеній на вольныя земли?

«Вольныя земли», оказалось, главная мечта деревни N. Только-что спросилъ я о переселеніяхъ, какъ рѣчи рѣкою полились.

— Мы, ваше вскородіе, прошеніе подавали, чтобы либо всѣхъ насъ отсюда выселили, либо по жеребію, на кого, то-есть, выпадетъ, мы спорить не будемъ: на кого жребій падетъ—уйдемъ, потому тѣснота здѣсь безпримѣрная.

— А кто-нибудь изъ вашихъ уже переселялся?

— Да, вотъ, тутъ есть...

— Какъ тутъ?

— Назадъ пришли... Гаврило, Дементій,—подька сюда!

Толпа разступилась, и къ столу продвинулись два оборванныхъ, несчастныхъ мужиченка и низко мнѣ поклонились.

— Вы на вольныя земли уходили?

— Точно такъ, ваше вскородіе...

— Почему же вы возвратились?

— Не принимаютъ тамъ: насъ тамъ не любятъ, приписки не даютъ менѣе какъ за 20 цѣлковыхъ съ головы...

— Далеко же вы ходили?

— Далеко,—до Анисея-рѣки доходили,—нигдѣ не принимаютъ... Нельзя ли, ваше вскородіе, чтобы принимали? Потому, какъ мы теперича разоримши, намъ жить никакъ невозможно...

— Что же вы прямо такъ и ушли, ничего не разувъ?

— Ваше вскородіе! Жизнь здѣсь наша такая, что, кажется, въ гробъ бы полѣзъ... Не дай Богъ!...

И пошли жалобы всего міра на свое житье-бытье... Топлива нѣтъ; воды тоже нѣтъ; зимою за версту за водою ѣздить «напрямикъ», а лѣтомъ—въ объѣздъ—за три версты, скотинѣ даже пить нечего; вслѣдствіе нестачи соломы, топятъ нерѣдко навозомъ, а потому на поля возить нечего; заработки плохи... Просто всю душу вымотали жалобами,—жалобами искренними, исходившими изъ глубины души.

Словно камень съ души свалился, когда я, заполнивъ бланкъ, объявилъ собравшимся, что они могутъ уходить домой. Утомленные опросомъ крестьяне быстро очистили «теплушечку», за исключеніемъ одного человѣка, который, когда изба опустѣла, приблизился ко мнѣ и полушепотомъ спросилъ: «ваше вскородіе, а какъ мнѣ быть на счетъ кондраковъ?»

— Какихъ «кондраковъ»?

— Кондраки, значитъ, у меня есть...

— Да что такое «кондраки»?..

— Прикажете показать?..

— Покажите...

И крестьянинъ вытащилъ изъ-за пазухи цѣлый свертокъ бумагъ. Это все, оказалось, были контракты, заключенные съ крестьянами на землю. Нетрудно было догадаться, что передо мною стоялъ кулакъ-общинникъ, стремившійся, при посредствѣ контрактовъ, которые онъ называлъ «кондраками», воспользоваться бѣдствіями своихъ односельчанъ, чтобы, при случаѣ, захватить

земли. Я отвѣтилъ, что контракты меня не касаются, и кулакъ, низко поклонившись, ушелъ.

Наконецъ я остался одинъ. Понять прелесть этого уединенія можетъ только тотъ, кто въ теченіе семи—восьми часовъ, не разгибая спины, въ удушливой, зловонной атмосферѣ выслушивалъ и заносилъ на бумагу жалобы народа на обиды, нищету, безвыходность положенія, сознавая въ то же время, что ничѣмъ горю этому помочь онъ не можетъ.

Отворивъ настежь дверь, чтобы хоть немного провентилировать «теплушечку», я вышелъ на улицу подышать чистымъ воздухомъ. Несмотря на раннюю, сравнительно, пору, — было около 3 часовъ пополудни — на дворѣ, вслѣдствіе мрачныхъ густыхъ тучъ и дождя, уже наступили сумерки; поэтому я рѣшилъ сегодня уже никуда не ѣхать, а заночевать въ N, чтобы какъ слѣдуетъ отдохнуть, такъ какъ очень мало спалъ въ предыдущую ночь.

Возвратившись въ «теплушечку», я засталъ уже тамъ шипящій самоваръ, производящій прекрасное впечатлѣніе въ холодный осенній вечеръ. Я зажегъ свѣчу, заварилъ чай и съ удовольствіемъ приступилъ къ подкрѣпленію силъ городскими закусками. Однако мое буржуазное настроеніе весьма быстро было нарушено, во-первыхъ, мышами, весьма нахально шнырявшими не только по полу, но и по скамейкѣ, сидя на которой я предавался кейфу, а во-вторыхъ, «задумчивыми тараканами и бойкими пруссаками», какъ характеризовалъ этихъ насѣкомыхъ И. С. Тургеневъ. Вошедшая хозяйка на вопросъ мой, много ли въ избѣ таракановъ, отвѣтила: «у насъ, батюшка, сыпной тараканъ». Сказала она это такимъ тономъ, что мнѣ по-

казалось, будто Дарья успокаиваетъ, хвалить своихъ таракановъ за мирное ихъ направлѣніе. Скоро, однако, я убѣдился, что опредѣленіе хозяйки надо было понимать буквально, такъ какъ оно было безусловно вѣрно, совершенно точно. Когда я, напившись чаю, затушилъ свѣчу и улегся спать, на меня тотчасъ дождемъ посыпались тараканы. Какъ ужаленный, схватился я со своего незатѣйливаго ложа и когда зажегъ свѣчу, то остолбенѣлъ отъ невиданнаго явленія: вся моя постель представляла сплошное темное движущееся пятно, а съ потолка продолжали сыпаться безчисленные количества таракановъ; стряхнувъ съ большими усиліями съ себя сотни этихъ отвратительныхъ насѣкомыхъ, я скорѣе надѣлъ шапку и приподнялъ воротникъ куртки, такъ какъ паденіе на голову не прекращалось; стѣны не менѣе потолка сплошною массою были укрыты насѣкомыми, причемъ, присмотрѣвшись, я увидѣлъ, что, помимо пруссаковъ и таракановъ, составлявшихъ подавляющее количество, на стѣнахъ ползали еще среди таракановъ клопы, мокрицы и т. п. О снѣ, конечно, нечего было помышлять, и я принялся, пугая мышей, шагать изъ угла въ уголъ, не предвидя конца этому времяпровожденію, такъ какъ карманные часы показывали всего 8 часовъ вечера! Къ счастью моему, хозяйка не спала и, услышавъ мои шаги, пришла въ «теплушечку».

— Какъ вы можете жить въ такой избѣ?— спрашиваю.

— А тамъ у насъ еще хуже...

— Гдѣ?

— А гдѣ мы спимъ.

— Какъ же вы живете?

— Не дай Богъ наше житье!.. Привыкаемъ... Ребята-то лѣтъ до трехъ кричатъ отъ этихъ анафемовъ (она указала на насѣкомыхъ), а тамъ привыкаютъ... Вонъ, слышь, маленькій кричить: идите-ка, гляньте, чтò тамъ дѣется...

Взявъ свѣчу, я отправился за хозяйкою въ другую половину избы безъ «теплушечки». Когда я заглянулъ въ люльку, то просто отшатнулся: несчастный малютка лежалъ въ насѣкомыхъ, какъ въ сѣнѣ, былъ обсыпанъ тараканами, которые лѣзли въ ротъ, въ уши, и безпомощный страдалецъ отбивался маленькими ручонками.

— И вы ничего не дѣлаете, чтобы уничтожить таракановъ?—спрашиваю Дарью.

— Все, батюшка, дѣлали: и бѣлаго таракана за ногу тащили, и знахарокъ приводили, и святою водою кропили—ничего не помогаетъ! Да и не у насъ однихъ они, проклятые, — вездѣ, дьяволы!.. Что же, вы такъ всю ночь и не будете спать?

— Не могу...

— Ахъ, грѣхъ тяжкій!.. Что же мнѣ съ вами дѣлать?... Можетъ, въ телѣгу пойдете спать, подъ навѣсъ?

— А гдѣ этотъ навѣсъ?

— А вотъ черезъ дорогу... Онъ плохенькій, да, можетъ, не протекаетъ...

Я забралъ свою постель и, въ сопровожденіи Дарьи, отправился по глубокой грязи къ телѣгѣ. Тьма была жестокая, и лилъ дождь, такъ что мы ощупью искали импровизированную кровать. Къ счастью, телѣга дѣйствительно была суха, и я съ большимъ удовольствіемъ улегся въ ней, укрывшись отъ холода всѣмъ,

что только у меня было. Дарья пожелала мнѣ спокойной ночи и ушла...

Наступила мертвая тишина, нарушаемая лишь шумомъ дождя. Вдругъ далеко-далеко послышался свистокъ паровоза, затѣмъ шумъ поѣзда... Вотъ онъ ближе и ближе... Я приподнялся и по направленію шума началъ всматриваться въ непроницаемую тьму. Черезъ нѣкоторое время блеснулъ огонекъ и скрылся, потомъ онъ опять показался и уже не исчезалъ, увеличиваясь все больше и больше, наконецъ, показился и весь освѣщенный поѣздъ и, молодецки свистнувъ, умчался... и опять наступила тьма...

О, какъ больно сжалось мое сердце отъ этой картины! Какъ близокъ мнѣ былъ этотъ поѣздъ съ его тепломъ, свѣтомъ, быстротою, а главное—онъ близокъ былъ мнѣ, какъ представитель культуры, цивилизаціи, какъ сблизитель всего человѣчества... Сядешь въ него—и весь міръ въ твоёмъ распоряженіи, куда хочешь, туда и ѣдешь... И какъ далека была отъ меня вотъ эта «родная», мертвая, глухая деревня... Словно въ гробу чувствовалъ я себя, лежа въ «родной» телѣгѣ, представительницѣ нашей «самобытной» культуры... Куда уѣдешь на этой телѣгѣ?! Нѣтъ, я не могу, не въ силахъ любить теперь деревню, какъ она есть!.. Я ее люблю, когда она породнится со мною при посредствѣ культуры...

«Но чѣмъ же виновата эта несчастная деревня?—говорилъ во мнѣ другой голосъ.—Развѣ не деревня дѣлала эту дорогу, развѣ не она копала землю, устраивала полотно, прокладывала рельсы? А ты, восполь-

зовавшись трудомъ этой деревни, презираешь ее, забывая еще и то, что самое образованіе ты получилъ, благодаря той же деревнѣ, которая въ то время, какъ ты занимался науками, развивался, работала, чтобы дать тебѣ досугъ... Ты всѣмъ своимъ существованіемъ обязанъ этой деревнѣ,—отдай же ей хотя частицу того, что она тебѣ дала, а не презирай, не кори ее»... И, какъ живыя, предстали предо мною сегодня опрашиваемыя мною лица,—лица, обремененныя нуждою, трудомъ, темные, забытые люди, просящіе объ одномъ, чтобы имъ дали возможность существовать при самыхъ элементарныхъ требованіяхъ. И жалко мнѣ сдѣлалось этой деревни, и больно за нее... Съ этими мыслями всю ночь провалялся я въ телѣгѣ и только на зарѣ немного уснулъ, а проснувшись, напился чаю и отправился отъ деревни къ деревнѣ колесить грязную степь...

„Мужицкіи господа“.

Долго не забуду я осени 189... года.

Благодаря нелѣпо сложившимся обстоятельствамъ, на мою долю въ эту осень выпало обслѣдовать ни болѣе ни менѣе какъ полъ-уѣзда одной изъ центральныхъ губерній. Положимъ, работы были повторно-дополнительныя, тѣмъ не менѣе пришлось хотя кратко опросить каждую общину, лично посѣтить подавляющее большинство селеній семи волостей. И, какъ нарочно, среди послѣднихъ преобладали населенныя бывшими помѣщичьими крестьянами, отличались рѣдкою бѣдностью и поразительнымъ, мертвящимъ однообразіемъ. Къ концу, кажется, четвертой волости народъ уже представлялся мнѣ сплошною нераздѣльною массою, такъ что при всѣхъ усиліяхъ я не могъ вызвать въ своемъ воображеніи какого-либо отдѣльнаго лица, выдающагося изъ толпы; точно такъ же трудно было отличить и селенія. Нерѣдко случалось, что, колеся по всѣмъ направленіямъ, проѣзжаешь вторично деревню, которую посѣтилъ четыре-пять часовъ тому назадъ, и не узнаешь.

— Какая деревня? — спрашиваешь у дремлющаго возницы.

— Недыхайловка,—положимъ,—отвѣтитъ онъ.

— Это та, что утромъ въ ней были?

— Она самая.

Всматриваешься, всматриваешься, чтобы найти хотя какую-нибудь индивидуальную черту, отличающую эту Недыхайловку отъ Сѣнодраловки, что ли, и ничего не находишь...

Объ окрестностяхъ и говорить нечего: онѣ были до того однообразны, что терялось ощущение движенія, казалось, что стоишь на одномъ мѣстѣ, а деревни по безконечному ремню приближаются къ тебѣ сами собою.

Въ состояніи полной апатіи отъ такого рода впечатлѣній однажды подъ вечеръ подъѣзжалъ я къ селенію, въ которомъ, вслѣдствіе поздняго времени, приходилось заночевать.

— Какая это деревня? — задаю обычный вопросъ возницѣ.

— Палавецкая,—мычитъ онъ подъ носъ.

— Помѣщикъ въ ней есть?

— Тутъ усѣ помѣщики.

— А крестьянъ вовсе нѣтъ?

— Тутъ «мужицкіи господа» проживаютъ...

И впервые возница изобразилъ нѣчто въ родѣ иронической улыбки.

— «Мужицкіе господа?» Кто же они такіе? Что это значить «мужицкіе господа?»

— А то и значить, что дворяне, то-есть они настоящіе, и земля у нихъ дворянская, а ходятъ, какъ и мы, мужики, въ лаптяхъ, да свитахъ и жрутъ капусту да квасъ.

Я оживился: наконецъ, разнообразіе! Это, несо-

мнѣнно, знаменитые «четвертники», о которыхъ давно слышалъ, но ни разу не пришлось близко познакомиться съ ними.

Желая получить подтвержденіе своихъ предположеній, продолжаю допросъ.

— Не слыхали: «мужицкіе господа» не прозываются ли четвертниками?

— Они самые—четвертныхъ правовъ.

— А не знаете: почему деревня «Половецкою» прозывается?

— Тутъ усе Палавецкія, какъ, знацца, зачались съ первава двора, такъ—гэ-э-ть! до самава послѣднява усе Палавецкіи и Палавецкіи, другихъ тутъ нѣтъ никаво.

— Старинная деревня?

— И-и, не дай Бохъ!.. То-есть во-кака старинная! Бають, у нихъ и хрисьяне въ крѣпостяхъ были, какъ вотъ и у настоящихъ господъ.

Теперь не оставалось сомнѣнія, что мнѣ придется имѣть дѣло съ любопытнѣйшимъ разрядомъ крестьянъ, владѣющихъ землею подворно. Сравнить эту форму съ общинною, сопоставить бытъ и экономическія условія подворщиковъ съ общинниками—давно составляло мою завѣтную мечту. Желаніе поскорѣе очутиться среди четвертниковъ превратило везіую меня сѣрую старую кобылу въ моего личного врага. Не раздѣляя моихъ стремленій, она, поджавъ хвостъ, съежившись отъ дождя и холода, еле вытаскивала ноги изъ глубокой грязи и на каждомъ шагу проявляла намѣреніе вовсе остановиться, каковое намѣреніе не исполняла лишь благодаря сердитому рычанію возницы, сопровождавшемуся сильнымъ подергиваніемъ веревочныхъ вожжей и ударами хворостиною.

Отъ нечего дѣлать предаюся размышленіямъ о далекомъ прошломъ, вызвавшемъ среди многихъ другихъ и возникновеніе вотъ этой деревни.

Много лѣтъ тому назадъ Половецкая, несомнѣнно, была пограничнымъ сторожевымъ пунктомъ. Какъ и теперь, вокругъ нея тянулась вотъ эта безграничная овражистая степь. Она служила основнымъ фондомъ, при посредствѣ котораго небогатая и скупая Москва расплачивалась со служилыми людьми за охраненіе границъ. Вѣроятно, намекая на этотъ періодъ, знаменитый ярославскій депутатъ, князь Щербатовъ, въ комиссіи 1767 года восклицалъ: «кто же въ гибели твоей, Россія, подаль тебѣ руку помощи? То—вѣрныя твои чада, древніе російскіе дворяне! Они, оставя все и жертвуя своею жизнію — они тебя освободили отъ чуждаго ига, они пріобрѣли тебѣ прежнюю вольность». По этому поводу Романовичъ-Славатинскій замѣчаетъ: «дворяне лили кровь, или, точнѣе сказать, командовали тѣми, которые проливали эту кровь...» А Устряловъ говоритъ: «они большую часть года проживали въ деревняхъ и дворахъ, разсѣянныхъ по волостямъ и станамъ, хлопоча болѣе о насущномъ хлѣбѣ, о домашнемъ хозяйствѣ, о прокормленіи себя и семейства, чѣмъ о военной службѣ: карабинъ и сабля спокойно по цѣлымъ мѣсяцамъ висѣли на стѣнѣ, покрываясь ржавчиною, а воинъ-помѣщикъ возился съ сохою, мололъ муку или ѣздилъ по ярмаркамъ и торговалъ, чѣмъ могъ».

И судя по строжайшимъ приказамъ Москвы, по детальнѣйшей регламентаціи обязанностей защитниковъ отечества, идея государства по меньшей мѣрѣ ихъ мало интересовала, а самопожертвованіе въ пользу

Россіи являлось лишь результатомъ сильнѣйшихъ воздѣйствій со стороны властей предрежащихъ.

«А которые сторожи — говорится въ одномъ изъ приказовъ, приводимыхъ историкомъ Соловьевымъ, — не дождавшись смѣны, съ сторожи сойдутъ, и въ то время государевымъ украинамъ учинится война: тѣмъ сторожамъ отъ государя быть казненнымъ смертию. Если воеводы или головы пошлутъ кого наблюдать за станичными и сторожами на урочищахъ и на сторожахъ, и посланные найдутъ, что они стоятъ небрежно и неусторожливо и до урочищъ не доѣзжаютъ, то хотя бы приходу воинскихъ людей и не ждали, тѣхъ станичниковъ и сторожей за то бить кнутомъ». И не только опасалась Москва надувательствъ со стороны дворянъ, дѣтей боярскихъ и служилыхъ людей, но и боялась, что въ дикомъ полѣ такіе порядки создадутся, что сдѣлается немыслимою правильная охрана государства. «А если по вѣстямъ которые дѣти боярскіе или ихъ жены и дѣти и неслужилые дѣти боярскіе и вдовы и недоросли въ городъ въ осаду не пріѣдутъ, и возьмутъ ихъ въ плѣнъ татары, тѣмъ дѣтямъ боярскимъ выкупаться самимъ же, изъ государевой казны выкупу и обмѣну имъ не будетъ: бирючамъ о томъ кликать по нѣскольку дней. Если не послушаются, въ осаду не пойдутъ, то велѣтъ ихъ сажать въ тюрьму на время, а у вдовъ брать дѣтей и людей и сажать въ тюрьму, а выпустивъ изъ тюрьмы, давать на крѣпкія поруки, чтобы къ сроку переѣхали въ городъ; если же не послушаются, то бить батогами и сажать въ тюрьму, а выпустивъ изъ тюрьмы, давать на крѣпкія поруки, чтобы къ сроку переѣхали въ городъ; если же не послушаются, то бить батогами и

сажать въ тюрьму, а у вдовъ брать людей ихъ, бить кнутомъ и сажать въ тюрьму... А кормы свои и конскіе самимъ и ратнымъ людямъ въ уѣздахъ и по селамъ и деревнямъ велѣтъ покупать цѣною, какъ цѣна подыметъ, а грабежомъ и насильствомъ отнюдь ни у кого ничего не брать... Въ полкахъ по домамъ до срока не распускать, посуловъ и поминокъ за то ни у кого не брать; беречь накрѣпко, чтобъ отъ ратныхъ людей воровства, грабежу и убійства, татбы и разбою и другого никакого насильства не было, корчемъ и распутныхъ домовъ ратные люди не держали бы»...

Нравами дикаго поля, нужно полагать, объясняется и трудность опредѣлить величину «четверти», служившей мѣрою земли и давшей, вѣроятно, названіе «четвертникамъ». Если въ наше время явились возможными оренбургскія, уфимскія и всякія другія земельныя хищенія, то что же дѣлалось тогда въ степяхъ, лежавшихъ на окраинахъ государства московскаго? Представьте, что какому-либо боярскому сыну жаловались 100 «четей»; но кто же могъ услѣдить за точнымъ обмѣромъ именно такого числа «четей». Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что, когда стали приводить въ извѣстность земельныя имущества, «четы» «чети» оказалась не равна. И это, на нашъ взглядъ, очень понятно. Для наглядности назовемъ приведенныя «чети» десятинами. Въмѣсто ста десятинъ одинъ боярскій сынъ по глазомѣру отрѣзалъ себѣ, предположимъ, 200, а другой 300 десятинъ. Чтобы узнать размѣръ десятины, слѣдуетъ фактическую площадь, опредѣленную измѣреніемъ, раздѣлить на число десятинъ, записанныхъ въ книги: тогда десятина одного боярскаго сына будетъ равняться 4.800 кв. саженьмъ, а другого—7.200 кв. саж.

Такого рода исторія, несомнѣнно, и произошла съ «четвертями».

Что же осталось отъ далекаго прошлаго въ этой мирной деревнѣ? — думалъ я, глядя на разбросанныя по скату пригорка избушки: — во что превратились эти потомки «дворянъ», «дѣтей боярскихъ», «служилыхъ людей»? Съ внѣшней стороны бросалось въ глаза, что избы шли не въ рядъ, а какъ бы гнѣздами. Затѣмъ, возлѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ гнѣздъ виднѣлись жидкія, оголенные уже рощицы, небольшіе садики, придававшіе избамъ видъ усадебъ. На противоположномъ концѣ деревни чернѣлъ лѣсокъ; тамъ и сямъ какъ внутри, такъ и по окраинамъ селенія торчали ракитки. Вообще растительности виднѣлось столько, что, по сравненію съ общинными деревнями, нельзя было не обратить на нее вниманія. Останавливали взоръ также трубы и значительное число деревянныхъ крышъ, а въ двухъ мѣстахъ, на отлетѣ, немножко поодаль деревни, зеленѣли двѣ желѣзные крыши.

Быть можетъ, мнѣ и еще удалось бы замѣтить какую-либо отличительную черту селенія подворнаго владѣнія, если бы возница не прекратилъ моихъ наблюденій заявленіемъ о печальной дѣйствительности.

— Господинъ!—внезапно окликнулъ онъ меня.

— Ну?

— Кобыла, поди, до старосты не довезетъ...

— Почему?

— Потому... Вишь, задыхается...

— А до старосты далеко?

— На тымъ концу...

— Что же дѣлать?.. Куда-нибудь поближе заѣзжайте... Знаете кого-нибудь?

— Должно, придется везть къ Захару Васильевичу...

— Знаете его?

— Кабы не зналъ, не говорилъ бы...

— Изба у него хорошая?

— Ладно будетъ, просторно: только и живутъ, что старикъ да старуха... А я уже къ старостѣ утречкомъ сбѣгаю...

— Ну, вотъ и отлично... Захаръ Васильевичъ, значить, недалеко живетъ?

— Тутъ сейчасъ подъ бугорочкомъ... во-о-нъ евойнай садочикъ..

И возница ткнулъ кнутовищемъ въ темнѣвшее уже пространство.

Дѣйствительно, несмотря на все чаще и чаще повторявшіяся остановки кобылы, мы скоро очутились въ какихъ-то огородахъ, гдѣ на насъ напали громаднѣйшихъ размѣровъ псы, съ неистовымъ лаемъ сопровождавшіе до избы своего хозяина, расположенной среди небольшого сада, между деревьями котораго виднѣлось нѣсколько колодокъ пчелъ.

Вызванный церберами, на крыльцѣ насъ встрѣтилъ и самъ Захаръ Васильевичъ: высокій, худощавый, сгорбленный старикъ съ большою бѣлою, какъ лунь, бородою, съ длиннымъ носомъ, совершенно лысою головою и высокимъ открытымъ лбомъ.

— Здорово, Захаръ Васильевичъ!—крикнулъ возница.

— Здравствуй, Филиппъ! Откуда Богъ несетъ?

— Изъ разныхъ мѣстовъ...

— Можно у васъ заночевать?—спрашиваю я.

— Чего не можно—мѣсто есть.

Послѣ этого отвѣта я вылѣзъ изъ телѣги и, по указанію хозяина, направился въ горницу, а Захаръ Васильевичъ остался на крыльцѣ, несомнѣнно, для болѣе точныхъ справокъ у Филиппа о моей персонѣ.

Горница оказалась довольно большою и, сравнительно, высокою комнатою съ деревяннымъ болѣе чѣмъ грязнымъ поломъ, неоштукатуренными стѣнами, на которыхъ виднѣлась цѣлая масса почернѣвшихъ иконъ и запыленныхъ картинъ духовно-нравственнаго и патриотическаго содержанія. Наибольшими размѣрами выдавалась картина—«Прохожденіе человѣческой жизни». Въ правомъ дальнемъ углу подъ окнами стоялъ грязный, неуклюжій столъ, а у стѣнъ—скамейки.

Не успѣлъ я раздѣться, какъ въ горницу вошелъ Филиппъ съ вещами, а за нимъ Захаръ Васильевичъ и сухая сморщенная, какъ выжатый лимонъ, старуха. Последняя, молча поклонившись, приступила къ уборкѣ горницы. Были выметены цѣлые вороха сора, давно, повидимому, невыносившагося изъ избы; вытерта пыль, основательнымъ слоемъ залежавшая на всѣхъ предметахъ; съ трудомъ отчищено засиженное мухами и закоптѣлое стекло небольшой, прикрѣпленной къ потолку на дротикъ керосиновой лампочки, которая скоро тусклымъ свѣтомъ озарила комнату. Вслѣдъ за этимъ столъ былъ покрытъ собственнаго издѣлія тканю скатертью, а на немъ въ непродолжительномъ времени появился неистово клокотавшій и испускавшій пары громадный пузатый грязный самоваръ, нечищенный, нужно полагать, съ момента поступленія своего на службу къ Половецкимъ. Къ моей городской закускѣ старики присоединили свои яства: медъ, моченая и

свѣжія яблоки, соленые огурцы и яйца. Послѣ путешествія по невылазной грязи подѣ дѣйствіемъ холоднаго дождя, послѣ ночевокъ въ курныхъ избахъ обстановка горницы производила самое прекрасное впечатлѣніе, и я съ удовольствіемъ усѣлся за столъ, чтобы согрѣть себя незамѣнимымъ напиткомъ и подкрѣпиться неприхотливою пищею. Въ пиршествѣ приняли участіе Филиппъ и хозяева. За первыми же стаканами чая, который разливала старуха, началась у насъ и бесѣда.

— Много вамъ, дѣдушка, лѣтъ?—обратился я къ старику.

— А какъ хранцусъ въ Рассею приходилъ, мнѣ тогда десять годковъ было—вотъ и считайте.

— Ого! лѣтъ восемьдесятъ?

— Да, поди, наберется: старухѣ на Покрову семьдесятъ пять кончится, а она меня моложе.

— Лѣтъ на пятокъ моложе, — прошамкала старуха.

— Ну, такъ и есть восемьдесятъ. Вы все время въ Половецкой и прожили?

— Да такъ, поди что и все время.

— Деревня ваша старинная?

— И начала никто не помнитъ.

— А отецъ вашъ или, если помните, дѣдъ ничего вамъ о началѣ не говорили?

— Какъ не говорили...

— Чтó же они вамъ говорили?

— Баютъ, перво-на-перво здѣсь одинъ только дворъ былъ, а въ немъ жилъ первый Половецкій—Назаромъ прозывался, а жена его Василисою. Отъ Назара и всѣ мы пошли—дѣдъ онъ нашъ былъ.

— А Назаръ какимъ образомъ здѣсь поселился?

— Въ тѣ поры земля еще не продавалась и не покупалась, а грамота была отъ государя-батюшки.

— Гдѣ же эта грамота?

— У Тереха Радивоныча сохраняется.

— Кто это Терехъ Родіоновичъ?

— Тоже Половецкій.

— Что же въ этой грамотѣ говорится?

— Люди мы темные, читать ее не читали, а древніе старики говорили, что Назару и роду его вѣковѣчное дворянство дано и земля въ придачу, чтобы охранялъ царя-батюшку и всю землю православную отъ турка, татарина и всякаго нехристя.

— И много земли было дано?

— А такъ, баютъ, что насколько глазъ хватить; на восходъ, на закатъ, на полдень и на сиверъ. И жиль онъ такъ, какъ не жили мы и жить не будемъ. Земля такая была, что горсть бросилъ—мѣру взялъ; на парахъ трава росла въ ростъ человѣческой да луговъ поемныхъ было видимо-невидимо, да лѣсовъ со звѣрьемъ разнымъ; скота домашняго — не перечестъ: лошадей, коровъ, овецъ, свиней, курей, гусей—Ббо-о о-же м-о-й!

— А теперь уже не то?

— И-и, что вы! Теперь на меня со старухою только три десятинки! Только и живемъ, что огородишкою, да, вотъ, пять-шесть корявыхъ яблонь, да четыре пчелиныя колодки—вотъ и весь сказъ! Ну, слава Господу Богу, хлѣбушко свой ѣдимъ—не покупаемъ.

— Отчего же такая бѣдность пошла?

— Отъ Божескаго усмотрѣнія... У Назара, видите, шесть сыновъ было: Антонъ, да Петръ, да Сидоръ, да Трифонъ, да Терехъ, да Алексѣй.

— И-ну, хорошо. Вотъ какъ Назаръ-то померъ, землю на шесть сыновей поровну и подѣлили. Баютъ, еще три дочки было, да на тѣхъ у насъ и по-сю пору земли не полагается а ни-ни: развѣ только изъ мужицкава пода всѣ перемрутъ — ну, тогда земля за бабами остается. Ладно. И вотъ отъ сыновей Назаровскихъ шесть родовъ пошло: Антоновскій, да Петровскій, да Сидоровскій, да Трифоновскій, да Тереховскій, да Алексѣевскій — такъ эти роды и по-сю пору считаются, хоша всѣ Половецкими прозываются.

— Значить, теперь у всѣхъ земли по-малости осталось?

— Нѣтъ: говорю вамъ—отъ Божескаго усмотрѣнія. Кого Господь сподобилъ сыновьями, тѣ, поди что, въ нищету впали, а кого не сподобилъ — тѣмъ ладно. Вотъ на моихъ уже глазахъ у насъ не болѣе дворовъ пятидесяти было, а теперь за двѣ сотни перейдетъ. Только Тереховскій, да Алексѣевскій родъ Господь не благословилъ ребятами: ну, у нихъ, поди, и вся земля: родится, тамъ, два-три сынишка, анъ, глянь, изъ нихъ еще одного Господь къ себѣ приберетъ — такъ земля изъ рода въ родъ переходитъ въ одинаковой почти мѣрѣ, да еще скупаютъ у своихъ же; а что у другихъ родовъ потомства — какъ песокъ морской! Вотъ я Сидоровскаго рода — а что этихъ сыновъ было — и у прадѣда, и у дѣда, и у отца а-яй! Ну, дѣлили-дѣлили, дѣлили-дѣлили, такъ до трехъ десятинъ и подѣлилися! А мы еще богачи: у другихъ родовъ есть такъ — вотъ хоша бы Трифоновскій, либо Петровскій — что на дворъ приходится по полъ-десятины, по четверти, по восьмой, по де-ся-той есть — провалиться на этомъ мѣстѣ! Вотъ тутъ и живи...

— А вы, дѣдушка, помните, когда дворяниномъ числились!

— Чтобы, то-есть, настоящимъ господиномъ?

— Да.

— Нѣтъ, это не было, а крѣпостные какъ были у меня—это помню. Двое ихъ было: Тишка да Гришка. И, по бѣдности нашей, мы и на печи вмѣстѣ спали, изъ одной миски щи хлебали. Лѣтъ по пятьдесятъ, либо шестьдесятъ назадъ дали намъ за нихъ двѣ сотенныхъ. Вотъ ужъ не упомяну—ни то ушли они, ни то остались... Ты, старуха, не помнишь!

— Чего!—спросила послѣдняя съ просонья.

— Тишку да Гришку помнишь?

— Слышать слыхала, а не помню: у отца еще они были, а ты и не женился еще тогда.

Тутъ только я замѣтилъ, что старуха совсѣмъ дремала, а Филиппъ, положивъ голову на столъ, и вовсе спалъ; рассказчикъ также не разъ уже зѣвнулъ и замѣтно усталъ. Видя это, и я изъявилъ желаніе спать, чтобы тѣмъ прекратить бесѣду. Черезъ нѣсколько минутъ вся компанія ушла въ другую половину избы, черезъ сѣни, оставивъ меня въ нетопленной и сырой горницѣ. Я давно уже ощущалъ и сырость, и холодъ, но нисколько не былъ опечаленъ этимъ обстоятельствомъ, полагая, что холодъ доказываетъ, что въ горницѣ не живутъ, а слѣдовательно, возможно будетъ хотя разъ уснуть, не опасаясь нападенія насѣкомыхъ, совершенно отравлявшихъ мое существованіе въ жилыхъ избахъ. Предположенія мои оказались вѣрны: самый тщательный осмотръ стѣны, возлѣ которой стояла скамейка, гдѣ я расположился на ночлегъ, доказалъ полное отсутствіе моихъ глав-

ныхъ враговъ—клоповъ и таракановъ. И впервые за двѣ недѣли, плотно укрывшись, я, усталый и разбитый, уснулъ поистинѣ богатырскимъ сномъ.

Филиппъ не забылъ своего обѣщанія: рано утромъ онъ сходилъ за старостою и взбудоражилъ весь народъ. О послѣднемъ я его не просилъ и былъ крайне недоволенъ, увидѣвъ, проснувшись, въ окно, что чуть не вся Половецкая явилась къ моей квартирѣ. На замѣчаніе мое Филиппъ заявилъ, что народъ «самъ повалилъ», а онъ сказалъ старостѣ, чтобы тотъ «пригналъ» не болѣе двухъ десятковъ. Не желая крестьянъ держать на дворѣ, я быстро одѣлся и предложилъ старостѣ позвать всѣхъ въ избу.

Половецкіе не заставили себя долго ждать и моментально вплотную заполнили горницу. Я оглянулъ толпу, мысленно сравнивая «мужицкихъ господъ» съ крестьянствомъ вообще. То ли подъ вліяніемъ читаннаго и слышаннаго мною о четвертникахъ, то ли подъ впечатлѣніемъ вчерашнихъ повѣствованій Захара Васильевича, или, быть можетъ, дѣйствительность меня не обманывала, но, казалось, какъ будто обыватели Половецкой много крупнѣе, выше ростомъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; носъ картошкою какъ будто отступилъ на задній планъ, уступая мѣсто длинному; больше наблюдалось опредѣленности въ окраскѣ волосъ и глазъ: сѣрые, неопредѣленные цвѣта составляли скорѣе исключеніе; нерѣдки были въ толпѣ чистые блондины, а больше—брюнеты; среди стариковъ попадались просто красавцы: черные большіе глаза и брови, а волосы на головѣ и бородѣ бѣлые, какъ снѣгъ;

открытые высокіе лбы далеко не были единичнымъ явленіемъ. Вообще впечатлѣніе было настолько благопріятно, что я предвкушалъ отрадную для каждого статистика мысль; получить дѣльные и толковые отвѣты на вопросы программы. Но, увы!—первый вопросъ о землѣ въ пухъ и прахъ разбилъ мои мечты.

Какъ только зашла рѣчь о размѣрѣ земельного владѣнія, поднялся неимовѣрный шумъ. Видно было, что это самое больное мѣсто четвертниковъ.

Прежде всего единогласно заявили, что имъ нанесена была великая «обида» при выдачѣ, въ 1868 г., «володѣнной записи». Раньше, до названнаго года, у нихъ будто бы была прекрасная земля, расположенная въ разныхъ мѣстахъ, черезполосно съ землями другихъ владѣльцевъ; но въ 1868 году земельное владѣніе дер. Половецкой перевернуто, какъ говорится, вверхъ дномъ: вырѣзанъ былъ «особнякъ»,—«крестомъ, изъ одной, что ни на есть, глины». Помимо недоброкачественной почвы, владѣнія ихъ были совершенно перепутаны. Не соображаясь съ первичнымъ положеніемъ земель по отношенію къ усадьбамъ, каждому роду въ «особнякѣ» нарѣзали угодыя по порядку одинъ за другимъ, не принимая во вниманіе нѣкоторыхъ отличій въ качествахъ почвы. Пришлось поэтому въ послѣдствіи самимъ крестьянамъ произвести другую «межевку», и подворщики прибѣгли къ уравнительному общинному способу—по качеству и положенію; угодыя распределены были на нѣсколько разрядовъ, и каждый родъ получилъ столько опредѣленныхъ единицъ разныхъ качествъ земли, сколько принадлежало роду четвертей, такъ что въ концѣ концовъ площадь владѣнія рода не измѣнилась, но она не была уже сплош-

ною по хорошимъ или дурнымъ качествамъ. Каждый родъ затѣмъ уравнивался между своими. При этихъ равненіяхъ было замѣчено, что земли недостаетъ, и вслѣдствіе этого дѣло доходило чуть не до битвы родовъ съ родами, а между родами—страшныя неудовольствія сонаслѣдниковъ. Много прошло времени, прежде чѣмъ половецкіе убѣдились, что ни одинъ изъ родовъ «лишкѣвъ» не получилъ, а что значительная площадь изъ ихъ владѣнія попала къ сосѣднимъ частнымъ владѣльцамъ. Помимо земельной «обида», крестьяне, по ихъ словамъ, понесли и другую «обиду»: у нихъ были отобраны «грамоты».

Несмотря на искренность заявленій, на неподдѣльность негодованія за «обида», причемъ, къ слову сказать, обнаружилась сильная «родственная» вражда и между родами, и среди родовъ,—я, конечно, не имѣлъ никакихъ основаній довѣрять рассказамъ безъ фактическихъ, документальныхъ данныхъ.

На вопросъ о планѣ на землю крестьяне заявили, что какъ планъ, такъ и случайно оставшаяся какая-то «грамота на вѣковѣчное дворянство» хранятся у того самого Тереха Родивоныча, съ которымъ насъ познакомилъ уже Захаръ Васильевичъ. Причина же храненія документовъ у названнаго Тереха Родивоныча объяснялась тѣмъ, что большинство Половецкихъ или продали, или заложили, или отдали ему землю въ аренду. «Сила» Тереха Половецкаго возрасла естественнымъ путемъ. Принадлежа къ наименѣе плодovитому роду, онъ по наслѣдству получилъ значительную площадь земли и неразстроенное хозяйство, а у большинства Половецкихъ остались крохи. Объ общемъ количествѣ земли четвертники не имѣли ни малѣйшаго предста-

вленія, поэтому безъ плана нечего было и думать опредѣлить площадь владѣнія деревни Половецкой, а посланный къ Тереху Родіоновичу сотскій принесъ извѣстіе, что «они будутъ только къ вечеру». Хотѣлъ-было я выяснить размѣръ клиновъ—парового, ярового и озимаго,—но и тутъ ничего нельзя было подѣлать, такъ какъ каждый зналъ лишь про себя. Оставалось одно средство—допросить каждого домохозяина. И я рѣшилъ выполнить этотъ кропотливый трудъ.

Начинаю съ лица, ближе другихъ стоявшаго къ столу.

— Сколько за вашимъ дворомъ числится земли?

— Земли-то?

— Да.

— И не выговоришь...

Общій хохотъ.

— Много?

— И-и!.. полдесятины...

Хохотъ усиливается.

— Безъ усадьбы?

— Со всѣмъ!..

— Сколько же усадьбы?

— А такъ, что хорошей свиньѣ не повернуться.

Гомерическій смѣхъ.

— Ну, однако?

— Да Богъ же его знаетъ... три хаты на одной усадьбѣ: выдешь изъ одной—прямо и упруешься въ другую...

— А остальная земля распашная?

— Ниѣ-ѣтъ: есть покосы, и лѣсы, и кусты—ус-ё!..

Всѣ заливаются отъ смѣха.

— А распашной сколько?

— Да такъ распашной, что ежели чуть-чуть не досмотрѣлъ, такъ чужую полосу сохою-то и захватишь сразу...

— Ну, сажень, по крайней мѣрѣ, сколько? сколько ширки?

— Сажени три.

— А длинки?

Да восемьдесятъ сажень будетъ.

— А покоса?

— Покоса?

— Да.

— А на немъ съ косою никакъ не повернуться... Опять хохотъ.

— Ну, сажень сколько?

— Какія тамъ сажени, когда онъ кривой...

И такая исторія повторялась съ каждымъ мало-земельнымъ обывателемъ Половецкой, которыхъ оказалось подавляющее большинство. Лишь начиная приблизительно отъ пяти десятинъ, возможно было распредѣлять, хотя и съ трудомъ, землю на угодыя.

Въ концѣ концовъ, провозившись до позднего вечера, пришлось, на основаніи болѣе или менѣе ясныхъ показаній владѣльцевъ отъ пяти и болѣе десятинъ, распредѣлить клины пропорціонально среднимъ, полученнымъ изъ этихъ данныхъ; то же по отношенію къ покосу и кустарнику.

Послѣднимъ изъ опрашиваемыхъ былъ позже всѣхъ явившійся Терехъ Родіоновичъ. Онъ заявилъ, что планъ и грамоту не захватилъ съ собою, потому будто бы, что получилъ свѣдѣніе о необходимости явиться у себя на дворѣ, не входя въ домъ. Въ виду этого и

принимая во вниманіе, что онъ остался одинъ, Терехъ Родіоновичъ предложилъ мнѣ «пожаловать» къ нему.

Я не заставилъ себя упрашивать, потому что имѣлъ сильное желаніе познакомиться съ богатымъ четвертникомъ.

Попрощавшись и расплатившись со стариками, предложивъ Филиппу слѣдовать за мною на своей кобылѣ, я усѣлся съ Терехомъ Родіоновичемъ въ легкую таратайку, и мы, несмотря на грязь, быстро достигли усадьбы знатнаго Половецкаго. Здѣсь меня, несомнѣнно, ожидали. Въ приличной комнатѣ, первой изъ прихожей, былъ накрытъ большой круглый столъ, на которомъ пріятно шумѣлъ новый самоваръ и были разставлены жамки, изюмъ, мармеладъ и баранки. За столомъ сидѣли: красивый мужчина, лѣтъ подъ сорокъ, въ кумачевой рубахѣ, и необыкновенно мясистая, краснощекая и круглолицая дама въ ситцевомъ, не первой свѣжести, платьѣ.

При нашемъ входѣ сидѣвшіе поднялись и молча поклонились. Терехъ Родіоновичъ произнесъ: «жена моя Наталья Петровна, братъ—Иннокентій Родивонычъ».

Тотчасъ же началось усердное угощеніе чаемъ и сладостями и одновременно завязалась бесѣда. Терехъ Родіоновичъ, поддерживаемый братомъ и женою, первымъ дѣломъ сталъ жаловаться на обывателей деревни Половецкой. Онъ обвинялъ ихъ въ пьянствѣ, лѣности, невѣжествѣ, а главное—въ неблагодарности. Несмотря на всѣ благодѣянія, которыя онъ оказываетъ своимъ односельчанамъ, съ ихъ стороны встрѣчаетъ только вражду и клевету, распространяемую ежедневно, ежедневно. Онъ опасается, что если народъ и дальше бу-

детъ идти въ этомъ направленіи, то насъ постигнетъ та же участь, что и нѣмцевъ, у которыхъ народъ совершенно избаловался.

— Ежели у насъ такіе порядки пойдутъ, то прямо ложись и помирай,—съ грустью сказала Наталья Петровна.

— А вы откуда знаете о заграничномъ народѣ?— полюбопытствовалъ я.

— Мы съ братомъ почти что кажинный годъ туда ѣздимъ,—самодовольно отвѣтилъ Терехъ Родіоновичъ.

— По какому дѣлу?

— По свиной части, насчетъ щетины... Вы изволили бывать за границую?

Опасеніе, что свѣдѣнія мои объ Европѣ заставятъ Тереха Родіоновича не съ достаточной откровенностью высказать свои взгляды, побудило меня дать на послѣдній вопросъ отрицательный отвѣтъ.

— И что тамъ дѣлается—не д-дай Богъ!—съ воодушевленіемъ произнесъ тогда Терехъ Родіоновичъ.

— Ужъ и сторона!—качнувъ головою, замѣтилъ его братъ.

— Какъ почнуть это они рассказывать, ажъ мурашки по тѣлѣ забѣгаютъ,—подтвердила Наталья Петровна.

— Что же тамъ дѣлается?—спрашиваю.

— А вотъ что тамъ дѣлается,—началъ повѣствованіе Терехъ Родіоновичъ.—Таперича пьютъ господа кофій, либо коньякъ, а мужикъ ихній и говоритъ:—«Я, говоритъ, тоже, говоритъ, кофію хочу и коньяку», вотъ дьяволы! Ходютъ они тамъ все больше въ синихъ рубахахъ. Ну, въ будничные дни работаютъ ладно, что и говорить, а какъ праздникъ—надѣваютъ

они, дьяволы, эти самые спинжаки, брилї, мадаму сейчасъ лучшимъ манеромъ подхватятъ, какъ, вотъ, и господа, и—маршъ въ ихнію церкву. А жонки ихнія— что твои барыни! Помолились, таперича, въ церкви своей, а тамъ прямо—у трактиръ, и ужъ что они тамъ дѣлають, такъ это на удивленіе! Нажрутся этого самого пива,—водки у нихъ настоящей нѣтъ,—и пошли! Слѣзить кто-нибудь на столъ и ну ругать: господъ, купцовъ, кого попало! Тутъ галдѣніе, въ ладоши шлепають, ногами стукотятъ—и нѣтъ имъ никакого запрету!

— Охъ ты, царица небесная!—вздыхнувши, произнесла Наталья Петровна.

— Значить, у насъ лучше?—спросилъ я.

— Что вы это,—отвѣтилъ Терехъ Родіоновичъ,— у насъ еще слава тебѣ Господи; у насъ еще, чуть что, залѣпишь въ ухо, да въ другое—и конченъ балъ! А самъ не справишься—становой, либо земской, а то и урядникъ—такъ отчикрижутъ, что мое почтеніе! У насъ только зачинается, и ежели попустительства не будетъ, то дальше, можетъ, и не поидеть. Это какъ же можно, чтобы допустить... тогда прямо хушь не живи... этого нельзя...

Наступило небольшое молчаніе, а затѣмъ Терехъ Родіоновичъ, измѣнивъ тонъ, довольно тихо сказалъ:

— Вотъ теперя большой говоръ насчетъ васъ...

— Какой говоръ?

— Да, бытто, приѣхали вы землю нарѣзать да отбирать ту, которую наши продавали...

Я выяснилъ свою миссію, заявивъ, что никакого отношенія къ нарѣзкѣ или отобранію купленного не имѣю.

— Да это мы очинно даже хорошо понимаемъ, а народъ темный не понимаетъ—ну, зря и болтають... Вамъ бы, вотъ, какъ теперь, за чайкомъ да сахаркомъ переговорить съ нами, да со старшиною, да съ господиномъ приставомъ и было бы мое почтеніе... Все бы мы вамъ поразсказали, объясненіе дали, какъ на ладони—и конченъ балъ!..

— По обязанностямъ службы я не имѣю права бесѣдовать относительно всего селенія съ отдѣльными лицами: я долженъ опрашивать на сходѣ.

— А вотъ приставъ говорить другое,—знаете Якова Павловича?...

— Нѣтъ.

— Первѣющій человѣкъ... Они говорятъ, что такъ, какъ вы дѣлаете—не допускается: говоръ большой идетъ...

— Это онъ вамъ лично говорилъ?

— Да.

— А въ какомъ селеніи онъ проживаетъ?

— Да они сегодня здѣсь будутъ—общали...

— Вотъ и отлично, я переговорю съ приставомъ, а покуда что мнѣ надо побесѣдовать съ вами, особенно мнѣ планъ надо снять.

— Снять?

— Переснять, перерисовать...

— Это мы еще успѣемъ... Вотъ выпьемъ, закусимъ...

— Нѣтъ, рано утромъ я долженъ отъ васъ уѣхать...

— Куда же вы такъ поспѣшаете?

— Много еще дѣла осталось.

Въ это время послышался колокольчикъ, и Терехъ Родіоновичъ радостно воскликнулъ:

— Вотъ, должно, и господинъ приставъ!

— Навѣрное они,—весело произнесла Наталья Петровна.

— Я пойду, погляжу,—сказалъ молчаливый Иннокентій Родіоновичъ и направился въ прихожую.

Дѣйствительно, черезъ небольшой промежутокъ времени въ прихожей показалась туша въ полномъ смыслѣ этого слова.

Супруги быстро поднялись со своихъ мѣстъ и пошли навстрѣчу, при чемъ Терехъ Родіоновичъ и братъ его принялись снимать съ пришедшаго овечью шубу, изъ-подъ которой блеснули свѣтлыя пуговицы и жгуты на плечахъ. Поздоровавшись съ братьями и Натальей Петровною, приставъ грузно ввалился въ комнату и черезъ синія громадныя очки мрачно взглянулъ на меня.

— Вотъ они,—отрекомендовалъ меня Терехъ Родіоновичъ.

— Кто?—спросилъ приставъ.

— Что ѣздіють...

— А—а!..

И не поклонившись, онъ сѣлъ рядомъ со мною, снялъ очки, протеръ ихъ платкомъ, опять надѣлъ, а затѣмъ спросилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Ваши бумаги.

Хозяева переглянулись и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за мною, словно ожидая чего-то болѣе чѣмъ интереснаго.

Я вынулъ бумаги и молча передалъ приставу.

Онъ придвинулся къ столу и началъ тихо ихъ читать, покачивая по временамъ головою.

— Все какъ слѣдуетъ быть,—наконецъ хрипло

пробасилъ Яковъ Павловичъ не то съ досадою, не то печально.

— А вы чего ожидали?—невольно спросилъ я.

— Мое почтеніе... извините,—вмѣсто отвѣта какъ-то растерянно произнесъ приставъ.

— Мнѣ передавали, что вы желали меня видѣть?

— Да-съ, долженъ признаться...

— Къ вашимъ услугамъ—въ чемъ дѣло?

— Да нѣтъ, видите ли, говоръ идетъ, что кто-то ѣздитъ...

— Развѣ вы не получили увѣдомленія?

— Нѣтъ, получилъ, но... какъ-то говорятъ совершенно иное... О чемъ, собственно говоря, вы бесѣдуете съ крестьянами.

— Я ни о чемъ не бесѣдую, а по программѣ, утвержденной высшимъ начальствомъ, опрашиваю населеніе... А что это за программа и какъ я опрашиваю, если желаете, можете сейчасъ познакомиться, такъ какъ я буду опрашивать хозяина этого дома.

— Нѣтъ... зачѣмъ же?..

— Все равно, мнѣ необходимо опросить...

— Мы сначала закусимъ,—вмѣшался Терехъ Родіоновичъ, совершенно измѣнившій тонъ послѣ того, какъ приставъ, насколько позволяла его натура, началъ любезничать со мною.

— Нѣтъ, закусимъ ужъ послѣ,—отвѣтилъ я,—потому что послѣ закуски и поздно будетъ и, быть можетъ, труднѣе получить необходимыя свѣдѣнія. Я васъ долго не задержу: теперь восемь, а къ десяти, пожалуй, все и покончимъ.

Приставъ, повидимому, былъ на моей сторонѣ, а потому хозяинъ сдался, и мы втроемъ перебрались въ

сосѣдную комнату. Я тотчасъ приступилъ къ опросу Тереха Родіоновича, имѣя подъ руками принесенный имъ планъ. Благодаря послѣднему, а также вслѣдствіе дѣльныхъ показаній хозяина, у котораго сосредоточено было не менѣе четвертой части всей земли, имѣя данныя, полученныя отъ крестьянъ, мнѣ удалось правдоподобно опредѣлить и общую площадь современнаго владѣнія Половецкой, и размѣры клиновъ и угодьевъ. Вообще, эта часть программы сошла весьма удовлетворительно и благополучно. Но когда рѣчь зашла объ арендѣ, о купчихъ земляхъ, объ отработкахъ за пастьбу скота, Терехъ Родіоновичъ сталъ лгать неимовѣрно. Замѣтивъ это, я сообщилъ ему ранѣе собранныя свѣдѣнія, и онъ возмутился. И было отчего. Онъ узналъ, что мнѣ извѣстно, что, арендовавъ громадную площадь на 30 лѣтъ у своихъ односельчанъ за ничто, не дороже 2—3 рублей за десятину въ годъ, Терехъ Родіоновичъ раздаетъ ее тѣмъ же лицамъ по десятинно—25 рублей за озимую и 15 р. за яровую десятину въ годъ; что, по вексямъ и роспискамъ, онъ, «съ торговъ», которые обыкновенно никому не были извѣстны, скупалъ земли по 30—40 рублей за десятину, когда въ окружности, даже въ цѣломъ уѣздѣ дешевле 100 рублей купить десятину невозможно; что за выпасъ скота по парамъ и кустарникамъ «сродственники» обрабатываютъ ему почти всѣ его поля, ни гроша деньгами не получая за трудъ и т. д. Конечно, все это было сообщенно ему не въ такой формѣ, какъ выше изложено, а выяснилось изъ опроса.

— А какія у васъ арендныя цѣны на землю? — спрашиваю, напримѣръ, я.

— Цѣны какія?.. Какъ вамъ сказать?.. Земли наши

пустяковыя... Вотъ, примѣрно, я, по слезной просьбѣ деревенскихъ, взялъ у нихъ въ аренду на тридцать лѣтъ 135 десятинъ земли за 340 рублей, а я еще переплатилъ... такъ, изъ сожалѣнія, что, бытто, значить, сродственники...

— А сами вы эту землю въ аренду не пересдаете?

— Я-то? и... нѣтъ... А что?

— Да вотъ тутъ у меня записано, что у васъ берутъ подесятинно озимую 25 рублей, а яровую — 15 рублей...

— Ишь, дьяволы, ужъ понабрехали?!.. А вы бы ихъ спросили: платють они мнѣ деньги или нѣтъ? Кабы за наличныя, я, можетъ, и по пятишницѣ бы взялъ... Ишь, ана-ѡе-мы!.. Лучше бы долги платили...

— Ну, какъ бы то ни было, а, слѣдовательно, у васъ озимая десятина ходить по 25 рублей, а яровая — 15 рублей?

— Да, конечно, случается...

Такіе же разговоры произошли и при опросѣ о цѣнѣ десятины земли при покупкѣ.

Приставъ все время молчалъ и даже не смотрѣлъ ни на меня, ни на хозяина, вѣроятно, желая сохранить полный нейтралитетъ. Только по окончаніи опроса, который затянулся до 11 часовъ, онъ, съ трудомъ поднявшись со стула, произнесъ: «Дѣло серьезное» — и затѣмъ, обратившись ко мнѣ, спросилъ:

— И эдакъ въ каждомъ селеніи?

— Да.

— Дѣло нелегкое... А для какой, позвольте, цѣли?

— Для оцѣнки имуществъ, облагаемыхъ земскими сборами...

— Тэ-э-кь-сь!..

И приставъ сладко зѣвнулъ.

Когда мы перешли въ комнату, въ которой пили чай, на столѣ стояли уже закуски и выпивки. Благодаря имъ, скоро сгладилось впечатлѣніе опроса. Братья Половецкіе и Яковъ Павловичъ оказались усердными поклонниками Бахуса, вслѣдствіе чего не болѣе какъ черезъ часъ послѣ начала пиршества стали говорить на ты, а потомъ и лобызаться. Когда однажды полусонный приставъ запротестовалъ противъ частыхъ поцѣлуевъ, Терехъ Родіоновичъ, обидѣвшись, сказалъ:

— Что же ты—брезговаешь? Ты думаешь, мы какіе-нибудь... мы, братецъ ты мой, тоже дворяне...

— Знаемъ мы твое дворянство, — отвѣтилъ приставъ.

— Наталья! тащи грамоту! — крикнулъ Терехъ Родіоновичъ.

— Перестань дебоширить, — усмиряла супруга расхолившагося мужа.

— Тащи, говорятъ тебѣ, грамоту!

— Да ты не знаешь, что въ ней и написано, — замѣтилъ приставъ.

— Небось, знаю... пон-ни-маемъ!..

Вотъ господинъ прочтетъ... и ув-ви-дять, что мы тоже съ усами... дда-а-сь... Тащи!

Видя настойчивыя требованія супруга и опасаясь скандала, Наталья Петровна, въ концѣ концовъ, принесла свернутую въ трубочку «грамоту». Это былъ узкій, длинный листъ сѣрой плотной бумаги, какою нерѣдко еще и теперь въ мелочныхъ лавчонкахъ за-

вертываютъ мыло и другіе предметы. Во многихъ мѣстахъ «грамота» была клеена, буквы на ней выцвѣли, такъ что всю ее прочитатъ было довольно затруднительно, а изъ того, что можно было разобрать, явствовало, что Половецкіе дѣйствительно происходятъ отъ Назара Половецкаго и его сыновей, которыхъ называлъ Захарій Васильевичъ. Земля имъ была жалована въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

— Ну?—спросилъ Терехъ Родіоновичъ, когда я, просмотрѣвъ грамоту, свертывалъ опять ее въ трубочку.

— Чего «ну»?—предупредилъ меня отвѣтомъ приставъ: были вы когда-то дворяне, а теперь мму-жи-ки.

— Н-нѣтъ, братецъ, шшутись... Господинъ! вѣрно я говорю?

— Вѣрно, — отвѣтилъ я, чтобы не вызвать дальнѣйшихъ осложненій въ спорѣ.

— Именно...

— Спать вамъ пора, — сказала Наталья Петровна.

— Вотъ это такъ, это... хор-рошо, — произнесъ приставъ, — спать давно пора...

Не знаю, долго ли еще пировали мои собесѣдники, что же касается меня, то я тотчасъ по предложенію хозяйки направился въ отведенную мнѣ каморку, гдѣ стояла громаднхъ размѣровъ двухспальная кровать, и скоро утонулъ въ гигантскихъ перинахъ, изобиловавшихъ, какъ скоро оказалось, ужасающимъ количествомъ блохъ.

Это обстоятельство, да еще духота были причиною тому, что я, не уснувъ ни на одну минуту, на зарѣ, не разбудивъ хозяевъ, удралъ на своей сѣрой кобылѣ изъ-подъ кровли знатныхъ Половецкихъ.

Впослѣдствіи мнѣ нерѣдко приходилось имѣть дѣло съ четвертниками, и почти повсемѣстно наблюдались тѣ же явленія, которыя впервые подмѣчены мною въ первой деревнѣ, населенной «мужицкими господами». У двухъ-трехъ домохозяевъ, обыкновенно, сосредоточиваются земельныя и другія богатства, а остальные потомки славныхъ предковъ въ большинствѣ случаевъ влачатъ существованіе не лучшее общинниковъ, а иногда и похуже. Во всякомъ случаѣ, изученіе экономическихъ условій крестьянъ, владѣющихъ землею на подворныхъ началахъ, не даетъ никакихъ основаній отдавать предпочтеніе этой формѣ владѣнія предъ общинной, и намъ не разъ приходилось удивляться, какъ примѣръ хозяйствъ четвертниковъ, составляющихъ довольно значительный контингентъ среди крестьянскаго населенія далеко не одной губерніи, не заставить противниковъ общины призадуматься надъ такого рода явленіемъ. Мы полагаемъ, что сопоставленіе экономическихъ условій крестьянъ-собственниковъ и четвертниковъ, по меньшей мѣрѣ, наведетъ на мысль, что форма владѣнія имѣетъ не рѣшающее значеніе въ дѣлѣ благосостоянія населенія — это во-первыхъ, и во-вторыхъ — что при общинномъ владѣніи наблюдается большая равномерность въ распредѣленіи имущества и меньше разницы между самымъ богатымъ и самымъ бѣднымъ.

Неурядица.

Однажды въ N—скомъ уѣздѣ, подъѣзжая раннею зарею къ одной деревнѣ, я встрѣтилъ необычайную кавалькаду: впереди съ высунутыми языками мчалась стая разныхъ породъ псовъ, за ними верхомъ на гнѣдой поджарой лошади летѣлъ, — съ парюю убитыхъ домашнихъ гусей въ рукѣ, — не то крестьянинъ въ солдатской безъ козырька фуражкѣ, надѣтой ухарски на-бекрень, не то солдатъ въ крестьянскомъ костюмѣ: холщевой рубахѣ, такихъ же штанахъ, босой; за этимъ всадникомъ галопировали штукъ десятокъ разномастныхъ крестьянскихъ клячъ, а въ концѣ кавалькады, на казачьяго типа ворономъ конѣ, съ нагайкою въ рукѣ, съ двухстволкою за спиною и съ сигарою въ зубахъ гарцовалъ высокій, плотный субъектъ, съ синебагровымъ носомъ, громаднѣйшими усами, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, въ туфляхъ и въ картузѣ съ краснымъ околышкомъ и кокардою.

Не успѣлъ я разобраться въ невиданномъ зрѣлищѣ, какъ, въѣхавъ въ деревню, попалъ въ громадную толпу крестьянъ всѣхъ половъ и возрастовъ, гнавшихъ по улицѣ лошадей и гусей. Мужики при этомъ галдѣли, гуси гоготали, бабы плакали, лошади ржали. Телѣга

моя съ трудомъ подвигалась среди шумной, возбужденной массы, не замѣтившей сразу моего присутствія, исключительно озабоченной какимъ-то важнымъ событіемъ въ деревенской жизни.

Зная по опыту, какъ трудно собирать свѣдѣнія при такого рода условіяхъ, я уже подумывалъ миновать эту деревню и возвратиться въ нее черезъ нѣсколько дней, но возница разстроилъ мои комбинаціи, сообщивъ ближайшимъ къ телѣгѣ крестьянамъ, что везетъ «члена изъ палаты», который «усѣ до-чиста дѣлы разбирать». Отъ человѣка къ человѣку слухъ дошелъ до сельскаго старосты; протискавшись сквозь толпу, онъ добрался до меня и, снявъ шапку, почтительно заявилъ, что давно ждетъ пріѣзда, давно ужъ «сгоняетъ народъ», и сегодня «согналъ», но сходка не состоялась по «одному дѣлу», которое я и разберу.

Я тотчасъ категорически заявилъ, что никакихъ «дѣлъ» разбирать не буду, не имѣю на это ни малѣйшаго права, а пріѣхалъ единственно съ цѣлью собиранія свѣдѣній о владѣніяхъ и хозяйствѣ.

— Это мы очень даже хорошо понимаемъ, ваше степенство, господинъ членъ,—отвѣтилъ староста.

Но это нисколько не помѣшало ему не только поддержать слухъ, что я—«членъ изъ палаты», разбирающій «усѣ до-чиста дѣлы», но и прибавить относительно необыкновенныхъ, данныхъ мнѣ, полномочій «на счетъ земли», которая, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась главною виновницею въ данномъ событіи, какъ и во всѣхъ другихъ событіяхъ крестьянской жизни.

Нужно ли поэтому удивляться, что когда я достигъ «сборной избы», послѣдняя тотчасъ заполнилась наро-

домъ, а громадное большинство не вмѣстившихся биткомъ набились въ сѣняхъ, на крыльцѣ, вплотную облѣпили окна и длинной вереницей стояли на улицѣ, ожидая, несомнѣнно, чреватыхъ послѣдствіями событій.

А я, между тѣмъ, ломалъ голову: «что сдѣлать, чтобы избѣжать роли судьи въ темномъ, неизвѣстномъ мнѣ дѣлѣ, при полномъ разгарѣ страстей?»

Но, какъ это бываетъ очень часто, теоретическія соображенія разлетѣлись въ прахъ при первомъ соприкосновеніи съ жизнью, и скоро я принужденъ былъ уступить предъ напоромъ деревенской злобы дня.

Она нахлынула на меня тотчасъ, какъ только развернулъ я земельный планъ, повидимому, частный и плохо исполненный.

Что прежде всего бросалось въ глаза на этомъ планѣ, такъ это тридцать три бѣлыхъ различной величины квадратиковъ, разсѣянныхъ по зеленому полю, обозначавшему покось.

— Вотъ это онъ-то самый и есть, ваше степенство,—заговорилъ одинъ изъ стоявшихъ у стола крестьянъ, показывая пальцемъ на бѣлые квадратики.

— Кто онъ?

— Да Маіоровъ-то есть...

— Какой Маіоровъ?

— Да вотъ—что коней угналъ да гусей убилъ...

Видя, что дѣло сразу принимаетъ серьезный оборотъ, я хотѣлъ замять разговоръ на эту тему, но не тутъ-то было: поднялся шумъ, гамъ и послышались отдѣльные возгласы: «окажите Божескую милость»!.. «Что-жъ намъ дѣлать—помирать, либо-что?.. «Пуццай насъ отселя въ другія мѣста переведутъ»!.. «Житья нѣтъ, ваше вскородіе»!.. «Одно разоренье»!..

— Я ничего не понимаю! — кричу я, сколько есть силъ: — пусть говорить кто-нибудь одинъ!

Разъ десять пришлось мнѣ повторить эту фразу, покуда толпа не смолкла и не начала обсуждать, — кто бы могъ надлежащимъ образомъ защитить интересы деревни.

Не знаю, долго ли продолжалось бы обсужденіе, если бы не раздался возгласъ: «пухай Симень усе доказать»!

— Нехай Симень! — поддержали другіе голоса.

— Симень!

— Си-ме-о-нъ!

Неизвѣстный мнѣ Семень какъ разъ оказался гдѣ-то на улицѣ, а потому не мало прошло времени, покуда онъ попалъ въ избу, а затѣмъ протискался къ столу.

Это былъ человѣкъ лѣтъ около пятидесяти, коренастый, приземистый, съ рыжею бородою, лысый и съ хитрыми, неопредѣленнаго цвѣта глазами.

Низко мнѣ поклонившись, онъ растерянно и вопросительно взглянулъ на толпу, не зная, зачѣмъ его призвали.

— Доказывай на счетъ Маіорова, — шепнули ему.

Семень тотчасъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, откашлялся, почесалъ затылокъ и, сложивъ руки на животѣ, началъ:

— Это точно, ваше степенство, господинъ членъ, какъ очень большая намъ обида...

— Я васъ не понимаю: отъ кого «обида» и почему, да объ «обидахъ» я не спрашиваю: расскажите мнѣ относительно владѣній отставнаго маіора Z, какъ они названы на планѣ: какія это угодья? сколько десятинъ?

— Это мы, очень, ваше степенство, господинъ членъ, понимаемъ: я про Маіорова и говорю...

— Но его фамилія Z?

— Точно такъ, но какъ мы, значить, Маіоровымъ его прозываемъ...

— Ну, это все равно... Чтò же вы знаете?

— Луговъ у насъ, ваше степенство, ни-ни, а все сплошь болота, а евовные клочечки (онъ указаль пальцемъ на одинъ изъ бѣлыхъ квадратиковъ) — на высоконькихъ мѣстахъ, лужечки настоящіе. Какъ, значить, свободу давали, отецъ ихній, — царствіе небесное, вѣчный упокой, — анаралъ Иванъ Микитычъ, себѣ-то эти клочечки и повырѣзалъ, а намъ, то есть, болото съ кочками оставилъ. Хоррошо. Пока анаралъ живы были, лужочки-то эти мы рендовали, а какъ померъ, Маіоровъ-то службу бросилъ, да сюда пріѣхалъ — тутъ и зачалась мука...

— Хоть въ гробъ ложись, — раздалось изъ толпы.

— Бѣги и шабашъ! — поддакивали другіе.

— Именно, ваше степенство, господинъ членъ, — продолжалъ Семень, — помирай и кончено дѣло!

— Это меня вовсе не касается: я васъ спрашиваю, сколько десятинъ вы считаете и какія угодья? Вы сказали, что это луга, теперь скажите, сколько, по-вашему, они занимаютъ десятинъ?

— Это мы очень понимаемъ, ваше степенство: позвольте доказать... Въ аренду теперича онъ не сдаетъ и продать не продаетъ. Чтò-жъ ты теперь подѣлаешь? А ихъ, ваше степенство, изволите видѣть, тридцать и три клока: какъ же ихъ углядишь? гдѣ найдешь тридцать и три пастуха?

— Гдѣ ихъ найти?! — поддерживаетъ нѣсколько голосовъ.

— Бѣги, да и только!..

— А онъ,—продолжаетъ рассказчикъ,—на крышу-то свою взлѣзетъ, на кажинный глазъ по трубѣ прицѣпить и глядитъ: намъ-то ничего не видно, а ёнъ усе видя, какъ есть усе. Вотъ теперя, какъ увидитъ коня, либо гуся, сейчасъ съ работникомъ на коней, да собака прихватитъ, ружье — и къ намъ! Какъ это на лугъ вѣхалъ, коней въ полонъ беретъ, а гусей стрѣляетъ — какъ передъ Богомъ говорю!

— Это хоть побожиться можемъ! — удостоверяетъ кто-то изъ толпы.

— Чего намъ брехать-то! — раздается другой возгласъ.

— Собаки нехай брешутъ, — подкрѣпляетъ Семень и продолжаетъ: — Нонѣ, вотъ, на зорькѣ, только солнышку бы всходить, слышимъ: «ттрахъ»! «трахъ-тара-ррахъ»! Спohватились и, ну, бѣгомъ на лугъ, а навстрѣчу ребята бѣгутъ и плачутъ: «Маіоровъ, говорятъ, гусей бьетъ, да коней загоняетъ»... Ахъ ты, головушка наша бѣдная! Поприбѣгали мы, да, ну, кричать, да бѣгомъ за ними — куды-ы тебѣ! только пыль вздымается! Чтѣ подѣлаешь? Взяли коней, которые пооставались, и гусей, да вотъ въ деревню и пригнали; а за тѣми, чтѣ захватилъ, идти надо. Придешь теперя къ нему, да постой денекъ, покуда допустить, а допустить — по пяти цѣлковыхъ за каждаго коня требуетъ, а не далъ — отработай — какъ передъ Богомъ, ваше степенство, господинъ членъ, говорю! Такъ вотъ мы безъ копѣчки всю до-чиста землю и луга обрабатываемъ: пашемъ, сѣемъ, косимъ, возимъ, въ скирды

складываемъ и молотимъ—провалиться на этомъ мѣстѣ! Что-жъ намъ теперь дѣлать? Явите Божескую милость, ваше степенство, господинъ члены!

— Я ничего не могу сдѣлать...

На это толпа, какъ одинъ человѣкъ, воскликнула:

— Помогите, ваше степенство!

Я совершенно растерялся.

Между тѣмъ шумъ усиливался болѣе и болѣе, и опять начали долетать отдѣльные, весьма внушительные возгласы: «извѣстное дѣло—паны: они усѣ одинаковы»!.. «да енѣ такой, какъ и Маіоровъ»... «дьяволы проклятые»!..

— Отчего вы не размежуетесь?—механически спросилъ я.

Этотъ вопросъ еще болѣе осложнилъ дѣло и вывелъ на сцену новое лицо.

— Да мы, ваше степенство, сколько уже годовъ на счетъ размежки хлопочемъ,—отвѣтилъ первымъ Семень,—вы хоть сами Конона спросите.

— Какого Конона?

— Бѣги, ребята, за Конономъ! — воскликнулъ кто-то изъ толпы.

— Тащи-ка его сюда!—поддерживаетъ другой голосъ.

И сквозь толпу къ дверямъ начало пробиваться нѣсколько человѣкъ, чтобы «притащить» какого-то Конона.

— Да кто это Кононъ?

— Аблакать, значить, ваше степенство,—отвѣтилъ Семень:—забралъ онѣ у насъ до-чиста всѣ планы, бумаги, какъ есть все; потомъ-того затребовалъ, чтобы мы, значить, по рублю со двора взносъ сдѣлали, а

какъ сдѣлали, ждать-пождать—ничего нѣтути: и годъ нѣтути, и два нѣтути, и три; мы къ нему, а онъ говоритъ: «вносите еще по полтиннику, а то дѣло не идетъ»—мало, вишь, ему денегъ. Ахъ ты, головушка наша бѣдная! Собрали мы сходку: балакали, балакали—что дѣлать? Давай, говоримъ, ребята, въ городъ ходока пошлемъ къ барчуку, можетъ, знаете, сына Григорія Миколаича: по этой части тоже занимается. Ладно. Пошли къ нему, а онъ и говоритъ: «принесите, говоритъ, планты и бумаги, тогда, говоритъ, скажу, что и какъ». Хорошо. Приходимъ къ Конону, а онъ не отдаетъ—что ты подѣлаешь?..

Въ это время послышался шумъ, толпа раздвинулась, и къ столу подошелъ бравый унтеръ-офицеръ съ выпяченною впередъ колесообразною грудью, увѣшанною медалями, съ галунами на рукавѣ и воротникѣ, гладко обстриженный, съ тщательно выбритымъ подбородкомъ и громадными усами.

Держа руки по швамъ, онъ, какъ вкопанный, остановился шагахъ въ двухъ отъ стола и вонзился въ меня большими оловяннаго цвѣта глазами.

— Крестьяне говорятъ,—обратился я къ нему,—что у васъ хранятся ихъ планы и документы на землю, такъ какъ вы ведете дѣло о размежеваніи...

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе!—гаркнулъ онъ по-солдатски, бросивъ косою взглядъ на толпу.

— Какъ нѣтъ?!—раздалось въ толпѣ:—свидѣтели есть!

— Это, ваше высокородіе, они говорятъ, какъ тонкости въ пониманіи не имѣютъ, потому плантовъ и бумагъ у насъ никакихъ не имѣется.

— И вы не брали ихъ вовсе?

— Брать—бралъ, ваше высокородіе, но только передалъ адвокату, какъ дѣловъ такихъ сами мы не ведемъ: мы простыя дѣла беремъ, примѣрно, прошеніе написать, а ежели дѣло со статьями — мы передаемъ.

— Съ кѣмъ же крестьяне условіе заключали?

— Это точно, что съ нами, въ городѣ, у нота-ріуса, но только мы передовѣрили повѣренному: онъ, то-есть, процентъ мнѣ даетъ, а я ему дѣла доставляю, а сами мы только и ведемъ, ежели безъ статей: закона, то-есть, когда не надо.

— Да развѣ есть дѣла безъ закона?

— И оченно даже: приблизительно, ежели, примѣрно, кто кому въ морду съѣздилъ или, приблизительно, матершиною облаялъ, мы и пишемъ: тогда-то и тогда-то, при такихъ-то, такой-то вдарилъ въ морду,—а статьи тутъ не надо.

— Значитъ, ни плановъ, ни бумагъ у васъ нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе!

— Мы тебѣ отдавали!—раздался голосъ изъ толпы.

— Въ контрактѣ сказано: «съ передовѣріемъ, кому пожелаетъ»,—отвѣчалъ унтеръ, чуть-чуть повернувъ голову въ сторону, откуда слышался возгласъ.

— Никакихъ мы контрактовъ не знаемъ,—отвѣчалъ, повидимому, тотъ же голосъ,—тебѣ мы давали...

— Подписи вашихъ довѣрителей имѣются,—возразилъ унтеръ.

— Брешешь!..

— Имѣются—доказать можемъ!..

— Брешешь!.. Нехай, ваше вскородіе, контрактъ принесетъ!..

И толпа начала напирать на унтера, тѣсно придвинувъ его къ столу.

Опасаясь печальныхъ послѣдствій, я предложилъ ему принести довѣренность, на что онъ охотно согласился, конечно, съ цѣлью убраться по-добру-по-здорову. Когда унтеръ ушелъ, толпа, по моей просьбѣ, вышла изъ избы и расположилась, въ ожиданіи дальнѣйшихъ послѣдствій, на улицѣ. Но прошелъ часъ, другой, а «аблаката» не было. Я началъ уже терять терпѣніе, какъ вдругъ появился верховой, передалъ мнѣ пакетъ и тотчасъ умчался обратно. Заинтересованная толпа придвинулась къ избѣ, а я, вскрывъ пакетъ, нашелъ тамъ написанную прекраснымъ, четкимъ канцелярскимъ почеркомъ бумагу слѣдующаго содержанія *):

«Его Высокородію

Господину чиновнику по особымъ порученіямъ

Рапортъ

18... г. іюля 6 дня

№ 127.

Въ виду опаснаго духа своевольнаго населенія и принимая во вниманіе звѣрство онаго, чего ради опасеніе имѣю не токмо за свою жизнь, но и за благополучіе Вашего Высокородія, а также наипаче что взводятъ клевету и невѣрны въ показаніяхъ, осмѣливаюсь непобрезговать вкусить у меня хлѣба и соли и выпить, что Богъ послалъ, и съ глазу на глазъ многое сообщу и обо всемъ расскажу, какъ подъ присягою, памятуя вѣрность престолу и Отечеству. Унтеръ-офицеръ запаса Кононъ Трофимовъ сынъ Мурзилкинъ, а живу съ братомъ, который лавку имѣетъ на концѣ около выгона».

*) Орфографію измѣняю.

Какъ ни желательно было мнѣ познакомиться съ однимъ изъ типовъ деревенскаго «аблакаты», но принять предложеніе значило бы сдѣлать вызовъ населенію, а потому я рѣшилъ уѣхать изъ деревни и возвратиться сюда черезъ нѣкоторое время самому или попросить произвести здѣсь изслѣдованіе кого-либо изъ товарищей, добывъ предварительно необходимый планъ и документы, главнымъ образомъ уставную грамоту. Съ послѣднею цѣлью я предложилъ вопросъ, — не знаетъ ли кто, кому именно передовѣрилъ дѣло Мурзилкинъ. Оказалось, что знаютъ многіе, и когда сказали мнѣ фамилію, то я вспомнилъ, что съ такою именно фамиліею въ уѣздномъ городѣ N существуетъ частный повѣренный болѣе чѣмъ сомнительнаго достоинства.

Я заявилъ, что долженъ съ нимъ повидаться, послѣ чего вторично пріѣду, а теперь попросилъ дать мнѣ подводу до слѣдующей деревни.

Къ моему удовольствію, сходъ не только не изъясилъ претензіи, но даже меня поблагодарили за желаніе помочь дѣлу, и мирно разошлись по домамъ.

Такъ какъ до слѣдующей деревни разстояніе не превышало трехъ верстъ, то я попросилъ доставить туда на подводѣ мои вещи, а самъ отправился пѣшкомъ.

Трудно словами передать то ощущеніе, которое испытывалъ я, когда послѣ душевой избы очутился въ привольной степи. Вся она, насколько охватывалъ взоръ, была покрыта высокими густыми хлѣбами, какъ море колыхавшимися отъ свѣжаго вѣтерка, гулявшаго на безграничномъ просторѣ и умѣрявшаго жаръ іюльскаго солнца. Чистый, прозрачный воздухъ дрожалъ отъ звуковъ безчисленнаго множества жаворонковъ,

то точками парившихъ въ безоблачныхъ голубыхъ небесахъ, то, словно камешки, стремглавъ летѣвшихъ внизъ, то, дѣлая спиральные круги, вздымавшихся въ высь.

Скоро, подѣ чарующимъ вліяніемъ всеисцѣляющей лѣтней природы, я началъ забывать тяжелыя деревенскія впечатлѣнія и, дыша полною грудью, медленно подвигался по узкой, еле проѣзжанной травянистой полевой дорогѣ среди сплошной стѣны ржи; но на половинѣ дороги они нагнали меня.

Остановившись, чтобы закурить папиросу и случайно оглянувшись назадъ, я увидѣлъ, что кто-то меня догоняетъ.

Черезъ нѣкоторое время ко мнѣ подошелъ худой, блѣдный, выше средняго роста человѣкъ, лѣтъ 25, въ лѣтней парусиновой парѣ и соломенной шляпѣ.

— Извините,—сконфуженно заговорилъ онъ и отрекомендовался,—учитель мѣстной земской школы и немножко корреспондентъ, Х.

— Очень радъ...

— Я незамѣтно присутствовалъ на сходѣ и догналъ васъ, чтобы переговорить... я встрѣчалъ вашу фамилію въ журналахъ, газетахъ...

— Сдѣлайте одолженіе... Чѣмъ могу быть полезенъ?

— Но я боюсь... свернемте на межу, въ рожь, вотъ сейчасъ...

— Кого вы боитесь?

— Ахъ, вы не знаете, чтò такое деревня! Вы не повѣрите, что всѣ мои письма читаются, я получаю свою корреспонденцію распечатанною...

— Отчего же вы не жалуетесь?

— О, Боже мой! Кому жаловаться?..

— Откуда вы получаете корреспонденцію?

— Изъ волости. Смѣшно, но это фактъ, что за-долго до полученія своихъ писемъ я узнаю ихъ со-держаніе!.. Газета, которую высылаетъ мнѣ редакція, доходитъ до меня не менѣе какъ черезъ недѣлю послѣ получки въ волости, да и то не по порядку; а если посылаю корреспонденцію, то, во-первыхъ, пишу ее поздно ночью, запершись, завѣсивши окна, несмотря на то, что они закрываются ставнями (въ нихъ есть щели), и, во-вторыхъ, бросаю эту корреспонденцію не иначе, какъ въ почтовый вагонъ, въ виду чего отпра-вляюсь на станцію за восемь верстъ и не прямою до-рогою, а проселками, чтобы не замѣтили; и на стан-ціи стараюсь такъ бросить, чтобы никто не видѣлъ, потому что на глухихъ станціяхъ и полустанкахъ царятъ у насъ ужасные порядки, гоголевскіе по от-ношенію къ корреспонденціи; затѣмъ, въ корреспон-денціяхъ деревни я не называю, а будто бы кто-то изъ города пишетъ.

При этомъ учитель пугливо оглянулся во всѣ сто-роны и, замѣтивъ подводу съ моими вещами, вторично сталъ упрашивать меня «свернуть на межу». Я со-гласился, и мы скоро совершенно скрылись во ржи.

— Такъ, вы говорите, были на сходѣ и видѣли все происходившее?—началъ я разговоръ.

— Да.

— А видѣли верхового?

— Да, изъ-за угла... Это вѣрно отъ унтера?

— Вы почему знаете?

— О-о! это ужасная бестія! Чтò онъ вамъ при-слалъ?

Я показалъ «рапортъ».

— Ахъ, подлецъ,—произнесъ учитель, прочитавъ посланіе.—Вы не повѣрите, что здѣсь существуетъ цѣлый заговоръ противъ населенія.

— Противъ населенія?

— Да, да.

— Это очень интересно...

— Я, знаете ли, изучилъ всю махинацію, и хорошо было бы предать это гласности... Я васъ не задерживаю?

— Нѣтъ, пожалуйста...

— Видите ли, въ чемъ дѣло. Послѣ освобожденія крестьянъ, введенія новыхъ судовъ, земства—цѣлая масса лицъ осталась не у дѣлъ, совершенно неприспособленная къ новымъ условіямъ жизни. Всю свою жизнь они привыкли «кормиться» отъ населенія, а когда открыто дѣлать этого нельзя, то теперь они изобрѣли разные способы, чтобы продолжать «кормленіе». Вотъ хотя бы сегодняшнее дѣло, о которомъ вы узнали на сходѣ. Въ городѣ существуетъ нѣкій Z., бывший секретарь уѣзднаго суда, хапуга и плутъ. Оставшись не у дѣлъ, онъ превратился въ частнаго повѣреннаго и ведетъ, главнымъ образомъ, деревенскія дѣла, которыя прибыльнѣе всего. Съ этою цѣлью онъ имѣетъ агентовъ чуть не въ каждой деревнѣ и платитъ имъ отъ дѣла; въ нашей деревнѣ агентомъ состоитъ вотъ этотъ унтеръ. Теперь вотъ что они дѣлаютъ. Крестьяне говорили совершеннѣйшую истину: имъ житья нѣтъ, благодаря невѣроятной череполосицѣ. Унтеръ, конечно, знаетъ объ этомъ и сообщилъ Z. Тотъ забралъ планы и документы и увидѣлъ, что дѣло хорошее; а хорошее оно вотъ почему: въ губерніи, какъ узналъ Z., сочувствуютъ размежовкѣ,

и еслибы какъ слѣдуетъ приняться за дѣло, ея можно было бы добиться; а маіоръ ни за что размежки не желаетъ, такъ какъ къ нему тогда никто не поѣдетъ работать; тогда Z. отправляется къ маіору, все доподлинно сообщаетъ, и маіоръ—клянусь Богомъ!—«покупаетъ» у Z. это дѣло вмѣстѣ съ планами и документами за 500 руб., изъ которыхъ 100 р. дано унтеру.

— Вы это навѣрное знаете?

— Честное слово!

— Но вѣдь уже собрано было на веденіе дѣла по рублю съ двора—значитъ, деньги пропали?

— Ко-не-чно-о!

— А какъ же планы и документы онъ продалъ?

— А очень просто; крестьяне не взяли росписки и не могутъ доказать, что у нихъ отобрано.

— Но довѣренность?

— Тамъ объ этомъ ни слова!

— Жаль, что я не видѣлъ этого контракта!

— Да онъ бы вамъ и не показалъ.

— Зачѣмъ же онъ приглашалъ меня?

— Э-э! это дипломатія! Въ кабацѣ у его брата всѣ сдѣлки совершаются: народъ опаивается сивухой, а для «благородныхъ» и шампанское найдется—они и думали васъ накатить...

— Ну?

— Да ужъ это будьте спокойны! Вы полагаете, что вамъ это даромъ обойдется? Ни-ни!

— Что такое?

— Да то, что вы ихъ не посѣтили.

— Чтò же они могутъ со мною сдѣлать?

— Ужъ не знаю, чтò придумаютъ, а сдѣлаютъ...

— Ну, это ужъ вы слишкомъ боитесь...

— Попомните мое слово — тогда напишете!

— Съ удовольствіемъ. Пойдемъ теперь на дорогу: мнѣ надо въ Х.

— Идемъ.

Нѣкоторое время мы шли молча, а передъ выходомъ на дорогу учитель смущенно спросилъ меня:

— Нѣтъ ли у васъ въ управѣ какого-нибудь мѣстечка?

— Для кого?

— Да для меня.

— А учительство?

— Эхъ, батюшка мой, ужъ больно тяжело! Начать съ того, что начальства надъ учителемъ много: урядникъ, становой, сельскій староста, старшина, волостной писарь, земскій начальникъ, земская управа, предводитель дворянства, попечитель школы, инспекторъ народныхъ училищъ, директоръ, вотъ видите—11 прямыхъ начальниковъ! Затѣмъ, жалованья всего-то получаю я 18 рублей въ мѣсяцъ безъ квартиры, а у меня жена и двое ребятъ... Э-эхъ, одно слово! Хорошо и нетрудно громкія и хорошія слова говорить: «великое и святое дѣло»... «просвѣщеніе массъ»... да вѣдь голоднаго и холоднаго словами этими и не накормишь, и не согрѣешь... Ходишь по классу, учишь, а какъ вспомнишь, что лежитъ у тебя больная жена, что одежды къ зимѣ дѣтишкамъ нѣтъ, что растутъ они круглыми невѣжами, что въ будущемъ виднѣется одна сумá, такъ, знаете ли, остолбенѣешь, станешь среди класса, какъ истуканъ, и до того задумаешься, что ребята за сумасшедшаго принимаютъ... Не дай Богъ нашей жизни врагу.

И учитель, крѣпко пожавъ мою руку, сказалъ: «а я дорогою не пойду: отправлюсь рожью». Затѣмъ, удалившись на нѣкоторое разстояніе, онъ крикнулъ: «не забывайте, что отъ васъ ждетъ помощи глубоко страдающій человѣкъ, жалкій, несчастный просвѣтитель народа! Прощайте!»

И учитель скрылся во ржи, а я побрелъ своею дорогою.

Закончили мы изслѣдованіе уѣзда, уѣхалъ я въ губернской городъ, былъ потомъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ и совершенно забылъ и деревню, и маіора, и учителя. Только глубокою осенью, приступивъ къ обработкѣ матеріала, оказалось, что нѣкоторыя имѣнія ускользнули отъ описанія, и въ томъ числѣ имѣніе уѣзднаго предводителя дворянства. Къ нему я и отправился въ городъ. На этотъ разъ, къ моему удовольствію, я засталъ его дома, и когда отрекомендовался, онъ шутливо сказалъ:

— А мнѣ-то васъ и надо! По-дать сюда Тяпкина-Ляпкина!

— Въ чемъ дѣло?

— Вы зачѣмъ народъ бунтуете!

— Я?

— Да, да, батенька, не отговаривайтесь: улики налицо.

И когда мы вошли въ кабинетъ, предводитель изъ одного ящика своего письменнаго стола досталъ бумагу и попросилъ прочесть ее вслухъ. И я прочелъ слѣдующее:

«Давно уже возвращаются слухи о проникновеніи по

деревнямъ именующихъ себя чинами земства неизвѣстныхъ личностей. Сего 6 іюля раннимъ утромъ въ деревнѣ Х. таковая личность появилась, причемъ, по объясненію возившаго его, явствуетъ, что оный распространяетъ тревожные слухи о земельномъ равненіи на предметъ оцѣнки въ равной препорціи какъ имуществовъ господъ дворянъ, такожде и мужицкихъ. Духъ населенія, и до сихъ поръ хранившій подъ пепломъ своимъ искры, отсего воспламеняется пламенемъ наипаче по слѣдующему случаю, требующему неотложныхъ мѣръ. Луга маіора Н., будучи поѣдены скотами Х—скихъ мужиковъ, арестованныхъ имъ, маіоромъ, вызвали оныхъ сопротивленіе, чему оная личность не токмо что явное сочувствіе проявила, но и отправилась въ деревню для вящаго умовъ возбужденія. Опасаясь послѣдствій, имѣю честь донести, что оная личность (мое имя и фамилія) себя именуетъ и ѣздитъ съ бумагами подъ №№ отъ губернской управы 126, отъ уѣздной 44, а отъ Господина исправника 57. Ростъ выше средняго, волоса темнорусые, носъ длинный съ выпукlostію посередкѣ, глаза на подобіе цвѣта голубого, бородатъ, особыхъ примѣтъ нѣтъ, въ обращеніи отмѣнно деликатенъ и на разговоры мастеръ».

— Кто это писалъ?—спросилъ я.

— Счастіе ваше, что донесеніе анонимное,—отвѣтилъ, улыбаясь, предводитель.

— Но вы не догадываетесь?

— Судя по слогу, вѣроятно, одинъ тутъ частный повѣренный, скотина страшная, бывшій служака стараго суда, но почеркъ не его...

— Теперь я все знаю!—воскликнулъ я.

— Откуда?

И я рассказалъ всю исторію предводителю, прибавивъ, что проигралъ пари учителю, который предсказывалъ мнѣ все это.

— А гдѣ учитель?—спросилъ я.

— Онъ теперь въ кабацѣ сидитъ.

— Какъ въ кабацѣ?

— Въ сосѣдней губерніи винная монополія открылась, и отъ насъ половина учителей разбѣжалась.

— Неужели?!

— Чему вы удивляетесь? Вѣдь надо же людямъ ѣсть и пить.

— Это, положимъ, вѣрно... нужно. А маіоръ?

— Занимается, попрежнему, мародерствомъ...

— Неужели ничего нельзя сдѣлать?

— А что вы подѣлаете?

— Ну, а земскій?

— Земскій? Да онъ въ долгу, какъ въ пуху, у брата «унтера», какъ вы называете, у кабатчика.

— Да?

— Въ невылазномъ.

— Значить, все пойдетъ попрежнему.

— Нѣтъ, есть надежда; скоро маіора съ молотка продадутъ—кому только достанутся его земли?

Получивъ затѣмъ необходимыя свѣдѣнія отъ любезнаго предводителя, я распрощался съ нимъ и уѣхалъ, чтобы болѣе не возвращаться ни въ городъ N., ни въ уѣздъ N—скій.

Деревня Печальная.

Однажды N-ская губернская земская управа поручила мнѣ объѣхать одну волость, съ цѣлью собрать подробныя свѣдѣнія о состояніи дѣла народнаго продовольствія. Безъ всякихъ приключеній исполнивъ порученіе управы, я собрался уже возвратиться обратно, какъ неожиданно, по пути на вокзалъ, отъ возницы узналъ, что пропустилъ одну деревню, подъ названіемъ Печальную, о которой мнѣ ни слова не сказали въ волостномъ правленіи.

— Да вы навѣрное знаете, что въ этой волости есть такая деревня?

— Всѣ сказываютъ, что есть,—отвѣтилъ возница.

Нечего дѣлать: ѣду обратно въ волостное правленіе, находившееся, къ счастью, всего верстахъ въ пяти отъ станціи желѣзной дороги.

— Что такое случилось?—спросилъ меня, удивленный возвращеніемъ, старшина.

— А Печальная?—спрашиваю я его.

— Печальная?

— Да.

— Ужъ не знаемъ, какъ вамъ и сказать...

— Но вѣдь существуетъ такая деревня?

— Есть-то она есть, да, какъ будто, и нѣтъ...

— Но въ вашей она волости?

— Считается въ нашей...

— Въ чемъ же дѣло?

— Не съ руки она...

— Сколько до нея верстъ отъ волости?

— Сорокъ одна считается.

— Но, быть можетъ, отъ другихъ селеній ближе?

— Нѣтъ—еще дальше... Сподручнѣй всего къ ней съ L-ой губерніи подѣхать, — верстъ тамъ 35, — да опять же все господскими полями: не позволяютъ.

— Да-а...

— Мы, ваше вскородіе, если прикажете, «пригонимъ» ихъ сюда...

— За сорокъ-то одну версту?

— А что?—улыбаясь, отвѣчаетъ старшина:—у насъ «суплошь» ихъ «гоняютъ» — не поѣдетъ же къ нимъ волость, или господинъ земскій начальникъ? А старшина два раза въ мѣсяцъ долженъ «безпремѣнно притить», да такъ иной разъ вызовешь.

— Это еще что-о,—продолжаетъ писарь, — бываетъ, что вызовешь, день — два они здѣсь проваляются, а оказывается или времени нѣтъ, или по ошибкѣ вызваны: опять назадъ... Они у насъ привычны.

На вызовъ я, конечно, не согласился и по жестокости мѣропріятія, и по тому, что оно не соотвѣтствуетъ идеѣ «мѣстнаго изслѣдованія».

— Какъ знаете, — отвѣтилъ старшина, —но только большое это безпокойство—въ Печальную ѣхать.

И дѣйствительно, «безпокойство» вышло не малое.

Собственно говоря, *на настоящихъ* лошадяхъ, въ мало-мальски сносномъ экипажѣ проѣхать сорокъ съ

лишнимъ верстъ пустяки, но мнѣ, по обыкновенію, пришлось «плестись» въ буквальномъ смыслѣ слова: на полудохлой клячѣ, въ полуразрушенной телѣгѣ, по глубокой грязи! Достаточно сказать, что, двинувшись въ путь въ 3 часа ночи, я достигъ Печальной въ 4 часа пополудни!

— Да гдѣ же, наконецъ, эта Печальная?—спросилъ я возницу, когда обомлѣли ноги, заболѣла спина и весь организмъ какъ бы окоченѣлъ отъ безконечнаго сидѣнія въ безобразной телѣгѣ и въ невозможной позѣ.

— Ужъ такая это, ваше степенство, деревня, что ее увидишь, какъ въ самую ее въѣдешь, а такъ ее не увидишь никакимъ манеромъ.

И дѣйствительно, сѣрая жалкія избенки Печальной показались неожиданно, когда,—также неожиданно,—подѣхали мы «къ провалю» среди ровныхъ полей. Жилища разбросаны были по сѣверному склону оврага, начиная, приблизительно, отъ середины его и спускаясь въ самую глубь къ глинистой промоинѣ.

— Ну ужъ и мѣсто выбрали!—замѣчаю я, слѣзая съ телѣги, такъ какъ лошадь приходилось вести подъ уздцы, чтобы спуститься чуть не съ отвѣсной стѣны оврага.

— Мѣсто плохое,—отвѣтилъ возница, выглядывая, гдѣ лучше спуститься.

Я пошелъ впередъ, увязая въ липкой, глинистой грязи, скоро образовавшей громадныя наслоенія на сапогахъ.

На срединѣ пути встрѣчаю бабу, обмотанную громаднымъ платкомъ, такъ что видны только глаза да носъ.

— Гдѣ староста живетъ?—спрашиваю.

— Староста?

- Да.
- Нашъ?
- А то чей же?
- Иванъ?
- Я не знаю, какъ его зовутъ.
- Ежели Иванъ, онъ померъ.
- А другого развѣ не выбирали?
- Максимъ?
- Ну, Максимъ, что ли,—гдѣ онъ живетъ?
- Онъ у зятыхъ, у Сидора: дочку у него взялъ.
- А Сидоръ гдѣ живетъ?
- Супротивъ колодезя.
- Какого колодезя?
- Во-онъ... Пройдешь Михея, Никона, Авдотью-вдову, Миколая-бондаря, а тамъ и Максимъ.
- Спасибо.

И я пошелъ въ указанномъ направленіи, а баба осталась на томъ же мѣстѣ и смотрѣла мнѣ вслѣдъ, словно на привидѣніе.

Избы Михея, Никона, «Авдотьи-вдовы» и «Миколая-бондаря» были настолько похожи одна на другую, что отличить ихъ не было никакой возможности, такъ что еслибы не полуразрушенный колодезь, расположенный почти на самой дорогѣ, противъ избы старосты, найти послѣдняго возможно было бы, заходя по порядку въ каждый дворъ, покуда не разыщешь лицо, именуемое Максимомъ старостою.

Въ избѣ у него было уже темно, а потому староста не скоро сообразилъ, кто я; когда же, наконецъ, я ему разъяснилъ, Максимъ растерялся, началъ суетиться и надѣлъ почему-то цѣпь. Старостиха въ то же время щедро награждала «шлепанцами» дѣти-

шекъ, — этихъ всегдашнихъ козловъ отпушенія при переполохѣ, — отправляя ихъ спать куда-то за печку. Прошло не мало времени, покуда семья успокоилась.

На меня нашла гнетущая, невыносимая тоска. Было всего-на-всего 5 часовъ пополудни, а приходилось ложиться спать на узкой скамейкѣ minimum до 5 часовъ утра, то-есть ни болѣе, ни менѣе какъ 12 часовъ.

— Нѣтъ ли свѣту у васъ?—спрашиваю.

— Да вотъ и бѣда-то наша, что земляное маслице вышло, — отвѣчаетъ староста: — у насъ его только въ волости достать можно...

— Охъ, Господи! — вздохнула старостиха, — хоть бы скорѣе керосину ты принесть: какъ стемнѣетъ, такъ и спать: ни кудели тебѣ не подергать, ни пошить...

— То-то-вотъ-то, — раздается старческій голосъ съ печи, прерываемый стономъ и кашлемъ: — какъ «ланпавъ»-то ентихъ не было, да «карасиновъ», — лучше было, а какъ ланпы-то пошли — лучинку-то забыли, таганчики позабросили... Бывало, у бабы завсегда лучина сухая была и таганчикъ съ коноплянымъ масломъ не переводился, а теперя, вотъ, и жди, покуда въ волость-то пойдетъ, да, гляди, сидѣлецъ еще изъ города «карасины» не привезъ... Охъ, Господи!

— У меня есть свѣчи, — заявляю я, — да какъ въ темнотѣ разыскать ихъ въ чемоданѣ?.. Найдется у васъ во что вставить свѣчу?

— «У бутель» можно, что карасинъ носимъ.

— Ну, вотъ и ладно.

Съ трудомъ нащупалъ я свѣчи въ чемоданѣ и зажегъ одну изъ нихъ. Въ избѣ стало веселѣе. Всѣ помыслы мои сосредоточились теперь на самоварѣ, этомъ единственномъ утѣшителѣ деревенской тоски.

Какъ только свѣтъ озарилъ мрачное жилище старосты, взоръ мой сталъ искать самовара, который, по моимъ догадкамъ, основаннымъ на опытѣ, долженъ былъ, какъ цѣнная вещь въ деревенскомъ обиходѣ, занимать видное мѣсто. Увы! нигдѣ не видно было его... «Но, быть можетъ, онъ спрятанъ въ укромномъ мѣстѣ?»

— А что, нѣтъ ли у васъ самоварчика?

— Нѣтути,—грустно отвѣчаетъ старостиха.

— Хоть бы хлѣбъ-то былъ,—отзывается съ печи старецъ:—какіе тутъ самовары...

— А достать нигдѣ нельзя?

— Достать?—переспрашиваетъ староста.

— Да.

— Есть тутъ самоваръ у солдата-могильщика, да не даетъ онъ...

— Почему?

— Да такъ...

И староста какъ-то таинственно переглянулся съ женою.

— Почему солдатъ этотъ «могильщикомъ» у васъ прозывается?

— На кладбищѣ живетъ, могилки копаетъ.

— Секретный онъ у насъ человѣкъ,—отзывается съ печи старикъ.

— Ну, чего тамъ «секретный», — недовольнымъ тономъ шлетъ на печь замѣчаніе староста:—молчалъ бы тамъ...

— А чего мнѣ молчать?

— А того... не наше дѣло...

— Охъ, Господи!.. Секретный онъ и есть... Чего молчать-то...

Видя, что слова старика по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ производятъ непріятное впечатлѣніе на старосту и его жену, я перебиваю его.

— А къ нему нельзя сходить чаю напиться? У меня все есть: чай, сахаръ и хлѣбъ...

— Далеко, — какъ-то нехотя отвѣтилъ староста, опять бросивъ взглядъ на жену.

— Ночью-то къ нему ходить не съ руки, — вмѣшивается старикъ.

— Чего тамъ «не съ руки», — вторично староста зажимаетъ ротъ тестю.

Въ это время вошелъ мой возница, все время устраивавшій свою лошадь. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ изъявилъ согласіе отправиться со мною къ этому солдату, такъ какъ тоже не прочь былъ согрѣться чаемъ.

— А далеко могилки-то? — спрашиваетъ онъ.

— Далеко, — отвѣчаетъ староста, — съ версту...

— А гдѣ это?

— Да какъ тебѣ рассказать?.. Съ какой стороны вѣѣзжалъ?

— Отъ чугулки.

— Ну, такъ вотъ оттуда вправо: тамъ провалье заворачиваетъ, — тоже вправо, — увидишь дерево...

— Отсюда, значитъ, направо и прямо?

— Да: прямо и прямо до сворота, прокакъ провалье повернуло — ну, туда, а тамъ тоже прямо до самого конца.

— Найдемъ, ваше высокоблагородіе!

— Охъ, Господи! — слышится съ печи: — не съ руки-то ночью къ нему...

Но мы не слушаемъ старца: возница взваливаетъ на широкія плечи свои мой маленькій чемоданишко и

направляется къ двери, а я, захвативъ на всякій случай свѣчу, спѣшу вслѣдъ за нимъ, радуясь, что вырву у ночи нѣсколько часовъ бодрствованія и много меньше придется лежать на узкой скамейкѣ и дышать тяжелымъ воздухомъ микроскопической избы.

Но скоро я разочаровался въ своихъ планахъ.

На дворѣ было уже совершенно темно; завываль сердитый осенній вѣтеръ; сверху падалъ снѣгъ съ дождемъ, а внизу ноги утопали въ липкой грязи; только слабые огоньки, какъ свѣтящіяся точки, виднѣвшіеся изъ крохотныхъ оконъ разбросанныхъ избъ, да лай собакъ напоминали, что мы находимся въ населенномъ мѣстѣ. Уже скоро послѣ оставленія жилища старосты захотѣлось мнѣ возвратиться назадъ, но бодрое шестіе возницы и то обстоятельство, что я самъ затѣялъ эту прогулку, не дозволили мнѣ первому попросить пардону.

Вѣчностью показалось мнѣ путешествіе, а потому я чрезвычайно обрадовался, когда возница сказалъ:

— Это, должно, и есть солдатъ.

— Гдѣ?

— Да вонъ огонь-то...

Дѣйствительно, впереди виднѣлся, сравнительно, яркій огонь, но какъ будто изъ открытой двери. Я передалъ свое впечатлѣніе возницѣ, и послѣдній отвѣтилъ, что обратилъ на это вниманіе и тоже удивляется.

Загадочное явленіе скоро выяснилось, и, вслѣдствіе неожиданности, произвело такое впечатлѣніе, что шедшій впереди меня среди могилъ возница и закрывавшій собою свѣтъ, попятился назадъ, когда приблизился къ строенію, принятому нами за избу солдата, а у меня при видѣ открывшейся картины мурашки по

кожѣ забѣгали: черезъ отверстіе двери виднѣлся рядъ маленькихъ и два большихъ гроба, тускло освѣщенныхъ прикрѣпленными къ нимъ тоненькими восковыми свѣчами.

— Кто здѣсь?—вдругъ раздался возгласъ.

Мы оба вздрогнули: судя по себѣ, вѣроятно, и возницѣ показалось, что голосъ шелъ изъ гроба.

Но тотчасъ на порогѣ показался живой человѣкъ въ рваномъ полушубкѣ и рядомъ съ нимъ баба.

— Гдѣ солдатъ могильщикъ проживаетъ? — спросилъ возница, приблизившись къ двери.

— Что, аль померъ кто?

— Нѣтъ, слава Богу;—чай къ нему идемъ пить.

— Ча-ай?.. Да вы кто такіе?

Возница въ отвѣтъ началъ объяснять, кто мы, какъ и зачѣмъ пріѣхали, а я, вошедши въ зданіе, оказавшееся часовнею, вступилъ въ бесѣду съ бабою, невольно посматривая на восковыя, открытыя лица усопшихъ, казалось, двигавшіяся, когда отъ дуновенія вѣтра, свистѣвшаго въ оголенныхъ вѣтвяхъ вербъ, колебался свѣтъ восковыхъ свѣчъ.

— Давно умерли? — шопотомъ спросилъ я, какъ это невольно дѣлается при покойникахъ, которыхъ словно боишься потревожить.

— Марья нагдысь померла, — также шопотомъ отвѣчала баба,—а дѣти ея—вотъ эта троечка: старшой дня четыре, а двое — дня три, въ одинъ день. Да съ дѣтьми-то Богъ съ ними: молодая, еще бы народила, сколько угодно; а вотъ сама-то померла—мужа и двоихъ сиротъ оставила

— А это чьи дѣти? — спросилъ я, указывая на другіе два гроба.

- Демкины...
- А вотъ это?
- Это сынъ Никиты сапожника.
- Что же они тутъ лежатъ?
- Батюшку ждемъ для отпѣванія, да вотъ не ѣдетъ: мы, по найму, и стережемъ, чтобы, упаси Господи, собаки не тронули, вишь двери нѣтъ.
- Отчего же вы двери не придѣлаете?
- Да дѣлали, а все на дрова крадутъ: народъ у насъ бѣ-ѣд-ный!
- Съ чего же они умерли?
- Все отъ глотки: схватить такъ-то глотку и не отпускаетъ до самой смерти...
- А докторъ пріѣзжалъ?
- И-и; что ты! Гдѣ они здѣсь?
- И фельдшера нѣтъ?
- И фершала нѣтъ поблизости... Мы, какъ живемъ, и не видѣли ихъ... Такъ, кто можетъ дойти или доѣхать до «пунта», въ волость, ну, тамъ скажутъ, а больному человѣку не дойтить...
- И никто не лѣчитъ?
- Да вотъ солдатъ могильщикъ заговариваетъ, травы даетъ...
- И что же—помогаетъ?
- А то какъ же: очинно помогаетъ...
- Почему же онъ этихъ не вылѣчилъ?
- Марѧ, вишь, пошла.
- Какая «марѧ»?
- Какъ народъ сталъ-то мереть, особливо дѣти, солдаты и говорятъ: «Ничего, говорить, сдѣлать нельзя—«марѧ» изъ могилокъ вышла».
- Что же, онъ видѣлъ ее?

— А то какъ же?.. Тамъ вонъ, за окномъ, за кладбищемъ Аксинья схоронена. Она, вишь, не своею смертью померла. Ну, вотъ...

— А какою смертью?

— Повѣсилась...

— Отчего же она повѣсилась?

— Вышла она, вишь, замужъ, а мужа въ тотъ же годъ въ солдаты взяли. Угнали его куда-то, а свекоръ ну къ ней приставать, ну приставать... А баба-то была моло-да-я, кра-а-сивая... Какъ ночь, такъ онъ къ ней и лѣзетъ, и лѣзетъ... А свекоръ-то старый, беззубый... Вотъ она въ одну-то ночь положила топоръ: какъ полѣзъ онъ къ ней, она ему голову-то и расколола, да сама, должно, испугалась—пошла въ хлѣвъ, да на поясѣ и повѣсилась... Охъ, Господи!..

И баба перекрестилась.

— Ну такъ что же говорить солдатъ?

— Подъ Покровъ, говоритъ, вѣтеръ какъ загудитъ, засвищетъ, думалъ, говоритъ, избу разнесетъ. Выхожу, говоритъ, ставень коломъ подпереть, глядь—Аксинья по могилкамъ ходитъ, да за глотку держится: «я, говоритъ, отъ глотки померла, и люди, говоритъ, будутъ мереть, особливо, говоритъ, дѣти, какъ въ утробѣ, говоритъ, у меня дитѣ померло». А она, вишь, отъ мужа беременна была... Охъ, Господи!.. Пресвятая Владычица наша, Богородица!.. Глядитъ онъ потомъ, а Аксинья въ деревню побѣжала, въ ту сторону, гдѣ Марьяна изба... Охъ, Господи!.. Святая Почаевская Божія Матерь, Владычица наша!.. Съ той поры и пошла смерть, и пошла, покуда, значить, Аксинья не возвратится... Солдатъ теперь все высматриваетъ, все высматриваетъ...

Баба замолчала и вздрогнула, когда со свистомъ за стѣнами пронесся порывъ вѣтра, чуть было не загасившій свѣчи, и зашуршалъ вѣтвями деревъ по крышѣ часовни. Я еще разъ взглянулъ на мертвецовъ и вышелъ.

Должно быть, сторожъ сообщилъ моему возницѣ то же самое, что баба передала мнѣ, такъ какъ мой компаніонъ первымъ дѣломъ нерѣшительно спросилъ меня:

— Что же, пойдемъ къ солдату?

— Да ужъ пойдемъ: не стоитъ возвращаться назадъ, когда столько прошли.

— Землякъ рассказываетъ, что, пожалуй, самоваръ-то онъ не поставитъ...

— Ну, не поставитъ—тогда уйдемъ...

— Какъ угодно вашей милости...

— А куда же къ солдату идти?

— Здѣсь вотъ,—отвѣтилъ сторожъ,—я укажу.

И онъ завернулъ за уголъ часовни, а мы за нимъ.

— Въ онъ,—объяснилъ сторожъ, указывая на мерцавшій невдалекѣ огонекъ.

— Благодаримъ!

— Счастливый путь...

И мы среди могилъ отправились къ солдату, натываясь на полуразрушенные кресты, торчавшіе у самой земли.

— Кто тамъ?—послышался голосъ, когда возница постучалъ въ окно солдатской избы.

— Свои,—отвѣчалъ послѣдній.

Вслѣдъ за этимъ дверь была отворена, и мы вошли въ крохотную, съ низкимъ потелкомъ и землянымъ поломъ избу, тускло освѣщенную висѣвшею надъ столомъ маленькою керосиновою лампою.

Хозяинъ избы оказался типичнѣйшій николаевскій солдатъ въ старой заплатанной шинели, съ медалями на груди, гладко обстриженный, съ выбритымъ подбородкомъ, короткими, въ видѣ котлетокъ, сѣдыми бакенбардами, безъ правой руки, съ деревяшкою на лѣвой ногѣ и съ бѣльмомъ на правомъ глазу.

То ли онъ испугался неожиданности нашего появленія или принялъ меня за начальство, благодаря городскому костюму, или инстинктивно, по старой привычкѣ, солдатъ, выстроившись по-военному, крикнулъ старческимъ, съ шепелявостью голосомъ:

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

— Здравствуйте, — отвѣтилъ я и прибавилъ: — а мы пришли къ вамъ чай пить — говорятъ, только у одного васъ и есть самоваръ.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе: у нихъ, у дураковъ, ничего нѣтъ.

— Намъ еще говорили, что вы никому не даете вашего самовара?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе! мужикъ—дуракъ: того и гляди въ трубу воды нальетъ, а то и вовсе безъ воды поставитъ.

— Это точно,—какъ-то боязливо поддакнулъ возница, словно опасаясь не угодить хозяину.

— А то что же, неправда?—сверкнувъ бѣльмомъ на возницу, продолжалъ солдатъ:—народъ нонѣ—сволочь! тьфу—и только.

— Да я то-то же и говорю, — предупредительно задобривалъ возница.

— Пойдемъ-ка, самоварчикъ поставимъ, — сказалъ солдатъ.

— Пойдемъ.

И возница послѣдовалъ за солдатомъ, вѣроятно, на кладбище, такъ какъ ни двора, ни сѣней не было.

Оставшись одинъ, я распаковалъ чемоданъ, выложилъ на столъ все необходимое, и въ томъ числѣ бутылку водки, и сталъ подробнѣе осматривать жилище «секретнаго человѣка», какъ назвалъ солдата тестъ старосты.

Всѣ стѣны убогаго жилища были оклеены необыкновенно странными лубочными картинами, изображавшими ужасы ада, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ висѣли вверхъ ногами, что доказывало или небрежность, или, вѣроятнѣе всего, малограмотность обладателя этой картинной галлерей. На полкѣ, въ углу, возлѣ старой, совершенно облѣзшей иконы, лежала книга въ кожаномъ переплетѣ. Это оказалась какая-то старинная славянская псалтирь безъ начала, конца и середины. Въ ней находилось множество вырѣзокъ изъ какой-то лубочной литературы, касающихся отгадыванія сновъ, а также штукъ съ десятокъ засаленныхъ картъ. Вся «обстановка» избы состояла изъ стола, скамейки возлѣ него, большого сундука, стоявшаго возлѣ наръ, устроенныхъ между стѣною и громадною вористою печкою, служившею кроватью для солдата-могильщика.

Самоваръ готовъ былъ необыкновенно скоро, и мы тотчасъ усѣлись пить чай. Душою нашего маленькаго общества былъ солдатъ, успѣвавшій усердно пить чай, закусывать и въ то же время болтать безъ умолку.

Прежде всего воинъ заговорилъ о своемъ самоварѣ, съ гордостью поглядывая на блестящую мѣдь.

— Этому самовару цѣны нѣтъ, — говорилъ онъ: — теперь такихъ самоваровъ не найдешь; нонѣшній самоваръ — дрянъ! у нонѣшняго самовара — мѣдь бѣлая и

всего-то ее на грошъ мѣдный, а чугуна въ немъ на пять рублей, потому за чугуны, какъ за мѣды, деньги берутъ: и кипить нонѣшній самоваръ день цѣльный, конца вѣка не дождешь, а мой самоваръ—одна красная мѣда, катерининская, а труба—бумага папиросная! Онъ и кипить, какъ только уголекъ въ него брошишь.

— Самоваръ, что и говорить, хорошъ,—поощрялъ я самодовольнаго владѣльца:—давно вы его приобрѣли?

— Тридцать пятый годъ ему пошелъ, да сколько еще онъ барину моему,—царствіе ему небесное, вѣчный упокой,—служилъ.

— Подаренъ вамъ, значитъ?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе. Въ денщикахъ я состоялъ у офицера, подъ Сывастополію. А война была, о-ой!! Вотъ, идутъ они на батарею и говорятъ мнѣ: «Ежели, говорятъ, убьютъ меня, бери, говорятъ, все мое имущество». Ихъ и убили. Только я потомъ и думаю, куда же имущество дѣвать?

— А много было имущества?

— Нѣ-ѣтъ! Кто же его много на войну беретъ: ножъ, вилка, стаканъ, тарелка, да вотъ самоваръ. Вотъ и думаю, что дѣлать? Дождалъ темноты, взялъ имущество и пошелъ зарывать въ землю. Мелкія-то вещи зарылъ скоро, а для самовара яму надо было настоящую. Выкопалъ ее ножомъ, положилъ самоваръ, зарылъ и ужъ ровнять сталъ землю, какъ одна-то бонба — тррр-ахъ! Я такъ и упалъ, и что было, не помню. Очнулся на пунктѣ: сказываютъ, ногу и руку рѣзать надо. Ну, рѣжь! Отрѣзали, лежалъ я, а потомъ деревяшку къ ногѣ приставили. Тутъ замиреніе пошло, по домамъ пустили. Вотъ и пошелъ я имущество разъ-

искивать: самоваръ скоро разыскалъ, а другое имущество, хоть убей, не припомню! Вотъ исторія-то!

— Должно, безъ креста хоронилъ,—пояснилъ возница,—а самоваръ, должно, съ крестомъ.

— Я тоже такъ полагаю,—согласился солдатъ и продолжалъ:—взялъ я самоваръ и пошелъ.

— Все время пѣшкомъ шли?—спрашиваю я.

— А то какъ же? Всю тысячу, или сколько тамъ верстъ, и прошелъ. Онъ меня, голубчикъ,—взглянувъ любовно на самоваръ, продолжалъ солдатъ,—всю дорогу кормилъ, поилъ и денежки собралъ. Добрель сейчасъ до деревни, заходишь въ избу. «Эй, вы, православные! я вамъ самоварчикъ поставлю, а ваша хлѣбъ-соль». Самоваровъ-то тогда и вовсе мало по деревнямъ было. Ну, извѣстное дѣло, — не про насъ будь сказано,—мужикъ—дуракъ. Какъ пройдетъ по селу молва, что солдатъ со своимъ самоваромъ пришелъ—народъ валомъ валить, чтобы посмотрѣть. Я тутъ и кричу: «Эй, бабки-молодки, дѣвицы-красныя, парни стоеросовые! Самоваръ готовъ! хлѣбъ-соль есть, да чаю, сахару нѣтъ!» Глядь, кто меду притащить, а богатей, смотришь, щепотку чаю на заварку пришлетъ, а кто кусокъ сахару. Сядешь и пьешь, да прибаутки говоришь, а на тебя глазѣютъ—ей-Богу! А случилось—на свадьбу попадешь, на родины или крестины: тутъ ужъ поѣшь, попьешь, да еще во какъ заработаешь — провалиться на этомъ мѣстѣ! Кабы за галстукъ не заливалъ—были бы деньги!

И, сказавъ это, солдатъ, указывая на опорожненную почти бутылку водки, спросилъ:

— Дозвольте, ваше высокоблагородіе?

— Кончайте.

Онъ вылилъ все, чтѣ было, залпомъ выпилъ, крикнулъ, плюнулъ и, закусивъ, продолжалъ еще веселѣе:

— Хорр-рошо было въ дорогѣ! Шелъ я, ваше высокоблагородіе, около года. Ужъ и сказать не могу, почему въ эту деревню захотѣлось. Прихожу: никто меня не знаетъ, угла своего нѣтъ, и хоть бы собака-то родная была—никого!

— А вы мѣстный уроженецъ?

— Ка-акъ же, то-то и дѣло, что здѣсь рожденъ. Чтѣ ты будешь дѣлать? И деревня-то проклятая, что отъ нея далеко все. Чаю тоже никто не пьетъ, — средствій ни у кого нѣтъ, — раза три-четыре въ годъ по двугривенному зарабатываешь на этомъ. А тутъ старость, въ мокрую погоду во какъ ломить ногу-то! Я и говорю на сходѣ: «Господа міряне! опредѣлите меня на какую ни на есть должность». Галдили, галдили мужики и дали мнѣ вотъ эту избу, чтобы могилки стерегъ—вотъ я и живу...

Въ это время кто-то постучалъ въ окно, и солдатъ вышелъ.

— Гдѣ вы самоваръ ставили?—спросилъ я возницу.

— Провались онъ проваломъ,—тихо отвѣчалъ возница,—у него тутъ погребъ выкопанъ: оттуда онъ его вытащилъ, а ставилъ тутъ же, на могилкахъ... И страшно же здѣсь!.. Какъ онъ только живетъ, нечистая сила...

Я не успѣлъ отвѣтить, какъ солдатъ возвратился и опять сталъ болтать безъ умолку.

Когда кончилось чаепитіе, я попросилъ солдата дать намъ самоваръ, чтобы поставить его утромъ у старосты.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, — отвѣчалъ сол-

дать, — опасно: первымъ дѣломъ испортить могутъ, а во-вторыхъ, что народъ у насъ — не дай Богъ, воровать: того и гляди стащутъ...

— Да какъ же могутъ его стащить, когда у старосты столько ночуютъ?

— О, не говорите! прямо изъ-подъ подушки стянутъ. Я завтра на зорькѣ приду и поставлю самоварчикъ, съ нашимъ удовольствіемъ.

Я далъ солдату тридцать копѣекъ, но онъ попросилъ еще гривенникъ «на полуду».

— Лудить, ваше высокоблагородіе, собираюсь,—не откажите въ прибавочкѣ... А если, ваша милость, еще къ намъ пріѣдете, съ моимъ удовольствіемъ самоварчикъ поставлю.

Я прибавилъ гривенникъ и, забравъ свое имущество, мы удалились.

Возвратившись къ старостѣ, мы улеглись спать.

Въ глубокую полночь я былъ разбуженъ тревожными возгласами моего возницы:

— Максимъ! а Максимъ!—будилъ онъ старосту.

— Чтò такое?—спрашиваю я.

— Да коня моего нѣтъ... Вышелъ, хотѣлъ коня поглядѣть, а его нѣту... Максимъ! а Максимъ!

Я зажегъ свѣчу и посмотрѣлъ на часы; было два часа ночи.

— Чтò тебѣ?—проснулся, наконецъ, староста.

— Да коня моего нѣтъ.

— Ну?

— Ей-Богу!

— Что за оказія!

Максимъ спѣшно всталъ и отправился съ возницею во дворъ.

Возвратились они такіе убитые горемъ, что я не въ силахъ изобразить его перомъ; оказалось, что пропала и пара лошадей старосты, при чемъ отворенныя подъ навѣсомъ ворота, выходившія прямо въ поле, не оставляли сомнѣнія, что лошади украдены.

Скоро проснулась жена старосты, старики, затѣмъ дѣти, и раздались душу раздирающій отчаянный плачъ матери семейства, крики испуганныхъ дѣтей, оханье и проклятья старика. Ничего подобнаго не приходилось мнѣ наблюдать даже при смерти членовъ крестьянской семьи. Видно было, что оплакивалось то, что составляло основу существованія обывателей этой избы, показавшейся мнѣ еще болѣе мрачною, чѣмъ ранѣе.

Возница и староста сидѣли на скамьѣ, повѣсивъ головы и опустивъ руки, какъ люди, которымъ въ жизни уже ничего свѣтлаго не предвидѣлось, какъ приговоренные къ казни.

Долгое время спустя староста, очнувшись, предложилъ возницѣ, взявъ съ собою десятскаго и сотскаго, обойти деревню и навѣдаться къ подозрительнымъ личностямъ.

Чтобы уйти отъ невыносимой картины крестьянскаго горя, я отправился вмѣстѣ съ возницею и старостою.

Среди глубокой тьмы, по невылазной грязи шли мы гуськомъ другъ за дружкой подъ самыми избами, объятами непробуднымъ сномъ. Подойдя къ избѣ десятскаго, староста, что есть мочи, сталъ стучать въ ворота палкою, а затѣмъ тарахтѣть въ окно. Послѣ долгихъ усилій онъ былъ разбуженъ и отправился съ нами. Такимъ же манеромъ встревоженъ былъ и сотскій. Тогда отправились мы по «подозрительнымъ»

дворамъ, причемъ меня поразила деревенская безцеремонность и грубость.

Подходимъ, напимѣрь, къ первому «подозрительному» двору. Начинается страшный стукъ.

— Кто тамъ?!—слышится изъ избы.

— Отворяй!

— Да кто здѣсь?!

— Отворяй, говорятъ тебѣ!

Отворяютъ и спрашиваютъ:

— Чтò надо?

— Ищи, ребята!—въ отвѣтъ на это говорить староста.

И начинается обыскъ двора.

Когда мы уходимъ, хозяинъ восклицаетъ:

— Эхъ вы, полуночники!

— Молчи, злодюга!—кричитъ староста.

— Самъ ты злодюга!—отвѣчаетъ хозяинъ.

— Сволочь!—поддерживаетъ старосту десятскій.

И затѣмъ мы идемъ далѣе, а хозяинъ затворяетъ ворота и еще разъ кричитъ вдогонку:

— Собаки окаянные!

— Самъ ты песъ!—шлетъ отвѣтъ сотскій.

То же, только въ другихъ выраженіяхъ, повторялось и при посѣщеніи другихъ «подозрительныхъ» дворовъ.

Не разыскавъ нигдѣ лошадей, мы возвратились въ избу старосты. Здѣсь уже не мало было народа, причемъ давались всевозможные совѣты и предположенія. Одни совѣтовали скакать по дорогѣ на какую-то деревню Сошную, другіе рекомендовали пройти къ какой-то мельницѣ, нѣкоторые шептали имена лицъ, которыя могли похитить лошадей, а какая-то баба

предложила обратиться къ солдату, чтобы «поворотилъ». Предложеніе это пришлось всѣмъ по душѣ, и возница попросилъ меня отдать ему деньги за провозъ отъ станціи. Я отдалъ, и пострадавшіе, сопровождаемые гурьбою любопытныхъ, не исключая и жены старосты, отправились на кладбище къ солдату.

— Онъ найдетъ,—увѣренно прошамкалъ старикъ, когда всѣ вышли изъ избы, а дѣти, вдоволь накричавшись, опять улеглись спать.

— Развѣ бывало, что отыскивалъ?

— У-у, сколько разъ!

— Сколько же онъ за это беретъ?

— По полтиннику съ лошади, а если не укажетъ, деньги возвращаетъ.

— Вы думаете, что и теперь укажетъ?

— Очень просто, что укажетъ, потому — слова знаетъ... Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѣ...

И старикъ умолкъ и закряхтѣлъ, а я, сильно уставъ отъ путешествія по деревнѣ, улегся спать.

Не буду рассказывать о дальнѣйшемъ пребываніи моемъ въ Печальной, такъ какъ, занятый весь слѣдующій день опросомъ, я не наблюдалъ ничего выдающагося, а скажу только, что лошади были найдены.

По этому поводу съ возницею у меня произошелъ такой разговоръ на обратномъ пути на станцію.

— Какъ же вы нашли лошадей?

— Да вотъ какъ дѣло было. Пошли мы это къ солдату. Онъ всѣхъ попрогналъ, а только меня да Максима оставилъ. Потомъ пошепталъ что-то на ведро, и, какъ началъ изъ него воду-то въ самоваръ лить, сказываетъ: говорите, покуда воду лью: «муха-

метъ, мухаметъ». Ну, мы это сидимъ и все говоримъ: «мухаметъ», «мухаметъ», «мухаметъ»... Какъ воду налилъ, опять пошепталъ, крышкою накрылъ и сталъ разжигать самоваръ, а какъ огонь пошелъ изъ трубы, онъ и сказываетъ: «говорите за мною: «огонь, огонь, освѣти поля и лѣса, и крутя горы, гдѣ наши кони». Потомъ, какъ самоваръ поспѣлъ, онъ ну угли валить, ну валить, покуда самоваръ-то не заворчалъ, ажъ вода изъ него брызжетъ, а паръ такъ и шипитъ, такъ и шипитъ. Вотъ онъ тогда приставилъ кулакъ къ невидящему своему глазу и ну на паръ смотрѣть, ну смотрѣть. «Вотъ, говоритъ, хвостъ вижу вашихъ лошадей, вотъ спина, вотъ грива, а вотъ и всѣ онѣ. Стоять ваши кони въ прибудномъ вершкѣ, привязаны къ кустамъ». Поѣхали мы, а анъ такъ! Такъ чуть слезою отъ радости не прошибло! Ну, и солдаты! Такого я отъ роду не видалъ!

— Дорого взялъ?

— Полтора цѣлковыхъ за тройку... Съ чортомъ ли онъ знается или чтò другое, но очень это удивительно...

Тутъ изъ моей памяти вынырнуло воспоминаніе о томъ, какъ кто-то постучалъ къ солдату и онъ вышелъ... Я подѣлился своими наблюденіями съ возницею.

— Ну?—спросилъ онъ.

— Я полагаю, что лошадей-то увели пріятели солдата, съ которыми онъ условился ранѣе...

— Это такъ и есть! Народъ мы, господинъ, темный: вотъ и въ голову никому это не приходитъ... Жаль, что Печальная далеко, а то я бы рассказалъ мужичкамъ... Да какъ-нибудь встрѣчу кого-нибудь...

Встрѣтилъ ли мой возница кого-нибудь изъ Печальной, сообщилъ ли мое мнѣніе о солдатѣ—не знаю, но лѣтомъ, предшествовавшемъ голодному и холерному 189— году, когда была страшная засуха, въ газетахъ попало мнѣ такого рода извѣстіе: «Въ одномъ изъ селеній N—скаго уѣзда (именно въ этомъ уѣздѣ и Печальная) крестьяне, объясняя засуху местью «колдуна», за какого слылъ у нихъ недавно умершій старый николаевскій солдатъ, разрыли могилу послѣдняго, перевернули трупъ и всадили въ спину осиновый колъ. Дѣло передано судебному слѣдователю».

«Не мой ли это знакомый старый солдатъ,—подумалъ я,—что добывалъ себѣ средства къ существованію, пользуясь тьмою народа». Хорошо, что умеръ онъ своею смертію до засухи, а то, пожалуй, этотъ осиновъ колъ прободилъ бы его живое тѣло. Бѣдный солдатъ, бѣдный народъ! Одни и тѣ же тьма, голодъ и холодъ заставили одного идти «по колдовой части», а другихъ—вѣрить... И что поможетъ здѣсь судебный слѣдователь? Ну, осудятъ, сошлютъ на каторгу, или приговорятъ къ тюремѣ... Но вѣдь остаются неприкосновенны тѣ условія, которыя порождали «колдуновъ» и вѣрующихъ въ нихъ...

Волостная статистика.

Кому приходилось позднѣю ночью прїѣзжать въ деревню, тотъ знаетъ, съ какими трудностями сопряжено разысканіе ночлега. Начать съ того, что деревня спитъ непробуднымъ сномъ, вслѣдствіе чего нерѣдки случаи гибели людей во время пожаровъ. Иной разъ цѣлые часы самаго сильнаго стука не даютъ никакихъ результатовъ, несмотря на неимовѣрный лай множества собакъ. Затѣмъ приходится перебивать въ цѣломъ рядѣ избъ, покуда отыщешь маломальски свободный уголъ, такъ какъ въ осеннее и зимнее время хаты биткомъ набиты не только людьми, но и животными. Только въ волостномъ селеніи, именно въ помѣщеніи волости, можно всегда разсчитывать безпрепятственно переночевать, но и здѣсь въ ночную пору не всегда обходится все спокойно. Сторожа, въ большинствѣ случаевъ выжившіе изъ ума старики, или, принявъ васъ съ просонокъ за высокое начальство, пугаются и, не выслушавъ или не понявъ вашихъ объясненій, могутъ поднять на ноги все село, или, наоборотъ, отнесутся настолько недовѣрчиво, что не впустятъ васъ: запираютъ на замокъ волость и отправляются будить писаря, старосту, вообще начальство, чтобы «успросить», можно пустить или нѣтъ.

Въ виду сказаннаго я былъ очень обрадованъ, когда, подѣзжая къ Н-скому волостному правленію часовъ въ двѣнадцать сентябрьской ночи, увидѣлъ всѣ окна освѣщенными. «Значить, не спятъ въ правленіи, работаютъ»,— подумалъ я, предвкушая чаепитіе и хорошій ночлегъ.

Вхожу въ зданіе и вижу полнѣйшее сонное царство: всѣ скамейки и полы комнатъ устѣяны спящими во всевозможныхъ позахъ крестьянами; слышенъ разнообразный храпъ, сопѣніе; воздухъ — хоть «топоръ повѣсь»...

Бужу перваго попавшагося, чтобы спросить, гдѣ сторожъ. Онъ схватывается какъ укушенный и кричитъ во всю глотку:

— Вставай, робята!

— Чего вы кричите? — успокоиваю я его.

Но уже многіе поднялись и начали оправляться.

— Мнѣ нужно только знать, гдѣ сторожъ.

— Макси-имъ! — оретъ опять не могущій придти въ себя внезапно разбуженный.

— Да не кричите же вы!..

— Слушаю-сь!..

— Вы скажите мнѣ только, гдѣ спать сторожъ.

— Чичась разбужу...

— Я самъ разбужу. Гдѣ онъ?

— Вонъ, въ енттой комнатушкѣ...

— А вы ложитесь...

Къ моему удовольствію, и разбуженный мною, и поднявшіеся вслѣдствіе оклика послѣдняго успокоились и опять улеглись, а я отправился въ неимоверно жарко натопленную «комнатушку» и увидѣлъ тамъ развалившагося на горячей лежанкѣ сладко спавшаго

съ разинутымъ ртомъ старика. Съ большими усиліями и не безъ сожалѣнія разбудилъ я старца и прежде всего постарался его успокоить, такъ какъ, судя по широко открытымъ глазамъ, я ожидалъ проявленія испуга. Это мнѣ удалось. Тогда я вступилъ съ нимъ прежде всего въ переговоры относительно самовара.

Оказалось, таковой въ волостномъ правленіи имѣется, и когда старикъ узналъ, что у меня есть не только чай и сахаръ, но даже и водка, то охотно согласился поставить самоваръ, заявивъ на мое извиненіе, что онъ скоро и самъ проснулся бы, такъ какъ легъ, когда только-что «темнѣть зачалось».

Скоро въ «комнатушкѣ» на маленькомъ столикѣ весело шумѣлъ и бурлилъ пузатый грязный самоваръ, а мы съ старикомъ, выпивъ предварительно «по рюмочкѣ» и закусивъ, обливаясь потомъ, пили чай.

— Что это у васъ за народъ ночуетъ? — завязываю бесѣду.

— Старосты, съ утра здѣсь валются.

— Чего они здѣсь?

— Старшина, вишь, вызвалъ, какой-ся апросъ, да вотъ и нѣтути иво... Вишь ты грѣхъ-отъ какой: лампы я позажегъ, ожидаючи, да всѣ и позасыпали и двери атваремши... Бѣда энтимъ старостамъ: кто за 5, кто за 10, кто за 20 верстовъ попришелъ, да вотъ тутъ и валяйси, покель дѣло-то будить... Э-эхъ!..

— Такъ неужели сегодня дѣло это будетъ?

— Безпримѣнно...

— Да ужъ за полночь время...

— Штошъ ты подѣлаешь: старшина сказалъ, што безпримѣнно, только писаря найдетъ.

— А писарь гдѣ?

— Кудысь въ объѣздъ што-ли поѣхаль.

— А старшина за нимъ?

— Должно, выходитъ, такъ: доподлинно сказать не могу...

Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время раздался стукъ колесъ, и не успѣлъ старикъ выйти на улицу, какъ дверь отворилась, и вошелъ высокій, плотный человѣкъ въ поддевкѣ, а вслѣдъ за нимъ молодой человѣкъ въ непромокаемомъ плащѣ.

— Ишь поразлеглись! — крикнулъ первый и еще хотѣлъ что-то сказать, но, замѣтивъ меня, вопросительно взглянулъ на сторожа.

— Какой-ся господинъ, — шопотомъ отвѣтилъ послѣдній

— Давно пріѣхаль?

— Чичась только...

Желая немедленно разсѣять недоразумѣніе, я вышелъ и отрекомендовался. Старшина сдѣлалъ по отношенію ко мнѣ то же самое и представилъ писаря, при чемъ послѣдній сказалъ, что обо мнѣ давно уже бумага получена.

Когда старшина и писарь раздѣлись, мы всѣ отправились въ комнатушку.

— Что это вы собираетесь дѣлать? — обращаюсь съ вопросомъ къ старшинѣ.

— Бѣда одна и только! Вотъ какое вчера вечеромъ получено предписаніе... Покажите, Иванъ Даниловичъ...

— Да-а, предпи-са-ніе! — произнесъ послѣдній, вздохнувъ и вынимая изъ шапки бумагу.

Въ бумагѣ кратко говорилось слѣдующее по адресу старшины: «Предписывается тебѣ, тотчасъ по полу-

ченіи настоящаго приказа, собрать по прилагаемымъ бланкамъ необходимыя свѣдѣнія и съ нарочнымъ доставить мнѣ не позже 23 сентября *). За точность свѣдѣній ты будешь въ отвѣтъ».

— Такъ вотъ я и говорю Семену Петровичу, — сказалъ писарь, когда я прочелъ бумагу, — что этотъ приказъ совсѣмъ невыполнимый.

— Ахъ, Иванъ Даниловичъ, да развѣ вы не знаете нашего начальства? Развѣ съ нимъ разговаривать можно? Подавай и шабашъ!

— Знаю я это, превосходно знаю, но поймите же, Семенъ Петровичъ, что если бы самъ чортъ явился къ намъ на помощь, не можемъ же въ одну ночь подворную опись всей волости сдѣлать...

— Ну, вы сейчасъ «чортъ», «опись». А мы съ Божіей помощью да со старостами все до-чиста и сдѣлаемъ, право слово! Кабы я былъ такой грамотей, какъ вы, да я бы!... Вотъ только грахвовъ ентихъ не знаешь, куда, какъ и что...

— Ну, какъ хотите, а я отказываюсь.

— Да что вы, Иванъ Даниловичъ! Да это никакъ невозможно! Значить, завтра ни васъ, ни mine не будетъ, право слово!

— Ну и не будетъ! А я совѣтую вамъ послушать меня: мы напишемъ прекрасную бумагу, со всѣми доказательствами, что исполнить приказъ нельзя...

— Что-о-о вы это!.. Ну, какъ вы ужъ знаете, а я не могу.

— Ваше дѣло.

— Я пошлю за Яковомъ Григорьевичемъ, онъ сдѣлаетъ.

*) Приказъ отъ 20 сентября.

— Какъ вамъ угодно.

— Говорю вамъ, Иванъ Даниловичъ, что такъ долго на мѣстѣ вы не усидите.

— Свѣтъ не клиномъ сошелся.

— Какъ знаете. Пожалуйста бумаги, приказъ этотъ.

— Получите...

Писарь отдалъ старшинѣ приказъ съ бланками, и Семень Петровичъ сердитый вышелъ изъ комнатушки и крикнулъ сторожу:

— Мойсей, сходи за Яковомъ Григорьевичемъ!

— А ежели спятъ?—спросилъ сторожъ.

— Буди! Скажи, старшина зоветъ, чтобы безпримѣнно.

— Слушаю-съ...

И старикъ вышелъ, а старшина, крикнувъ на старость: «эй, вы, вставайте!» — направился въ присутственную комнату.

— Кто это Яковъ Григорьевичъ? — спросилъ я писаря.

— А это мой предшественникъ, отданный подъ судъ за растрату волостныхъ суммъ, страшный пьяница.

— Такъ какую же онъ можетъ оказать помощь?

— О-о, несомнѣнно, что-нибудь сдѣлаетъ.

— А вы, вѣроятно, недавно писарствуете?

— Только девять мѣсяцевъ; раньше я тутъ учительствовалъ, а когда обзавелся семьею, нѣтъ никакой возможности на 18 рублей существовать...

— Я не понимаю, за что на васъ старшина разсердился?

— Да знаете ли, онъ отчасти правъ. Если я покуда дерзаю не совершать гадостей, то потому только, что у меня рука — предводитель дворянства, у котораго я, въ бытность учителемъ, считался на хорошемъ счету и благодаря ему получилъ это мѣсто. Но на самомъ дѣлѣ, если кто желаетъ оставаться писаремъ и не имѣеть протекціи, долженъ брехать ежедневно. Вѣдь, посудите, нѣтъ въ Россійской имперіи учрежденія, которое бы не обращалось въ волость за всевозможнѣйшими свѣдѣніями, составленіе которыхъ, не говоря о времени, требуетъ серьезнаго вниманія, труда и знаній. При сплошной безграмотности все это ложится на писаря. Вотъ теперь — вынь да положь данныя о количествѣ всякаго скота въ волости да еще о какихъ-то дикихъ звѣряхъ. Будь время, люди, слѣдовало бы произвести подворный опросъ, а безъ него чтò же получится? Вѣдь не знаютъ же старосты всего количества скота. Это, я вамъ доложу, одна потѣха, а не статистика! Вотъ, посмотримъ, чтò сдѣлаетъ этотъ пьяница...

— Да, это чрезвычайно интересно.

Молодой писарь нервно заходилъ по крохотной комнатукѣ, теребя волосы.

Стукнула дверь, и послышался грубый хриплый басъ.

— Мы такъ и знали... Подай Якова!.. Мы такъ и знали... И Яковъ все сдѣлаетъ, не то-что разные молокососы...

Молодой писарь притворилъ дверь въ крохотную комнатку и произнесъ довольно громко: «ска-а-ти-на!» Затѣмъ разговоръ начался въ присутственной комнатѣ, отдѣленной отъ комнатки тонкою, не доходившею до потолка перегородкою.

— Здравія желаемъ, Семень Петровичъ! — произнесъ Яковъ Григорьевичъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, Яковъ Григорьевичъ! Разбудили васъ?

— Нѣтъ, еще бодрствовалъ, но уже собирался... Что, аль неуправка?

— Дѣльце есть...

— Значитъ, старый другъ лучше новыхъ двухъ?

— Да, Иванъ Даниловичъ отказываются, а я не могу, чтобы не исполнить...

— Дѣло-то какое?

— Вотъ приказъ...

Наступило молчаніе, а затѣмъ Яковъ Григорьевичъ произнесъ:

— Дѣло привычное... Это мы соорудимъ... Только, Семень Петровичъ, чтобы ты похлопоталъ, потому тутъ не мошенство, а случай...

— Это ужъ вы не беспокойтесь...

— То-то же... А что касательно еного дѣла — для меня плевокъ... Садитесь...

— Эй вы, дубы стоеросовые, начальство! — гаркнулъ Яковъ Григорьевичъ на старостъ: — всѣ собрались?

— Кажись усѣ.

— Я буду перекликать, а вы отзывайтесь, какъ раньше дѣлалъ.

— Слушаемъ-съ.

По перекличкѣ всѣ старосты оказались налицо.

— Ну, теперь смотри въ оба! — басилъ Яковъ Григорьевичъ: — да не особенно брехать, а то знаете?

— Слушаемъ, Яковъ Григорьичъ.

— Какъ передъ исповѣдью показывай!

— Слушаемъ, Семенъ Петровичъ!

— Ну, выходи замарахинскій староста! — началъ работу Яковъ Григорьевичъ.

— Здѣсь!

— Слушай внимательно и отвѣчай, что у тебя спрашиваютъ.

— Слушаю-съ.

— Въ прошломъ году въ Замарахиной числилось
113 лошадей; больше теперь стало или меньше?

— Должно, поди, больше.

— Да ты отвѣчай не «должно», а прямо: больше—
меньше...

— Пойдите, Яковъ Григорьевичъ. Таперь Матренина кобыла ожеребилась, Сидорова — тоже...

— Болванъ! жеребята особая статья, — ты мнѣ о лошадяхъ говори! Падежа на скотъ не было?

— Никакъ нѣтъ.

— А продавали лошадей послѣ опроса?

— Этта тошно-что продавали.

— Много продали?

— Чичась: Савелій рыжую кобылу продалъ, Митрій сиваго мерина...

— Да ты въ умѣ считай — что ты тутъ всѣхъ называешь!

— Слушаю-съ...

Молчаніе.

— Ну, пересчиталъ?!

— Точно такъ-съ.

— Сколько же продали?

— Двадцать и три...

— Значить, на 23 лошади меньше стало?

— Точно такъ-съ.

— Вотъ такъ бы и говорилъ... Было 113, 23 проданы, осталось 90... Теперь будемъ о жеребятахъ говорить...

— Стойте-ка, Яковъ Григорьевичъ, а ишшо кой-кто покупалъ...

— Ахъ ты, харя твоя немытая! Чего же ты не говорилъ?! А я графу испортилъ!

— Ты слушай, дьяволъ! — прибавилъ сердито старшина.

— Такъ они же не спрашивали...

— Дур-ракъ! Самъ не понимаешь!.. Считай, сколько куплено...

Опять молчаніе, и слышно, какъ ножикомъ выскабливается «испорченная графа». Молодой писарь шопотомъ замѣчаетъ:

— Вотъ она волостная статистика!

— Ну, пересчиталъ? — Слѣдуетъ затѣмъ сердитый опросъ Якова Григорьевича.

— Точно такъ-съ... Только сказать не могу: Данила-мельникъ тоже собирался купить, да не знаю, купилъ либо не купилъ. Какъ иво считать?

— Да деньги-то у него есть?

— Е-есть!

— А лошадь нужна?

— Безпримѣнно!

— Считай и его.

— Слушаю-съ.

— Ну, сколько же?

— Съ Данилою-мельникомъ двадцать и семь...

— Ну-съ, было, 113 продано 23, осталось 90, да

куплено 27, итого 117... Теперь говори о жеребятахъ. Считалось ихъ въ прошломъ году 58, а въ этомъ? Кобылы-то, говоришь, жеребились?

— Да какъ же имъ не жеребитця: кажинный годъ жеребуются...

— Ну, не разсуждай! Это мы и безъ тебя знаемъ... Падежа на жеребятъ не было?

— Нѣтъ, слава Богу...

— А продавали?... Считай въ умѣ: сколько продано, сколько новыхъ жеребятъ...

— Слушаю-сь...

Молчаніе.

— Ну?

— Чичась...

Молчаніе.

— Ну?!

— Продано, знатца, тридцать и два, ожаробились сорокъ и одна кобыла, да ишшо стригуночки-то прошлогодніе теперь конями стали, у работу ходили по первамъ.

— Да ты этихъ стригуновъ прошлогоднихъ при- считалъ къ лошадямъ?

— Никакъ нѣтъ-сь...

— Ахъ ты, борода козлиная! Опять графу испортилъ! — закричалъ Яковъ Григорьевичъ.

— Да вы-жъ сказывали, что, то-ись, о жеребятахъ опосля...

— Молчи!

Молчаніе. Опять слышно, какъ чистятъ ножомъ цифру.

Молодой писарь, еле сдерживаясь отъ смѣха, вторично тихо замѣчаетъ:

— Вотъ она волостная статистика!

— Ну, сколько же стригуновъ лошадыми сдѣлалось?

— Шашнатцать.

— 117 и 16, итого 133 лошади... А жеребятъ, слѣдовательно, со стригунами: было 58, 16 вышли въ лошади, осталось 42, изъ нихъ продано 32, осталось 10, да еще новыхъ 41, итого 51? Такъ?

— Точно такъ-съ...

— Теперь вѣрно?

— Должно вѣрно.

Опрось о количествѣ коровъ, телятъ, овецъ, свиной сопровождался совершенно тѣми же приѣмами, вопросами, отвѣтами и ругательствами.

Но такія препятствія встрѣчались только въ самомъ началѣ; когда же старосты вслушались, поняли, въ чемъ дѣло, то, не желая получать непріятностей, угрозъ и ругани, стали отвѣчать быстро и безъ запинокъ.

— Въ прошломъ году въ твоёмъ селеніи числилось 120 лошадей, — говоритъ Яковъ Григорьевичъ, — а теперь больше или меньше?

И старосты быстро отвѣчали:

— На 20 и 6 лошадей больше, какъ, значица, пятнадцать продано, шашнатцать куплено, да ишло пять стригуновъ подѣлались лошадыми. Касательно жеребятъ больше стало на четыре, какъ, значица, четырнатцать продано, и т. д.

— Вотъ молодецъ! — хвалилъ обыкновенно такихъ старость Яковъ Григорьевичъ.

— Настоящій староста! — поддакивалъ Семенъ Петровичъ.

Только тѣ изъ старость, которые, не имѣя силъ

преодолѣть сонъ, не вслушивались въ показанія, все путались и получали нахлобучку, но такихъ было очень мало.

Къ тремъ часамъ ночи опросъ окончился, и былъ подведенъ итогъ.

— Слава тебѣ Господи! — вздохнулъ старшина.

— Погодите, Семень Петровичъ, а еще о дикихъ звѣряхъ, — сказалъ Яковъ Григорьевичъ.

— Да, да! Да какіе у насъ дикіе звѣри? — спросилъ старшина.

— Ну, все же пустыми графы оставлять нельзя: замѣчаніе какое-нибудь надо сдѣлать.

— Это пожалуй...

— Ну, старосты, еще кое-что скажите... Какіе такіе звѣри у насъ имѣются?

Молчаніе. Я тихо спрашиваю у молодого писаря:

— Кто о дикихъ звѣряхъ свѣдѣнія собираетъ?

— Кажется, Общество покровительства животнымъ.

— А зачѣмъ?

— Не знаю: какіе-то проекты тамъ...

— Ну, волки имѣются? — спрашиваетъ Яковъ Григорьевичъ.

— Есть! — отвѣчаютъ единогласно старосты.

— А нападаютъ на людей?

Молчаніе.

— Были случаи, чтобы кого разорвали?

— Были, — отвѣчаетъ одинъ голосъ.

— Кто сказалъ «были»?

— Я.

— Иди-ка сюда! Ты самъ видѣлъ?

— Никакъ нѣтъ — сказывали.

— Кого же они загрызли?

— Бабу и дивчонку.

— Хорошо. Далеко отъ твоего селенія?

— Да ета въ Калуцкой губерніи.

— Дурракъ! Вотъ я опять бланкъ испортилъ! Тебя спрашиваютъ о нашей губерніи...

— Въ нашей не слыхалъ.

— Но у насъ волки тоже могутъ нападать?

— Чаво не могутъ, вѣдомо могутъ.

— Аль оставить?—спрашиваетъ вполголоса Яковъ Григорьевичъ старшину.

— Оставляйте, это очинно можетъ быть.

— А медвѣди у насъ есть? — вслѣдъ затѣмъ спрашиваетъ Яковъ Григорьевичъ.

Молчаніе.

— Какіе у насъ медвѣди! — замѣчаетъ старшина.

— Да я и самъ знаю, что нѣтъ, вполголоса же отвѣчаетъ Яковъ Григорьевичъ, — но необходимо въ бумагѣ написать, что «по опросѣ всѣхъ»... Понимаете?

— Да, да, это вѣрно... Теперь шабашъ?

— Кончено!

— Ну, старосты, ложитесь спать, а какъ земскій отвѣтитъ, что все ладно, тогда по домамъ: я сегодня же нарочнаго посылаю...

Послышался топотъ множества ногъ, закрипѣли и застучали двери; Яковъ Григорьевичъ попрощался съ старшиною и ушелъ, а Семень Петровичъ заглянулъ въ комнатушку.

— Ну, вотъ и дѣло съ плечъ! — укоризненно обратился онъ къ Ивану Даниловичу: — учитесь!

— Благодаримъ покорно за такую науку!

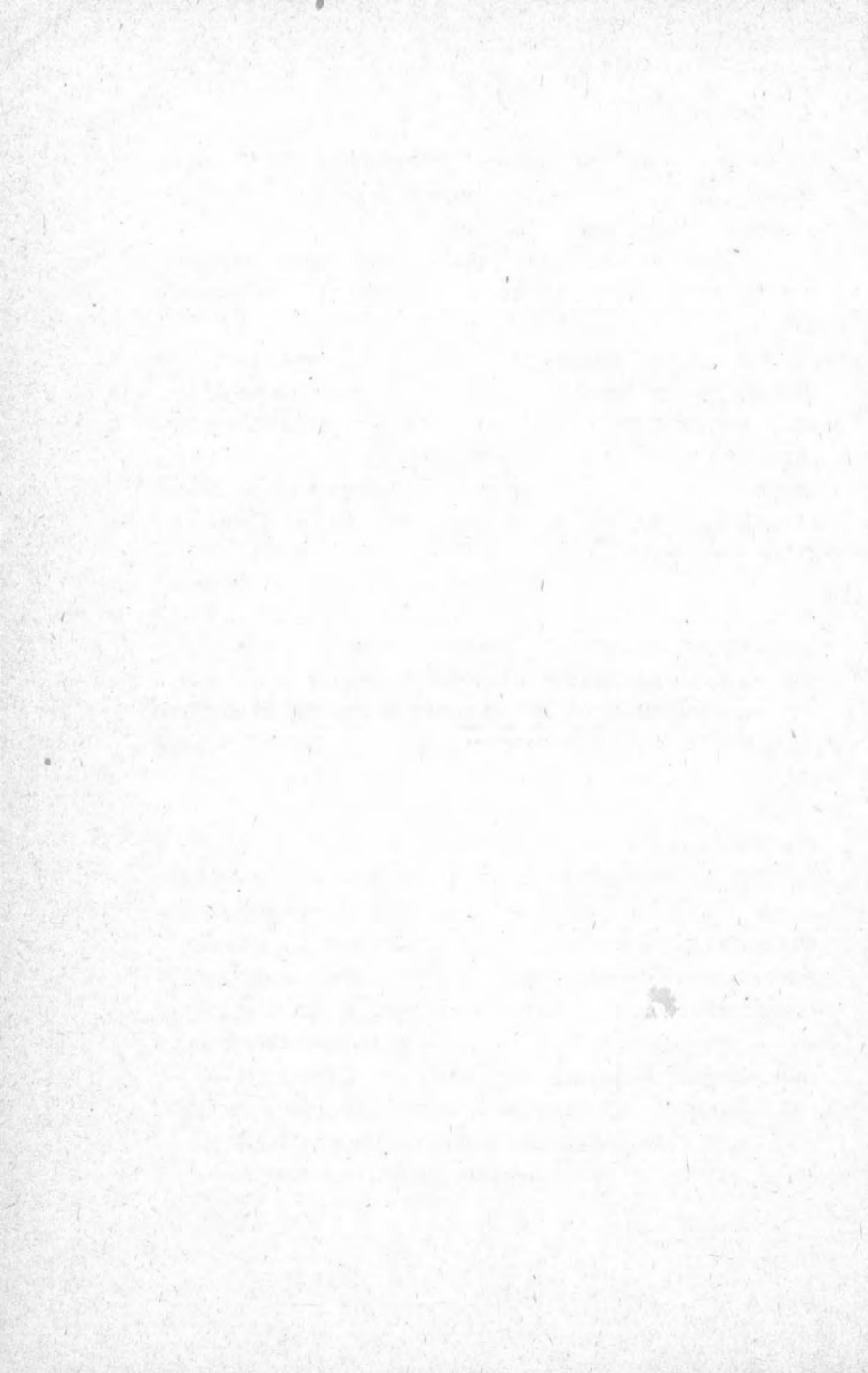
— А что же? И все отлично.

— Ну, ужъ вы этимъ занимайтесь! А я вотъ возьму да въ свободное время перепись сдѣлаю,— увидимъ, какія ваши свѣдѣнія!

— Можетъ чтó и не такъ—слова нѣтъ, а исполнять надоть... Таперь, что вамъ угодно? — обратился старшина.

Я подробно изложилъ свою миссію, чтó мнѣ для исполненія ея необходимо, и старшина, сказавъ, что «все завтра будетъ сдѣлано», удалился вмѣстѣ съ писаремъ, а я, устроивъ на скамейкѣ постель, легъ спать; скоро то же самое сдѣлалъ и сторожъ, загасивъ предварительно лампы и заперевъ двери. Старосты тоже улеглись.

„Отецъ Симиѣхъ“.

При въѣздѣ въ одну деревушку Н-ской губерніи мнѣ бросился въ глаза болѣе чѣмъ приличный домикъ, представлявшій рѣзкій контрастъ съ вытянувшимися въ одну улицу жалкими сѣрыми избенками, сплошь крытыми закоптѣлой соломой.

Домикъ былъ выкрашенъ бѣлою, а желѣзная крыша ярко-зеленою краскою. Въ нижнемъ полуэтажѣ помѣщалась, повидимому, лавка, о чемъ можно было заключить по вывѣскѣ надъ запертою громаднѣмъ висячимъ замкомъ двери: «Бакалѣйна тарголя, чай сахаръ кофія», а на самой двери была нарисована рука, одинъ палецъ которой, обращенный внизъ, указывалъ на надпись: «въ хотъ въ нись». Послѣдняя надпись, несомнѣнно, являлась подражаніемъ большимъ городамъ, была, такъ сказать, данью культурѣ, потому что сама по себѣ не имѣла рѣшительно никакого значенія, ибо при посредствѣ названной двери только и можно было попасть «въ нись», такъ какъ въ верхній этажъ вела особая, окрашенная въ желтую краску лѣстница, заканчивавшаяся крылечкомъ съ навѣсомъ. Дверь верхняго этажа точно такъ же была заперта висячимъ замкомъ, а окна закрыты ставнями.

Передъ домикомъ отгороженъ рѣшеткою палисадникъ; съ правой стороны изъ-за забора виднѣлись оголенные деревья сада, а съ лѣвой — устроены рѣзные ворота и калитка.

Добравшись затѣмъ до сборной избы и приступивъ къ подворной переписи, я узналъ и владѣльца описаннаго домика.

Случилось это почти въ самомъ концѣ работы.

— Семень Кириковъ!—выкликнулъ я.

— Нѣтъ его,—отвѣтилъ кто-то изъ толпы.

— А кто есть изъ его двора?

— Никого.

— Почему?

— Здѣсь никто не живетъ.

— Гдѣ же они?

— Баба съ ребятами на пасѣлкѣ,—у нихъ тамъ тоже изба,—а самъ къ веснѣ только приходитъ.

— Гдѣ же онъ живетъ постоянно?

— Нигдѣ... онъ по божественной части...

— По божественной?

— Да, на храмы, то-есть, собираетъ...

— Значить, онъ здѣсь не живетъ?

— Какъ не живетъ — настоящій житель... Вы съ какой стороны изволили къ намъ ѣхать?

— Отъ чугулки.

— Ну, вотъ: тамъ, у начала, не запримѣтили ли бѣлую хоромину?

— Видѣлъ.

— Вотъ это его хоромы.

— Это гдѣ лавка?

— Во-во, она самая...

— Значить, онъ и купецъ...

— Нѣ-ѣтъ, чтобы по настоящему торговать — не торгуешь, а такъ по лѣтнему дѣлу кой-что держить.

— На много душъ у него земли?

— Ни на сколько—онъ дворовый.

— Это, значитъ, купленная усадьба?

— Да, тутъ, на этомъ мѣстѣ барыня наша жила, а тамъ онъ купилъ, и пасѣку тожъ у нея купилъ...

— Откуда же у него деньги взялись?

— Мы не можемъ знать... Должно Господь помогаетъ: праведнику Господь Богъ посылаетъ... Лѣтъ десять онъ по божественной части занимается, а годовъ пять назадъ хоромы построилъ, землю купилъ.

— Кто-нибудь можетъ рассказать объ его семействѣ?

— Да усѣ можемъ, очинно даже хорошо знаемъ.

Изъ дальнѣйшихъ отвѣтовъ оказалось, что у Семена Кирикова, мужчины 55-ти лѣтъ, имѣется жена 22-хъ лѣтъ, которую онъ взялъ послѣ смерти первой. Всѣхъ дѣтей семеро: пятеро отъ первой и двое отъ второй жены. Кромѣ того, имѣется еще двое неопредѣленнаго происхожденія.

— Кто баить, бытто, значитъ, жировья, а кто говорить изъ милосердія принялъ — Богъ ихъ разбиретъ. — Изъ имущества, помимо земли, дома въ деревнѣ и избы на пасѣкѣ, имѣется: двѣ коровы, двѣ лошади, два хряка, поросная свинья, пара телятъ, жеребенокъ, тридцать овецъ и двадцать ульевъ пчелъ.

Черезъ годъ съ лишнимъ послѣ переписи въ назван-
ной деревушкѣ пришлось мнѣ ѣхать на пароходѣ по
Окѣ, отъ города Касимова къ Рязани.

Пароходъ попался безобразнѣйшій, какихъ, впро-
чемъ, большинство на этой рѣкѣ. Не говоря уже объ
отсутствіи удобствъ, шелъ онъ невѣроятно медленно
и постоянно садился на мель. Сначала мы какъ-то
довольно удачно снимались съ мелей при посредствѣ
лишь шестовъ да крѣпкихъ словъ, но къ полудню
перваго дня плаванія сѣли настоящимъ манеромъ и
совершенно неожиданно. Съ полчаса матросъ на носу,
погружая въ воду и вынимая шестъ, оралъ: «ше-е-е-сть!
ше-е-е-сть! ше-е-е-сть! ше-е-е-сть! ше-е-е-сть! ше-е-е-сть!» За-
тѣмъ раза два онъ крикнулъ «та-ба-къ!» положилъ
шестъ на крышу палубы и уже, по знаку капитана,
хотѣлъ удалиться на покой, какъ пароходъ сильно
зашуршалъ по дну и сталъ самымъ обстоятельнѣй-
шимъ образомъ. Капитанъ засуетился, подбѣжалъ къ
рупору и, крикнувъ «сто-о-пъ!», разразился затѣмъ
невѣроятными ругательствами, гулко отдававшимися по
водѣ. Это былъ сигналъ: вслѣдъ за капитаномъ на-
чали ругаться всѣ матросы, совершенно неизвѣстно
по чьему адресу. Затѣмъ поднялась возня, пошли въ
ходъ знакомые шесты, но на этотъ разъ они не вы-
вели. Тогда матросы полѣзли въ лодки, долго кру-
жили возлѣ парохода, а затѣмъ, щедро разсыпая
трехъ и болѣе этажныя слова, отправились въ воду;
когда же и это не помогло, капитанъ съ вышки спу-
стился на палубу, въ такъ называемый III классъ, и
потребовалъ, чтобы пассажиры «для облегченія паро-
хода» высадились на берегъ. Сначала въ публикѣ,
состоявшей почти исключительно изъ крестьянъ, про-

несся небольшой ропотъ, въ видѣ отрывочныхъ фразъ: «Ежели деньги взялъ, такъ и вези—намъ что...». «Кабы даромъ—другое дѣло, а то за свои кровныя... ишь чего выдумалъ: за свою копѣйку да въ воду...» но какъ только капитанъ пустилъ въ ходъ родныя, самобытныя слова, толпа вострепнулась и, какъ овцы, почесывая затылокъ, одинъ за другимъ полѣзли въ лодки, а тѣ, которымъ не хватило мѣстъ, спокойно поснимали штаны и, поднявъ рубахи, отправились въ бродъ, несмотря на чувствительный холодъ осенняго дня.

Пароходъ, освободившись отъ чрезмѣрнаго количества пассажировъ III-го класса, дѣйствительно показалъ признаки движенія, и капитанъ поспѣшилъ крикнуть въ рупоръ: «Хо-одъ! впе-ре-дъ!». Захлопали крылья, и мы причалили къ берегу, чтобы забрать промокшую публику. Но радоваться пришлось недолго: какъ только народъ заполнилъ палубу, пароходъ, не успѣвъ настоящимъ образомъ отчалить, врѣзался въ песокъ.

Въ самый разгаръ работы по снятію парохода съ этой мели какая-то полнолѣсная дама, какъ оказалось въ послѣдствіи купчиха, глядя съ вышки палубы вдаль, громко произнесла: «Отецъ Симиёнъ!» Всѣ работавшіе и неработавшіе оглянулись, куда смотрѣла дама, и въ одинъ голосъ закричали: «Отецъ Симиёнъ! Отецъ Симиёнъ!!»

Скоро и я замѣтилъ какую-то фигуру, быстро направляющуюся по луку къ пароходу. Черезъ нѣсколько минутъ она была уже на берегу. Это оказался мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, съ загорѣлымъ, покрытымъ

крупными веснушками лицомъ, курносый носомъ съ широкими ноздрями, съ длинными, какъ у священника, рыжими выющимися волосами и съ такого же цвѣта небольшою козлиною бородкою.

Несмотря на моросившій дождикъ и осенній холодъ, онъ былъ въ одной холщевой рубахѣ и такихъ же штанахъ, притомъ босой и безъ шапки. На обнаженной шеѣ висѣлъ громадный, почернѣвшій мѣдный крестъ, а немного ниже, на груди, виднѣлась небольшая дощечка, на которой была нарисована неуклюжая церковь.

Подошедши къ толпѣ, онъ со словами: «Миръ вамъ!» сдѣлалъ земной поклонъ, въ отвѣтъ на что всѣ сняли шапки и перекрестились; затѣмъ «отецъ Симиѣнъ» полѣзъ въ воду и сталъ плечомъ усиленно отталкивать пароходъ отъ берега.

— Ну, теперь поѣдемъ!—сказала та толстая дама, которая первая замѣтила «отца Симиѣна».

— Ужъ теперь бѣпаски никакой нѣтъ, — подтвердила другая, рядомъ стоявшая съ первою дама.

И дѣйствительно, всѣ пассажиры III класса мужского пола и матросы начали работать въ водѣ съ неимовѣрнымъ рвеніемъ, и пароходъ снялся съ мели.

— Нужно чѣйкомъ попоить отца Симиѣна,—сказала первая дама.

— И покормить надѣтъ,—прибавила вторая.

И обѣ дамы спустились внизъ, а я за ними, чтобы поближе приглядѣться къ «отцу Симиѣну», когда онъ будетъ съ дамами.

Капитанъ упрасивалъ «отца Симиѣна» первому взобраться на пароходъ, но онъ не согласился и взошелъ послѣднимъ, а когда капитанъ началъ благодарить,

«отецъ Симиёнъ» отвѣтилъ: «Меня не благодари, а чайкомъ народъ попой — ишь какъ озябли; ладно, что хоть сухи—штаны догадались снять».

Тотчасъ же было сдѣлано распоряженіе — раздать всѣмъ, кто работалъ въ водѣ, бесплатно кипятокъ и на каждые пять человѣкъ даромъ «заварку чаю». Въ то же время «отца Симиёна» окружили купцы и купчихи и чуть не насильно повлекли его въ рубку. Здѣсь официанту заказанъ былъ обѣдъ и чай, а покуда потребовали водки и закуски.

Несмотря на разительный контрастъ между босымъ, полуодѣтымъ «Симиёномъ» и богатымъ купечествомъ, первый велъ себя въ рубкѣ совершенно непринужденно, безъ смущенія сѣлъ на диванъ и быстро овладѣлъ вниманіемъ присутствующихъ.

— Откуда Богъ несетъ?—началъ разговоръ одинъ изъ купцовъ, обратившись къ «отцу Симиёну».

— Изъ Божоявленскаго, колоколъ тамъ мой подымали...

— Ужъ и подымали? Давно ли собирать началъ, а ужъ и колоколъ готовъ!—удивлялся одинъ изъ бесѣдниковъ.

— Смотрю я на тебя, отецъ Симиёнъ, и диву дивлюсь,—говорила купчиха:—ую жистъ на дѣло Божіе! О-охъ, грѣхи наши... А мы-то! Во грѣхахъ родились, во грѣхахъ, должно, и помремъ...

— Всяка тварь Господомъ создана, — отвѣчалъ, поднявъ глаза къ небу и сложивъ руки на животѣ, «отецъ Симиёнъ»:—не было бы богатыхъ, и бѣдные погибли бы.

— Вѣрно,—замѣтилъ купецъ,—истинно.

— Вотъ хоть бы колоколъ: развѣ одинъ нашъ

братъ, голытьба, повѣсилъ бы? Ни въ жисть. А пошелъ я по милосерднымъ людямъ, что и деньги имѣютъ, и добро творятъ, пошелъ и получилъ.

— Справедливо,—вставилъ купецъ.

— А ужъ какъ зазвонили—словно небеса отверзлись и ангельскія трубы отсюда затрубили! Даже слеза прошибла, какъ услышалъ гудѣніе...

— Ужъ что и говорить,—вздохнувъ, замѣтила одна изъ купчихъ и спросила:

— А теперь куда путь свой направляешь?

— А теперь мнѣ надѣтъ попасть на освященіе двухъ храмовъ въ благочиніи отца Ипантія: въ Дираловкѣ освященіе Михайловской церкви 8-го ноября, а въ Трясиловкѣ Введенская церковь построена—21-го ноября освященіе будетъ.

— Твой сборъ былъ?

— Мой, мой.

Въ это время вошли одинъ за другимъ два официанта, при чемъ одинъ принесъ обѣдъ, а другой приборъ для чая, водку и закуску. Когда все было установлено на столѣ, а официанты удалились за слѣдующими блюдами, одинъ изъ купцовъ, обращаясь къ «отцу Симиѣну», сказалъ:

— Выпей водочки.

Всѣ встали, перекрестились и приступили къ трапезѣ, при чемъ купецъ и «отецъ Симиѣнъ» выпили по рюмкѣ водки.

Послѣ второй рюмки, послѣдовавшей почти вслѣдъ за первой, «отецъ Симиѣнъ» сдѣлался еще разговорчивѣе.

— Вотъ могу съ православными выпить я одну, двѣ, три, а то и больше рюмочекъ, но potreбы не

имѣю ни къ пищѣ, ни къ питію, и монашескій чинъ безъ труда выполнить могу. Былъ нагдысь я на Аѡнѣ...

— А мы, грѣшныя, — замѣтила купчиха, — и въ Кіевъ никакъ не соберемся.

— Дастъ Богъ соберемся, — сказалъ купецъ и налил по третей рюмкѣ.

Выпивъ третью, «отецъ Симиѣнъ» продолжалъ:

— А путь, не дай Богъ, труденъ, охъ, труденъ! По морю — по окіану ѣзда очень затруднительна. По первамъ жаръ такой, что въ одной своей кожѣ терпѣнія нѣтъ. А какъ почнетъ тебя швырять! Господи Боже! Ну ужъ какъ доберешься — сейчасъ облегченіе наступаетъ, райское облегченіе. А какъ помолишься, что тебѣ пучины морскія! Десять дѣнь я жилъ и семь дѣнь ничего не ѣлъ и не пилъ, и ѣсть не хотѣлось и жажды не было — право слово! Только три дня передъ дорогою хлѣбецъ съ водою кушалъ. А какъ получилъ благословеніе, такъ вотъ, провалиться на этомъ мѣстѣ, пересталъ тѣлесное чувствіе имѣть: ни ногъ не чувствую, ни рукъ, ни живота, ни головы, словно духъ одинъ остался — охъ, райское блаженство! И много было мнѣ дано на Аѡнѣ божественныхъ вещей, да все православнымъ пораздавалъ.

Въ это время опять вошли два оффиціанта: одинъ принесъ самоваръ, а другой продолженіе обѣда.

— «Отецъ Симиѣнъ», — обратилась купчиха, подавая ему кусокъ поросенка съ кашей, — давно я знаю тебя, а не успрашивала — одинокій ты сирота или есть у тебя кто?

— Оставь отца твоего и мать, возьми крестъ твой и грядый по мнѣ, — неопредѣленно отвѣтилъ вопрошаемый.

— А мы-то грѣшные! — въ сотый разъ повторяла купчиха.

— Могій вмѣстити, да вмѣститъ, — отвѣтилъ «Симіѣнъ» и пояснилъ: — Кому что на роду написано, то и долженъ свое сполнять, — одинъ собираетъ, другіе даютъ.

— Вѣрно, — замѣтилъ купецъ, которому, видимо, нравились взгляды «Симіѣна» на богатыхъ людей.

При послѣднихъ словахъ «отца Симіѣна» мнѣ вдругъ вспомнилось что-то далекое, знакомое, но что именно, я не могъ дать отвѣта: видѣлъ ли я его гдѣ, слышалъ о немъ, — Богъ его знаетъ, но голова работала до боли, извлекая изъ тайниковъ памяти что-то тамъ засѣвшее. Однажды я было успокоился, подумавъ, что, вѣроятно, «отецъ Симіѣнъ» напомнилъ мнѣ одного кого-либо изъ массы ходящихъ «на построеніе храма». Но нѣтъ: я гдѣ-то слышалъ про этого «Симіѣна». И я, наконецъ, вспомнилъ, хотя и не въ-время. Загудѣлъ свистокъ, давая знать, что мы приближаемся къ пристани. «Отецъ Симіѣнъ» сталъ спѣшно собираться и класть земные поклоны всѣмъ присутствовавшимъ. Купцы и купчихи отъ такого смиренія совсѣмъ растаяли, раскошелились, и крупныя бумажки посыпались затѣмъ на тарелку странника. Когда пароходъ присталъ, «отецъ Симіѣнъ» съ необыкновенною быстротою, почти бѣгомъ, сбѣжалъ по трапу, и, выбравъ на берегу мѣсто, откуда былъ хорошо виденъ всѣмъ пассажирамъ, сталъ на колѣни и сдѣлалъ три земныхъ поклона всѣмъ намъ. Народъ поснималъ шапки и

сталъ креститься, не спуская глазь съ удалявшагося сборщика, куда онъ не скрылся изъ виду.

Какъ только пароходъ двинулся дальше, палубные пассажиры чуть не въ одинъ голосъ заговорили объ «отцѣ Симиѣнѣ».

Особенно заинтересовала меня группа, слушавшая со вниманіемъ какого-то человѣка, по виду дьячка или діакона.

— За-ла-той человѣкъ!—произнесъ онъ въ тотъ моментъ, когда я приблизился къ этой группѣ, пріютившійся на носу парохода.

— Праведный, что и говорить,—вздыхнувъ, замѣтила какая-то чуйка.

— Да ужъ праведный—неправедный, а такъ создаетъ храмы, что впервые въ жизни встрѣчаю я такого человѣка.

— Ну?

— Изъ-за него до драки дѣло доходить.

— Ну?

— Ка-а-к-же! Онъ отъ процента работаетъ.

— О-о?

— Отъ процента. Вотъ сейчасъ вступаетъ въ договоръ и ппа-шелъ, и ппа-шелъ! Ужъ ежели онъ въ какой округъ показался —пиши пропало: другимъ сборщикамъ лучше и не показывайся!

— Охъ, ты грѣхъ!

— Ввѣр-но. Онъ разсердился на батюшекъ, да на купцовъ Z-скаго уѣзда, что мало давали, и ну собирать для Y въ ихнемъ уѣздѣ: всѣхъ обобралъ, и въ годъ церковь Y устроилъ и колоколъ повѣсилъ.

— О-о-о!

— Ххи-т-е-рь! Охъ, ххи-теръ!

— Значить, деньги имѣеть?

— Таку деньгу, такую деньгу, что хо-хо! Процентъ беретъ—это разъ, а другое—кто его усчитаетъ?

— Это что и говорить... Онъ что же, здѣшній будить?

— Ннѣ-ѣтъ, онъ изъ N-ской губерніи, выписанъ отсюда, какъ слава о немъ большая прошла, а вотъ два года по нашей губерніи дѣло ведетъ.

Только сказалъ это рассказчикъ, какъ я вспомнилъ Семена Кирикова. Да, это онъ, это несомнѣнно онъ! Чтобы убѣдиться, я лично обратился съ вопросомъ.

— Вы почему знаете, что онъ изъ N-ской губерніи?

— Я бумаги его видѣлъ, какъ онъ для нашего Т-скаго прихода сборы дѣлалъ.

— Не помните ли его фамилію?

— Какъ не помню: Кириковъ.

— А какъ же его «отцомъ Симиѣномъ» величаютъ?

— Да такъ ужъ пошло: «отецъ Симиѣнъ, отецъ Симиѣнъ».

Удовлетворивъ свою любознательность, я отправился въ рубку. Купцы тамъ уже спали на диванахъ, переваривая сытный обѣдъ, а купчихи со вздохами бесѣдовали объ «отцѣ Симиѣнѣ», который настроилъ ихъ на такой ладъ, что онѣ проектировали непременно съѣздить на Аѳонъ.

Деревенская интеллигенція и народъ.

Было не болѣе пяти-шести часовъ декабрьскаго вечера, когда я, оставивъ поѣздъ, усѣлся въ сани, чтобы проѣхать въ одну, не описанную осенью, усадьбу, которая отстояла отъ вокзала не далѣе семи верстъ. Тотчасъ за оградою станціоннаго двора открылась безграничная бѣлая пустыня безъ какихъ бы то ни было признаковъ жизни. Въ полѣ дулъ сильный восточный вѣтеръ и несъ бѣлесоватую тучу къ западу, рѣзко выдѣлявшемуся отъ остального небосклона ярко-голубымъ небомъ съ блестящими на немъ звѣздами. Но постепенно и эта полоса, представлявшая единственное разнообразіе въ мертвой степи, скрылась подъ тучею, а вскорѣ началась и мятель.

— Далеко еще до экономіи?—спросилъ я возницу при первомъ появленіи снѣга.

— До иканоміи?—переспросилъ онъ.

— Да.

— А Богъ его вѣдаетъ... Кабы днемъ, а то дѣло ночное...

— Да версты-то тѣ же остались?

— А кто ихъ тутъ мѣрилъ?..

— Вы же сами мнѣ говорили на вокзалѣ, что не болѣе семи верстѣ.

— Да это тошно: народъ баить, что семь, не болѣе того...

— Ну, сколько же, по-вашему, мы проѣхали?

— Кто-шъ его знаетъ... поди, половину отмахали...

— Осталось, значить версты три-четыре?

— Пожалуй, не болѣ... кабы, значить, днемъ, а то дѣло ночное...

— Дорогу вы хорошо знаете?

— А чего ее знать—тутъ одна дорога: направо повернешь—утонешь, налѣво—тожъ самое...

— Сбиться, значить, трудно?

— Богъ его вѣдаетъ... кабы, значица, днемъ, а то, вишь, дѣло ночное...

— Да вѣдь дорога одна?

— Одна-то одна, да, вонъ, нагдысь у насъ мужикъ бабу свою въ кабакъ за водкою послалъ, а она, дьяволъ, сблудила, да на горѣдахъ и околѣла: выгнѣ была, свѣту не видно; а кабакъ тутъ же, на горѣдахъ былъ, рукою подать... это, какъ Господь...

— А лошадь ваша хорошо дорогу держить?—продолжалъ я допросъ, желая узнать шансы на благополучное достиженіе усадьбы.

— Ежели держать не будетъ,—провалится: куды ей больше итить?

Скоро, однако, оказалось, что лошадь пошла именно туда, куда не слѣдовало, и загрузла.

— Тпрр! тпрр! тпрр!—инстинктивно закричалъ возница, хотя нашъ Россинантъ, залѣзши по брюхо въ снѣгъ, не двигался съ мѣста. Затѣмъ онъ началъ неистово хлестать несчастное животное и ругаться.

Когда же и эти родныя средства не помогли, пришлось отпрячь коня и отправиться разыскивать внезапно исчезнувшую дорогу.

Невѣроятно долго кружились мы на небольшомъ пространствѣ, ежеминутно проваливаясь въ снѣгу и сталкиваясь другъ съ другомъ. Сначала возница посылалъ въ пространство весь запасъ крѣпчайшихъ словъ, но, не видя отъ этого никакихъ послѣдствій, сталъ креститься, приписывая всѣ бѣдствія дьяволу. Этотъ пріемъ также не далъ никакихъ результатовъ. Тогда начался молчаливый розыскъ пути, увѣнчавшійся, хотя и не скоро, успѣхомъ. Былъ моментъ, когда я, выбившись изъ силъ, уже рѣшилъ-было отправиться въ сани и, уподобляясь правовѣрному, терпѣливо ждать дальнѣйшей участи, какъ вдругъ услышалъ возгласъ: «нашелъ!» Оказалось, возница какими-то судьбами разсмотрѣлъ конскій пометъ.

— Да не отъ нашего ли это коня?—выражаю я сомнѣніе.

— Нѣ-ѣтъ!—радостно кричитъ возница:—нашъ на этомъ мѣстѣ не стоялъ!

— Почему вы знаете?!

— Твердость подъ ногами!

И съ этими словами онъ пробрался къ лошади, погрузилъ ее въ снѣгъ между оглоблями и, употребивъ неимоверныя усилія, умудрился запрячь. Достигнувъ цѣли, онъ еще разъ отправился къ драгоценной находкѣ, а затѣмъ началъ кричать и бить коня, стараясь направить его на пометъ. Лошадь рвалась, металась изъ стороны въ сторону, падала и поднималась, покуда, наконецъ, не выбилась изъ снѣга и, дѣйствительно, очутилась на твердомъ мѣстѣ.

По моему предложенію, возница далъ отдохнуть коню и потомъ пустилъ его на произволъ судьбы, не дергая вожжами. Сначала, казалось, мы ѣхали прямо, но черезъ нѣкоторое время лошадь вдругъ повернула вправо, опять загрузла въ снѣгу, быстро, безъ всякихъ понуканій, выскочила изъ него, и спокойно пошла впередъ, но куда,—мы не знали, такъ какъ за мятелью рѣшительно ничего не было видно.

— Не по другой ли дорогѣ мы поѣхали?—спрашиваю возницу.

— Богъ его вѣдаетъ... Кажись, не должно бы быть другой...

Сказавъ это, возница сталъ внимательно всматриваться вдаль, и черезъ нѣкоторое время робко спросилъ меня:

— Не заprimѣтите, господинъ: чтой-то бытто огонекъ?

— Гдѣ? въ какой сторонѣ?

— Глядите прямо-прямо: во-о-нѣ, насупротивъ...

Съ напряженіемъ не менѣе, вѣроятно, усиленнымъ, чѣмъ то, съ которымъ экипажъ Колумба искалъ на горизонтѣ безграничнаго океана землю, я вперилъ взоръ въ темное пространство, все пронизанное крутившимся снѣгомъ, какъ море, шипѣвшее отъ сильныхъ порывовъ вѣтра, и мнѣ тоже показалось, будто дѣйствительно мерцаетъ свѣтящаяся точка, то исчезая, то опять показываясь.

— Какъ будто и я вижу,—не довѣряя себѣ, стѣтилъ я возницѣ.

— Должно-таки огонекъ,—уже болѣе увѣренно заявляетъ онъ.

— Въ экономіи, вы думаете?

— Должно тамъ—больше негдѣ ему быть.

Долгое еще время дразнилъ насъ этотъ невѣдомый источникъ свѣта, какъ миражъ въ пустынѣ, то не оставляя сомнѣній въ его дѣйствительности, то скрываясь и заставляя предаваться унынію, такъ какъ ни возница, ни тѣмъ болѣе я не знали, куда ѣдемъ и скоро ли доберемся до какого ни на есть жилья, а все болѣе и болѣе усиливавшаяся выюга невольно наводила на самыя мрачныя мысли.

Вдругъ, совершенно неожиданно для насъ, лошадь остановилась, какъ вкопанная, и впереди мы увидѣли темный предметъ.

— Никакъ хата,—неувѣренно и какъ бы про себя произнесъ возница и тотчасъ отправился, чтобы убѣдиться въ своемъ предположеніи.

— Ну? что?!—нетерпѣливо кричу я ему вслѣдъ.

— Ха-т-а-а!—несется радостный отвѣтъ.—Стой-ка, двери пойду искать!..

Возница скрылся, но быстро опять появился и заявилъ, что подъѣхали мы къ жилой избѣ, но только съ той стороны, гдѣ нѣтъ оконъ, а съ противоположной въ окнахъ виденъ огонь.

Немедленно вдвоемъ уже обошли мы избу, увидали привѣтливый огонекъ, разыскали двери и начали стучать.

— Сейчасъ! — раздался изнутри старческій голосъ.

По голосу возница къ необычайному удивленію узналъ сторожа школы своего родного села, отстоява-шаго всего въ пяти верстахъ отъ вокзала, но въ противоположной сторонѣ отъ экономіи, куда мы направлялись.

— Вотъ навожденіе! — произнесъ онъ и, снявъ шапку, перекрестился.

Между тѣмъ, дверь отворилась, и тотъ же старческій голосъ произнесъ:—А я думалъ—не добратъся вамъ...

— Здорово, землякъ!—перебилъ его возница.

— Да ты кто?—уже испуганно спросилъ сторожъ.

— Аль не узналъ? Ёмка...

— Съ нами крестная сила! Какъ тебя въ эту пору занесло? Я думалъ дохтуръ, либо фершалъ...

— Веди-ка въ избу—все расскажу...

Заперевъ дверь на улицу, сторожъ отворилъ другую дверь, и мы очутились въ жалкой конурѣ, тускло освѣщенной совершенно закоптѣлою керосиновою лампочкою. Большую половину этого логовища занимала громадная полуразвалившаяся печь; земляной полъ блестѣлъ отъ грязи, образовавшейся, вѣроятно, при посредствѣ занесеннаго на ногахъ и таявшаго снѣга, прогнившій кривой потолокъ былъ такъ низокъ, что я почти касался его головою. Вся мебель состояла изъ ломанаго, грязнаго, покосившагося стола и небольшой скамейки.

Изъ разговора сторожа съ возницею я узналъ, что первый поджидалъ доктора или фельдшера, за которыми пошла какая-то баба Матрена, такъ какъ учительница сильно больна.

— Ты намъ самоварчикъ поставь, а то мы у тебя и подохнемъ,—выслушавъ сторожа, сказалъ Ёмка.

— Ладно, сварганю какъ-нибудь.

— А я пойду съ конемъ управлюсь, а то околѣетъ. Повѣть у васъ цѣла?

— Да цѣла-то она цѣла, только весь конь подъ нее не подойдетъ.

— Ни-ча-во-о! только бы голову да спину, а съ задомъ, поди, ничего не сдѣлается.

— Это чтó и говорить...

— У меня еще подстилочка есть, чтобы поприкрыть маленько.

— Тогда первый сортъ!

— А соломки подложить можно?

— Нѣ-ѣтъ! это не тронь! У васъ, самъ знаешь, какъ солому-то раздобывать, а тамъ ее и на недѣлю не хватить.

— Привезу.

— Знаемъ, какъ вы привозите.

— Провалиться на этомъ мѣстѣ—возъ доставлю.

— Бре-е-ешешь!

— Лопни мои глаза!

— Ну, ладно, господинъ свидѣтелемъ будетъ.

— И очень хорошо...

— Ну, возьми, подбрось малость.

— Небось, всего не съѣсть...

Сказавъ это, Оомка ушелъ, а Егорычъ (такъ звали сторожа) вытащилъ изъ-за печки кривой, заржавленный самоваръ и, наливъ воды, началъ его разводить.

— Давно учительница больна? —заговорилъ я съ нимъ.

— Да, пожалуй, съ недѣлю.

— Чтò же у нея такое!

— Хорошенько не разберемъ; въ спинѣ ли что та-

кое, не то въ лопаткахъ; кашель очинно сильный, горѣніе большое и метаніе: все ворочается, бросается...

— А докторъ былъ?

— Ка-кой тутъ дохтуръ! Онъ верстъ за десять отседова проживаетъ и ни къ кому не ѣздитъ, а всѣ къ нему везутъ. Кабы это баба обнаковенная, свалилъ бы ее на дровни, да и отташилъ къ дохтуру, либо къ фершалу, а то особа деликатная—и не довезешь! А гдѣ у насъ настоящіи сани достанешь?

— А съ чего заболѣла Марья Николаевна?

— Да какъ тутъ не заболѣешь! Ужъ мое дѣло привычное, солдатское, да и то, какъ зиму переживешь, скажешь: «Слава тебѣ Господи!» Развѣ это житье? Холодъ, мразь, вездѣ продуваетъ, никакъ не согрѣешься. Кабы еще топлива въ достатокъ, а то, покуда возъ соломы у общества вытребоваешь, всю спину изломаешь, кланяючись. Э-эхъ, жи-и-сть! Да и то сказать—народъ бѣдный, не всегда и у него-то солома есть... А къ тому еще—тоска! Э-эхъ, то-с-ка-а! Собаки иной разъ не увидишь, не токмо что чело-вѣка! Вотъ какъ пойдетъ такая завируха, только развѣ кто, какъ вы, съ пути собьется заѣдетъ... Училишша на юру, за три версты отъ села, рядомъ съ кладбиш-шемъ: ни двора нѣтъ, ни огорожи, только одна повѣточка подъ солому—э-эхъ, одно слово!... Одни робята и день и ночь здѣсь прохлаждаются, но только народъ это, страсть, надоѣдливый, безпокойный, особливо ежели надлежащей строгости нѣтъ. Въ прежнія времена спустилъ бы штаны, да первымъ манеромъ и внушилъ бы лозиною почитаніе. Ну, вѣдомо, Марья Ми-колавна женщина слабая, настоящей силы у нея не имѣется, а ежели прикрикнешь—на меня же серчаетъ:

толку-то и нѣтъ: шумъ, крикъ, топотъ конскій, право слово! И то сказать—тѣснота! То-есть набито робятъ не д-дай Богъ! Но и тутъ Марья Миколавна виноваты. По осени это, какъ зачнутъ бабы робятъ водить, какъ зачнутъ—видимо-невидимо! Какъ Марья Миколавна не видитъ, я бабъ въ шею гоню: «вонъ вы, шкуры барабанныя!»—ей Богу! Потому отбою нѣтъ. Но только не выходитъ: сегодня прогонишь, а завтра онѣ опять здѣсь, да прямо къ учительши, да въ ноги, да въ слезы... Ну, слабость женская—и примаеть!

— Кто же присматриваетъ за больною?—перebilъ я словоохотливаго николаевского солдата, давно, вѣроятно, не выдавашаго людей и не имѣвшаго возможности излить свое горе.

— На третій день, какъ заболѣла, я бабу Матрену изъ села взялъ. А вчерась вижу—очинно худо Марья Миколавнѣ—я бабу-то къ дохтуру и послалъ.

— Пѣшкомъ?

— Наказывалъ, чтобы у старосты подводу выпросила; ежели далъ—поѣхала, а нѣтъ—значитъ пѣшкомъ.

— Да когда же она дойдетъ? еще замерзнетъ...

— Нѣ-ѣтъ, чего ей мерзнуть: она зорькою пошла, а погода тогда была хорошая—она до непогоды дошла...

— А кто же теперь у учительницы?

— Да никого: я, вотъ, подремлю, подремлю, да и загляну...

— Покуда у васъ самоваръ будетъ готовъ, я пойду посижу.

— Вотъ и ладно—идите.

И я отправился къ больной.

Помѣщеніе учительницы отличалось отъ конуры Егорыча лишь деревяннымъ, скрипучимъ, прогнившимъ и покосившимся поломъ. Если бы въ этомъ помѣщеніи жилъ старый служака, несомнѣнно, за исключеніемъ пола, другихъ особенностей не замѣчалось бы; но здѣсь на всемъ виденъ былъ отпечатокъ женской руки, стремившейся нищенскую лачугу превратить если не въ приличную комнату, достигнуть чего не было никакой возможности, то, по крайней мѣрѣ, въ жилье, имѣвшее отдаленное сходство съ квартирою какой-нибудь бѣдной швеи. Микроскопическое окно было завѣшано кисейною занавѣскою; небольшой столъ, стоявшій передъ деревяннымъ крашенымъ диваномъ, покрытъ крестьянскаго тканья скатертью; на немъ стояла миниатюрная керосиновая лампа съ зеленымъ бумажнымъ абажуромъ и лежало нѣсколько книгъ; на стѣнѣ висѣли двѣ иллюстраціи изъ «Нивы», а посреди нихъ—фотографическая группа молодыхъ дѣвушекъ, судя по формѣ, гимназистокъ.

Больная лежала на кровати, помѣщавшейся въ небольшомъ углубленіи между печкою и стѣною. Молодое измученное лицо ея горѣло; глаза были полузакрыты; казалось, она находилась въ полузабытіи и, повидимому, не обратила вниманія на появленіе незнакомаго человѣка. Но черезъ самое короткое время больная страшно закашляла и затѣмъ, широко открывъ глаза, слабымъ голосомъ спросила:

— Вы докторъ?

— Нѣтъ... фельдшеръ,—отвѣтилъ я, чтобы, съ одной стороны, успокоить больную, а съ другой—не тревожить длиннымъ объясненіемъ причины появленія.

— Помогите... я умираю...

— Успокойтесь, Марья Николаевна... дастъ Богъ, поправитесь...

— Ахъ, нѣтъ!... я это чувствую... мнѣ дышать нечѣмъ...

И она опять закашлялась и заметалась.

— Есть у васъ термометръ?—спросилъ я, воспользовавшись краткимъ промежуткомъ успокоенія больной.

— Ничего, ничего у меня нѣтъ... и никого...

Мнѣ показалось, что на глазахъ молодой дѣвушки блеснули слезы, и жгучее, гнетущее чувство охватило меня. Я понялъ всю свою беспомощность, созналъ полную невозможность оказать что-либо, чтобы поддержать угасавшую молодую жизнь; я увидѣлъ, что и неоткуда ждать помощи: ужасная снѣжная буря со свистомъ и грохотомъ билась въ стѣны, въ окно, до основанія потрясая жалкое жилище просвѣтительницы народа.

«Какой докторъ поѣдетъ въ такую погоду, да, можетъ, и бабы уже нѣтъ въ живыхъ», подумалъ я.

— А скоро докторъ пріѣдетъ?—спрашиваетъ больная.

— Скоро, скоро: онъ за мною сейчасъ ѣдетъ...

— Господи! хотябы небольшое облегченіе... тяжело... Чтò это стучить, гремить...

— Это буря, Марья Николаевна...

— Если бы потише... мнѣ все казалось, что это дѣти шумятъ въ классѣ...

— Нѣтъ, это буря...

— Скоро ли день настанетъ... днемъ не такъ жутко, легче... Я...

Но страшный кашель не далъ закончить ей сказать что-то, и затѣмъ опять наступило полузабытье,

являвшееся, вѣроятно, слѣдствіемъ сильнаго ослабленія отъ кашля.

Я потихоньку вышелъ, чтобы справиться у Егорыча о шансахъ прибытія доктора.

Онъ уже чаеваль съ Өомкою и предложилъ мнѣ принять участіе. Но больная расшатала всю мою нервную систему, благодаря чему мнѣ не хотѣлось ни ѣсть, ни пить, хотя съ трехъ часовъ дня во рту у меня ничего не было.

— Какъ вы думаете, Егорычъ, пріѣдетъ докторъ?

— Должно, полагаю, пріѣдетъ: бабы нѣтъ, а она безпремѣнно должна возвратиться.

— Не замерзла ли она?

— Нѣ-ѣтъ, чего ей мерзнуть: она на зорькѣ, въ погоду ушла...

— По близости въ селеніи ни у кого термометра нельзя достать?

— Чаво?

— Термометра... градусника...

Егорычъ и Өомка переглянулись, недоумѣвая, въ чемъ дѣло.

Я понялъ причину недоумѣнія и не зналъ что дѣлать. Нервы не позволяли сидѣть на одномъ мѣстѣ при мысли, что рядомъ борется со смертью совершенно безпомощная дѣвушка, и въ то же время тяжело было отправиться къ больной, которой ничѣмъ не могъ помочь и долженъ былъ лгать на каждомъ словѣ.

Я шагаль изъ угла въ уголъ, инстинктивно по-сматривая на часы, словно возможно было опредѣлить, когда пріѣдетъ докторъ, и безсознательно въ извѣстные промежутки отхлебывалъ по глотку чай, налитый мнѣ Егорычемъ.

Время казалось вѣчностью, а когда сторожъ и возница отправились на печку спать, то напалъ какой-то необъяснимый страхъ. Наступила мертвая тишина, нарушавшаяся только завываніемъ выюги, и мнѣ все казалось, что я слышу крикъ учительницы, предсмертную агонію. Я подходилъ къ ея двери, прислушивался, но слышалъ только кашель. Одно время не слыша кашля и стона, мнѣ показалось, что больная умерла. Я вошелъ въ ея комнату, приблизился къ кровати, желая замѣтить дыханіе, какъ вдругъ услышалъ сильный стукъ въ дверь. Почти бѣгомъ бросился я въ сѣни, громко кричалъ: «сейчасъ! сейчасъ!», но отъ возбужденія не могъ найти дверей, покуда не отворилъ двери въ сторожку, свѣтъ изъ которой далъ мнѣ возможность впустить путниковъ.

Ихъ вошло трое, но до такой степени забросанныхъ снѣгомъ, что невозможно было отличить одного отъ другого.

Только въ сторожкѣ выяснилось, что это были: докторъ, его кучеръ и баба Матрена.

Первый былъ еще совершенно молодой человѣкъ. Раздѣвшись, онъ тотчасъ же отправился къ больной. Кучеръ же и Матрена принялись будить Егорыча и Оомку, на что ушло не мало времени. Затѣмъ всѣ мужчины отправились устраивать докторскихъ лошадей, а я остался съ Матреною.

Оказалось, что лошади она не достала, такъ какъ все село отправилось въ лѣсъ: пришлось поэтому ей десять верстъ прошагать пѣшкомъ. У доктора она застала массу больныхъ, по окончаніи пріема которыхъ онъ и поѣхалъ къ учительницѣ, прихвативъ и ее, Матрену. Она еще хотѣла сообщить подробности

изъ своего путешествія, но дверь пріотворилась, въ ней показался докторъ и тревожно сказалъ: «Матрена! идите скорѣе сюда!...»

И я уже не дождался возвращенія ни доктора, ни Матрены: несмотря на все желаніе побороть усталость, силы измѣнили мнѣ, и я, сидя на скамейкѣ и положивъ голову на столъ, уснулъ крѣпкимъ, тяжелымъ сномъ.

Когда я проснулся, слабый дневной свѣтъ, съ трудомъ пробивавшійся сквозь микроскопическое, заброшенное снѣгомъ окно, освѣщаль уже обиталище Егорыча. При дневномъ свѣтѣ оно производило еще болѣе удручающее впечатлѣніе. Черезъ нѣкоторое время въ сторожку вошелъ докторъ. Онъ былъ блѣденъ.

Поздоровавшись со мною, докторъ сказалъ, что учительница скоро умретъ.

— Неужели никакой надежды?—спросилъ я.

— Рѣшительно никакой,—отвѣтилъ онъ.

Затѣмъ, помолчавъ немного, сказалъ:

— Я не знаю болѣе ужаснаго, болѣе трагическаго положенія, какъ положеніе земскаго врача, если онъ пожелаетъ исполнять всѣ обязанности по отношенію ко всему сельскому населенію... Ну, вотъ, умираетъ молодая дѣвушка, одно изъ полезнѣйшихъ по ея профессіи существъ въ мірѣ, и я не въ силахъ ничего сдѣлать, ни-че-го!.. Я засталъ уже въ полной силѣ воспалительный процессъ въ обоихъ легкихъ. Несомнѣнно, конечно, что дѣло началось съ одного легкаго, но меня извѣстили тогда, когда уже надо было готовить гробъ!.. Кого здѣсь винить? Когда вы спали, я напустился-было на жалкаго старца-сторожа, который, понятно, не могъ отлучиться отъ больной, отъ бѣд-

ной учительницы, заброшенной въ эту трущобу и всѣми, всѣми забытой!.. Предположимъ, однако, что я извѣщенъ во-время: мыслимо ли при этой гнетущей бѣдности, при этой нищенской обстановкѣ что-либо сдѣлать?! Быть можетъ, вы помните, что я, тотчасъ по пріѣздѣ, позвалъ эту глупую, хотя и добрую бабу Матрену?

— Помню...

— Я звалъ ее затѣмъ, чтобы отодвинуть отъ стѣны кровать, потому что, — трудно повѣрить, — въ углы пробился снѣгъ, сквозь стѣны продувается! И это при воспаленіи легкихъ? Зачѣмъ тутъ докторъ?! Развѣ онъ въ силахъ что-нибудь сдѣлать при такихъ условіяхъ?!..—Сказавъ это, докторъ быстро зашагалъ по конурѣ, нервно теребя волосы, а затѣмъ, какъ бы про себя, продолжалъ:

— Ну, вотъ, умереть, несомнѣнно умереть... Констатируемъ фактъ смерти, даже по-латыни назовемъ и уѣдемъ!... А тамъ опять ждутъ десятки, сотни еще болѣе ужасныхъ нищихъ, именующихся «народомъ», которыхъ обманываешь пропискою и снабженіемъ разною гадостью... Развѣ можно вылѣчить аптекарскими снадобьями нищету, голодъ, невѣжество?!..

— Но чтò же дѣлать?...

— А чортъ его знаетъ, чтò дѣлать... Одно только можно сказать, что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ, вѣроятно, такой ужасающей разницы въ культурномъ уровнѣ массы и интеллигенціи, какъ у насъ. Не ради бахвальства, а лишь для поясненія мысли скажу хотя бы о себѣ. По окончаніи университета я два года учился еще за границую. И что же? Клянусь вамъ, здѣсь вовсе не нужна мнѣ моя наука... Примѣръ, который при васъ

происходить, достаточно подтверждает мое мнѣніе. Вотъ эта самая, съ позволенія сказать, «школа», «очагъ народнаго просвѣщенія», помѣщается въ зданіи, которое, по словамъ Егорыча, было раньше хлѣбнымъ магазиномъ: общество «перешло на деньги», а гнилую, прѣлую, старую совершенно, съ нашей точки зрѣнія, никуда негодную постройку отдало «подъ училищшу», какъ выражается николаевскій солдатъ. Но это только съ нашей точки зрѣнія, а въ глазахъ населенія эта развалина сравнительно съ крестьянскими избами чуть не дворецъ. И, конечно, населеніе совершенно вѣрно рассуждаетъ, что помѣщеніе учительницы намного лучше, чѣмъ любая крестьянская хата. А между тѣмъ, это помѣщеніе убило одну интеллигентную силу, а мнѣ тысячный разъ доказало полную мою ненужность здѣсь.

— Но вѣдь это все совершается безсознательно, неумышленно..

— Конечно...

— Врядъ ли можно, собственно говоря, обвинять населеніе...

— Боже меня сохрани!

— Не мы ли сами виноваты во всемъ этомъ...

— Позвольте: я никого не виню, я только констатирую фактъ...

Наступило неловкое молчаніе. Докторъ еще быстрѣе заходилъ по конурѣ, нервно потирая руки и какъ бы что-то обдумывая. Затѣмъ, взглянувъ на часы, произнесъ:

— Боже, какъ все это долго!...

— Вамъ что-нибудь нужно?..—спросилъ я:—быть можетъ, я что-нибудь могу сдѣлать?..

— Нѣтъ. Я, видите ли, за исключеніемъ Матрены,

которая сидить у умирающей, всѣхъ разослалъ: своего кучера отправилъ за фельдшерицею, сторожа—за сельскимъ старостою, а еще какого-то извозчика, что-ли, послалъ на вокзалъ съ телеграммою на имя управы...

— И моего возницу, значить, послали?

— Ахъ, это вашъ? Извините, пожалуйста... Къ слову, мы даже не знаемъ другъ друга.

И мы взаимно отрекомендовались.

— Какими судьбами вы сюда попали? Я думалъ, вы какой-нибудь родственникъ.

— Я ѣхалъ въ экономію С. для описанія...

— Но владѣльцевъ нѣтъ...

— Какъ нѣтъ? Недавно получено было извѣстіе, что они пріѣхали...

— Да, явились, но не выдержали и укатили! Это замѣчательный современный типъ владѣльцевъ. Денегъ—ни-ни, въ долгу, какъ въ пуху! И вотъ, вздумали они сократить, самостоятельно вести хозяйство. Выдержали только недѣлю, и то чуть не повѣсились съ тоски. Конечно, нашелся сейчасъ же благодѣтель; въ лицѣ нѣкоего Сидора Поликарповича. Сдали ему въ аренду имѣніе, всѣ деньги взяли впередъ и бѣжали отъ снѣжныхъ бурь въ Ниццу!..

— Значить, я совершенно напрасно проѣхался...

— Совершенно.

— Представьте, за сутки почти я не могъ сдѣлать семи верстъ!.. Вотъ ужъ поистинѣ «собираешься на день, бери запасъ на недѣлю»...

— Замѣчательная поговорка! Только въ некультурной странѣ могла появиться она: какая мѣткая характеристика русской «самобытности», результатомъ которой является полнѣйшая неизвѣстность

тѣхъ условій, въ какихъ можетъ очутиться обыватель, отлучившійся отъ своего домашняго очага... Вотъ мы и сейчасъ находимся въ такихъ условіяхъ, что никуда двинуться не можемъ, если за нами не пріѣдутъ, до села три версты, снѣгу набралось горы!...

— Да, мой возница возвратится не скоро...

— А вы куда же теперь?

— Назадъ на вокзалъ...

— Я бы съ удовольствіемъ васъ довезъ, но мнѣ необходимо, тотчасъ по пріѣздѣ фельдшерицы, летѣть на пунктъ, гдѣ уже съ зари ждутъ несчастные пациенты; а я живу въ совершенно противоположной сторонѣ...

— Не можете ли вы подвезти меня въ село къ старостѣ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ... Сказавъ это, докторъ взглянулъ на часы и ушелъ въ половину учительницы, а я принялся ставить самоваръ, такъ какъ чувствовалъ сильный голодъ.

Возвратился докторъ, когда я уже пилъ чай. На вопросъ мой о положеніи больной онъ отвѣтилъ, что дѣятельность сердца настолько ничтожна, что съ часу на часъ и совсѣмъ прекратится.

— Собственно говоря,—прибавилъ докторъ,—это уже трупъ...

Затѣмъ онъ налилъ себя стаканъ чаю, сѣлъ возлѣ меня и, опустивъ голову, какъ бы глубоко задумался.

Неизвѣстно, сколько времени продолжалось бы наше молчаніе, если бы, наконецъ, не пріѣхала фельдшерица. Это была уже пожилая женщина, съ худымъ, истомленнымъ лицомъ.

— Ну, чтò, много тамъ у меня?—поздоровавшись, обратился къ ней съ вопросомъ докторъ.

— По обыкновенію,—отвѣтила фельдшерица.

— А фельдшеръ пріѣхалъ?

— Да.

— Я васъ попрошу, Марья Ивановна, побыть здѣсь...
Вѣроятно, больная скоро умретъ...

— Вы думаете?..

— Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія... Къ вечеру я пришлю за вами лошадей... Вотъ вамъ деньги (докторъ далъ 20 руб.), которыми или сами распорядитесь, или передадите, кто будетъ завѣдывать похоронами, такъ какъ, конечно, у бѣдной учительницы изъ 20-тирублеваго мѣсячнаго вознагражденія ничего не осталось...

— Но, быть можетъ?.. То-есть... Какъ-нибудь...

— Дай Богъ, чтобы я ошибся, но имѣть деньги, конечно, не мѣшаетъ...

— Да, конечно... Но что же мнѣ дѣлать? Вы что-нибудь скажите...

— Все, что можно было, сдѣлано... Да вы сейчасъ убѣдитесь, что дѣлать нечего... Ну, до свиданія!..

— До свиданія...

— Ёдемъ!—обратился ко мнѣ докторъ...

Попрощавшись съ докторомъ, доставившимъ меня къ старостѣ, я вошелъ въ избу послѣдняго.

Въ виду единственнаго, въ одну шибку, окошечка, вплотную покрытаго льдомъ, въ ней было настолько темно, что я нѣкоторое время ничего не могъ разсмотрѣть. Когда же глаза освоились съ полумракомъ, то замѣтилъ на печи ворохъ какого-то нищенскаго тряпья, изъ-подъ котораго раздавался храпъ.

- Дома староста?—повторяю вопросъ.
- Староста?—переспрашиваетъ, наконецъ, очнувшаяся къ моему удовольствію баба.
- Да.
- Гаврила, значитъ?
- А его, старосту, Гаврилою зовутъ?
- Гаврила, Гаврила...
- Ну, значитъ, Гаврила: дома онъ?
- А ты кто будешь?
- Да мнѣ староста нуженъ...
- Староста?... фелшаръ, что ли, ты?
- Нѣтъ...
- Можетъ, воспу прививаешь?
- И оспу не прививаю...
- Акцизный значитъ?
- Нѣтъ...
- Откуда же ты?
- Изъ губерніи...
- Изъ губерніи?!... Головушка моя бѣдная.
- Гдѣ же староста?
- Нѣтути его...
- Гдѣ же онъ?
- У лѣси...
- Далеко?
- Далеча...
- А кандидатъ кто у васъ?
- Авдей.
- Ну, а Авдей въ деревнѣ?
- Нѣтути...
- А онъ гдѣ же?
- У лѣси...
- И Авдей въ лѣсь уѣхалъ?

— Усѣ до чиста у лѣси...

— Чтò же они тамъ дѣлають?

— Ужъ и не говори... не по своей охотѣ: Сидору Поликарповичу лѣсъ возятъ...

— Какому Сидору Поликарповичу?

— Сыну-то Поликарпа Матвѣича: онъ померъ лѣтось, а нонѣ сынъ... Нагдысь жанился у городи: дѣвку у булошника взялъ... Дѣвка хар-рошая...

— Да онъ нанялъ всѣхъ, что ли?

— Кабы нанялъ: земельку, вишь, міромъ брали, да Господь урощаемъ обошелъ; одна солома осталась. Ну, рындавыхъ-то (арендныхъ) и не отдали. А ѣнъ говорить: «давай, говорить, лѣсъ (новую ѣнъ мельницу на Обжорухѣ строить), а то, говорить, больше земли не дамъ». А намъ безъ евойной земли хоть въ прорубъ полѣзай: и хлѣбушка не хватаетъ, и скотину выгнать некуда. Вотъ мужики туды-сюды, тары-раздабары, какъ быть? А вчерась сговорились, да нонѣ на зорькѣ и поѣхали... Развѣ по своей охотѣ кто въ такую стужу поѣхалъ бы?

— Помѣщикъ, что ли, этотъ Сидоръ Поликарповичъ?

— Нѣ-ѣ-тъ, сынъ-отъ Поликарпа Матвѣича, у Сучкиной торгуить: какъ разъ надъ дорогою евойной домъ и лавка—можетъ видѣль?

— Нѣтъ: не былъ я въ Сучкиной.

— Не былъ? Хор-рошія хоромы,—подъ желѣзо, а въ лавкѣ усякая усячина: ситцы всякіе, китайки, чай, сахаръ, кринділя, чего хошь!

— Значить, ни одной лошади въ селѣ нѣтъ?

— Ни-и хвоста!

— Чтò же мнѣ дѣлать? Мнѣ подвода нужна.

— Ахъ ты, головушка моя бѣдная!..

— Да можетъ, кто-нибудь дома?..

— Ни-и! только бабы съ малыми ребятами, да и тѣ на печи грѣются, вишь холодъ какой... Стой-ка, пойду попытаюсь...—И съ этими словами старостиха слѣзла съ печи, обулась въ старые лапти, набросила на голову совершенно изорванный, корявый полушубокъ и вышла.

Спертый, отвратительный воздухъ избы заставилъ меня отправиться вслѣдъ за бабою. Прислонившись къ избѣ, такъ какъ не на что было присѣсть, я закурилъ папиросу, а моя хозяйка перешла еле проѣзжанную дорогу, затѣмъ по сугробамъ, проваливаясь на каждомъ шагу по колѣна въ снѣгъ, добрела до противоположной избы и скрылась.

Черезъ нѣкоторое время она появилась въ сопровожденіи точно такихъ же бабъ, и втроемъ онѣ отправились дальше. Миновавъ четыре избы, онѣ зашли въ пятую, изъ которой прихватили зачѣмъ-то еще двухъ бабъ, и впятеромъ направились ко мнѣ.

Одна изъ нихъ, болѣе бойкая, съ палкой въ рукѣ, стала чинить мнѣ допросъ, въ то время, какъ остальные, подперевъ пальцами щеки, не то съ удивленіемъ, не то съ любопытствомъ смотрѣли на меня и по временамъ вздыхали.

— Далеча ѣдешь?

— На вокзалъ.

— На машину?

— Да.

— По дѣлу какому?

— Въ губернію. Ну, что же, подводу достать можно?

— Ёмка проѣзжалъ?—обратилась тогда опрашивавшая къ старостихѣ.

— Не видать что-то,—отвѣтила послѣдняя:—а ёнъ куды ѣдъ?

— Нагдысь баилъ—доски на машину повезеть.

— Да, да,—почти въ одинъ голосъ произнесли бабы.

— Кто это Ёмка?

— Человѣчекъ тутъ... на хуторѣ живетъ... Сидоръ Поликарповичъ приговорилъ его доски на чугунокъ возить...

— А хуторъ этотъ далеко?

— Нѣ-ѣтъ, тутъ за овражкомъ...

— Да на доскахъ ѣхать можно?

— А чего нельзя, вѣдомо можно.

— Ухать на всемъ можно,—дополнила другая баба.

Всяко приходилось мнѣ перекочевывать съ мѣста на мѣсто при изслѣдованіяхъ, но на доскахъ я еще не ѣзжалъ; перспектива такого путешествія въ сильную стужу была, конечно, не изъ пріятныхъ, но оно являлось единственнымъ способомъ достигнуть вокзала, а потому за неизвѣстнаго мнѣ Ёмку я ухватился обѣими руками и обратился съ просьбою къ бабамъ возможно обстоятельнѣе разузнать о намѣреніяхъ «человѣчка, проживающаго на хуторѣ». Онѣ всѣ вмѣстѣ, вѣроятно ради развлечения, охотно отправились къ Ёмкѣ.

И опять я остался одинъ.

Вытянувшееся въ одну улицу село производило гнетущее впечатлѣніе. Благодаря холоду, нигдѣ незамѣтно было ни малѣйшихъ признаковъ жизни; даже собаки куда-то скрылись. Избенки чуть-чуть возвышались надъ сугробами и вдали мало отличались отъ послѣд-

нихъ. Не знаю, на основаніи какихъ источниковъ русскому народу приписывается особенная любовь къ зимѣ? Лично мнѣ ни разу не приходилось слышать восхваленія этого времени года. Если нерѣдко и выражается желаніе, чтобы «подморозило», «попорошило снѣжкомъ», то лишь ради избавленія отъ ужаснѣйшей осени, когда ни ѣздить, ни ходить не представляется никакой возможности: только сравнительно съ такою мерзостью какъ глубокая русская осень, является желаніе избавиться отъ нея при посредствѣ болѣе сносной, другой російской мерзости — зимы. У кого есть хорошія шубы, тройка съ «малиновымъ звономъ», свѣтлыя и теплыя хоромы, тому, слова нѣтъ, зима, сопровождающаяся балами, театрами, вечерами, — зима, какъ разнобразіе, можетъ нравиться... У кого же нѣтъ топлива, кто половину года долженъ ѣжиться въ гнилой, промерзлой избѣ, еле поддерживая существованіе однимъ, не всегда доброкачественнымъ хлѣбомъ, дышать отвратительнымъ воздухомъ и имѣть единственное развлеченіе — прислушиваться къ вою снѣжныхъ вихрей, тотъ не помянетъ зиму добрымъ словомъ, а будетъ ждать «весну красну», а еще лучше «жаркое лѣтечко».

Прошло не менѣе трехъ-четырехъ часовъ, покуда возвратились бабы. Онѣ пріѣхали съ Өомкою на доскахъ. Послѣдній согласился «за рублевочку подвезть» меня на вокзалъ, но попросилъ, «ежели дорога гдѣ въ горку взялась, соскакивать, потому — чажело». Я не протестовалъ, торжественно усѣлся на доски, и мы отправились на вокзалъ, куда и прибыли около шести часовъ вечера.

Съ ближайшимъ поѣздомъ я уѣхалъ въ городъ Х., гдѣ на вокзалѣ встрѣтилъ члена земской управы, ко-

торый, получивъ телеграмму, направлялся въ школу къ умирающей или уже умершей учительницѣ. Узнавъ, что я былъ у Марьи Николаевны, онъ тревожно началъ разспрашивать о ней.

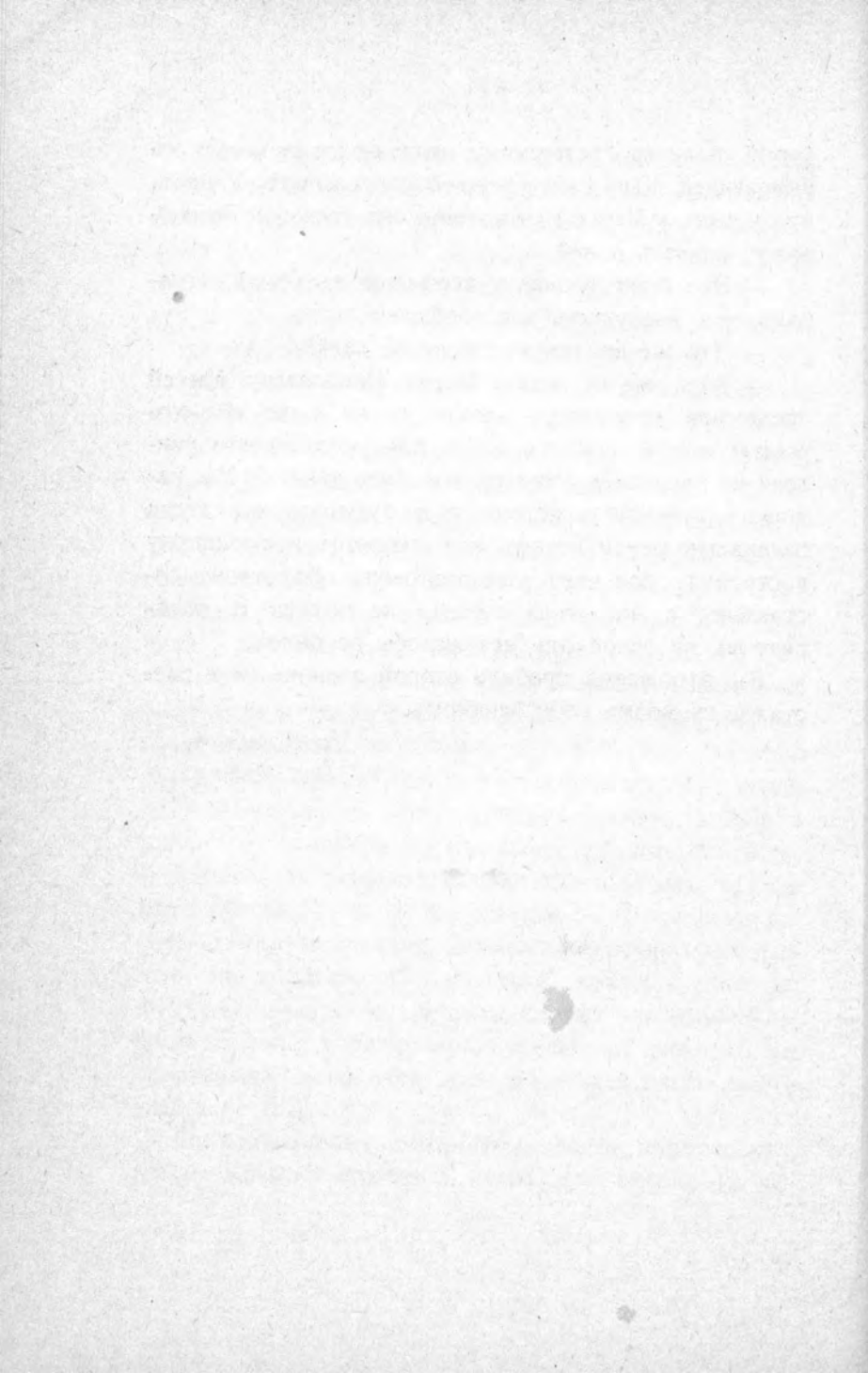
— Это была лучшая учительница въ уѣздѣ,—сказалъ онъ, выслушавъ мое сообщеніе.

— Что же вы такую школу ей дали?

— Ахъ, вы не знаете Марью Николаевну! Мы ей предлагали прекрасную школу, а она свое: «Въ хорошую всякій пойдетъ, а въ плохую хорошаго учителя не найдешь!»—Что съ нею было дѣлать?! Мы, наконецъ, просили ее подождать до будущаго года, когда радикально ремонтируемъ, или, наконецъ, новую школу построимъ, при чемъ уже приговоръ обществомъ составленъ, а она «года терять» не хотѣла! И, повѣрите ли, ни одной отъ нея жалобы не было!..

Въ это время пробилъ второй звонокъ, и я разстался съ моимъ собесѣдникомъ.

Баташевы.

На самой границѣ Владимірской и Рязанской губерній, частью въ Меленковскомъ и частью въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ 20-ти верстахъ отъ гор. Касимова и въ 6-ти отъ пристани «Забѣлиной», на рѣкѣ Окѣ расположенъ «Гусевскій заводъ», получившій названіе отъ рѣки Гусь. Народная молва далеко разнесла славу объ этомъ заводѣ, такъ что легенды о немъ появились даже на Западѣ, о чемъ можно судить, напр., по статьѣ Вогюэ, напечатанной въ «Figaro». Въ русской прессѣ, насколько намъ извѣстно, появлялись лишь небольшія бѣглыя замѣтки, благодаря чему читающая публика врядъ ли знакома съ исторіею Гусевского завода и съ интересной личностью основателя завода, Андрея Родіоновича Баташева. Благодаря любезности и гостепріимству нынѣшнихъ владѣльцевъ, мнѣ не разъ приводилось бывать на заводѣ, ознакомиться съ нимъ и записать на мѣстѣ существующія преданія.

Самое поверхностное ознакомленіе съ Гусевскимъ заводомъ и особенно съ усадьбою Баташевыхъ производитъ уже далеко не обыденное впечатлѣніе. Вы съ перваго раза замѣчаете, что находитесь не въ при-

вычной вамъ старинной помѣщичьей обстановкѣ, а скорѣе—въ бывшихъ владѣніяхъ нѣкогда могущественнаго феодала. Бросите ли вы взглядъ на массивный домъ, на каменные развалины, примыкающія и окружающія его, на громадный столѣтній паркъ позади дома, обнесенный высокою, вполне сохранившеюся, каменною стѣною съ башнями, на разстилающійся передъ усадьбою девятиверстный прудъ, по которому когда-то ходили большія суда подъ парусами, или на трехверстную плотину изъ бѣлаго камня, запрудившую три рѣки и цѣлое столѣтіе безъ особеннаго для себя поврежденія сдерживающую напоръ гигантской массы водъ,—вы не можете не придти къ заключенію, что эта титаническая работа потребовала не одной тысячи рукъ, подъ присмотромъ сильнаго, энергичнаго, съ непреклонною волею человѣка. Для болѣе подробнаго обзора усадьбы Баташевыхъ отправимся въ нынѣ заброшенный, обгорѣвшій, нѣкогда великолѣпный залъ, высящійся въ центрѣ дома и господствующій надъ всѣмъ зданіемъ. Двѣ двери въ немъ выходятъ на два съ противоположныхъ концовъ балкона: въ восточной сторонѣ съ видомъ на паркъ и въ западной—съ видомъ на весь заводъ и прудъ.

Начнемъ осмотръ съ этого послѣдняго балкона.

Передъ домомъ, на значительномъ разстояніи отъ него, высится каменная ограда съ крѣпкими желѣзными рѣшетками, служащая западною границею громаднаго двора; въ центрѣ этой ограды массивныя желѣзные ворота; вверху ихъ привѣшенъ колоколъ, въ который старый сторожъ, сохраняющій и доселѣ страшное, какъ мы увидимъ, названіе «улана», отбиваетъ, по сохранившемуся обычаю, часы, начиная съ вечера. Вправо

и влѣво отъ ограды, примыкая къ ней, тянутся каменные зданія съ замѣтными слѣдами разрушенія въ сѣверной части двора, имѣющаго наибольшее протяженіе; границею южной части двора служитъ каменный двухъэтажный домъ, соединяющій ограду съ главнымъ корпусомъ; въ центрѣ перваго этажа этого двухъэтажнаго дома продѣлана сквозная арка, служащая вторыми воротами усадьбы.

Отъ главныхъ воротъ, что въ центрѣ ограды, и тянется гигантская плотина. Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ она цементирована свинцомъ. Трудно, конечно, провѣрить этотъ фактъ, но глядя на ея прочность, глядя на это море воды, которое она сдерживаетъ, нельзя не подивиться крѣпости сооруженія. На серединѣ плотины устроенъ каменный мостъ съ шлюзами. Въ настоящее время шлюзы эти деревянные, а въ свое время были желѣзные, при чемъ цѣпи, на которыхъ они укрѣплялись, держали, по рассказамъ, прекрасныя каменные изваянія львовъ.

Общая молва гласитъ, что въ плотинѣ устроены ходы и подвалы; говорятъ, въ одномъ изъ такихъ подваловъ задѣланы деньги. Утверждаютъ также, что и подъ водою пруда, раскинувшагося съ правой, отъ главныхъ воротъ, стороны плотины, имѣются ходы, при чемъ есть легенда, что весь этотъ 9-тиверстный прудъ вырыть. Существуетъ преданіе, что въ былое время, влѣво отъ главныхъ воротъ, въ началѣ плотины была устроена плавильная печь, къ которой изъ дома владѣльца имѣлся также подземный ходъ. Въ самой оградѣ двора, обращенной къ пруду, за желѣзными круглыми рѣшетками виднѣются цѣлые ряды прекрасно сохранившихся подваловъ, соединенныхъ ходами. Подвалы

эти устроены подъ землею и не видны со двора усадьбы.

Противоположный конецъ плотины замыкается большою каменною аркою. Когда-то это былъ главный проѣздъ въ заводъ, проникнуть черезъ который было весьма затруднительно. Возлѣ этой арки находятся теперь мастерскія, а далѣе—дома заводскихъ рабочихъ. Не доходя арки, съ плотины влѣво, идетъ дорога на самый заводъ — желѣзнодорожную, доменную печь и т. д., гдѣ вся рѣшительно работа совершается силою воды, проведенной изъ пруда, по системѣ основателя завода. Рассказываютъ, что за такое изобрѣтеніе устроитель получилъ привилегію и, будто бы, одному лишь Демидову, за высокую плату, дозволилъ воспользоваться своею системою.

Теперь перейдемъ на восточный балконъ. Внизу передъ домомъ разстилается громаднѣйшій цвѣтникъ, имѣющій форму полукруга. Молва гласитъ, что для устройства этого цвѣтника была вырыта яма въ сажень глубиною и заполнена чистѣйшимъ привознымъ черноземомъ, безъ котораго невозможно было на скудной почвѣ разводить рѣдкія растенія.

Изъ цвѣтника каменная лѣстница ведетъ въ паркъ. Онъ занимаетъ 17 десятинъ насыпной, какъ говорятъ, земли и раздѣленъ каменною стѣною, приходящею теперь въ разрушеніе, на двѣ части: собственно паркъ и такъ называемый «страшный садъ». Первый занимаетъ около пяти десятинъ и состоитъ изъ разнообразныхъ лиственныхъ деревьевъ; въ немъ особенно замѣчательны аллеи: «Большая», липовая — въ 300 шаговъ, упирающаяся въ полуразвалившуюся каменную бесѣдку, и «Амурная» — изъ густо поросшихъ

акацій. Къ южной стѣнѣ парка примыкаетъ громад-
ная «лимонная оранжерея» съ большимъ количе-
ствомъ лимонныхъ деревьевъ, изъ которыхъ многія до-
стигаютъ гигантскихъ размѣровъ; къ сѣверной — оран-
жереи «абрикосовая» и цвѣточная съ рѣдкими экзе-
мплярами растений.

За этими оранжереями тянется уже «страшный садъ», большая часть котораго поросла мрачными елями и соснами. Почему эта часть парка называется «страшнымъ садомъ», объ этомъ мы скажемъ впо-
слѣдствіи, а здѣсь замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у внѣшнихъ стѣнъ есть признаки глубокаго
рва. Говорятъ, въ паркѣ предполагалось пропустить воду, которая, помимо стѣнъ съ башнями, представляла бы еще одно солидное препятствіе для доступа въ усадьбу. Мѣстные старожилы помнятъ, что еще въ недавнее время повсемѣстно въ усадьбѣ случались обвалы, черезъ которые были замѣтны каменные своды, ходы, подвалы и т. д. Теперь земля осѣла настолько, что провалы сравнительно рѣдки.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о самомъ домѣ.

Это громадное и довольно изящное зданіе въ нѣ-
сколько десятковъ комнатъ построено въ два этажа и изобилуетъ просторомъ, массою свѣта и воздуха: Нѣкогда, судя по развалинамъ, къ южной части глав-
наго корпуса примыкалъ каменный, свѣтлый, крытый ходъ, ведшій въ театръ, поэтическія развалины ко-
торого сохранились довольно явственно. Театръ этотъ былъ передѣланъ изъ манежа.

Въ массивномъ фундаментѣ дома имѣется нѣсколько ходовъ въ подземную часть зданія. Проникнувъ сюда,

вы видите, что подъ землею выстроено почти такое же громадное зданіе, какъ и то, которое высится надъ землею; здѣсь цѣлый лабиринтъ ходовъ, комнатъ, подваловъ, подъ которыми замѣчаются еще ходы, еще подвалы. Проникнуть во всѣ эти закоулки подземнаго царства не совсѣмъ легко: встрѣчаются, на примѣръ, двери, запертыя изнутри,—слѣдовательно, къ нимъ есть еще какіе-то пути. Судя по одному ходу, начинающемуся въ стѣнѣ верхняго этажа и спускающемуся въ самую глубь, возможно допустить, что такіе таинственные корридоры дѣйствительно соединяли главное жилище владѣльца не только съ его подземными комнатами, но и съ заводомъ.

Кто же воздвигалъ всѣ эти сооруженія?

Поднимемся въ верхній этажъ дома и тамъ въ кабинетъ нынѣшняго владѣльца мы увидимъ портретъ основателя Гусевского завода.

Всмотритесь внимательно въ этотъ великолѣпный по исполненію, громадныхъ размѣровъ портретъ, рисованный масляными красками на холстѣ.

Строгія черты полного бритаго лица съ коротко остриженною головою такъ и выдвигаются съ холста; какъ живые, смотрятъ эти большіе круглые глаза изъ-подъ нахмуреннаго, съ глубокою поперечною складкою, большого лба. Такое лицо можетъ только повелѣвать и достигать, во что бы то ни стало, своихъ цѣлей.

Таковъ и былъ Андрей Родіоновичъ Баташевъ.

Лѣтъ двѣсти тому назадъ р. Ока несла свои воды среди дремучихъ, непроходимыхъ лѣсовъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны были лѣса муромскіе. Долгое время служили они лишь жилищами для дикихъ звѣ-

рей да притономъ для разбойничьихъ шаекъ и разнаго безпріютнаго люда, бѣжавшаго отъ тяжелой неволи. Со страхомъ проникали въ эти дебри купцы и усердно благодарили Бога, когда благополучно совершали путь, потому что сплошь и рядомъ въ тѣхъ лѣсахъ не только грабили, но и убивали торговыхъ людей. Много легендъ слагалось тогда о муромскихъ лѣсахъ, пѣсни о нихъ пѣлись, изъ устъ въ уста передавались рассказы одинъ ужаснѣе другого. Между прочимъ говорили, что много есть желѣзной руды по Окѣ. А тогда какъ-разъ было самое благопріятное время для разысканія ея: на Руси царилъ Великій Петръ, всегда готовый оказать какую угодно помощь людямъ, которые добывали изъ земли хранившіяся въ нѣдрахъ ея богатства. Особенно много охотниковъ находилось, когда пронесся слухъ о внезапномъ обогащеніи тульскаго оружейника Демидова, получившаго отъ Петра въ даръ рудники на Уралѣ. Первыми піонерами на Окѣ явились жители города Муромъ; но дѣло ихъ пошло неудачно: выстроенные одною артелью желѣзные заводы скоро были разорены разбойниками и долгое время представляли печальныя развалины. И Богъ вѣсть черезъ сколько времени опять возникло бы здѣсь желѣзнодорожное дѣло, если бы на мѣсто муромцевъ не пріѣхали братья Иванъ и Андрей Баташевы, внуки Ивана Тимоѣевича Баташева, который управлялъ въ Тулѣ заводами Акинфія Демидова, а потомъ выстроилъ и свои заводы; въ 1700 г. въ Липецкѣ, а въ 1716 г.—возлѣ Тулы. Сынъ его, Родіонъ Ивановичъ, отецъ Ивана и Андрея Баташевыхъ, устроилъ уже много заводовъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и въ томъ числѣ положилъ основаніе Гусев-

скому, но только «положилъ основаніе», такъ какъ полное устройство этого завода всецѣло сдѣлано сыновьями, и именно Андреемъ Родіоновичемъ.

Умный, энергичный и непреклонной воли былъ этотъ человѣкъ. Понявъ всю выгоду положенія Гусевскаго завода—среди дремучихъ лѣсовъ, представлявшихъ готовое топливо, неподалеку отъ судоходной Оки,—онъ въ то же время сознавалъ, что надо преодолѣть громадныя препятствія, стоявшія на пути къ достиженію широкихъ плановъ. Прежде всего необходимо было сдѣлаться полнымъ хозяиномъ окружавшихъ лѣсовъ, потому что разбойничьи шайки не признавали никакихъ законовъ, благодаря чему владѣніе *de jure* далеко еще не давало возможности *de facto* располагать своею собственностью, какъ это и было съ муромцами. Какъ человѣкъ практическій, Андрей Родіоновичъ въ лѣсной вольницѣ видѣлъ неистощимые запасы даровой рабочей силы, которую, слѣдовательно, не уничтожить надо было, а завладѣть для собственныхъ цѣлей. Но какъ завладѣть? Въ лѣсахъ проживали наиболѣе энергичные представители закрѣпощеннаго русскаго народа; это были люди, слишкомъ высоко цѣнившіе вольную жизнь, слишкомъ много сдѣлавшіе для своего освобожденія изъ-подъ власти помѣщиковъ и государства, чтобы ихъ легко было опять посадить на цѣпь и сдѣлать послушными рабами. Но лишь при этомъ послѣднемъ условіи Андрей Родіоновичъ могъ исполнить свои намѣренія, а онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые останавливаются передъ трудностями.

И онъ не остановился хотя дѣйствовалъ не напроломъ, а хитро, постепенно, шагъ за шагомъ, выбирая наиболѣе вѣрные и наименѣе опасные пути.

Первымъ дѣломъ Андрей Родіоновичъ устраиваетъ неприступную для того времени усадьбу. Мы достаточно ознакомились съ нею въ началѣ, и потому здѣсь прибавимъ лишь, что, не надѣясь на каменные стѣны, желѣзныя ворота и рѣшетки, Баташевъ, съ разрѣшенія, какъ говорятъ, Потемкина, образуетъ отрядъ тѣлохранителей, получившихъ названіе «улановъ». Это были любимцы Андрея Родіоновича, преданнѣйшіе ему люди, готовые отправиться въ огонь и воду. Легенды о неимоверной жестокости «улановъ», названіе которыхъ, какъ мы видимъ, сохранилось и до настоящаго времени, заставляютъ предположить, что Баташевъ набралъ ихъ изъ разбойничьихъ шаекъ. По первому мановенію своего господина «уланъ» хваталъ указанныхъ жертвъ, тащилъ ихъ въ усадьбу и тамъ, смотря по обстоятельствамъ, или бросалъ въ мрачныя подземелья и башни, или предавалъ пыткамъ и казни въ «страшномъ саду», гдѣ для этой цѣли имѣлись различныя сооруженія — висѣлицы, колеса, цѣпи. Всякій попадающій въ руки «улановъ» долженъ былъ закончить счеты съ жизнью. Дальновидный Андрей Родіоновичъ не довольствовался и этими мѣропріятіями. Опасаясь тайныхъ заговоровъ, внезапныхъ единичныхъ нападеній и въ то же время желая слѣдить какъ за настроеніемъ своихъ рабочихъ, такъ и за всѣмъ ходомъ желѣзнодорожнаго дѣла, онъ устраиваетъ тѣ таинственные ходы и подвалы, о которыхъ мы говорили. Они исполняли два назначенія: служили, по старому обычаю, хранилищемъ богатства Андрея Родіоновича въ видѣ желѣзныхъ издѣлій, различныхъ товаровъ, припасовъ и громаднаго количества денегъ. Это послѣднее назначеніе подтверж-

дается такимъ фактомъ, имѣющимъ оффиціальное подтвержденіе. На основаніи какихъ-то данныхъ, нѣкій владимірскій жандармскій полковникъ, въ 40-хъ годахъ, доносилъ министру финансовъ, что ему, полковнику, извѣстно, что въ усадьбѣ Баташевыхъ задѣланы деньги въ количествѣ 17.000.000. Полковникъ просилъ позволить ему разыскать этотъ кладъ, при чемъ, на основаніи законовъ, требовалъ себѣ $\frac{1}{3}$ часть, а $\frac{2}{3}$ предлагалъ въ казну. По этому поводу министерство, сообщая заявленіе жандармскаго полковника, увѣдомляло наслѣдниковъ Андрея Родіоновича, что, въ случаѣ нахожденія денегъ, $\frac{1}{3}$ дѣйствительно отчисляется въ пользу нашедшаго, а $\frac{2}{3}$ идутъ владѣльцу. Кладъ, однако, и до сихъ поръ не разыскивали *).

Второе назначеніе ходовъ—возможность владѣльцу во всякое время внезапно появиться изъ-подъ земли среди заводскихъ рабочихъ, навести на нихъ паническій, суевѣрный страхъ и узнать какъ работы ихъ, такъ и настроеніе.

И Андрей Родіоновичъ достигъ этого: рабочіе считали его чуть не злымъ непобѣдимымъ духомъ, бороться съ которымъ нѣтъ возможности.

Говорятъ еще, что подъ домомъ у Баташева былъ цѣлый монетный дворъ, гдѣ мѣдныя екатерининскія деньги расплавлялись съ чугуномъ, а затѣмъ опять превращались въ монету въ количествѣ неимоверно большемъ. Легенда эта, впрочемъ, ничѣмъ не подтверждается.

Относительно устройства потайныхъ ходовъ существуетъ такая легенда. Баташевъ спустилъ въ под-

*) Подъ однимъ изъ провалившихся подваловъ, на площадкѣ найденъ былъ однажды столъ, весь изъ чистой старинной мѣди и 8 ядеръ.

земелье 250 человекъ. Люди эти никогда не показывались на свѣтъ Божій; даже пищу имъ опускали въ котлахъ подъ землю. Въ концѣ концовъ, Баташевъ приказалъ засыпать ходы въ подземелье, и несчастные были погребены заживо. Относительно причины такого дѣйствія Андрея Родіоновича существуютъ двѣ варіаціи: по одной—онъ засыпалъ работниковъ, чтобы они не сообщили о таинственныхъ ходахъ, по другой — эти рабочіе отливали монету, и когда однажды явились агенты правительства, Баташевъ, опасаясь раскрытія преступленія, задѣлалъ отверстие, чтобы начальство не нашло подземнаго монетнаго двора.

Дѣйствуя вышеописаннымъ образомъ, Баташевъ скоро сдѣлался полнымъ господиномъ въ своихъ владѣніяхъ; онъ уничтожилъ разбои, превратилъ лѣсную вольницу въ своихъ послушныхъ, безропотныхъ рабовъ и возвелъ тѣ гигантскія сооруженія, какъ прудъ, плотину, плавильную печь, о которыхъ мы говорили.

Ему оставалось еще уничтожить мелкихъ сосѣдей-владѣльцевъ, завладѣвъ ихъ землями, усадьбами и людьми.

Съ неменьшею энергіею вступилъ Андрей Родіоновичъ и въ этотъ второй фазисъ своей дѣятельности.

Неподалеку отъ завода, по Касимовской дорогѣ, до сихъ поръ остались слѣды двухъ деревень: одна, въ верстѣ отъ завода, называлась Волтыгино, а другая, въ трехъ верстахъ—Максаково. Селенія эти въ буквальномъ смыслѣ слова были стерты съ лица земли Баташевымъ, и теперь единственными признаками ихъ существованія остались лишь могилы на бывшихъ кладбищахъ да мѣста, на которыхъ, вѣроятно, были помѣщицьи усадьбы, о чемъ можно судить по правиль-

нымъ квадратнымъ насыпямъ, по углубленіямъ отъ бывшихъ прудовъ и небольшому количеству сохранившихся акацій, представляющихъ странный контрастъ съ окружающими ихъ сосновыми лѣсами.

Относительно разрушенія этихъ деревень существуетъ нѣсколько разсказовъ. Одни передаютъ, что дѣло было такъ. Владѣлецъ помянутыхъ деревень ни за что не соглашался продать свои владѣнія Андрею Родіоновичу, чѣмъ послѣдній, не допуская возможности протестовъ, весьма огорчился и, съ своею настоячивостью, рѣшилъ завладѣть деревнями помимо желанія хозяина. Выждавъ время, когда помѣщикъ куда-то по своимъ дѣламъ уѣхалъ, Андрей Родіоновичъ въ одну прекрасную ночь взялъ своихъ «улановъ», массу подводъ и отправился въ походъ на Волтыгино и Максаково. Не долго думая, жителей деревни взялъ онъ въ плѣнъ, отдалъ приказъ разобрать всѣ постройки, сложить ихъ на подводы, землю вспахать, а жителей отправить въ заводъ. Преданіе гласитъ, что вся эта работа была сдѣлана въ одну ночь, такъ что, когда возвратился владѣлецъ, онъ не могъ разыскать своихъ владѣній, колесилъ по пустыннымъ полямъ, объясняя исчезновеніе деревни навожденіемъ дьявола, покуда не убѣдился въ дѣйствительности уничтоженія своихъ владѣній. Другіе разсказываютъ, что Баташевъ все упомянутое продѣлалъ по желанію самого помѣщика, который пріѣхалъ жаловаться Андрею Родіоновичу, что ничего не можетъ подѣлать съ возмущившимися крѣпостными. Баташевъ предложилъ владѣльцу продать ему деревни и крестьянъ, а когда получилъ согласіе, то и снесъ все, запахалъ землю, а жителей часть казнилъ въ страш-

номъ саду, часть сослалъ въ Сибирь, а часть сдѣлалъ рабочими на заводѣ.

Съ другимъ своимъ сосѣдомъ, какимъ-то татарскимъ касимовскимъ «князькомъ», Баташевъ, какъ говорятъ, поступилъ еще лучше. Этотъ «князекъ» также долгое время не соглашался уступить своихъ владѣній, а чтобы отвязаться отъ Андрея Родіоновича, запрашивалъ неимовѣрную сумму. Баташевъ долго придумывалъ средство уничтожить князка и, наконецъ, изобрѣлъ способъ. Онъ согласился уплатить требуемую татаринѣмъ сумму, такъ что тотъ не могъ уже отказать. Князекъ явился къ Баташеву, заключилъ условіе, забралъ деньги и уѣхалъ. Но Андрей Родіоновичъ послалъ въ догонку своихъ «улановъ», которые отобрали отъ князка деньги, а его отправили на тотъ свѣтъ. Таковъ, по преданіямъ, былъ характеръ пріобрѣтеній Андрея Родіоновича.

Дальнозоркій Баташевъ предвидѣлъ, что его дѣйствія могутъ обратить вниманіе высшей администраціи, даже правительства. Необходимо было оградиться съ этой стороны. Конечно, великолѣпный домъ съ рѣдкими картинами и дорогою обстановкою, роскошный паркъ съ мраморными и чугунными статуями, оранжереи, лукулловскіе обѣды, блестящіе балы, театръ, изобиліе денегъ могли пріобрѣсти ему много сторонниковъ; но всему есть предѣлъ, были все же кое-какіе законы, которые въ неурочный часъ могли не только преградить путь его непреклонной волѣ, но и разрушить все созданное. Какъ предупредить непредвидѣнную случайность? И здѣсь нашелся Андрей Родіоновичъ, прекрасно понимавшій свое время: онъ устроилъ свой домъ на границѣ двухъ губерній, Рязанской и

Владимірской: если его начнетъ преслѣдовать администрація первой губерніи, онъ перейдетъ во вторую, и наоборотъ; а чиновники, знай, будутъ отписывать, что нѣтъ, молъ, въ нашей губерніи—въ вашей находится... Затѣмъ, онъ завелъ связи съ правительственными сферами и особенно съ временщиками той эпохи: сначала съ Григоріемъ Орловымъ, а затѣмъ—съ Потемкинымъ. Лично ни съ тѣмъ, ни съ другимъ Баташевъ не былъ знакомъ, а сносился письменно. Интересно, что Андрей Родіоновичъ былъ человѣкъ полуграмотный, а между тѣмъ, умудрялся вести переписку съ самыми высокопоставленными лицами и настолько удовлетворительно, что посланія его достигали цѣли. Все это объясняется недюжиннымъ умомъ Баташева, умѣніемъ сказать, что слѣдуетъ во-время, а главное, сдѣлать соотвѣтствующее приложеніе.

Относительно подарковъ Потемкину у Печерскаго *) сообщается между прочимъ такой фактъ: «Нарочные то и дѣло скакали съ Поташевскихъ **) заводовъ то подъ Очаковъ, то въ Петербургъ, съ рѣдкими плодами заводскихъ теплицъ, съ кислую капустою, либо съ подновскими огурцами въ тыквахъ. Старики рассказываютъ, что однажды Потемкинъ зимой въ Москвѣ проживалъ, подошелъ Григорій Богословъ (25-го января)—его именины; какъ-разъ къ концу обѣда прискакалъ отъ Поташева нарочный съ такими плодами, какихъ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ никто не видывалъ. При нихъ записка Андреевой руки: «Сии ананасы тамо родятся, гдѣ дровъ въ изобиліи, а у меня лѣсу не занимать, потому и сей дряни довольно».

*) «На горахъ». Часть I, гл. 1.

**) Переименованная авторомъ фамилія Баташевыхъ.

— Уважилъ!—на весь столъ крикнулъ Потемкинъ.— Спасибо!... Захотѣлъ бы Поташевъ ремни изъ спины моей выкроить, я бы сейчасъ...—Нужно ли говорить, что, пріобрѣвъ такихъ высокихъ покровителей, Андрей Родіоновичъ знать не хотѣлъ провинціальную администрацію. «Образъ правленія его,—приводитъ тотъ же Печерскій выпускъ изъ какой-то официальной бумаги,—считался безотчетнымъ и необыкновеннымъ». Онъ безъ особенныхъ затрудненій смѣщаль губернаторовъ и архіереевъ своихъ губерній, а кто помельче—съ тѣми обращался какъ съ лакеями. «У Андрея Родіоновича,—сообщаетъ Я. Аванасьевъ *)—были назначены передъ Новымъ годомъ особые пріемные дни для становыхъ, исправниковъ, вообще для земскихъ властей. Всѣ они обязаны были съѣзжаться къ нему для поздравленія въ этотъ день. Ихъ не допускали не только въ кабинетъ, но даже въ залу,—они должны были оставаться въ передней. Баташеву докладывали фамиліи пріѣхавшихъ. Онъ справлялся въ своей записной книжкѣ о поведеніи каждаго и, сообразно заслугамъ пріѣхавшаго, бралъ со стола заранѣе приготовленную тарелку съ конфетами, подъ которыми находилась существенная награда: кому горсть золота, кому серебра, кому мѣди, а кому горсть мусора. Получившіе эти тарелочки отправлялись домой. Зато и земскія власти, и уѣздныя, и губернскія дѣлали все, что хотѣлъ Баташевъ».

«Слова супротивнаго молвить никто не смѣлъ, все преклонялось передъ властнымъ оружейникомъ,—пишетъ Печерскій,—и не было на Андрея Родіоновича

*) «Воспоминанія». Ист. Вѣст., августъ 1890 г.

ни суда, ни расправы; не только въ Питерѣ, въ сосѣдней Москвѣ не знали про его дѣла. Все было шито и крыто». Ничего не могли сдѣлать съ Баташевымъ даже и тогда, когда онъ столкнулъ въ плавильную печь одного ретиваго исправника, который, конечно, превратился моментально въ уголь. Этотъ странный для того времени исправникъ явился къ Андрею Родіоновичу и показалъ нѣкоторую самостоятельность. Баташевъ, прежде чѣмъ приступить къ исполненію обязанностей, предложилъ провинціальному администратору осмотрѣть заводъ Тотъ согласился, и когда взобрался съ хозяиномъ наверхъ доменной печи, Андрей Родіоновичъ пихнулъ его въ расплавленную массу—исправника какъ не бывало *). Послѣ этого начали, какъ и прежде, являться «коммиссіи, но одна изъ нихъ, подкупленная, прекращала дѣло за отсутствіемъ уликъ, а другія не могли разыскать владѣльца Гусевского завода, который, не выходя изъ предѣловъ своего дома, жилъ то въ Рязанской, то во Владимірской губерніи. Впослѣдствіи правительство измѣнило границу, и домъ Андрея Родіоновича очутился въ одной Владимірской губерніи, но это случилось уже послѣ его смерти, а во время жизни Баташевъ благополучно обошелъ законы. Умеръ Андрей Родіоновичъ совершенно спокойно, въ полной памяти. Могила его находится на заводскомъ кладбищѣ, неподалеку отъ усадьбы. Памятникъ на мо-

*) Аванасьевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», о которыхъ мы упоминали, сообщаетъ, между прочимъ, что въ бытность его на заводѣ ломали какую-то стѣну и внутри ея нашли скелетъ, возлѣ котораго лежали мѣдныя пуговицы. Аванасьевъ думаетъ, что это кости какого-нибудь исправника, замурованнаго въ стѣнѣ. Мнѣ не приходилось слышать объ этомъ на заводѣ.

гилѣ сдѣланъ въ видѣ изящной каменной колонны на широкомъ фундаментѣ. Надписи на памятникѣ никакой. Передъ этой колонной возвышается желѣзная пирамида надъ могилой одной изъ женъ Андрея Родіоновича—Акулиной Матвѣевной. На одной сторонѣ этой пирамиды надпись, литая изъ чугуна, гласитъ: «Подъ симъ памятникомъ погребено тѣло вдовы Акулины Матвѣевны, которая родилась въ 1749 г. іюня 2-го дня, а скончалась въ 1819 г. іюня 7-го дня, въ 4 часа пополудни. Всѣхъ лѣтъ житія ея на семъ свѣтѣ было 70 лѣтъ».

На двухъ другихъ сторонахъ пирамиды—стихи въ память покойной литыми буквами.

Послѣ смерти Андрея Родіоновича владѣнія его подверглись набѣгу опекуновъ надъ малолѣтними тогда наслѣдниками завода. Начались невозможныя безобразія, грабежъ, на чтó, въ 40-хъ годахъ, обратилъ вниманіе императоръ Николай Павловичъ и высказалъ жестокое порицаніе дореформенному суду, выразивъ мысль о необходимости преобразованія его.

Андрей Родіоновичъ Баташевъ умеръ въ 1799 г. Говорятъ, когда его спросили, кого онъ назначаетъ своимъ наслѣдникомъ, Баташевъ отвѣтилъ «сильнѣйшаго». Какъ бы то ни было, духовнаго завѣщанія грозный владѣлецъ Гусевского завода не оставилъ и тѣмъ положилъ начало безконечному «баташевскому дѣлу» *). Въ продолженіе жизни своей Андрей Родіо-

*) Послѣ появленія статьи моей о Баташевѣ въ «Русск. Вѣд.» я получилъ нѣсколько писемъ отъ лицъ, такъ или иначе знающихъ или слыхавшихъ объ Андрѣ Родіоновичѣ Баташевѣ и о баташевскомъ дѣлѣ. Между прочимъ, г-жа Н. Трескина, писавшая мнѣ, что въ 60-хъ годахъ слушала въ Обществѣ любителей Россійской словесности рефератъ объ

новичъ былъ женатъ три раза. Отъ первой жены у него былъ одинъ только сынъ Андрей, прозванный «Чернымъ»; отъ второй—три сына: Андрей «Меньшій», Николай и Иванъ. При жизни второй жены Баташевъ сочетался законнымъ же образомъ съ третьей, но дѣтей отъ нея, кажется, не имѣлъ.

Андрей «Черный» не признавалъ второго и третьяго браковъ, а потому, тотчасъ послѣ смерти отца, прогналъ, какъ говорятъ, двухъ мачихъ своихъ и трехъ братьевъ и завладѣлъ всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, которое осталось у отца по раздѣлѣ съ братомъ его Иваномъ Родіоновичемъ. А каково было это имущество, можно заключить по долѣ Ивана Родіоновича: по IX-й ревизіи за нимъ числилось 10.870 душъ крестьянъ, изъ которыхъ 4.876 было мастеровыхъ, а когда онъ умеръ, въ 1821 г., при описаніи его имѣній оказалось—12.528 душъ крестьянъ и 148.967 дес. земли *). Доля Андрея Родіоновича, ко-

Андрѣй Родіоновичъ Баташевъ князя Кугушева, предлагала побывать у нея въ Москвѣ для дополнительныхъ свѣдѣній, а также указывала на нѣкоторыхъ лицъ, которыя могутъ быть мнѣ полезны въ дальнѣйшихъ статьяхъ о фамилии Баташевыхъ. Принося всѣмъ писавшимъ мнѣ лицамъ глубочайшую признательность за оказанное вниманіе, я долженъ сказать, что, благодаря любезности родного внука Андрея Родіоновича и его семейства, я получилъ возможность пользоваться документальными данными, хранящимися въ цѣнныхъ архивахъ Гусевского завода. На основаніи этихъ данныхъ и фамильныхъ преданій, сообщенныхъ мнѣ въ домѣ Баташевыхъ, и составленъ этотъ очеркъ. Кромѣ того, я пользовался свѣдѣніями старожиловъ Гусевского завода.

*) См., между прочимъ, соч. Карновича: «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи».

торую завладѣлъ Андрей «Черный», была не меньше *).

Здѣсь къ слову сказать, что всѣ богатства Ивана Родіоновича въ послѣдствіи перешли въ родъ Шепелевыхъ **), изъ которыхъ гвардейскій генералъ Дмитрій Шепелевъ женился на единственной дочери Баташева, Дарьѣ Ивановнѣ, который безвыѣздно проживалъ на Выксинскомъ, близъ Муромъ, заводѣ. Изъ другихъ Шепелевыхъ одинъ, Амплій Степановичъ, былъ женатъ на дочери графа Андрея Артамоновича Матвѣева, а другой—на племянницѣ Потемкина, Надеждѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ.

Между тѣмъ, судьба изгнанныхъ братьевъ Андрея «Чернаго» была болѣе чѣмъ печальна. Въ концѣ концовъ, Андрей «Меньшій» и Николай умерли—остался Иванъ, въ лицѣ котораго и сосредоточивается все «баташевское дѣло». Непризнанный законнымъ, этотъ будущій миллионеръ былъ названъ Иваномъ Гусевымъ и данъ въ солдаты. Кто помнитъ «николаевское время», можетъ себѣ представить, каково было сыну всесильнаго когда-то Андрея Родіоновича фигурировать въ качествѣ нижняго чина! И это была далеко не послѣдняя шутка судьбы надъ Иваномъ Андреевичемъ Баташевымъ.

Самовольный раздѣлъ Андрея «Чернаго» возбудилъ процессъ, который тянулся въ царствованіе императо-

*) По раздѣлу 1783 г. Иванъ Андреевичъ получилъ заводы: Выксинскій, Велетьминскій, Унженскій, Досчатинскій и Желѣзницкій, а Андрей Родіоновичъ—Верхнеунженскій, Илевскій, Еремтинскій и Гусевскій.

**) Затѣмъ въ родъ Голицыныхъ, теперь же заводы, принадлежавшіе нѣкогда Ивану Родіоновичу, арендуются нѣмецкой компаніею.

ровъ Павла, Александра I-го, Николая и Александра II-го. При императорѣ Павлѣ положеніе дѣла не измѣнилось; въ царствованіе Александра оно подвинулось лишь въ томъ отношеніи, что въ 1821 г. владѣнія Андрея «Чернаго», вслѣдствіе нераздѣла, были впервые отданы въ вѣдѣніе меленковской, Владимірской губерній, дворянской опеки: съ 1821 г. по 1850 г. она, какъ увидимъ, всецѣло жила на счетъ баташевскихъ богатствъ.

Лишь въ 1830 г., по повелѣнію Николая Павловича, дѣти отъ второго брака Андрея Родіоновича были признаны законными. Существуетъ легенда, что такому рѣшенію помогло случайно найденное метрическое свидѣтельство Ивана Баташева. Говорятъ, что въ Гусевскомъ заводѣ было двѣ церкви. Когда началось дѣло о наслѣдствѣ, одна изъ этихъ церквей внезапно сгорѣла, а въ другой никакихъ свидѣтельствъ не оказалось. Но вотъ именно въ первой изъ нихъ, еще до пожара, нѣкій дьячокъ разыскалъ свидѣтельство и, для вѣрности, пожелалъ лично предъявить государю. Опасаясь преслѣдованій, дьячокъ пѣшкомъ отправился въ Петербургъ. Объ этомъ узнали и отправили за дьячкомъ погоню. Послѣдняя настигла путника на какомъ-то постояломъ дворѣ, гдѣ дьячокъ забрался ночевать на сѣновалѣ. Постоялый дворъ сгорѣлъ въ ту же ночь, и дьячка не разыскали—думали, что онъ сгорѣлъ. Но знаменитый дьячокъ какъ-то выбрался и благополучно достигъ Петербурга, гдѣ его опять постигло несчастье: при переправѣ черезъ Неву лодка опрокинулась—путникъ остался живъ, а завѣтное свидѣтельство пошло ко дну. Далѣе преданіе гласитъ, что императоръ Николай Павловичъ, узнавъ объ этомъ, повелѣлъ, во

что бы то ни стало, достать свидѣтельство. И оно, будто бы, было добыто...

Когда солдату Ивану Гусеву было объявлено, что онъ, во-первыхъ, не Гусевъ, а Иванъ Андреевичъ Баташевъ, а во-вторыхъ, — наслѣдникъ громаднѣйшихъ богатствъ, онъ, что называется, остолбенѣлъ. Да и нѣтъ ничего удивительнаго — событіе сказочное! А результатомъ его было то, что Иванъ Гусевъ, сдѣлавшись Баташевымъ, немедленно загулялъ и началъ расточать еще неполученное наслѣдство. Нѣтъ сомнѣнія, что не онъ лично былъ причиною расточительности, а друзья, которыхъ, обыкновенно, очень мало бываетъ въ тяжелыя минуты жизни и очень много, когда человѣку повезетъ счастье.

Первымъ изъ такихъ «пріятелей» былъ нѣкій цирюльникъ Пигаревъ. Но этотъ мелкій человѣкъ служилъ лишь ширмой для лицъ высшаго полета, изъ которыхъ извѣстный Шервудъ-Вѣрный въ «баташевскомъ дѣлѣ» проявилъ всѣ свои душевныя качества. Декабристъ Н. В. Басаргинъ въ своихъ интересныхъ «Запискахъ» *) сообщаетъ, между прочимъ, что «въ 1825 г. Майборода отправленъ былъ Пестелемъ въ Москву для пріемки изъ комиссаріата полковыхъ вещей и какихъ-то суммъ. Промотавъ тамъ деньги и видя, что ему предстоитъ гибель, онъ рѣшился на доносъ, отправивъ его императору Александру въ Таганрогъ. По восшествіи на престолъ императора Николая Майборода былъ переведенъ въ гвардію тѣмъ же чиномъ. Вскорѣ долженъ былъ, однако, выйти въ армію,

*) Девятнадцатый вѣкъ. Историческій Сборникъ, изд. П. Бартеневымъ. Москва, 1872 г.

гдѣ ему тоже было плохо, такъ что онъ, наконецъ, вышелъ въ отставку. Вступивши черезъ нѣкоторое время опять въ службу на Кавказъ, онъ тамъ въ припадкѣ сумасшествія перерѣзалъ себѣ горло. Шервуду-Вѣрному также не посчастливилось. Онъ долженъ былъ кинуть службу, надоѣлъ государю своими наглыми требованіями, семь лѣтъ содержался въ крѣпости и, наконецъ, жилъ въ Москвѣ въ крайней бѣдности».

Есть основаніе полагать, что Басаргинъ упоминаетъ о заточеніи Шервуда-Вѣрнаго именно по Баташевскому дѣлу, точно такъ же, какъ къ этому дѣлу относятся, вѣроятно, и «наглые требованія». Дѣло въ томъ, что, по выходѣ изъ солдатъ Баташевъ очутился въ квартирѣ министра полиціи Балашева. Однажды къ первому явился Шервудъ-Вѣрный и сообщилъ, что, будто бы, министръ полиціи желаетъ воспользоваться имуществомъ его, Баташева; онъ же, Шервудъ-Вѣрный, какъ искренній другъ, предупреждаетъ объ этомъ и предлагаетъ свои услуги Ивану Андреевичу. Послѣднему и въ голову не пришло, что скрывалось подъ этими сладкими рѣчами знаменитаго доносчика: онъ согласился переселиться къ Шервуду и принять отъ него взаймы 50.000 рублей.

Шервуду-Вѣрному только это и надо было. Поймавъ такую птицу, какъ миллионеръ Баташевъ, онъ беретъ съ него расписку ни болѣе, ни менѣе, какъ на 400.000 р. и входитъ въ соглашеніе съ извѣстнымъ протеже Аракчеева Клейнмихелемъ, дабы онъ доложилъ государю о приобрѣтеніи имъ, Шервудомъ-Вѣрнымъ, владѣній Баташева, за что онъ, Клейнмихель, получитъ половину всего. Но тутъ, какъ гласитъ преданіе, случилось такъ, что великій князь Михаилъ

Павловичъ, будучи въ гостяхъ у жены Ивана Андреевича, Любови Петровны, узналъ о планѣ Шервуда-Вѣрнаго и въ полночь, передъ днемъ доклада, послалъ записку императору Николаю. Когда на другой день во дворецъ явился Клейнмихель, государь сказалъ ему: «Или тебя, Клейнмихель, обманываютъ, или ты меня: я все знаю—ты сейчасъ будешь докладывать объ имуществѣ Баташева». Немедленно все обнаружилось, и когда притомъ государь узналъ, что Шервудъ-Вѣрный взялъ расписку на 400.000 руб., сумму невозможную по извѣстному государю состоянію Шервуда, то повелѣлъ, во-первыхъ, посадить Шервуда въ крѣпость, во-вторыхъ—назначить надъ Баташевымъ за расточительность опеку и, въ-третьихъ,—всѣ заключенныя съ кѣмъ бы то ни было Баташевымъ сдѣлки считать недѣйствительными. Говорятъ, что такихъ «сдѣлокъ» было уже въ то время совершено Баташевымъ на нѣсколько милліоновъ рублей. Значитъ обирали его какъ слѣдуетъ!

Высочайшая власть оказалась, однако, безсильна въ дѣлѣ огражденія Баташева и его имущества. Въ 1833 году была назначена опека, а уже въ 1836 г., «по дошедшимъ до свѣдѣнія государя императора злоупотребленіямъ сихъ опекуновъ *), учреждена была особая коммиссія для изслѣдованія тѣхъ злоупотребленій; затѣмъ виновные преданы были суду, а управленіе имѣніями и заводами Ивана Баташева, оставаясь въ вѣдѣніи меленковской дворянской опеки, перешло къ другимъ

*) Дѣло о произведенномъ слѣдствіи по дѣйствіямъ опекуновъ и мѣстныхъ властей по управленію имѣніями Баташева. 20-го марта 1848 г. № 250. Арх. Гус. зав.

только опекунамъ, тою же дворянскою опекою опредѣленнымъ». Какъ и слѣдовало ожидать, изъ этого ничего не вышло: злоупотребленія не только не уменьшились, а возрасли до геркулесовыхъ столбовъ.

Но прежде чѣмъ говорить о нихъ, замѣтимъ, что въ 1835 г. послѣдовалъ общій раздѣлъ баташевскихъ владѣній *), по которому на долю Ивана Андреевича Баташева, за смертью братьевъ его Андрея «Меньшаго» **) и Николая и за выдѣломъ части матери, досталась половина имѣнія и, кромѣ нѣсколькихъ тысячъ крѣпостныхъ, заводы—Гусевскій и Верхнеунженскій, Меленковского уѣзда, Владимірской губерніи, и Сынтульскій, Касимовскаго уѣзда, Рязанской губ. Мастеровыхъ въ этихъ заводахъ числилось до 3.000 человѣкъ мужского пола.

Теперь приступимъ къ «злоупотребленіямъ», а попросту къ грабежамъ. Мы уже сказали, что послѣ перваго преданія суду опекуновъ имѣнія Баташевыхъ это послѣднее оставалось все же въ вѣдѣніи меленковской дворянской опеки. Въ 1838 г., когда въ опекунское правленіе вступили Дружининъ и членъ дворянской опеки Ягодынскій, немедленно обнаружались самыя вопіющія мошенничества. По изслѣдованіямъ

*) Часть владѣній, отошедшая къ Андрею «Черному», была раздѣлена между его женою, сыновьями Петромъ и Силою и дочерьми Феоктистою Павловою и Вѣрою Посниковою.

**) Андрей былъ женатъ; послѣ его смерти жена вышла вторично замужъ за Дурова. Въ 1830 г., когда Андрей былъ признанъ законнымъ, бывшей женѣ его выдѣлена $\frac{1}{2}$ ч. изъ имущества, причитавашагося Андрею. Эту часть Дуровъ въ 1844 г. завѣщалъ дочери своей, Лидіи Эриной, а родовое имѣніе досталось сыну ея, Александру Баташеву, умершему бездѣтнымъ.

оказалось, что изъ числа назначенной по Высочайшему повелѣнію ссудной суммы 147.000 р. опекунское правленіе производило расходы вовсе не на тѣ нужды, на которыя деньги были выданы. Затѣмъ растрчено было капитала отъ инструментовъ на 2.012 р. 93 к., при сдачѣ новому опекунскому управленію оказалось недостатка разнаго имущества на 57.956 р. 59 к., заводскія издѣлія продавались такъ выгодно, что причинено убытковъ на 16.870 р. 51 $\frac{1}{4}$ коп.; отъ оброчныхъ денегъ съ крестьянъ недоставало: за 1838 — 65.029 р. 71 $\frac{1}{4}$ к., за 1839 г. — 72.379 р. 10 $\frac{1}{4}$ к. и за 1840 г. — 78.597 р. 75 $\frac{1}{4}$ к. и, наконецъ, за время управленія Дружинина и Ягодынскаго долги на имѣніяхъ Баташева достигли 246.108 р. 78 коп. Если мы подсчитаемъ всѣ помянутыя цифры, то въ итогѣ получится довольно солидная сумма 638.955 р. 38 коп.

Помимо всего этого, опекуны производили такіе расходы, какихъ безъ особыхъ на то разрѣшеній производить не имѣли права, а рабочихъ довели до такого состоянія, что несчастные въ 1840 г., несмотря на грозившую имъ бѣду, обращались съ просьбою къ губернскому начальству, чтобы оно доставило имъ какія-либо средства къ пропитанію...

Коммиссія, разслѣдовавшая въ 1847 г. приведенныя злоупотребленія, нашла, между прочимъ, предписаніе горнаго суда департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, въ которомъ помянутый департаментъ предлагалъ опекунскому управленію начать гражданскій искъ съ опекуновъ. На запросъ коммиссіи опекунскому управленію, было ли сдѣлано какое распоряженіе по указу горнаго правленія и начать ли искъ указомъ тѣмъ, — опекунское управленіе отвѣтило, что «свѣдѣній ни по

конторѣ, ни въ дѣлахъ опекунскаго управленія не имѣется, а потому оному и неизвѣстно».

Словомъ, не только безслѣдно исчезли 638.955 р. 38 к., но и самое дѣло ухнуло въ Лету!

Но этого мало.

Послѣ смерти, въ 1845 г., Ивана Андреевича Баташева, вдова его *), оставшаяся съ двумя малолѣтними, обратилась съ просьбою во владимірскую гражданскую палату объ опредѣленіи, въ качествѣ опекуновъ, родственниковъ ея: флигель-адъютанта Пашкова и отставного гвардіи штабсъ-капитана Бекетова. Гражданская палата, оставивъ въ полномъ дѣйствиіи прежнюю опеку, утвердила точно такъ же и просимыхъ Баташевою опекуновъ.

Меленковской дворянской опека это не понравилось. Хотя она еще и не знала новыхъ лицъ, но уже непринадлежность ихъ къ мѣстнымъ жителямъ заставляла опасаться, какъ бы не была разрушена созданная десятками лѣтъ строгая система пользованія баташевскими владѣніями,—система, благодаря которой цѣлыя поколѣнія дворянъ Меленковского уѣзда были сыты, обуты, одѣты, пріобрѣли состоянія, а опека получала такіе доходы, какихъ невозможно было получить въ самомъ выгодномъ предпріятіи.

Система эта была такова.

Главнымъ агентомъ меленковской опеки была заводская контора. Она вѣдала всѣ внутреннія, ей хорошо знакомыя, дѣла въ баташевскихъ владѣніяхъ и обязана была за это доставлять главные доходы опека. Зато послѣдняя безъ замедленія исполняла всѣ требо-

*) Любовь Петровна умерла въ 1846 г.

ванія конторы относительно назначенія опекуновъ: разъ кто-либо изъ послѣднихъ не нравился конторѣ, тотчасъ же увольнялся и на мѣсто его назначался другой.

Эти смѣщенія и назначенія каждый разъ сопровождались особымъ гонораромъ.

Контора должна была, помимо періодическихъ платежей, дѣлать взносъ за назначеніе новаго опекуна, а вновь назначенный обязанъ былъ «благодарить» особо опеку, при чемъ, если другое лицо предлагало «благодарность» болѣе щедрую, то оно могло занять только-что отданное мѣсто, но предоставлялось въ такихъ случаяхъ право уже назначенному «повысить» свою «благодарность» и т. д.

Благодаря такимъ комбинаціямъ, съ 1833 г. по 1850 г. въ Баташевскомъ имѣніи, въ качествѣ опекуновъ, перебивали всѣ дворяне Меленковского уѣзда!

Но и упомянутая «статья» не составляла еще главнаго дохода,—самая важная прибыль заключалась въ продажѣ заводскихъ издѣлій. Для наивыгоднѣйшей утилизациі этого способа наживы заключался контрактъ съ однимъ лицомъ, которое, за громадное вознагражденіе, пользовалось безграничною монополіею въ заводахъ: ему одному и по условленной платѣ продавались всѣ издѣлія, несмотря ни на какія колебанія цѣнъ.

Такимъ лицомъ въ продолженіе почти всего владычества меленковской дворянской опеки были купцы Барковы, контрактъ съ которыми заслуживаетъ особаго вниманія.

26-го декабря 1834 г. опекунъ Пироговъ и горный чиновникъ Васильевъ, съ разрѣшенія меленковской

дворянской опеки, заключили контрактъ съ купцомъ Евдокимовымъ о запродажѣ этому послѣднему выдѣ-
 лываемыхъ на заводахъ наслѣдниковъ Баташева издѣ-
 лій на сумму 1.453.848 руб., при чемъ въ 9 пунктѣ
 контракта было пояснено, что Евдокимовъ обязанъ
 внести въ главную Гусевскую контору въ задатокъ
 денегъ 215.000 р., и эту сумму засчитать Евдокимову
 такимъ образомъ, что на какую сумму въ теченіе
 мѣсяца будетъ принято товаровъ и издѣлій, — поло-
 вину ея, т.-е. 50 к. въ каждомъ рублѣ, вычитать изъ
 задаточнаго капитала, покуда онъ такимъ образомъ
 не будетъ весь исчерпанъ, при чемъ сколько выше-
 упомянутая задаточная сумма будетъ находиться въ
 конторѣ, эта послѣдняя обязана платить условленные
 $\frac{0}{10}\frac{0}{10}$, которые также поступаютъ въ платежъ за по-
 лучаемые Евдокимовымъ товары. Евдокимовъ тотчасъ
 по заключеніи контракта внесъ 215.000 р.; но на са-
 момъ дѣлѣ этотъ самый Евдокимовъ служилъ шир-
 мами для другихъ лицъ, а 215.000 были, во первыхъ,
 взятка, а во-вторыхъ, какъ увидимъ, благовидный
 предлогъ держать заводъ въ своихъ рукахъ.

Уже въ январѣ 1835 г. Евдокимовъ передаетъ свое
 право купцамъ Маріи и Дмитрію Барковымъ съ тѣмъ,
 что, сколько всѣхъ товаровъ и издѣлій ни будетъ при-
 нято этими послѣдними, 17 коп. съ пуда должно идти
 въ пользу Евдокимова.

Въ томъ же 1835 г. заводская контора, подъ пред-
 логомъ крайняго недостатка средствъ и невозможности
 поддержать мастеровыхъ и рабочихъ, просила Барко-
 выхъ, какъ и слѣдовало ожидать, не вычитать зада-
 точную сумму и процентовъ съ нея, а что деньгамъ
 этимъ будетъ вестись аккуратный счетъ, какъ долго-

вому обязательству. Вопреки контракту, Барковы немедленно согласились на это предложеніе, и до конца 1836 г. о задаточной суммѣ не было и рѣчи, хотя издѣлій за этотъ періодъ было отпущено на сумму 384.280 р. 45¹/₄ к.

Но вотъ послѣ раздѣла имѣнія Баташевыхъ владимірская гражданская палата не поставила въ обязанность наслѣдникамъ исполненіе контракта, переданнаго отъ Евдокимова Барковымъ. Тогда эти послѣдніе немедленно обращаются въ сенатъ, скрывъ частную сдѣлку съ конторою, которая совершенно нарушала формальное условіе. Опекуны, въ лицѣ тѣхъ же знаменитыхъ Дружинина и Ягодинскаго, который приходился близкимъ родственникомъ *) Барковымъ, не только не разъяснили незаконность и страшный вредъ монополіи Барковыхъ, но выдали имъ расписку на задолженную сумму и присовокупили 21.013 р. 68¹/₄ к. процентовъ, что всего составило 73.141 р. 90¹/₄ к.

Получивъ такой документъ, Барковы настоятельно стали требовать издѣлій на помянутую сумму или немедленнаго возвращенія ея наличными деньгами. И, по распоряженію Дружинина и Ягодинскаго, съ согласія меленковской дворянской опеки, Барковы опять являются монополистами, получивъ съ 1845 по 1847 гг. издѣлій, по цѣнности затѣрки, на 39.893 р. 60 к., въ то время какъ по продажнымъ цѣнамъ эти издѣлія стоили 75.114 р. 60¹/₄ к., т.-е. заводъ дѣлалъ уступку Барковымъ въ 53⁰/₀!!

Отсюда ясно, что полученная по вычисленіямъ ком-

*) Сынъ Барковой и Ягодинскій были женаты на родныхъ сестрахъ.

мисіи сумма въ 638.955 р. 38 к. составляла каплю въ морѣ, сравнительно съ другими, которыхъ невозможно было учесть: контора, опекуны и опека грабили милліонами.

Нужно ли говорить, что меленковская опека ни за что не хотѣла лишиться столь жирнаго, вкуснаго и безконечнаго, такъ сказать, пирога, какъ баташевскія владѣнія. И вотъ, когда въ 1846 году мѣсто опекуна занялъ упомянутый нами выше родственникъ Баташевыхъ Бекетовъ, начинается въ высокой степени характерная для добраго стараго времени борьба меленковской опеки.

Послѣдняя, во что бы то ни стало, желала оставить своихъ клеветовъ въ лицѣ незамѣнимыхъ Дружинина и Ягодынскаго, а Бекетовъ не желалъ ихъ имѣть возлѣ себя.

Словно предчувствуя скорую гибель, меленковская опека бросилась, какъ говорится, на ура противъ всѣхъ законовъ и учрежденій, отстаивая своихъ агентовъ.

Въ январѣ 1846 г. прибылъ въ Гусевскій заводъ Бекетовъ, а въ сентябрѣ туда же является и изгнанный за злоупотребленія Дружининъ, опять утвержденный меленковскою опекою. Бекетовъ шлетъ жалобу; Дружининъ строчить доносъ. Гражданская палата, основываясь на томъ, что «Дружининъ владимірскою дворянскою опекою и горнымъ правленіемъ былъ обвиненъ по управленію горными заводами въ стѣсненіяхъ мастеровыхъ», предписываетъ удалить Дружинина; но меленковская опека и въ усъ не дуетъ: не только не удаляетъ, но и предаетъ суду Бекетова *) за непри-

*) Интересно, что члены суда въ то же время составляли и опеку.

знаніе Дружинина. Палата опять шлетъ предписаніе, мечетъ громы и молніи за ослушаніе, а меленковская опека смѣется: устранивъ Дружинина, какъ опекуна, она оставляетъ его «для бытности при слѣдствіи, производимомъ о дѣйствіяхъ по опекунскому управленію Бекетова!» Мало этого: она командируетъ «и засѣдателя Ягодынскаго, какъ члена болѣе прочихъ опытнаго въ заводской части и по управленію имѣніемъ, и на котораго опека вполнѣ полагается»... И командируетъ опека Ягодынскаго для разбора дѣла о.... контрактѣ съ купцомъ Барковымъ, близкимъ, какъ намъ уже извѣстно, родственникомъ Ягодынскаго, болѣе всѣхъ способствовавшаго монополіи Барковыхъ! Гражданская палата по этому поводу писала, что она находитъ въ томъ и другомъ случаѣ (т.-е. назначеніи Дружинина и Ягодынскаго) упорное ослушаніе опеки противъ указа палаты и даже противъ распоряженія губернскаго правленія, а посему полагала, уничтожая со всѣми послѣдствіями означенныя дѣйствія опеки, взысканія за оныя представить владимірскимъ гражданскому губернатору и губернскому правленію и просить о принятіи мѣръ къ тому, дабы дворянская опека не осмѣливалась дѣйствовать противъ палаты, какъ высшаго надъ опекой мѣста, и исполняла бы предписаніе въ точности. согласно 2632 ст. X тома». Въ концѣ концовъ гражданская палата такъ-таки ничего не могла подѣлать съ меленковскою опекою, ни съ горнымъ правленіемъ: Ягодынскій опять явился въ заводъ въ качествѣ распорядителя, несмотря на то, какъ сообщала палата, что онъ, Ягодынскій, «находится подъ судомъ владимірской уголовной палаты, содержался при полиціи подъ арестомъ, и ему за вредное по имѣнію дѣйствіе, опре-

дѣленіемъ гражданской палаты воспрещенъ былъ въѣздъ въ заводъ Баташевыхъ».

Гражданская палата принуждена была на меленковскую опеку и московское горное правленіе подать жалобу въ сенатъ.

Только лишь въ 1850 году указъ сената отстранилъ меленковскую дворянскую опеку отъ владѣній Баташева. Въ мотивахъ этого отстраненія, помимо изложенныхъ нами дѣйствій опеки, имѣется и слѣдующій неподобный отзывъ владимірскаго гражданскаго губернатора: *«въ Меленковскомъ уѣздѣ нѣтъ такихъ дворянъ, которые могли бы занять должность опекуновъ, ибо почти всѣ они находятся подъ судомъ или слѣдствіемъ за Баташевскія дѣла!»*

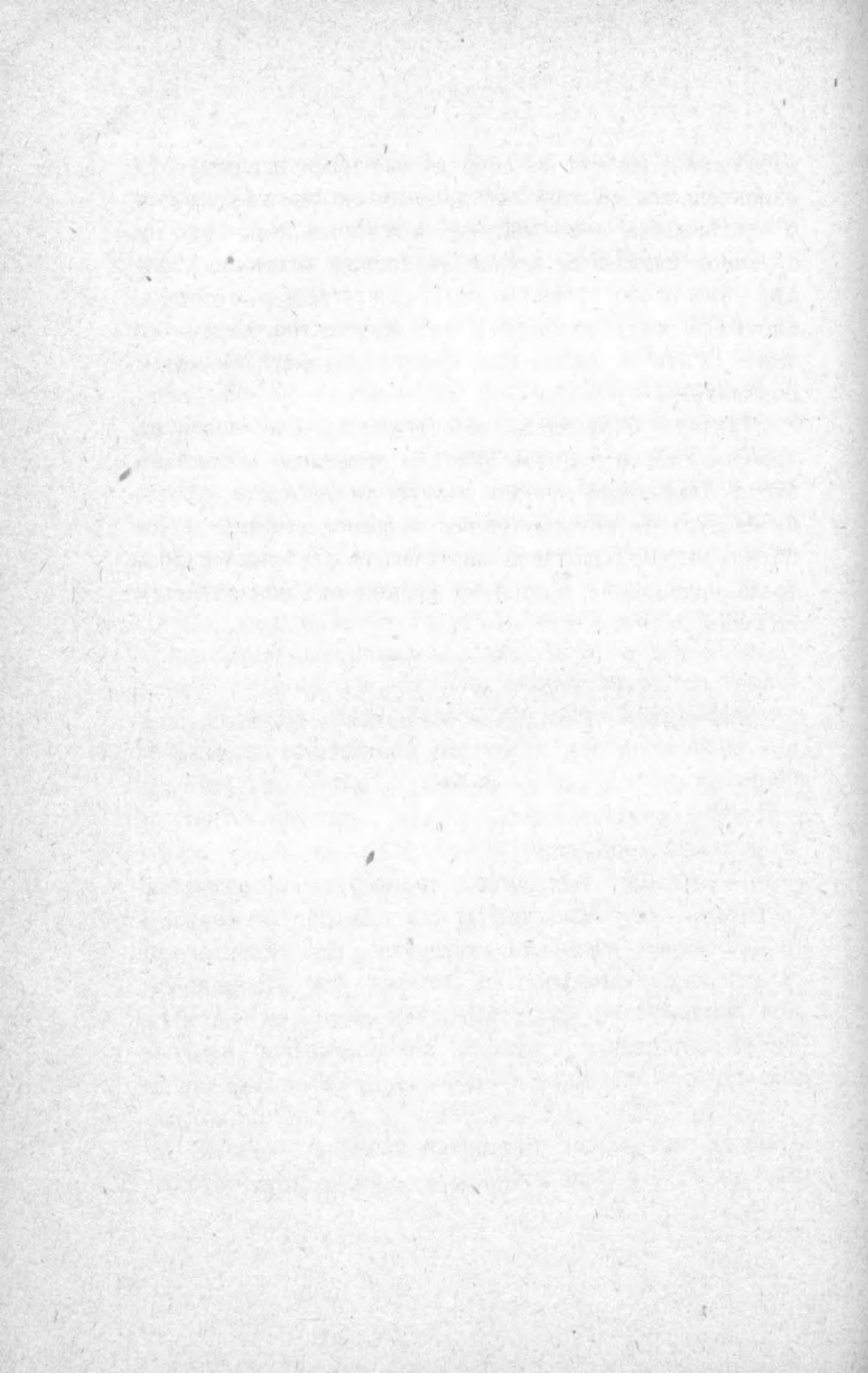
Въ силу помянутаго указа, новая опека надъ Баташевскими имѣніями была построена на такихъ основаніяхъ: одинъ опекунъ «по выбору министра финансовъ съ тѣмъ только, чтобы для этого былъ назначенъ чиновникъ испытанной честности и благонадежности», другой—«по общему выбору кредиторовъ, претензіи которыхъ признаны сенатомъ безспорными», и третій—«штабсъ-капитанъ Бекетовъ», какъ представитель наслѣдниковъ, избранный Баташевою. «Всѣмъ тремъ опекунамъ предоставить одинаковое участіе въ распоряженіяхъ по управленію имѣніемъ и вмѣнить въ обязанность всѣ таковыя распоряженія приводить въ дѣйствіе не иначе, какъ вслѣдствіе разсужденій, принятыхъ большинствомъ голосовъ, испрашивая разрѣшенія вмѣсто меленковской—владимірской дворянской опеки».

Съ этого времени начинается новая, такъ сказать, исторія Баташевскихъ владѣній. Вопросъ—гдѣ же были

наслѣдники имѣнія въ сообщенный нами періодъ? Мы ознакомились съ разными лицами, съ учрежденіями, а о владѣльцахъ лишь упоминали вскользь. Какъ это ни странно, владѣльцы играли въ своихъ владѣніяхъ болѣе чѣмъ второстепенную роль; они стояли въ сторонѣ, смотрѣли какъ разоряютъ ихъ имущество, стремятся даже сжить со свѣта ихъ самихъ и ничего не могли подѣлать!

Такъ-то охранялась собственность и личность въ «доброе старое время»! Такъ-то привольно жилось въ этотъ блаженный періодъ отсутствія гласности, совмѣщенія суда съ администраціею и господства кнута! Понятно, что патріотамъ извѣстнаго оттѣнка жилось тогда привольнѣе, и понятно желаніе ихъ возвратиться «назадъ»...

На развалинахъ.

Не мало лишений и труда приходится выносить земскому статистику при изслѣдованіи крестьянскихъ хозяйствъ, но во много разъ тяжелѣе и непріятнѣе имѣть дѣло съ частными владѣльцами.

Что касается лично меня, то я готовъ взять на себя лучше десятокъ-другой деревень, чѣмъ двухъ-трѣхъ владѣльцевъ, и, грѣшный человѣкъ, въ теченіе многолѣтней своей статистической дѣятельности всегда старался выбирать себѣ волости съ наименьшимъ количествомъ ихъ, хотя не всегда удавалось это сдѣлать. Прежде всего чувствуешь большую неловкость, когда непрошеннымъ гостемъ появляешься въ незнакомую усадьбу, да еще съ цѣлями, которыя нерѣдко неясны даже для губернскихъ гласныхъ, а не то что для лицъ, далеко стоящихъ отъ земства. Затѣмъ, кому неизвѣстенъ тотъ паническій, доходящій до суевѣрія страхъ, который внушаетъ чиновникъ съ портфелемъ въ рукахъ,—а именно за чиновника васъ и принимаютъ въ каждомъ имѣніи. Далѣе, всеобщее разореніе, ожиданіе какихъ-то совершенно невѣроятныхъ «благъ» и полныхъ «облегченій» такъ не вяжутся съ «оцѣнкою имущества для обложенія земскими сборами», что вы, явившійся для

этой «оцѣнки», чтобы затѣмъ «обложить», понятно, вызываете нѣчто въ родѣ ненависти. Прибавьте къ этому, что значительный процентъ изъ частныхъ владѣльцевъ, несмотря на всѣ «кризисы», имѣетъ лишь смутное представленіе о своемъ хозяйствѣ, а нѣкоторые и ровно ничего не знаютъ; что крѣпостническій элементъ, сохранившійся еще въ замѣтной дозѣ, терпѣть не можетъ земства, а тѣмъ болѣе статистику, «вносящую», по мнѣнію этихъ господъ, «смуту въ деревню, раскрывающую факты, препятствующіе осуществленію различныхъ вождедѣній, и вы поймете, что отношеніе мое къ изслѣдованію частно-владѣльческихъ хозяйствъ имѣетъ вѣскія основанія.

Но «взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ»: со всѣмъ этимъ можно было бы примириться; есть, однако, еще одно обстоятельство, иной разъ совершенно выводящее изъ терпѣнія.

Я говорю о массѣ непроизводительно затрачиваемого времени: то частнаго владѣльца нѣтъ дома, или онъ куда-нибудь «спѣшить по дѣлу», то ему некогда, то онъ спитъ и «не приказали будить», то просто не желаетъ давать никакихъ свѣдѣній... Къ иному заѣдешь разъ десять—и все понапрасну! Конечно, были и есть и другіе типы; встрѣчаются люди высокообразованные, гуманные, развитые, но, къ сожалѣнію, они составляютъ исключеніе...

Не разъ мнѣ случалось уѣзжать изъ цѣлаго ряда имѣній, несолоно хлебавши, но однажды въ этомъ отношеніи особенно не повезло.

Дѣло было въ началѣ іюля. Наступили сильнѣй-

шіе жары; съ ранняго утра съ безоблачнаго неба начинало безпощадно палить солнце, и такъ продолжалось до самаго вечера; съ половины мая не было дождей, благодаря чему черноземныя дороги превратились въ мелкую пыль, которая даже при тихомъ движеніи телѣги поднималась столбами, а при малѣйшемъ вѣтрѣ заполняла весь воздухъ, лѣзла въ ротъ, въ носъ, въ уши, подъ платье. А тутъ какъ-разъ близился покось, и вслѣдствіе ранней весны и засухъ не за горами была и уборка хлѣба. Словомъ, наступило время, когда во что бы то ни стало слѣдовало закончить работы, такъ какъ въ противномъ случаѣ ихъ пришлось бы продолжать въ августѣ, когда предполагалось приступить къ изслѣдованію уже другого уѣзда.

И вотъ въ такое-то время я никакъ не могъ описать владѣнія и хозяйство Сидора Поликарповича. Онъ, несомнѣнно, скрывался отъ меня, а я, буквально, гонялся за нимъ по разнымъ мѣстамъ и нѣсколько разъ получалъ свѣдѣнія, что «они сей сикундъ уѣхали—какъ вы ихъ не сустрѣли?» А между тѣмъ, безъ описанія этого владѣльца работа по моему району теряла половину цѣнности, такъ какъ Сидоръ Поликарповичъ около третьей части имѣній двухъ моихъ волостей скупилъ, да столько же держалъ въ арендѣ. Во всѣхъ этихъ еще недавно бывшихъ «дворянскихъ гнѣздахъ» новый владѣлецъ понасадилъ бойкихъ «молодцовъ», которые на всѣ вопросы отвѣчали незнаніемъ, ссылаясь на то, что «всѣ дѣлы, планты и гумаги у хозяина».

Въ полномъ отчаяніи отъ такой неудачи, не видя возможности, что предпринимать, я уже рѣшилъ-было

закончить послѣднюю крестьянскую общину, убраться восвояси, какъ въ этотъ именно день дѣло приняло счастливый оборотъ.

Нужно замѣтить, что какъ-то, встрѣтивъ старшину, я, зная, что онъ, какъ и все волостное начальство, ставленикъ Сидора Поликарповича и близкій ему человѣкъ, заявилъ о необходимости составленія за его подписомъ протокола, если мнѣ не придется описать имѣнія его принципала.

— Это, то-есть, на счетъ чего вы изволите ска- зывать? — спросилъ тогда старшина, поглаживая бо- роду.

— Вы лично или писарь дадите мнѣ такую бумагу, въ которой удостовѣрите, что я при всемъ желаніи не могъ въ подвѣдомственной вамъ волости разыскать владѣльца, хотя онъ въ ней именно проживаетъ.

— Чтò вы, ваше вскородіе! Это никакъ невоз- можно, чтобы, значить, не розыскать.

— Ну, какъ знаете, только, повторяю, если еще разъ не застану Сидора Поликарповича, то попрошу васъ...

— Не извольте беспокоиться...

По-правдѣ сказать, я не придавалъ никакого зна- ченія этой угрозѣ, ибо слишкомъ мелкая величина земскій статистикъ, не гарантированный даже, соб- ственно говоря, отъ оскорбленія безъ всякихъ послѣд- ствій для оскорбившаго. Но въ данномъ случаѣ ока- залось иначе, причемъ, думаю, главную роль сыграло слово «протоколъ». Въ этотъ счастливый день, когда я, сидя въ душной избѣ, обливаясь пото́мъ и съ озло- бленіемъ отгоняя невѣроятно назойливыхъ мухъ, опра- шивалъ осовѣвшихъ отъ жары крестьянъ названной

общины, вдругъ толпа почтительно разступилась, и къ моему столу подошелъ старшина.

— А я насчетъ Сидора Поликарповича,—почти шопотомъ сказалъ онъ, поздоровавшись со мною.

— А что?

— Да тутъ по сосѣдству они пріѣдутъ рошшу рубить...

— Развѣ?

— Это ужъ доподлинно...

— Ну и прекрасно,—я поѣду.

— Я нарочито выѣхалъ за вами.

— Благодарю... Подождите минуточку.

— Съ нашимъ удовольствіемъ...

Старшина вышелъ, а я спѣшно сталъ заканчивать пообщинный бланкъ.

Не болѣе какъ черезъ полчаса я былъ уже на улицѣ, гдѣ меня ожидалъ старшина. Онъ пріѣхалъ въ весьма приличномъ тарантасикѣ, на жирномъ, лоснившемся гнѣдомъ меринѣ. Тотчасъ же мелкою трускою мы пустились въ путь.

Теперь только я замѣтилъ, что начальникъ волости, не взирая на нестерпимый жаръ, нарядился въ теплую, на манеръ боярской, новую шапку, въ суконную на ватѣ поддевку, стянувъ ее краснымъ поясомъ; такого же цвѣта шерстяной вязаный шарфъ обматывалъ толстую шею франта, а ноги обуты были въ громадные сапоги, почти скрывавшіе плисовые шаравары, и въ новыя глубокія резиновые калоши, блестящія какъ зеркало. Деревенскій джентльменъ, къ слову сказать, упитанный и тучный, буквально прѣлъ въ собственномъ соку; потъ, смѣшанный съ пылью и масломъ, которымъ щедро были смазаны волосы, ручьями лился по его

красному круглому лицу, стекая въ рыжую окладистую бороду. Пыхтя и отдуваясь, начальство поминутно отирало свою фізіономію рукавомъ поддевки, но, опасаясь, вѣроятно, нарушить общую гармонію параднаго наряда, старшина не рѣшался отстегнуть ни единой петли ради облегченія отъ удушливаго зноя.

Зная, конечно, какъ къ нему относится населеніе волости, представителемъ которой онъ сдѣлался, благодаря, какъ мы уже говорили, Сидору Поликарповичу, повліявшему, по слухамъ, на «земскаго», старшина, принимая меня, вопреки объясненіямъ въ различныхъ бумагахъ и «предписаніяхъ», за «шишку» въ высокихъ сферахъ администраціи, всю дорогу повѣствоваль о невѣроятныхъ порокахъ деревенскихъ обывателей.

— Я вамъ скажу, ваше вскородіе, что скоро, должно, конецъ свѣту настанетъ...

— Почему вы такъ думаете?

— Больно народъ балуется, то-есть такъ балуется, что диву даешься...

— Чтó же онъ дѣлаетъ?

— И не говорите! Къ родителямъ почитанія нѣтъ, до обѣдни водки нажираются, на благодѣтелей никакого униманія, властямъ придерживающимъ почитанія нѣтъ...

Надысь, скажу я вамъ, пришелъ тутъ одинъ изъ Одесты, пришелъ это да и ну родителю своему грубіянить. Старикъ ко мнѣ: «Такъ, молъ, и такъ,—сынъ повинovenія не имѣетъ». Вотъ какъ-то я его сустрѣваю да, съ позволенія сказать, обругалъ: «Что ты, говорю, такой-сякой, родителейъ не считаешь?! Я тебя, говорю, во какъ раздѣлаю»... А онъ въ отвѣтъ: «А тебѣ, говоритъ, какое дѣло? По законамъ, гово-

рить, нѣтъ у тебя правовъ у семейны дѣлы вмѣшательство имѣть»... А я ему: «Такіе я тебѣ «законы» пропишу, что отъ твоей хари блинъ одинъ останется»... А онъ: «Попробуй! можетъ, у тебя первѣй зубовъ не станеть»... Со мной тутъ отецъ діаконъ стоялъ и говоритъ: «Влаstemъ, говоритъ, предержавшимъ да повинуется; онъ старше тебя—смолчи, дуракъ!» А онъ: «Хушь, говоритъ, онъ и старшій, а какъ мерзавецъ онъ былъ, такъ подлецомъ и останется!..» Не встерпѣлъ я, да тррахъ!—по мордасамъ, а онъ дьяволъ, каррауль!» Тутъ, откуда ни возмись, народъ. «Будьте свидѣтели, православные,—убилъ онъ меня!» Да потомъ къ земскому. Земской-то у насъ первѣющій чловѣкъ,—его же, подлеца, и приговорилъ, какъ, значица, былъ я при вспалненіи обязанностей. А онъ въ сѣздъ, да аблаката. Этотъ и почаль брехать, да свидѣтелей такъ успрашивалъ, что, бытто, безъ обязанностей я былъ, безъ чѣпа, то-есть. И что же? Вѣдь осудили меня! Ну, какъ же это возможно?! Кто же почитаніе оказывать будетъ?.. Шляется вотъ такъ народъ по разнымъ краямъ да и научается разнымъ разностямъ, а сидѣли бы по мѣстамъ, лучше бы это было...

Жалобы старшины, иллюстрируемая примѣрами, подобными приведенному, ослабили впечатлѣніе однообразнаго пути по пыльной дорогѣ, и незамѣтно проѣхали мы десятиверстное разстояніе.

Цѣлью нашего путешествія оказалась разрушенная усадьба. Вправо отъ дороги виднѣлась цѣлая масса покосившихся построекъ, частью безъ крышъ и почти всѣ безъ оконъ; влѣво за плетневою огорожею виднѣлся паркъ.

— Вы, ваше вскородіе, пожалуйста въ рошшу погулять, а я пойду здѣсь успрашу на счетъ Сидора Поликарповича.

Отдохнуть въ тѣни была слишкомъ соблазнительная вещь, а потому я охотно послѣдовалъ совѣту старшины и скоро очутился въ иномъ мірѣ.

Это былъ громадный запущенный паркъ. Сотни лѣтъ ревниво оберегающіеся дубы, клены и липы достигали гигантскихъ размѣровъ, а умершіе естественною смертію или съ корнемъ вырванные бурями мощные ихъ товарищи лежали тутъ же, у ногъ живыхъ своихъ собратій, охранявшихъ мертвецовъ густою листовою, сквозь которую съ трудомъ, въ видѣ малыхъ и большихъ пятенъ, длинныхъ и короткихъ полосъ, пробивали себѣ путь солнечные лучи. Отъ труповъ, съ запахомъ прѣли и влаги, шли побѣги, въ иныхъ мѣстахъ совершенно скрывавшіе своихъ праотцевъ. Стремясь къ простору и свѣту, нѣжная, ярко-зеленая молодежь пробилась и на бывшія дорожки, и въ нѣкогда громадные цвѣтники съ разрушенными фонтанами и поломанными статуями, постепенно завладѣвая всѣми мѣстами, когда-то отторгнутыми отъ ихъ предковъ для прихотей владѣльцевъ. Только большой прудъ былъ неприкосновененъ, но и его уже со всѣхъ сторонъ сжала армія плакучихъ березъ, которыя, повѣсивъ свои кудрявыя головы надъ самою водою, какъ бы всматривались въ глубину, выжидая моментъ, когда возможно будетъ захватить и этотъ лакомый кусочекъ, представлявшій изъ себя зеркальную поверхность, отражавшую и ясно голубое небо, и солнце, а по краямъ окаймленную высокимъ густымъ камышемъ и бѣлыми кувшинчиками. Какими-то судьбами уцѣлѣвшіе два бѣ-

лые лебедя медленно и величаво плавали по пруду, время отъ времени окунаясь въ воду и разбрасывая брызги, какъ алмазы блестящія на солнцѣ. Только этотъ плескъ и нарушалъ необычайную тишину парка.

Желая пробраться къ какому-то, казалось, громадному дому, мезонинъ котораго высился вдали, я, обогнувъ прудъ и пройдя нѣкоторое время чащею, гдѣ взадъ и впередъ сновали испуганные черные дрозды вышелъ на колесную дорогу и встрѣтилъ старшину.

— А я васъ давно ищу,—сказалъ онъ, какъ-то подозрительно посматривая на меня.

Вообще, несмотря на самое короткое время нашей разлуки, старшина былъ неузнаваемъ.

— Что же, здѣсь владѣлецъ?

— Да, тутъ...

— Гдѣ же онъ?

Старшина замялся, а затѣмъ, не глядя мнѣ въ глаза, спросилъ:

— По какому дѣлу изволили пріѣхать?...

— Это Сидоръ Поликарповичъ поручилъ вамъ спросить?

— Мы сами должны знать...

— А вы развѣ не знаете?

— Не можемъ знать...

— Какой же вы старшина: около двухъ недѣль я нахожусь въ вашей волости, а вы не знаете, зачѣмъ и почему? Вы получили предписаніе?

— Я сказывалъ,—проговорился старшина,—и они, то-есть, значить, чтобы доподлинно...

— Чтò же вы ему говорили?

— По службѣ, сказываю... членъ, молъ...

— Какой «членъ»? Никакой я не членъ...

— То-есть, сказываю, членъ... насчетъ, значитъ, земли и разнаго прочаго... А они говорятъ, чтобы доподлинно...

— Отдайте ему вотъ эту карточку... Онъ грамотенъ?

— И очинно даже...

— Ну, такъ пусть прочтеть...

Старшина видимо растерялся отъ моей храбрости и, взявъ карточку, на обратной сторонѣ которой, между прочимъ, было напечатано, что свѣдѣнія собираются «на основаніи Высочайше утвержденныхъ 8-го іюня 1893 года Правилъ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ для обложенія земскими сборами», сначала, желая сохранить свое достоинство, пошелъ довольно тихо, но скоро не выдержалъ и пустился рысью, опасаясь, несомнѣнно, съ одной стороны, меня, а съ другой—Сидора Поликарповича, отъ котораго спѣшилъ услышать разъясненія недоразумѣнія.

Я медленнымъ шагомъ послѣдовалъ вслѣдъ за старшиною, обдумывая, какъ вести себя съ деревенскою «силою», согнувшею всю округу въ бараній рогъ. Изученіе и провѣрка моей персоны не предвѣщали ничего хорошаго, и малѣйшая оплошность могла повлечь за собою неудачу, т.-е. я могъ не получить никакихъ свѣдѣній, не говоря уже о возможности непріятностей. Соображая далѣе, что вѣдь это не представитель силы разума, культуры, просвѣщенія, а порожденіе той же самой забитой, темной, невѣжественной деревенской среды, надъ которой Сидоръ Поликарповичъ возвышается не духовно, не потому, чтобы онъ былъ дѣйствительно выше ея, а просто благодаря *случайно* благопріятно сложившимся для него экономическимъ обстоя-

тельствамъ, несомнѣнно, тѣ же приемы, къ которымъ иногда приходится прибѣгать при опросахъ общинъ, подѣйствуютъ и въ данномъ случаѣ...

Быть можетъ, мысль моя еще поработала бы въ этомъ направленіи, но появился старшина и предложилъ идти къ Сидору Поликарповичу, поджидавшему меня въ старомъ барскомъ домѣ, отъ котораго я былъ теперь въ нѣсколькихъ шагахъ.

Нужно думать, владѣлецъ руководствовался соображеніями, подобными моимъ, и встрѣтилъ меня со строгостью неестественною, совершенно несоотвѣтственною, казалось, его типу, если можно такъ выразиться: видимо, для такой встрѣчи онъ готовился...

Замѣтивъ это, я важно, насколько могъ, разложилъ принесенные старшиною портфели и, глубоко-мысленно глядя въ чистые листы бумаги, спрашиваю:

— Вы — Сидоръ Поликарповичъ Новотишинъ?

— Мы-съ! — рѣзко отчеканиваетъ онъ, непринужденно заложивъ руки въ карманы поддевки. — А по какимъ это, позвольте спросить, дѣламъ?

— Вамъ старшина далъ карточку?

— Далъ-съ...

— Вы читали?

— Читалъ-съ...

— Ну?

— Чтò «ну?»

— Содержаніе вы... поняли?

— Нѣтъ-съ... невдомекъ намъ...

— А вы получили бланки для сообщенія свѣдѣній о вашемъ владѣніи и хозяйствѣ?

— Никакихъ бланковъ мы не получали...

— Старшина?

— Ну?... Чего изволите?

— Волостное правленіе разсылало бумаги владѣльцамъ отъ губернской управы?

— Точно такъ-съ...

— А чтó же господинъ Новотишинъ заявляетъ, что онъ не получалъ?

— Нѣтъ, Сидоръ Поликарпычъ, отъ васъ расписочка есть,—замѣтилъ нерѣшительно старшина.

— Это вотъ тѣ, чтó десятскій приносилъ?

— Они самые, Сидоръ Поликарповичъ, они самые...

— Н-ну, чтó же, получилъ-съ... Вы извольте сказать, чтó отъ насъ требовацца?

— Отъ васъ необходимо получить свѣдѣнія о вашихъ владѣніяхъ: земляхъ, лугахъ, лѣсахъ...

— А ежели мы ничего не знаемъ? Я, таперича, ни дилѣмши съ братаномъ,—вотъ и старшина это можетъ заявить...

— Это точно-съ: они съ братаномъ ни дилѣмши...

— Ну, такъ чтó же?

— А то, что мы, знацца, ничиво не можемъ знать, сколько чего... ни дилили ничиво...

— То-есть, другими словами, у васъ нѣтъ ни плановъ, ни документовъ? Какъ же, на какихъ основаніяхъ вы владѣете?

— Да такъ... безу всякихъ основаніевъ...

— Какъ это «такъ»? Я васъ прошу меня не задерживать... У меня много работы... Желаете вы дать какія-нибудь свѣдѣнія или нѣтъ?

— Никакихъ свѣдѣніевъ дать мы не можемъ...

— Какъ вамъ угодно! Въ такомъ случаѣ, потру-

дитесь расписаться вотъ здѣсь, на бланкѣ: «Я, нижеподписавшійся, свѣдѣній никакихъ давать не желаю и никакихъ документовъ на владѣніе не имѣю». А старшина своимъ подписомъ скрѣпитъ ваше заявленіе...

— Сидоръ Поликарповичъ! Чтò же вы дѣлаете?!— испуганно сказалъ старшина.

Какъ истинно русскій человѣкъ, старшина моментально проявилъ свои самобытныя качества—страхъ предъ подписомъ; но не заставилъ себя долго ждать и владѣлецъ: онъ началъ сдаваться и быстро сдался...

— Что же это такое?.. Чуть чтò—сейчасъ распишись! Какъ же, таперича, я могу насчетъ плантовъ и всякаго тамъ прочаго, ежели у меня здѣсь ничего нѣтъ, а все у Сучкиной?..

— Въ Сучкиной я былъ у васъ ровно шесть разъ: ни разу васъ не засталъ, а домашніе ваши заявили, что у нихъ ничего нѣтъ...

— Да тамъ безъ меня никто ничего не могить...

— Ну, вотъ видите... Если желаете, я готовъ сейчасъ же ѣхать съ вами въ Сучкину...

— Нѣтъ, это мнѣ несподручно... ужъ лучше послать кого: завтра рошшу мы рубить начнемъ...

— Ну, вотъ, и прекрасно! Далеко тутъ до Сучкиной?

— Да дорогою верстъ пять, а ежели верхомъ, черезъ вершокъ,—не болѣе трехъ...

— И того мени,—радостно замѣтилъ старшина, видя благопріятную развязку:—тутъ переплунуть...

— Да ты, Григорій Гавриловичъ (такъ, оказалось звали старшину), сваргань, чтобы кто съѣздилъ...

— А кого можно послать?

— Да хушь Ванька пускай и ѣзжайтъ...

— Вотъ и ладно, я это живымъ манеромъ...

И старшина вышелъ, а вслѣдъ за нимъ, какъ бы позабывъ что-то сказать, отправился Сидоръ Поликарповичъ.

Я остался одинъ.

Волненіе, предшествовавшее знакомству съ Новотишинымъ и не прекращавшееся въ теченіе всего времени бесѣды съ нимъ, было причиною, что я не осмотрѣлся въ обстановкѣ, въ которой находился. Теперь же я увидѣлъ, что громадная комната представляла изъ себя какъ бы музей, въ которомъ собраны были предметы различныхъ эпохъ. Всѣ стѣны увѣшаны портретами, начиная, судя по костюмамъ, со временъ Екатерины II до Александра II. Различныя же наслоенія замѣчались и на мебели, и даже на мелкихъ предметахъ и посудѣ, виднѣвшихся въ большомъ стеклянномъ шкафу. Особенно странное впечатлѣніе производило старинное открытое фортепьяно, съ раскрытыми на пюпитрѣ рукописными нотами «Полонесъ Огинскаго» и двумя возлѣ нихъ стеариновыми огарками. Воображеніе рисовало грустную картину: какъ-то вечеромъ послѣдній разъ огласилась звуками эта зала, а затѣмъ случилась какая-то катастрофа, не дозволявшая даже привести все въ надлежащій порядокъ.

Слѣдующая комната вся завалена была книгами; лежали онѣ въ страшномъ безпорядкѣ на полу; на стѣнахъ ясно замѣтны были слѣды шкафовъ, въ которыхъ когда-то, несомнѣнно, хранились эти книги.

Раздались шаги, и появился Сидоръ Поликарповичъ.

— Осматривали-съ? — спросилъ онъ.

— Да.

— Вотъ за наличныя денежки какую рухлядь поллучилъ.

— Купили?

— Кабы купилъ — навязано!..

— Какимъ образомъ?

— Безу всякихъ образовъ... Э-эхъ, одно слово!..

Сомнѣваясь въ возможности невыгодной сдѣлки для Новотишина, я повернулъ разговоръ въ другую сторону.

— Покуда привезутъ планы, побесѣдуемъ немножко: тогда меньше дѣла будетъ.

— Съ нашимъ удовольствіемъ. Пожалуй, огонька нужно?

— Да, уже темновато.

— На дворѣ-то еще свѣтло, а тутъ этотъ виноградъ тьму производитъ.

— Зелени много.

— Чего другого, а этого достаточно.

Съ этими словами Сидоръ Поликарповичъ вытащилъ огарки изъ прикрѣпленныхъ къ фортепьяно подсвѣчниковъ, и вставилъ ихъ въ высокіе, массивные бронзовые подсвѣчники, стоявшіе на кругломъ столѣ, у котораго мы и сѣли.

— А позвольте васъ спросить, — зажигая свѣчи, заговорилъ Новотишинъ: — это безпремѣнно надѣтъ спрашивать?

— А иначе какъ же узнать?

— А зачѣмъ узнавать? Ежели, примѣрно, земству желательно больше получить, мы это можемъ съ нашимъ даже удовольствіемъ.

— Я васъ не понимаю...

— Ну, земство таперича беретъ, къ примѣру ска-

затъ, сто цалковыхъ, а мы мोगимъ двѣсти, либо триста платить, чтобы только, значить, безъ безпокойства...

— Это совершенно невозможно! Земство не имѣетъ права брать произвольно; оно должно знать, за что именно беретъ...

— Да мы этого, извѣстно, не понимаемъ, а я полагалъ, что, значить, ежели возможно...

— Быть можетъ, изслѣдованіе вашего владѣнія и хозяйства дастъ, наоборотъ, данныя, въ силу которыхъ вмѣсто ста съ васъ слѣдуетъ всего пятьдесятъ—и, конечно, платежъ будетъ уменьшенъ; вы имѣете право, на основаніи такого рода данныхъ, требовать...

— Нѣтъ-съ, въ этомъ, слава Господу Богу, не нуждаемся: просить не будемъ, а мы, значить, чтобы безъ безпокойства, потому какъ дѣло наше торговое...

— Нѣтъ, это совершенно невозможно...

— Прощенія просимъ...

— Да дача свѣдѣній и не отнимаетъ такъ много времени, чтобы повліяло на торговлю... Вотъ, поговоримъ до полученія плановъ: сколько за вами числится всего земли?

— Земли-съ? — переспросилъ Сидоръ Поликарповичъ, усаживаясь въ кресло противъ меня.

— Да.

— Да такъ, полагаю, тыщи полторы, либо двѣ.

— Нельзя ли точнѣе? Вѣдь разница въ 500 десятинъ!

— Никакъ не мोगимъ—Богъ его знаетъ! Можетъ, по плантамъ досчитаетесь, а намъ какъ знать?

— Ну, быть можетъ, знаете, сколько у васъ распашной земли?

— Кабы братанъ былъ, расчисленіе можно бы какъ-нибудь сдѣлать.

— А сами не можете?

— Не припомню всѣхъ.

— Кого «всѣхъ»?

— Риндательевъ.

— А сами сколько вы засѣваете?

— Ни полоски!

— Совершенно хозяйствомъ не занимаетесь?

— Ни зерна! Все, какъ есть, на мужичка работаемъ, какъ, значить, очинно мало у него земли.

— То-есть, всю рѣшительно распашную землю раздаете крестьянамъ?

— Какъ есть всю.

— Цѣлыми имѣніями?

— Нѣ-етъ, погодовно, десятинками — развѣ мужичокъ можетъ за имѣніи платить? Бѣденъ онъ у насъ, охъ, бѣденъ!

— Почемъ же вы берете?

— Да ни почемъ...

— Даромъ, слѣдовательно?

— Да такъ-таки почти что даромъ...

— Ни одного рубля не берете и не назначаете?

— Такъ, для страха бытто, назначаемъ по 20-ти цалковыхъ за озимовую да по 18-ти за ярицу, а не беремъ ничего.

— То-есть, въ долгъ, что ли, записываете?

— Ничего!

— Какъ же такъ?.. Быть можетъ, работаютъ что-нибудь за это?...

— Да такъ кое-что...

— Ну, все-таки?

— Ну, вотъ, примѣрно, рошшу завтра рубить; поѣдешь въ деревню и скажешь: «Ну, ребяташки, выходи размяться въ зеленомъ лѣсу». Либо, примѣрно, лѣсъ по зимнему пути вывезти, либо, тамъ, въ городъ подводы за товарами послать, садъ загородить, покось скосить — такъ по мелочишкамъ...

— Такъ что, слѣдовательно, денегъ вы не получаете ни копѣйки и хлѣбъ для себя покупаете?

— Нѣтъ, слава Тебѣ, Господи, хлѣбушекъ свой ѣдимъ.

— Но вѣдь вы ничего не засѣваете?

— Ничего, а такъ кое-какіе мужички, въ благодарность бытто, половинку хлѣбушка мнѣ, а половинку — себѣ, дѣлимся по-божески.

— Значить, изъ части иногда сдаете?

— Какое тамъ «изъ части» — такъ въ родѣ благодарности...

— А денегъ, значить, никто уже не платить?

— Иной разъ какой-нибудь мужичокъ принесетъ рублевку — другую, али тамъ пятитку, когда, значить, больше денегъ некуда дѣвать.

— Иными словами, вы, слѣдовательно, всю вашу распашную землю сдаете крестьянамъ: за деньги съ отработками, за одни отработки и изъ части?

— Можетъ, по-вашему оно и такъ выходитъ, а по-нашему — просто сусѣдское дѣло: я имъ, они мнѣ — больше ничего... А скажите, пожалуйста, зачѣмъ все это знать надоть?

— А какъ же вычислить доходность земли?

Въ это время явился старшина и принесъ планы, за которыми, оказалось, онъ ѣздилъ лично.

Планы дозволили серьёзнѣе приступить къ дѣлу. Разложивъ ихъ на столѣ, я сначала отъ руки срисовывалъ каждый изъ нихъ, а затѣмъ экспликаціи заносилъ въ графы программы. Сидоръ Поликарповичъ и Григорій Гавриловичъ, стоя, придерживали края плановъ, чтобы они не свертывались въ трубку, и шушукались между собою, узнавая различныя дороги и урочища. Это шушуканье только и нарушало мертвую тишину. Вдругъ я явственно услышалъ отдаленные звуки рояля, такъ что невольно обернулся въ сторону, откуда они неслись, именно къ открытымъ дверямъ балкона, чрезъ которыя виднѣлся залитый луннымъ свѣтомъ паркъ. Но звуки замерли, словно ихъ и не было. «Не обманъ ли это слуха подъ вліяніемъ обстановки?» — подумалъ я. — Нѣтъ! вотъ опять... и даже слышу: это начало третьяго акта «Фауста»... Хочется узнать, но почему-то считаю не ловкимъ спросить: а что если галлюцинація? И дѣйствительно, опять все стихло... Нѣтъ, кто-то играетъ: звуки мелодіи доносятся совершенно явственно...

— Заиграли! — слышу, наконецъ, ироническое замѣчаніе Новотишина.

— Больше, поди, и дѣлать-то нечего, — тихо подкивается старшина.

— Кто это играетъ? — спрашиваю я.

— Хозяйка, — какъ-то насмѣшливо отвѣчаетъ Сидоръ Поликарповичъ.

— Ваша?

— Нѣ-етъ! Куды намъ, дуракамъ, съ офицерами чай пить: дочка помѣщицкая играетъ...

— Сосѣдняго имѣнія?

— Нѣтъ! вотъ это самое ихнее имѣніе и было.

— Вы купили его?

— Нѣтъ! Сказывалъ я вамъ, что навязали... Какъ отецъ, Митрій Миколаевичъ, померъ, имѣніе-то къ сыну перешло, а онъ и протеръ ему глаза...

— Какъ «протеръ»?

— Да такъ: поѣхалъ по водамъ, да по заграницамъ — и протеръ! Занялъ у меня сначала подъ первую закладную, потомъ подъ вторую; а тамъ, ну еще просить да товары закупать въ долгъ, да векселя, знай, переписывать. Ждалъ я, ждалъ, а тамъ слышу стороною тоже займствуетъ, ну, думаю, дѣло плохо — взялъ да ко взысканію: такъ вотъ триста десятинокъ за 50.000 купилъ! Бросовое дѣло — и шабашъ! Только вотъ на рошшѣ что выгадаю, а земля намъ ни за чѣмъ...

— А гдѣ же хозяинъ теперь живетъ?

— Да такъ тутъ...

— Съ матерью?..

— Нѣтъ, она его не допускаетъ.

— У нея свое, слѣдовательно, имѣніе?

— Какое тамъ свое: седьмая мужняя часть, десятинъ такъ сорокъ, либо пятьдесятъ. Да я сужусь и за эту землю, какъ, значить, она не введена во владѣніе, а такъ ужъ, самодуромъ проживаетъ... Вотъ этотъ кусочекъ, — добавилъ Сидоръ Поликарповичъ, указывая пальцемъ на планъ.

— Слѣдовательно, она живетъ тутъ же, рядомъ?

— Прямо калитка есть.

— Пройти черезъ паркъ можно?

— Съ нашимъ удовольствіемъ. Вы и ее описывать будете?

— Конечно.

— Нельзя ли отобрать земельку, потому какъ денегъ больно много сынъ перебралъ...

— Это не мое дѣло...

— Да можетъ какъ-нибудь... ужъ очень бы благодаренъ былъ...

— Это только судъ можетъ сдѣлать...

— А я такъ полагаю, что поскорѣе можно...

— Не имѣю никакого отношенія къ этому...

— Извините...

Покончивъ съ планами, я приступилъ опять къ опросу Сидора Поликарповича по каждому имѣнію, чтобы узнать, какія измѣненія произошли въ угодьяхъ со времени составленія плановъ. Подробнѣйшія объясненія показали, что, за исключеніемъ луговъ, Новотишинъ всѣ остальные угодья превратилъ въ распашныя поля, самымъ безжалостнымъ образомъ, съ корнемъ, уничтоживъ всѣ лѣса, рощи и парки; лѣсомъ онъ торгуетъ, сѣно продаетъ, а всю землю сдаетъ въ аренду; но сколько за нее получаетъ — невозможно было узнать безъ подробныхъ записей о каждомъ арендаторѣ. Долго Сидоръ Поликарповичъ отпѣкивался, но когда я сказалъ старшинѣ, что придется ему собрать всѣхъ арендаторовъ, и я опрошу каждого, Новотишинъ расписался на бланкѣ, что доставить мнѣ всѣ данныя по этому вопросу и лично привезетъ въ губернскую управу.

Въ концѣ концовъ Сидоръ Поликарповичъ предложилъ мнѣ заночевать у него, но я предпочелъ отправиться въ домъ къ помѣщицѣ, хотя было уже около десяти часовъ: приметъ—ладно, а не приметъ—приду ночевать къ Новотишину или уѣду со старшиною, котораго попросилъ проводить меня въ усадьбу. Вечеръ

былъ неописуемо хорошъ. Луна свѣтила такъ ярко, что можно было читать. Паркъ словно замеръ отъ восторга, послѣдній разъ наслаждаясь жизнью: «Завтра, казалось, думалъ онъ, зазвенятъ топоры, завизжатъ пилы; быстро повалятъ меня на землю, обрубятъ, распилятъ и увезутъ, затѣмъ выкорчуютъ корни, распашутъ—и слѣдовъ не останется на мѣстѣ, гдѣ цѣлые вѣка стоялъ я!»

Съ открытой поляны передъ домомъ мы углубились затѣмъ въ темныя аллеи и по нимъ подошли къ маленькой калиточкѣ. Какъ только она отворилась, тотчасъ на пригоркѣ я увидѣлъ небольшой домикъ; черезъ открытыя на балконъ двери ясно видна была освѣщенная комната, гдѣ у рояля сидѣла бѣлокурая барышня и играла теперь похоронный маршъ Шопена; возлѣ нея, опершись на рояль, стоялъ молодой чловѣкъ въ парусинной блузѣ, а рядомъ въ креслѣ сидѣла старуха въ чепцѣ.

Я не ожидалъ, что вдругъ, совершенно внезапно, попаду въ незнакомый домъ, да еще въ такой поздній часъ; смущеніе мое было такъ велико, что я рѣшилъ возвратиться обратно и уже направился къ калиткѣ, но замѣтное удивленіе старшины заставило меня одуматься: я вынулъ визитную карточку, вручилъ ее старшинѣ для передачи хозяйкѣ, а самъ остановился въ трехъ шагахъ отъ балкона.

Вотъ вижу всеобщее удивленіе при появленіи Григорія Гавриловича; барышня бросила играть и, вставъ изъ-за рояля, слушаетъ громкое чтеніе молодого чловѣка.

— А-а! — наконецъ произноситъ послѣдній: — это статистикъ!

— Гдѣ же онъ?—спрашиваетъ старуха.

— Да тутъ,—отвѣчаетъ старшина, указывая на дверь.

— Я пойду, притащу!—кричитъ весело молодой человѣкъ.

И онъ со старшиною выходитъ на балконъ.

— Здравствуйте! — громко восклицаетъ юноша и крѣпко жметъ мнѣ руку.— Пожалуйте!

— Извините, что такъ поздно...

— Что за пустяки!—Старшина, вы можете идти.

— Прощайте!

— До свиданія!

Мы входимъ въ комнату.

— Вотъ моя тѣтя, Марья Михайловна, а это—кузина, Лидія Дмитріевна, а попросту—Лида... Садитесь!

Я сѣлъ на стулъ, а юноша, постоянно заливаясь здоровымъ смѣхомъ, безъ умолку болталъ, благодаря чему весьма быстро прекратилъ ту натянутость отношеній, которая всегда слѣдуетъ за появленіемъ незнакомаго человѣка.

— Тетя! Это именно такой статистикъ, какимъ и я хочу сдѣлаться.

Скоро завязалась непринужденная и живая бесѣда, какъ будто уже давно всѣ были знакомы...

Раздался стукъ колесъ.

— Навѣрное Александръ Николаевичъ!—воскликнулъ студентъ и почти бѣгомъ направился изъ комнаты.

Лидія Дмитріевна, вѣроятно, инстинктивно подошла къ зеркалу. Говорю «инстинктивно, потому что, увидѣвъ въ зеркалѣ мою фізіономію, она покраснѣла, быстро отошла и сѣла возлѣ матери, которая, также по привычкѣ, поправляла свой чепецъ.

Скоро слышались голоса, и въ комнату вошелъ студентъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ, лицо котораго было мнѣ чрезвычайно знакомо.

Поздоровавшись съ дамами, онъ подошелъ ко мнѣ, и—не успѣлъ студентъ отрекомендовать,—спросилъ:

— Гдѣ я васъ видѣлъ?

— Совершенно не припомню, но я васъ также гдѣ-то видѣлъ.

Володя разсмѣялся.

— Это весьма любопытно!

— Осмѣливаюсь спросить: съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

— Статистикъ...

— А-а! теперь припоминаю, да и вы припомните: я земскій врачъ...

— А-а! Что же, умерла?

— Да, бѣдная!

— Кто умеръ?—спросила Лидія Дмитріевна.

— Помните, я рассказывалъ вамъ объ учительницѣ.

— Помню, помню... Припоминаю даже, что вы говорили и о немъ, о господинѣ статистикѣ.

Въ это время вошелъ старый-престарый субъектъ, въ поношенной ливреѣ безъ пуговицъ.

— Чай кушать пожалуйста,—прошамкалъ онъ.

И мы отправились въ крошечный садъ, гдѣ подъ тремя развѣсистыми липами былъ сервированъ столъ.

Старуха начала разливать чай.

— Откуда вы къ намъ такъ внезапно прибыли?—неожиданно спросила меня дѣвушка.

— Отъ Новотишина.

Зашелъ разговоръ о немъ.

— Завтра паркъ будутъ рубить,—вдругъ загово-

рилъ старикъ, сидѣвшій, какъ оказалось, сзади насъ на скамеечкѣ у липы.

— Ты это навѣрно знаешь?—спросила старуха.

— Какже, уже работники наняты.

— Я тоже подтвердилъ, что паркъ предназначенъ къ уничтоженію.

У старухи на глазахъ показались слезы, и она задумалась.

— Чтò ты, мамочка?—спросила дѣвушка, обнимая и цѣлуя мать.

— Ты не поймешь меня, дорогая,—тихо отвѣчала старуха.—Меня пойметъ только Никаноръ... Съ этимъ паркомъ у меня соединены всѣ лучшія воспоминанія жизни...

Крупныя слезы потекли изъ глазъ старухи, и она достала платокъ, чтобы вытереть ихъ.

— Анаѳема!—какъ бы поддерживая барыню, заговорилъ Никаноръ:—бывало, дьяволъ, на порогъ не смѣлъ показаться, за версту шапку снималъ, какъ барыню-то увидить, а теперь завладалъ...

— Перестаньте,—сказалъ студентъ.

— Какъ перестать-то,—не унимался Никаноръ,—ежели онъ завладалъ всѣмъ, да еще и отсюда гнать хочетъ...

Со старухою началась истерика.

— Да перестаньте же!—крикнулъ докторъ на Никанора и прибавилъ:—Надо увести...

И докторъ, и студентъ взяли старуху подъ руки и увели въ домъ; дѣвушка пошла вслѣдъ за ними, а я остался съ Никаноромъ.

— Кабы баринъ былъ живъ, развѣ онъ допустилъ бы до этого?—продолжалъ Никаноръ, какъ бы разгова-

ривая вслухъ про себя:—ни въ жисть! Да онъ бы его на сѣноваль! Это что же такое, чтобы господское имущество забирать... Ан-наѣма!—И онъ ворчалъ въ томъ же духѣ до возвращенія доктора и студента. Первый, вздохнувъ, произнесъ:

«Рѣка время въ своемъ теченьи
Уноситъ царства и людей...

И, глядя на луну, прибавилъ:

— Эхъ, хорошій свободный вечерокъ выдался и испорченъ... А все вы, Никаноръ...

— А я, покуда умру, одно говорить буду: кабы баринъ былъ живъ, ничего бы этого не было: прямо на сѣноваль...

— Халуй вы, Никаноръ, — рѣзко отвѣтилъ студентъ:—все вы о сѣноваль вспоминаете... Прошло то время—теперь нельзя людей пороть...

— Господамъ-то? Это никакъ невозможно... Кабы баринъ былъ живъ...

Въ это время возвратилась Лидія Дмитріевна.

— Что-то завтра будетъ, когда паркъ начнутъ рубить? —тревожно спросила она.

— А знаете что: поѣдемъ ко мнѣ—мѣсто для всѣхъ найдемъ.

— Идея!—воскликнулъ студентъ.

— Всѣ не вмѣстимся въ вашемъ экипажѣ,—отвѣтила дѣвушка.

— Пусть матушка ѣдетъ, а мы пѣшкомъ пойдемъ: чудная ночь, а разстояніе всего 8 верстъ.

— Превосходно!—опять воскликнулъ студентъ.

Я также охотно согласился на это путешествіе.

Когда уговорили старуху, на что ушло не мало

времени, мы вслѣдъ за увозившимъ ее экипажемъ отправились въ путь.

Конечно, объ описаніи владѣнія не могло быть и рѣчи, и я, переночевавъ у доктора, отправился въ другія мѣста.

Сибирскій помѣщикъ.

Это было въ началѣ мая 1885 года.

Утомленный длиннымъ—около 250 верстъ—переездомъ отъ гор. Минусинска, Енисейской губ., и добравшись до Абаканскаго желѣзодѣлательнаго завода, тотчасъ нанялъ первую попавшуюся квартиру и, несмотря на раннюю пору, завалился спать, а проснулся на другой день, когда солнце уже высоко поднялось на ясномъ безоблачномъ небосклонѣ. Наскоро одѣвшись, я поспѣшилъ на террасу, чтобы взглянуть на мѣстность, гдѣ пріютился заводъ. Предо мною открылась чудная панорама горной тайги. Высокія горы, снизу до верху покрытыя мощною хвойною растительностью, поясомъ окружали широкую зеленую равнину, среди которой, сверкая, быстро катилъ свои свѣтлыя воды притокъ Енисея Абаканъ. Бѣловато-розовый туманъ, пронизанный горячими лучами солнца, скрылся въ ущелья и оттуда, цѣпляясь за горы, лѣниво подымался въ высь и тамъ таялъ. Влажная трава долины, испещренная цвѣтами, еще была покрыта росой, блестящею какъ алмазы на яркомъ изумрудномъ фонѣ.

Я, вѣроятно, долго бы любовался этою картиною, если бы не слышались странные возгласы: «Деньги веземъ, де-ень-ги!» Посмотрѣвъ въ ту сторону, откуда доносились голоса, я увидѣлъ двухъ субъектовъ, катившихъ тачки по направленію къ моей квартирѣ.

— Чтò это они везутъ? — спросилъ я вышедшую на террасу хозяйку.

— Жалованье, — отвѣтила она, улыбаясь.

— Какъ жалованье?

— Да такъ: ломомъ жалованье платятъ.

Я ничего не понялъ и спустился внизъ къ субъектамъ съ тачками, которые остановились у крыльца и, усталые, обтирая рукавами потныя лица, присѣли на ступенькахъ.

— Что вы везете? — спрашиваю.

— Денежки веземъ, — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. — Вы не видѣли нашихъ денежекъ? Посмотрите...

Я заглянулъ въ тачки, увидѣлъ тамъ куски стараго желѣза и вопросительно посмотрѣлъ на незнакомцевъ. Они поняли мой взглядъ, и тотъ изъ субъектовъ, который первымъ далъ мнѣ отвѣтъ, произнесъ: — Удивляетесь? Тутъ еще не то увидите — поживите.

— Да вы мнѣ сначала объясните, что это за «деньги»?

— А вотъ почему рухлядь эта деньгами зовется, — началъ словоохотливый собесѣдникъ, въ то время, какъ товарищъ его мрачно и недовѣрчиво смотрѣлъ на меня: — у барина нашего денегъ нѣтъ, такъ вотъ онъ за работы на заводѣ рухлядью этою и расплачивается, вмѣсто денегъ ее даетъ, потому и выходитъ, что рухлядь эта деньги и есть.

— По сколько же дается этой «рухляди»?

— По сколько дается? А вотъ слушайте. Кабы у барина нашего деньги были, пудъ желѣза 2 р. 40 к. долженъ продаваться. А денегъ-то нѣтъ, и цѣна на желѣзо поэтому такая дается, какую захотятъ подрядчики. Нужно, примѣрно, барину муки ли, хлѣба ли, или другого продукта для завода, — онъ къ подрядчикамъ, и расплачивается съ ними желѣзомъ, а они за пудъ даютъ не 2 р. 40 к., а 1 р. 20 к., а то и меньше, такъ иной разъ даютъ, что себѣ оно дороже стоитъ. Ладно. Теперь, значить, съ нами онъ желѣзомъ расплачивается каждую субботу и ставитъ ломъ, вотъ эту рухлядь, въ 2 р. 40 к. Хорошо. Вотъ теперь возьмемъ, примѣрно, меня. По договору, я рубль въ сутки получаю. За шесть день я долженъ шесть рублей серебромъ получить, а онъ мнѣ 2¹/₂ пуда желѣза даетъ. Повезу я сейчасъ желѣзо это къ купцу, а купецъ и скажетъ: «Я барину твоему за новое желѣзо по 1 р. 20 к. за пудъ плачу, а за это я тебѣ больше полтинника не дамъ». И долженъ я ему отдать, потому нужда, и дастъ онъ мнѣ не 6 р., а 1 р. 25 к. Вотъ и выходитъ, что въ сутки-то я получаю всего двугривенный, а не рубль сер. Теперь понимаете? Житье наше, скажу я вамъ, хуже каторги: каторжникъ хоть пищу казенную имѣетъ, и работа тамъ легче, а здѣсь — вотъ какъ работаешь и жрать нечего...

— Ну, нечего тамъ болтать, все одно толку не будетъ, — замѣтилъ молчаливый субъектъ, всталъ и взялся за тачку, чтобы ѣхать дальше. За нимъ пошелъ и мой собесѣдникъ.

Я ушелъ навѣрхъ въ свою комнату, гдѣ былъ уже готовъ самоваръ. Черезъ нѣкоторое время явилась хозяйка и таинственно заявила, что меня «желаютъ видѣть».

— Кто такой? Я здѣсь рѣшительно никого не знаю.

— Да такъ... люди... три человѣка.

— Кто же они такіе?

— Здѣшніе...

— Пусть войдутъ...

Хозяйка тотчасъ ушла, а вмѣсто нея появились таинственные «три человѣка» и, остановившись у порога, молча поклонились.

Одинъ изъ нихъ былъ благовидный старикъ съ длинною сѣдою бородою, а двое — мужчины лѣтъ подъ 40, статные и рослые.

— Чтò вамъ угодно? — спрашиваю.

— Довѣренные отъ крестьянъ, — тихо отвѣтилъ старикъ, пугливо озираясь.

— Отъ какихъ крестьянъ? Вы, вѣроятно, принимаете меня за чиновника?

— Вы изъ губерніи пріѣхали?

— Да; но я пріѣхалъ такъ себѣ, на дачу... Я нигдѣ не служу...

— Да намъ только прошеніице написать... сми-луйтесь, господинъ!.. Прямо пропадаемъ.

— Кому прошеніице?

— Да мы все расскажемъ... всѣ бумаги дадимъ... только бы согласіе...

— Я, право, не знаю... прошеній никогда не писалъ... Садитесь, расскажите въ чемъ дѣло...

Незнакомцы опять поклонились и двое изъ нихъ

сѣли на скамейку, стоявшую у самыхъ дверей, а старикъ — на стулъ возлѣ стола.

— Ну, рассказывайте, — обратился я къ послѣднему.

— Вы не безпокойтесь, кушайте чай, а потомъ бумаги посмотрите и узнаете въ чемъ дѣло, — отвѣтилъ старикъ.

— Бумаги долго читать, а покуда передайте дѣло на словахъ.

— На словахъ дѣло не выйдетъ — долго говорить...

— А въ краткихъ словахъ? Чтò собственно случилось?

— Въ краткихъ словахъ? Да вотъ чтò случилось: баринъ приказалъ, чтобы насъ не перевозили черезъ рѣку, такъ что мы какъ въ тюрьмѣ: ни самому пойти нельзя, ни послать ничего; потомъ онъ не дозволяетъ намъ покосы косить, не дозволяетъ землю пахать, и мы теперь нищіе: ни самимъ ѣсть нечего, ни скоту...

— И работать на заводѣ не дозволяетъ?

— Ни-ни! Да тамъ все равно ничего не получишь, хотя бы и работать...

— Мнѣ сейчасъ рассказывали... но все-таки выходитъ что-то по 20 к. въ сутки, если перевести ломъ на деньги...

— Не выходитъ и того, потому что продукты здѣсь же надо брать, а они на заводѣ уже самое меньшее въ три раза дороже...

— Неужели такъ-таки никогда деньгами хозяинъ не расплачивается?

— Нѣтъ, бываетъ, — улыбаясь, отвѣтилъ старикъ, переглянувшись съ своими спутниками: — нечего Бога гнѣвить, бываетъ разъ или два въ годъ такимъ манеромъ. Займетъ баринъ у какого-нибудь купца 40—50 р.

и кличъ кликнетъ, что, молъ, деньгами расплата будетъ. Работаетъ здѣсь человѣкъ 500, а денегъ-то 50 р. Какъ быть? А вотъ какъ: баринъ приказываетъ, чтобы, примѣрно, 100 человѣкъ приходили за получкою рано утромъ, другіе 100 попозднѣе, третьи еще позже, четвертые, ну, послѣ обѣда, а пятые вечеромъ. Противъ конторы въ это время открывается кабакъ, гдѣ продается хорошая водка, хотя по законамъ заводъ можетъ только даровыя порціи рабочимъ отпускать, а торговать водкою — Боже упаси! Ну, да извѣстное дѣло — законы законами, а торговля, говорю, въ это время открывается настоящая. Вотъ, придутъ первые 100 человѣкъ, получаютъ по полтиннику и сейчасъ въ кабакъ. Большія ли деньги полтинникъ? Извѣстное дѣло, въ часъ, въ два и пропьютъ, а какъ пропьютъ, кабатчикъ эти деньги сейчасъ въ контору и снесетъ: къ приходу второй сотни опять есть 50 р. Такъ всѣмъ пяти сотнямъ и раздадутъ 50-то рублей! Механика, господинъ, хит-ра-я! Вѣрно я говорю?... Да намъ-то, деревенщикамъ, и того не перепадаетъ, намъ и на заводъ показаться нельзя...

— Что же это такое «деревенщики»?

— Все это въ бумагахъ есть... Не откажите прочитать ихъ, а мы завтра зайдемъ...

Я согласился прочитать эти таинственные бумаги, такъ какъ все услышанное мною служило доказательствомъ какихъ-то сильныхъ осложнений въ заводской жизни, въ которыхъ оріентироваться я не могъ.

Старикъ обрадовался моему согласію, быстро нагнулся и вытащилъ изъ голенища сапога громадный свертокъ, тщательно завернутый въ ситцевый платокъ. Передавъ его мнѣ, онъ всталъ и поклонился; то же

сдѣлали и его спутники, не проронившіе ни единого слова. Затѣмъ они вышли изъ комнаты.

По уходѣ таинственныхъ незнакомцевъ я принялся просматривать «бумаги» и скоро убѣдился, что онѣ представляютъ выдающійся интересъ.

Вотъ что узналъ я изъ нихъ.

Въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія довѣренный богатаго московскаго купца Кольчугина, старовѣръ Ширяевъ, разыскивая золото въ тайгахъ Минусинскаго, Енисейской губ., округа, случайно наткнулся на безподобныя желѣзорудныя богатства, почти на горы изъ чистаго желѣза, и, съ согласія Кольчугина, основалъ въ самой глухой тайгѣ округа желѣзодѣлательный заводъ, названный «Абаканскимъ», потому что расположенъ онъ въ одной изъ долинъ притока Енисея — Абакана, между притоками этого послѣдняго, рѣчками Малой и Средней Кенями.

Заводъ сразу обратилъ на себя вниманіе почти всей Сибири. Дѣйствительно, неизсякаемая рудная богатства, соединенныя съ самыми благопріятными для производства условіями, какъ-то: бездна кругомъ лѣса, масса водъ и подъ бокомъ великолѣпная сплавная рѣка Абаканъ, при посредствѣ которой желѣзо и издѣлія могли свободно сбываться отъ границъ Монголіи до Толстаго Носа въ Ледовитомъ океанѣ, — все это вмѣстѣ взятое давало возможность смотрѣть на вновь открывшійся заводъ, какъ на гигантское предпріятіе, которое будетъ имѣть благопріятное вліяніе

на всю Сибирь вообще, на Енисейскую губернію въ частности, не говоря уже о Минусинскомъ округѣ.

Для работъ на заводѣ Кольчугинъ пригласилъ 500 чел. рабочихъ изъ уральскихъ горныхъ заводовъ и ссыльныхъ, 1863 года, поляковъ, которыхъ въ Минусинскомъ округѣ было очень много. Уральскіе рабочіе согласились на переселеніе, но при условіи, чтобы Кольчугинъ образовалъ при заводѣ деревню, къ которой они припишутся, и нарѣзалъ бы въ пользу ихъ, рабочихъ, достаточное для веденія хозяйства количество земли. Принимая во вниманіе отдаленность Урала отъ Минусинскаго округа, не остается никакого сомнѣнія, что только мысль объ обладаніи землею соблазнила уральцевъ отправиться въ далекую сторону.

Кольчугинъ согласился на предложеніе рабочихъ, исходатайствовалъ образованіе деревни при заводѣ, но надѣлить землею не успѣлъ, такъ какъ умеръ, успѣвъ при жизни только одинъ разъ побывать на заводѣ. Со смерти Кольчугина и начался помѣщичій періодъ Абаканскаго завода: онъ перешелъ сначала къ дворянину Пермикину, служившему, кажется, въ горномъ вѣдомствѣ, а затѣмъ — къ его сыну. Говорятъ, что Пермикинымъ заводъ былъ пріобрѣтенъ за 140.000 руб., въ то время какъ въ заводскихъ складахъ хранилось одного желѣза 100.000 п., не считая завода, печей, построекъ и т. д., къ этому же времени выяснились и условія пользованія казенными статьями: заводу было отведено 175.525 десятинъ 663 саж. земли! Словомъ, положеніе было блестящее, сулившее при мало-мальски сносномъ хозяйствованіи громадныя барыши владѣльцу и безбѣдное существованіе рабочимъ.

Увы! ничего этого не вышло...

Но не будемъ отступать отъ послѣдовательнаго изложенія интересной исторіи знаменитаго Абаканскаго желѣзодѣлательнаго завода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исторіи помѣщичьяго хозяйства въ Сибири.

Дѣло началось съ «широкой русской жизни»... Поплилось рѣкою шампанское, глухая сибирская тайга огласилась «малиновымъ звономъ»; охоты, пикники, рауты сдѣлались ежедневными явленіями. За отсутствіемъ настоящихъ «дворянъ» явились уголовные, охотно вспоминавшіе на заводѣ свои «былыя времена». Разуваевы и Колупаевы окрестныхъ мѣстъ сейчасъ смекнули, въ чемъ дѣло и начали «хорошему барину» плести тенѣта: черезъ самое короткое время «баринъ» уже барахтался въ этихъ тенѣтахъ безъ всякой возможности выпутаться изъ нихъ. Увидѣвъ себя въ такомъ положеніи, владѣлецъ, по исконной привычкѣ, всю вину бѣдствія взвалилъ на мужика: «никто, какъ онъ виновень»... Это тѣмъ болѣе казалось естественнымъ, что до владѣльца дошли слухи, что мужикъ ропщетъ.

А ропталъ онъ вотъ почему.

Въ блестящій періодъ жизни «баринъ» совсѣмъ забылъ о мужикѣ. Не только ничего не было сдѣлано по надѣленію крестьянъ землею, но даже невѣдомымъ образомъ погибъ и самый документъ объ учрежденіи деревни. Покуда заводъ расплачивался за работы, покуда у мужика былъ насущный кусокъ хлѣба,— онъ молчалъ, но когда наступило время, что пришлось почти побираться, голодать, ничего не получая за

свой трудъ, рабочіе вспомнили и о деревнѣ, и, главнымъ образомъ, о землѣ. За такую мысль владѣлецъ объявилъ рабочимъ войну не на жизнь, а на смерть и проявилъ столь поразительную энергію, что если бы хотя часть ея раньше употребилъ на веденіе заводскаго хозяйства—навѣрное достигъ бы блестящихъ результатовъ.

Является вопросъ: почему же заводовладѣлецъ такъ не хотѣлъ образованія деревни и надѣленія крестьянъ землею?

А потому, что администрація завода безпрекословно распоряжалась рабочими, владѣла ими на крѣпостныхъ началахъ: она сама нормировала плату, тѣлесныя наказанія практиковались за малѣйшіе проступки, и вообще возможно было затушить всякій протестъ противъ самой дикой расправы, потому что полицеймейстеръ и казаки получали жалованье только отъ завода и находились такимъ образомъ въ полной отъ него зависимости. Съ образованіемъ деревни являлась уже и деревенская администрація, которая, какъ бы то ни было, до нѣкоторой степени сокращала бы власть заводовладѣльца. Мало того: образованіе деревни и надѣленіе рабочихъ землею могло привести къ тому, что рабочіе, имѣя возможность заняться земледѣліемъ, предъявляли бы большія къ заводу требованія, между тѣмъ какъ безъ надѣленія владѣлецъ *самъ раздавалъ угодья*, кому желалъ, и *самъ*, по усмотрѣнію, *отбиралъ* ихъ, чѣмъ пріобрѣталъ еще болѣшую власть.

Желая сохранить такое выгодное для себя status quo, владѣлецъ, установивъ самый строжайшій режимъ въ заводѣ, чтобы подавить мысль о новомъ строѣ,

въ то же время объѣзжалъ всѣхъ представителей администраціи, сыпалъ деньги выдающимся свѣтиламъ сибирской адвокатуры, устраивалъ обѣды, балы, словомъ, дѣлалъ все отъ него зависящее.

Но не дремали и рабочіе, потому что жизнь имъ стала совсѣмъ не вмоготу. Они избрали довѣреннаго-ходока и начали строчить «слезницы и «прошенія» рѣшительно во всѣ учрежденія Россійской Имперіи, не заботясь о томъ, имѣетъ ли то или иное учрежденіе отношеніе къ ихъ «дѣлу». Долго, неимовѣрно долго ожидали рабочіе «отвѣтовъ», но ихъ не было, а между тѣмъ, заводъ разсчитывалъ всякаго, кто заподозрѣвался въ какихъ бы то ни было сношеніяхъ съ довѣреннымъ. Наконецъ начались «справки». Заводская администрація вышла изъ себя и начала «отписываться», называя лицъ, ходатайствовавшихъ о деревнѣ, «пьяницами», «бродягами», «бунтовщиками». Но «отписки» не помогли: въ одинъ прекрасный день въ глухой безправной тайгѣ появился чиновникъ для провѣрки жалобъ рабочихъ; онъ убѣждается въ дѣйствительности тяжелаго положенія рабочихъ и уѣзжаетъ.

Опять долго ничего не слышно, а между тѣмъ, заводская администрація усиливаетъ преслѣдованія; «баринъ» совершенно отказывается отъ работы, настойчиво требуя отказаться отъ деревни; держитъ «деревенщиковъ» какъ въ тюрьмѣ, при чемъ, изъ опасенія побѣговъ для жалобъ, предписывается не переправлять никого черезъ р. Абаканъ. Мужикъ однако уперся, какъ волъ, и терпѣлъ.

Рѣдко это бываетъ, но на этотъ разъ терпѣніе увѣнчалось успѣхомъ: черезъ нѣкоторое время явился второй чиновникъ. Какъ и первый, онъ убѣждается въ правотѣ рабочихъ и даетъ, наконецъ, дѣлу ходъ.

Въ концѣ 1884 года появляется такое «заключеніе енисейской казенной палаты»: «Г. и. д. енисейскаго губернатора, препровождая въ казенную палату копію съ журнальнаго постановленія совѣта главнаго управленія Восточной Сибири по дѣлу объ устройствѣ поземельнаго быта крестьянъ Абаканско-заводской деревни, проситъ, во-первыхъ, немедленно распорядиться объ объявленіи заключенія довѣренному отъ крестьянъ; во-вторыхъ, надблести, чтобы надѣлъ крестьянъ землями подъ пашни, сѣнокосы и выгонъ изъ 8.724 десятинъ удобныхъ земель Абаканской заводской дачи былъ произведенъ непременно весною 1885 г. прежде начатія всѣхъ другихъ межевыхъ работъ, и, въ-третьихъ, о дѣйствительности исполненія этого журнала, съ возвращеніемъ посылаемой копіи, увѣдомить губернатора».

Далѣе излагается знакомая уже намъ исторія завода, а въ заключеніи говорится: «Дѣло по устройству земельного быта крестьянъ тормозилось, благодаря упущеніямъ въ семъ дѣлѣ со стороны присутственных мѣстъ и должностныхъ лицъ, а главное—по нежеланію и разнымъ противодѣйствіямъ новаго заводовладѣльца Пермикина и наслѣдниковъ его, которые должны были выполнить обязательства перваго владѣльца, купца Кольчугина, просившаго разрѣшенія правительства на устройство селенія при заводѣ, на каковой предметъ былъ составленъ и утвержденъ (2-го мая 1886 г.) енисейскимъ губернаторомъ планъ самой

деревни... Но такъ какъ неоднократно личныя и письменныя объясненія съ Пермикинымъ объ уступкѣ земель не привели ни къ какимъ результатамъ, а вопросъ о надѣлѣ не подлежитъ обсужденію, ибо онъ долженъ быть исполненъ, тѣмъ болѣе, что заводовладѣльцу предоставлено право пользоваться однимъ только лѣсомъ, то совѣтъ главнаго управленія полагаетъ: 1) за деревнею признать юридическое право существованія; 2) въ виду бѣдственнаго положенія крестьянъ деревни и полной невозможности войти въ соглашеніе съ наслѣдниками заводовладѣльца Пермикина—*отобрать* отъ него эту землю (575 ст. 1 ч. X т. св. гражд. зак. изд. 1857 г.), домохозяевъ же надѣлить землями и сложить числящіяся за ними недоимки, предложивъ енисейской казенной палатѣ немедленно обратиться самой, куда слѣдуетъ, за высылкою увольнительныхъ приговоровъ отъ сельскихъ обществъ, съ разъясненіемъ причинъ, къ тому побудившихъ».

Несмотря на энергичный тонъ предписанія, на повелѣніе прибѣгнуть даже къ насилію по отношенію къ заводовладѣльцу, этотъ послѣдній, по сибирскому обычаю, не обратилъ ровно никакого вниманія на распоряженіе властей, потому что въ концѣ концовъ, бумага для исполненія была отправлена заводской администраціи, т.-е. самому же хозяину.

Весною 1885 г. явился землемѣръ для нарѣзки земель. Тогда заводовладѣлецъ, напоивъ толпу приверженцевъ своихъ, образовалъ изъ нихъ конницу съ «музыкою» (заслонки, кочерги, сковороды играли роль инструментовъ) и, подъ своимъ предводительствомъ, явился на пунктъ, откуда должно было начаться ме-

жеваніе. Пьяная толпа во главѣ съ хозяиномъ грозно встрѣтила землемѣра, размахивая орудіями и устрашая его всякими способами; но землемѣръ, «дрожа отъ страха», какъ сказано въ «донесеніи», «перекрестившись», исполнилъ свою миссію, нарѣзавъ для 300 чело-вѣкъ 4.500 дес. земли. Но и нарѣзка не помогла: деревня не была осуществлена и въ моментъ моего пріѣзда. Этимъ, какъ я подумалъ, и объяснялось желаніе довѣренныхъ еще разъ написать, а главное—переслать черезъ кого-нибудь прошеніе, такъ какъ ихъ изъ завода не пускали. Такимъ лицомъ, вѣроятно, они и вздумали избрать меня.

Ознакомившись съ бумагами, я отправился осмотрѣть самый заводъ.

Прекрасная погода, всегда располагающая къ розовому взгляду на вещи, чудная мѣстность, въ которой пріютился заводъ, не могли скрыть тяжелаго положенія заводскаго населенія: жилища, одежда, видъ жителей ясно указывали на признаки разрушенія; въ центрѣ размѣщенія собственно заводскихъ сооружений не слышалось дружнаго шума, стука, какъ это бываетъ слышно на дѣйствующихъ заводахъ, и доносились изъ разныхъ мѣстъ и не періодически, а отрывочно, неравномѣрно отголоски молота, лязгъ желѣза, отдѣльные разговоры двухъ-трехъ лицъ. Еще болѣе замѣтна была неурядица на самыхъ рудникахъ, въ концѣ завода. Собственно говоря, названіе «рудники», какъ мы понимаемъ, совершенно не соотвѣтствовало бы представленію о рудникахъ абаканскихъ: это прямо желѣзныя горы, при чемъ добыча руды производилась не подъ землею, а именно на горѣ: просто скалывалась вершина горы и громадныя глыбы

чудной руды, скатываясь внизъ, дробились и совершенно засоряли основаніе.

Здѣсь на рудникахъ я разговорился съ однимъ интеллигентнымъ полякомъ-ссылнымъ 1863 года. Съ ироніею указавъ на способъ добычи богатѣйшей руды, онъ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что какъ-то заводъ посѣтили два англичанина, которые, ознакомившись съ разработкою неизсякаемыхъ рудныхъ богатствъ, доказывали, что здѣсь можно построить прекраснѣйшій чугунолитейный заводъ, утилизируя лишь тотъ матеріалъ, которымъ изобилуетъ дорога отъ рудника до завода, и этого матеріала хватило бы не на одинъ десятокъ лѣтъ. «Дѣло въ томъ,—пояснилъ полякъ,—что руду отсюда на заводъ возятъ въ дырявыхъ тачкахъ и повозкахъ и половина ея разсыпается по дорогѣ: англичане и вычислили, сколько за 20 лѣтъ набралось руды по этой дорогѣ. И здѣсь все такъ,—прибавилъ мой собесѣдникъ:—если бы вы знали, какимъ варварскимъ способомъ уничтожаются здѣсь лѣса!»

— Чѣмъ же это объяснить?—спрашиваю.

— Тѣмъ, что владѣлецъ не имѣетъ представленія ни о какомъ хозяйствѣ.

Кромѣ собственныхъ усмотрѣній, онъ ничего не признаетъ, на рабочихъ смотритъ какъ на крѣпостныхъ и съ этой точки зрѣнія взвѣшиваетъ ихъ потребности; а всѣ доходы употребляетъ на личную жизнь, т.-е. не употребляетъ, а употреблялъ, такъ какъ у него теперь ничего нѣтъ, и населеніе разорено.

— Да что онъ за человѣкъ?

— Человѣкъ онъ даже добрый и далеко не невѣ-

жественный, а просто-таки по-мѣ-щикъ, со всѣми атрибутами этого отживающаго типа; просто онъ не можетъ выносить противорѣчій и на населеніе смотреть, повторяю, какъ на существъ, которыя должны на него работать, только на него; и до тѣхъ поръ онъ добрѣ, обходителенъ; но разъ существа эти попросили ѣсть, заговорили человѣческимъ языкомъ, потребовали улучшенія жизни—онъ инстинктивно дѣлается чортъ знаетъ чѣмъ. Вы слышали исторію образованія здѣсь деревни?

— Да, читалъ дѣло.

— О! тамъ и сотой части не изложено тѣхъ эпизодовъ, которые имѣли мѣсто... А если бы эти богатства достались въ другія руки! Если бы, напримѣръ, артель взяла или какой-нибудь интеллигентный, знающій дѣло человѣкъ, — здѣсь неизсякаемая богатства! Для Сибири это былъ бы самый видный пунктъ производства желѣза; а сколько народа могло бы работать, будучи въ то же время и земледѣльцами!..

На другой день рано утромъ явился «довѣренный» и, какъ я предполагалъ, попросилъ въ Минусинскѣ сдать на почту «прошенье». Я, конечно, согласился. О дальнѣйшемъ пребываніи на заводѣ не считаю нужнымъ сообщать; скажу только, что пребываніе мое, несмотря на полную пассивность, оказалось, вѣроятно, настолько неудобнымъ, что скоро было получено «увѣдомленіе», дабы я оставилъ заводскія владѣнія... Какъ я узналъ впоследствии, причина «опасеній» заключалась въ моемъ занятіи—въ писательствѣ... Насколько мнѣ извѣстно, деревня при заводѣ, кажется, была потомъ открыта, но заводъ, если не ошибаюсь, прекратилъ свои дѣйствія и былъ отобранъ отъ владѣльца,

котораго теперь, кажется, уже нѣтъ и на свѣтѣ. Вспомнилъ я исторію Абаканскаго желѣзодѣлательнаго завода, когда писалъ о Мальцевскихъ заводахъ *). Да и какъ не вспомнить! На двухъ пунктахъ, отстоящихъ другъ отъ друга тысячъ на пять верстъ, находящихся, повидимому, въ совершенно несходныхъ условіяхъ, съ замѣчательною точностью повторяются одни и тѣ же явленія, благодаря лишь тому, что Пермикинъ, какъ и Мальцевъ, были помѣщики не по одному лишь названію, а такъ сказать по внутреннему содержанію, по своей природѣ. И послѣдствія одни и тѣ же: полное разореніе хозяйства и населенія.

Намъ кажется, что исторія Абаканскаго желѣзодѣлательнаго завода служить прекраснымъ примѣромъ для тѣхъ лицъ и органовъ, которые, съ цѣлью культивированія Сибири, доказываютъ необходимость переселенія въ эту страну помѣщиковъ, въ качествѣ устроителей хозяйственнаго быта переселяющихся туда крестьянъ.

*) См. «Край долбни и картошки» — слѣдующій за этимъ очеркъ.

Край „долбни“ и „картошки“.

„Клинъ да долбни кажнаго дня“,
„Долбни съ рукъ—хлѣбъ съ зубъ“...
„Отъ долбни не богатѣють, а гор-
батѣють“ *).

Кто не слыхалъ о Брянскихъ лѣсахъ? Они упоминаются въ сказкахъ, о нихъ пѣсни слагались. По преданію, въ непроходимыхъ дебряхъ Брянскихъ лѣсовъ скрывался легендарный Соловей-разбойникъ, воевать съ которымъ ѣздилъ русскій геркулесъ—Илья Муромецъ.

«Ай же ты, удалый добрый молодецъ!» говорится въ былинѣ о богатырѣ, когда онъ задумалъ проникнуть въ страшныя владѣнія разбойника:

«Прямоѣзжая дороженька заколодѣла,
Заколодѣла дорожка, замуравѣла;
Какъ по той пути-дороженькѣ
Тридцать лѣтъ никто не хаживалъ,
На добромъ конѣ никто не ѣзживалъ:
А стоятъ тамъ три заставушки великія.
Первая застава—въ лѣсахъ Брянскихъ—
Грязь топучая, корба зыбучая»...

*) Народная поговорка лѣсныхъ жителей Брянскаго у.,—тѣхъ мѣстъ, гдѣ исключительно занимаются рубкою лѣса. «Клинъ» они вставляютъ въ надрубленное дерево, а «долбнею» — обрубленнымъ полѣномъ—вбиваютъ «клинъ».

Много воды уплыло съ тѣхъ поръ, какъ сложилась приведенная легенда, а и до настоящаго времени Брянскіе лѣса, быть можетъ, благодаря той же «грязи топучей, корбѣ зыбучей», представляютъ значительную «заставушку» и до настоящаго времени они вовсе почти не изслѣдованы.

Когда мнѣ, въ качествѣ земскаго статистика, пришлось отправиться изучать эти лѣса, я не могъ добыть никакихъ источниковъ, которые дали бы какія-либо предварительныя свѣдѣнія, чтобы ориентироваться въ незнакомомъ краѣ. Пришлось прибѣгнуть къ оффиціальнымъ даннымъ, но въ нихъ имѣлись самыя поверхностныя общія свѣдѣнія, въ родѣ того, что болѣе половины всего пространства Брянскаго уѣзда, а именно 292.000 десятинъ, покрыто лѣсами, и что «неподвижность и постоянное почти пребываніе жителей въ селеніяхъ, расположенныхъ внутри лѣсовъ или по окраинамъ ихъ и болѣе или менѣе разрозненныхъ между собою, по причинѣ рѣдкаго населенія, имѣютъ сильное вліяніе на развитіе: крестьяне западной полосы малограмотны, несообщительны, весьма ограничены въ понятіяхъ, грубы и суровы».

Попадались еще кое-какія беллетристическія произведенія, изображавшія жизнь обитателей нѣкоторыхъ лѣсныхъ районовъ, но, какъ я убѣдился, пользоваться такими источниками довольно опасно. Въ концѣ концовъ пришлось ѣхать съ пустыми, какъ говорится, руками и изучать все самому.

Въ видахъ интереса, какой представляютъ громадныя владѣнія Мальцева, переходящія въ другія руки, мы и начнемъ съ обзора этихъ владѣній, относительно которыхъ наша періодическая пресса основательно

указывала и не перестаетъ указывать, что условія жизни населенія мальцевскаго района совершенно неизвѣстны.

Въ одну отвратительную осеннюю ночь 1893 г. я не безъ сожалѣнія оставилъ прекрасный вагонъ поѣзда Орловско-Витебской желѣзной дороги и очутился на полутемной «Мальцевской платформѣ», находящейся въ трехъ верстахъ отъ станціи «Брянскъ» по направленію къ Витебску. По указанію желѣзнодорожнаго сторожа, проживающаго въ будкѣ возлѣ платформы, я перешелъ черезъ рельсы, обогнулъ закрытый шлагбаумъ и скоро очутился возлѣ плохо освѣщеннаго, стараго двухэтажнаго деревяннаго дома, который и былъ начальной станціей Мальцевской узкоколейной желѣзной дороги—«Паровозная Радица». По трудно объяснимымъ причинамъ пассажирскіе поѣзда не доходятъ до Брянска, а довозятъ только до этой «Паровозной Радицы». Это обстоятельство представляетъ массу неудобствъ для пассажировъ. Прежде всего, за отсутствіемъ экипажей на глухой «Мальцевской платформѣ», приходится пѣшкомъ идти отъ нея до «Паровозной Радицы», что весьма затруднительно въ плохую погоду, особенно если у васъ имѣется багажъ; затѣмъ, только утренній поѣздъ Мальцевской дороги совпадаетъ съ поѣздомъ Орловско-Витебской, вечерній же не совпадаетъ, а если вы не желаете ждать нѣсколько часовъ на «Паровозной Радицѣ», то должны пѣшкомъ по рельсамъ путешествовать до Брянска, при чемъ вашъ багажъ понесетъ за извѣстную плату тотъ же сторожъ Орловско-Витебской дороги, кото-

рый указываетъ направленіе къ дорогѣ мальцевской. Если бы для избѣжанія всѣхъ исчисленныхъ неудобствъ требовалось удлинять линію до Брянска, тогда бы наши указанія могли показаться странными, но дѣло-то въ томъ, что Мальцевская доходитъ до станціи «Брянскъ», и товарные поѣзда идутъ прямо къ Брянску, а пассажирскіе почему-то останавливаются у «Паровозной Радицы». Представляй послѣдняя хотя нѣкоторыя удобства,—долговременное, привычное русскому обывателю ожиданіе поѣзда не было бы особенно обременительно, но «Паровозная Радица» напоминаетъ трактиръ весьма невысокаго сорта и притомъ очень тѣсный.

Какъ нарочно, пассажировъ на станціи собралось очень много, и я до пяти часовъ утра, т.-е. до отхода поѣзда, пробылъ на ногахъ, измѣряя деревянную, скользкую отъ моросившаго осенняго дождя платформу и предвкушая отдыхъ въ вагонѣ. Но когда я, наконецъ, очутился въ послѣднемъ, то увидѣлъ, что въ этихъ вагонахъ нечего и думать объ отдыхѣ, исключая развѣ случая, когда ѣдутъ 5—6 пассажировъ—не больше. Мой вагонъ «второго класса» изображалъ изъ себя самый примитивный — временъ, полагаю, Георга Стефенсона—ящикъ, длинный, узкій и низкій, еле освѣщенный закоптѣлою лампочкою и снабженный двумя, во всю длину стѣнъ вагона, узкими скамейками, обтянутыми, по всѣмъ вѣроятіямъ, солдатскимъ сукномъ. Разстоянія между скамейками настолько малы, что пассажиры касались колѣнами другъ друга. Послѣ третьяго свистка паровозъ такъ рванулъ поѣздъ, что пассажиры зашатались; рванувши, паровозъ остановился, затѣмъ опять рванулъ еще сильнѣе, и только въ третій разъ рванувши, паровозъ тронулъ съ мѣста

вагоны и повезъ ихъ; вагоны положительно прыгали и шатались, окна дребезжали, все скрипѣло, визжало, гудѣло. Всю первую станцію, до «Стеклянной Радицы», я чувствовалъ себя отвратительно, ожидая какого-нибудь несчастья, включая разрушеніе вагона, и только отъ «Стеклянной Радицы» освоился съ непривычною поѣздкою по странной желѣзной дорогѣ. Проѣхавъ только одну станцію, я понялъ всю прелесть «самобытности» и «народности», за которыя такъ восхваляли Мальцева, построившаго, какъ говорятъ, всю свою дорогу «собственными средствами», ничего не взявъ отъ гнилого Запада, даже не пользуясь услугами инженеровъ, не только западно-европейскихъ, но и русскихъ. И что же получилось? По-моему—страшная нелѣпость. Я глубоко убѣжденъ, что постройка дороги обошлась не дешевле, чѣмъ если бы ее строить по образцу общепринятому, европейскому, и дорога вышла совсѣмъ плохая. И европейская постройка нисколько не исключала бы «народность». Слѣдовало лишь «своимъ крестьянамъ», фигурировавшимъ въ качествѣ строителей и администраторовъ, дать настоящее европейское образованіе, а не то полуобразованіе, даже менѣе, которое они получили въ Мальцевскихъ учебныхъ заведеніяхъ, выпускавшихъ, конечно, никуда непригодныхъ «инженеровъ», «машинистовъ», «телеграфистовъ» и всякихъ служащихъ, изготовлявшихся по одному рецепту, а специализировавшихся по приказу хозяина: кого куда назначать, тѣмъ тотъ и былъ. По моему мнѣнію, и все дѣло Мальцева рухнуло благодаря слишкомъ «самобытной» точкѣ зрѣнія, которая въ концѣ концовъ была причиною того, что подъ носомъ у Мальцева выросъ громаднѣйшій «Брянскій рельсопро-

катный заводъ», сдѣлавшійся непреодолимымъ конкурентомъ заводовъ Мальцевскихъ. Впрочемъ, объ этомъ впослѣдствіи, а теперь возвращаюсь къ прерванному путешествію.

Станціи «Стеклянная Радица» и «Любохна» ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ старыхъ крестьянскихъ избъ: покрыты онѣ полусгнившими соломенными крышами, изъ-подъ которыхъ проведены желѣзныя трубы для наполненія паровозовъ водою, хранящеюся, нужно полагать, на чердакѣ станцій. За Любохною — станція «Дятково». Здѣсь почти такой же вокзалъ, какъ и на «Паровозной Радицѣ», но много чище и приличнѣе внутри; имѣется сносный буфетъ и вообще можно поѣсть и отдохнуть послѣ довольно утомительнаго, хотя и короткаго пути. Отъ «Паровозной Радицы» до Дятково, если не ошибаемся, всего только верстъ 40, а поѣздъ идетъ не менѣе 3-хъ часовъ, каковое время, при описанныхъ удобствахъ, провести въ ящикахъ не совсѣмъ легко.

Если ѣдетъ много пассажировъ, то со ст. «Дятково» въ с. Дятково, имѣя багажъ, попасть можно не тотчасъ: на вокзалъ пріѣзжаютъ 2—3 извозчика и только. Не представляется никакихъ затрудненій въ томъ лишь случаѣ, когда есть знакомые въ мѣстныхъ административныхъ сферахъ, или когда ѣдешь по дѣламъ: при этихъ условіяхъ на вокзалъ пріѣзжаютъ заводскіе экипажи и везутъ въ село Дятково. Мнѣ, впрочемъ, удалось захватить извозчика и благополучно добраться до главнаго центра Мальцевскихъ владѣній — до гнѣзда Мальцева», какъ выразился одинъ изъ пассажировъ. Выраженіе это не только удачно, но и вѣрно: с. Дятково дѣйствительно «гнѣздо» рода Мальцевыхъ — всѣ

остальные владѣнія благопріобрѣтены отъ Демидовыхъ, Гончаровыхъ, Похвисневыхъ, Веревкиныхъ, Небольсиныхъ, Ермоловыхъ и т. д.

Основателемъ с. Дяткова считается Иванъ Акимовичъ, сынъ котораго, знаменитый, нынѣ умершій, Сергѣй Ивановичъ расширилъ и сдѣлалъ извѣстными на всю Россію Мальцевскія владѣнія. До 1886 года включительно Сергѣй Ивановичъ почти безвыѣздно проживалъ въ своемъ «гнѣздѣ», и только когда разразился крахъ, онъ оставилъ Дятково, а въ 1894 г. сюда привезенъ былъ изъ Крыма уже его трупъ.

Остановившись въ домѣ заводской конторы, я первымъ дѣломъ отправился осмотрѣть достопримѣчательности Дяткова, чтобы затѣмъ всецѣло предаться изученію экономическихъ условій жизни населенія этого громаднаго промышленнаго пункта, что меня интересовало больше всего и зачѣмъ я собственно пріѣхалъ. Прежде всего я пошелъ въ домъ Мальцева. Отъ самаго вокзала къ нему идетъ прекрасная липовая аллея. Фасадомъ домъ выходитъ въ эту аллею, а задней стороною, которая вся изъ стекла (вѣроятно комнатная оранжерея),—въ обширный паркъ.

Въ паркѣ передъ домомъ — громадный чугунный фонтанъ, а за нимъ—широкая поляна, справа и слѣва окруженная деревьями; поляна эта спускается къ пруду, вдоль берега котораго посажены еловые аллеи. За прудомъ—также паркъ, а вправо отъ дома, если стать лицомъ къ пруду, за липовою аллеєю — громадный фруктовый садъ. Мѣсто вообще хорошее, но ничѣмъ особенно не выдающееся: оно не выдѣляется изъ массы всѣмъ извѣстныхъ хорошихъ помѣщичьихъ усадебъ. Внутренность дома Мальцева также ничѣмъ не бро-

сается въ глаза: обыкновенный барскій домъ богатаго помѣщика.

Изъ дома Мальцева я отправился въ церковь, замѣчательную тѣмъ, что весь иконостасъ въ ней сдѣланъ изъ хрусталя, что, впрочемъ, не производитъ никакого впечатлѣнія ни въ смыслѣ художественности, ни грандіозности. Въ церковной оградѣ, прилегая къ алтарю, расположенъ большихъ размѣровъ чугунный склепъ фамиліи Мальцевыхъ. За отсутствіемъ въ первый день пріѣзда времени осмотръ хрустального завода я оставилъ до слѣдующаго раза, а на другой день приступилъ къ подворной переписи, которая затянулась на недѣлю, благодаря громадному населенію Дяткова, проживающему въ 15 слободахъ, изъ которыхъ состоитъ названное село.

По подворной переписи оказалось, что въ с. Дятковѣ проживаетъ въ 798 дворахъ 4.845 душъ обоого пола, а именно:

Въ нихъ душъ
мужчинъ.

Населеніе.	Дворовъ.	До 7 лѣтъ.	7—13.	14—17.	18—60.	Свыше 60.	Всего мужч.
Наличное надѣльное. . . .	755	522	407	253	1032	48	2262
Наличное безземельное. . .	39	23	11	7	46	2	89
Постороннее. . . .	4	3	4	—	6	—	13
Итого. . .	798	548	422	260	1084	50	2364

женщинъ.

Населеніе.	До 7 лѣтъ.	7—11.	12—15.	16—55.	Свыше 55.	Всего женщ.	Итого обоого пола.
Наличное							
надѣльное . .	539	253	227	1187	156	2362	4624
Наличное							
безземельное.	25	14	12	46	6	103	192
Постороннее . . .	4	1	5	5	1	16	29
Итого . .	568	268	244	1238	163	2481	4845

Кромѣ того, ушло на сторону 49 семействъ, въ которыхъ числится 192 д. обоого пола. Если присоединить и ушедшихъ, то все населеніе с. Дяткова выразится 5.037 д. обоого пола. Но и эта цифра далеко не дѣйствительная, если принять во вниманіе, что среди коренного населенія въ домахъ послѣдняго проживаетъ значительное число пришлыхъ рабочихъ изъ разныхъ губерній Россіи. Не имѣя своей осѣдлости, этотъ контингентъ жителей с. Дяткова проживаетъ на квартирахъ у аборигеновъ. Мы не будемъ далеки отъ истины, если все населеніе названнаго селенія исчислимъ въ $5\frac{1}{2}$ тыс. человѣкъ обоого пола. Обращаясь къ факторамъ, характеризующимъ бытъ населенія, прежде всего бросается въ глаза скученность въ жилищахъ. Такъ 159 семействъ изъ наличнаго надѣльнаго населенія занимаютъ по $\frac{1}{2}$ дома, т.-е. въ домѣ живутъ по 2 семейства, 32 семейства занимаютъ по $\frac{1}{3}$ дома, 38 семействъ—по $\frac{1}{4}$ дома, 4—по $\frac{1}{5}$ дома, 2—по $\frac{1}{8}$ дома, 19—по одной комнатѣ въ казармахъ, 50 семействъ бездомовыхъ—и т. д. Чтобы понять значеніе этихъ дробей, приведемъ нѣсколько конкрет-

ныхъ случаевъ, взявъ болѣе крупныя дроби: $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{4}$ дома. Въ одной половинѣ дома семья изъ 8 человѣкъ занимаетъ площадь въ 30 квадратныхъ аршинъ, т.-е. на 1 душу приходится 3,75 кв. арш.; въ другой половинѣ дома семья изъ 11 человѣкъ занимаетъ площадь въ 16 кв. арш., т.-е. на 1 душу приходится менѣе 1,5 кв. арш.; въ одной трети дома, съ площадью въ 9 квадр. арш., занимающія таковыя части три, взятыя наудачу, семейства состоятъ: 1 изъ 5 человѣкъ, 1 — изъ 6 и 1 — изъ 8 чел.; въ первомъ семействѣ на 1 душу, слѣдовательно, приходится по 1,8 кв. арш., во 2-мъ — 1,5 кв. арш. и въ 3-мъ — по 1,1 кв. арш.; а вотъ семейство, занимающее $\frac{1}{4}$ дома: площадь его $6\frac{1}{4}$ кв. саж., семейство же состоитъ изъ 9 душъ, такъ что на 1 душу приходится по 0,7 кв. арш.! И такихъ семействъ, не имѣющихъ полного дома, вмѣстѣ съ бездомовыми среди наличнаго надѣльнаго населенія насчитывается 315, т.-е. около 42%.

Другой изъ показателей экономическаго уровня — количество скота — еще рельефнѣе рисуетъ бытъ населенія.

Изъ 755 дворовъ наличнаго надѣльнаго населенія 688 или болѣе 91% — безлошадныхъ. Лошадей имѣютъ только 67 семействъ, при чемъ изъ нихъ лишь у трехъ по 2 лошади, а у 64 — по одной. Изъ того же количества семей наличнаго надѣльнаго населенія (изъ 755): 280 семействъ или 37% безкоровныхъ, 277 или 36,7% безъ крупнаго скота и, наконецъ, 156 семействъ, или 20,6% безъ всякаго скота.

Третій основной экономическій показатель — земля — не оставляетъ никакого сомнѣнія, что въ лицѣ населенія с. Дятькова мы имѣемъ дѣло съ пролетариатомъ:

размѣръ душевого надѣла у жителей села Дяткова равняется 0,88 десятины на душу.

Противъ нашей характеристики, на основаніи трехъ приведенныхъ экономическихъ факторовъ считать населеніе с. Дяткова какъ «пролетаріатъ», возможно было бы возразить, что эти факторы, вполне опредѣляя экономическій уровень земледѣльческаго населенія, не могутъ служить показателемъ для фабричнаго, живущаго исключительно заработками. Такое возраженіе имѣло бы основаніе при условіи обезпеченности жителей заработкомъ, чего, какъ увидимъ ниже, на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Прежде чѣмъ говорить о заработной платѣ, сообщимъ въ высшей степени характерный эпизодъ изъ жизни населенія Дяткова, — эпизодъ, какъ нельзя больше доказывающій промышленную неустойчивость мальцевскаго района. Послѣ краха, о которомъ мы упоминали, жители Дяткова остались безъ всякой работы. Администрація — точно не можемъ сказать: казенное ли управленіе или конкурсное — не зная, что дѣлать съ населеніемъ, предложила заняться рубкою лѣса или, какъ говорятъ жители, «идти въ долбешку».

Нужно замѣтить, что, испоконъ вѣковъ работая у раскаленныхъ печей, проводя съ малолѣтства большую часть жизни въ высокой температурѣ, населеніе стеклянныхъ заводовъ вообще весьма чувствительно къ холоду, и къ тому еще, за отсутствіемъ средствъ, почти ни у кого нѣтъ теплой одежды, въ которой при работахъ на заводѣ и не особенно нуждаются: «Добѣжимъ, — говорятъ дятковцы, — какъ-нибудь до завода, а тамъ возлѣ печей не озябнешь».

И вотъ это населеніе, не имѣющее, скажемъ къ

слову, понятія, какъ держать топоръ въ рукахъ, должно было зимою отправиться въ лѣса! Нужно ли говорить, что черезъ самое короткое время толпа въ нѣсколько тысячъ возвратилась обратно изъ лѣсовъ и, явившись къ администраціи, потребовала «прежней привычной работы». Администрація не знала, что ей дѣлать и стала доказывать толпѣ, что производство не требуетъ такого числа рабочихъ рукъ, какое предлагается, что на заводѣ дѣлать нечего. Толпа сначала и слушать не хотѣла этихъ доказательствъ, но въ концѣ концовъ пришла къ соглашенію, что каждый работникъ будетъ работать по очереди, т.-е., положимъ, X раньше имѣлъ возможность работать всю недѣлю, а теперь X, поработавъ день, слѣдующій уступаетъ Y, а Y — Z и т. д., покуда опять не дойдетъ очередь до X. Понятно, слѣдовательно, что каждый изъ нихъ могъ при такихъ условіяхъ заработать въ нѣсколько разъ меньше, чѣмъ зарабатывалъ раньше, но иначе ничего нельзя было сдѣлать. Такимъ образомъ заводъ, по размѣру производства needing, положимъ, въ 1000 рабочихъ, долженъ былъ принять 3000, не увеличивая, однако, общей суммы своей затраты на рабочія руки, т.-е. если 1000 рабочихъ, предположимъ, получали прежде на свое содержаніе 1000 рублей, то теперь та же тысяча рублей выдавалась заводомъ и шла на содержаніе 3000 рабочихъ.

Впослѣдствіи, кажется, при конкурсномъ управленіи, контингентъ рабочихъ немного увеличился, но и до самаго послѣдняго времени предложеніе во много кратъ превышало спросъ.

По даннымъ фабричнаго инспектора за 1893 годъ,

количество рабочихъ рукъ на Дятьковскихъ заводахъ было слѣдующее *):

Взрослыхъ.		Подростковъ.		Малолѣтнихъ.		В с е г о.	
мужч.	женщ.	мужч.	женщ.	мужч.	женщ.	мужч.	женщ. об. пола.
1,077	176	139	169	1,288	34	1,288	379 1,667

Сопоставляя это количество рабочихъ съ наличнымъ надѣльнымъ и безземельнымъ населеніемъ, исключая возрастъ до 7-ми лѣтъ, мы видимъ, что безъ заработка остаются (4.004 — 1.667) 2.337 человекъ обоого пола, не говоря уже о томъ, что въ числѣ 1.667 рабочихъ значительный $\frac{0}{10}$ имѣется пришлаго элемента, не входящаго въ составъ коренного населенія. Слѣдовательно, эти 2.337 человекъ плюсъ ѣдоки до 7-ми лѣтъ (1.109 душъ) должны существовать за счетъ 1.667 человекъ работающихъ, или на каждого работающаго, помимо своего рта, приходится болѣе 2-хъ ртовъ, потому что, принимая во вниманіе вышеизложенныя условія надѣленія землею, населеніе можетъ существовать только отъ завода.

Какова же заработная плата?

У насъ зарегистрированы почти всѣ случаи заработной платы, и вотъ въ какомъ видѣ она представляется:

*) Какъ земскому статистику, мнѣ поручена была лишь регистрація сельскаго населенія: въ Дятьковѣ, какъ я говорилъ, немногo пришлыхъ рабочихъ, принадлежащихъ заводу—эти рабочіе не регистрировались. Въ приведенномъ количествѣ рабочихъ есть и мѣстные жители, и пришлый людъ. Хотя, судя по числу зарегистрированныхъ случаевъ платы, количество рабочихъ по даннымъ фабричнаго инспектора почти совпадаетъ съ моими данными.

114	челов.	получаютъ	въ	день	до	50 к.
41	»	»	»	»	»	1 р.
296	»	»	»	мѣс.	»	10 »
244	»	»	»	»	»	15 »
179	»	»	»	»	»	20 »
67	»	»	»	»	»	25 »
42	»	»	»	»	»	30 »
44	»	»	»	»	»	35 » и болѣе.

Предполагая, что получающіе до 50 к. и до 1 р. въ день работаютъ ежедневно въ теченіе мѣсяца, что первые зарабатываютъ, слѣдовательно, въ мѣсяцъ 15 р., а вторые 30 р., видимъ, что 1.027 человекъ получаютъ въ мѣсяцъ 17.615. Но на эту сумму, какъ мы уже говорили, тѣмъ или инымъ путемъ, существуетъ и все остальное населеніе с. Дяткова, всѣ ѣдоки въ числѣ всего 4.816 душъ. При такомъ разсчетѣ на каждого ѣдока въ мѣсяцъ приходится немного болѣе 3 р., а въ день немного болѣе 10 к., за которыя необходимо не только питаться, освѣщаться и отапливаться, но и одѣваться.

Если даже мы немного и ошибаемся въ нашихъ разсчетахъ, т.-е. если, предположимъ, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ на ѣдока приходится немного болѣе, то и въ этомъ послѣднемъ случаѣ суммы, расходимыя заводоуправленіемъ на населеніе с. Дяткова, не требуютъ комментаріевъ, тѣмъ болѣе, что не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что изъ числа получающихъ заработную плату есть немного лицъ пришлыхъ, которыя значительно уменьшаютъ сумму заработка, приходящагося на населеніе собственно с. Дяткова.

Изъ этихъ данныхъ ясно видно, что населеніе с. Дяткова находится въ крайне печальныхъ экономическихъ условіяхъ, потому что жители специализировались на одномъ хрустальномъ дѣлѣ и къ другимъ занятіямъ совершенно непригодны, такъ что нельзя помочь горю сторонними заработками, исключая тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда является возможность переселиться на другой какой-либо хрустальный заводъ. Но много ли у насъ такихъ заводовъ?

Изъ такого положенія есть и былъ единственный выходъ—надѣленіе села Дяткова землею. И вотъ тутъ-то является вопросъ—облагодѣтельствовалъ ли Мальцевъ жителей своихъ владѣній, сдѣлавъ ихъ безземельными рабочими на своихъ заводахъ. Что на этотъ вопросъ можетъ получиться только отрицательный отвѣтъ—видно уже изъ того, что населеніе Дяткова съ необыкновенною энергіею добывается земельного надѣла, видя въ немъ единственное спасеніе. Доказательствомъ этого можетъ служить офиціальный документъ, именно «журналъ 1893 г. 2-го августа орловскаго губернскаго присутствія», въ которомъ говорится слѣдующее: «Конкурсное управленіе по дѣламъ несостоятельнаго должника Мальцевскаго промышленно-торговаго товарищества, руководствуясь Высочайше утвержденнымъ 21-го ноября 1887 года положеніемъ комитета министровъ объ устройствѣ быта фабричнаго и заводскаго населенія Мальцевскихъ фабрикъ и заводовъ, проектировало отвести въ дополнительный надѣлъ мастеровымъ Дятковской хрустальной фабрики, Брянскаго уѣзда, по числу 1.336 ревизскихъ душъ, 5.051 дес. 1.562 с. удобной земли, каковая вмѣстѣ съ землею, предоставленною мастеровымъ въ надѣлъ по

установной грамотѣ и въ послѣдствіи подаренной имъ Мальцевымъ, составляетъ высшій по мѣстности надѣлъ по Брянскому уѣзду. Этотъ дополнительный надѣлъ отведенъ въ Брянскомъ и смежномъ Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, въ 7 участкахъ... изъ поемныхъ, лѣсныхъ и полевыхъ покосовъ и распашной земли, оставивъ въ своемъ распоряженіи менѣе $\frac{1}{20}$ части этихъ угодій, необходимыхъ для дѣйствій фабрики; недостающее же количество надѣла добавлено изъ лѣсныхъ площадей, приуроченныхъ къ прочимъ угодьямъ надѣла». Означенная земля отведена въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ черезполосныхъ участкахъ и дачахъ, изъ коихъ нѣкоторые значительно удалены отъ с. Дяткова». Проектъ этого надѣла былъ разсмотрѣнъ бывшимъ непремѣннымъ членомъ брянскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія 11-го іюня 1889 г., который нашелъ, что хотя надѣлъ, по отдаленности и недостаточной плодородности нѣкоторыхъ земельныхъ угодій, и не вполне удобенъ, но такъ какъ въ распоряженіи фабрики оставлена законная часть луговыхъ и полевыхъ угодій, вся же остальная земля, кромѣ цѣнныхъ лѣсовъ, необходимыхъ для дѣйствія фабрики, предоставлена въ надѣлъ мастеровымъ, то посему постановилъ: проектъ надѣла утвердить. Опредѣленіе это было обжаловано уполномоченными общества бывшему уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, которое въ засѣданіи 15-го іюня 1889 г. утвердило постановленіе непремѣннаго члена. Затѣмъ дѣло это, по жалобѣ мастеровыхъ, восходило на разсмотрѣніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которое, въ засѣданіи 18-го октября того же года, принимая во вни-

маніе, что уѣздное присутствіе при разрѣшеніи дѣла не вошло въ разсмотрѣніе того, что непремѣнный членъ не сдѣлалъ никакого заключенія по ходатайству мастеровыхъ объ оставленіи въ ихъ пользованіи всѣхъ дарственныхъ луговъ, о предоставленіи мастеровымъ права прогона по большой и шоссейной дорогамъ, объ отводѣ особаго прогона на Брунное поле и о включеніи въ надѣлъ Орловой рѣчки, постановило: отмѣнивъ опредѣленіе уѣзднаго присутствія, поручить непремѣнному члену отвести надѣлъ въ надлежащемъ количествѣ и постановить заключеніе по неразрѣшеннымъ имъ ходатайствамъ мастеровыхъ. Опредѣленіе, за послѣдовавшимъ измѣненіемъ въ устройствѣ мѣстныхъ крестьянскихъ и судебныхъ учреждений, не было исполнено, почему конкурсное управленіе заводовъ взяло на себя починъ въ этомъ дѣлѣ и удовлетворило всѣ означенныя частныя ходатайства. Затѣмъ, 11-го іюня 1892 г. мѣстный земскій начальникъ, за отсутствіемъ со стороны мастеровыхъ жалобъ, предложилъ имъ принять отведенный надѣлъ и, въ виду неизъявленія ими на то желанія, призналъ мастеровыхъ отказавшимися вовсе отъ надѣла. Опредѣленіе это мастеровые, черезъ своихъ уполномоченныхъ, обжаловали губернскому присутствію, заявивъ, что довѣрители ихъ не отказываются отъ надѣла, а желаютъ получить таковой, но съ тѣмъ, чтобы при отводѣ его были выполнены требованія 5, 6 и 7 пунктовъ Высочайшаго повелѣнія 21-го ноября 1887 года, въ силу котораго владѣльцы фабрики имѣютъ право удержать за собою не болѣе $\frac{1}{20}$ части всѣхъ угодій, а такъ какъ при с. Дятковѣ имѣется болѣе 20.000 десятинъ лѣсной площади, то, слѣдовательно, не имѣется ника-

кихъ основаній к отводу надѣла изъ отдаленныхъ дачъ, и весь надѣлъ слѣдуетъ отвести, приурочивая его къ поселенію; кромѣ того, слѣдуетъ опредѣлить сумму на случай переселенія части мастеровыхъ на новыя мѣста и указать границы надѣла, а потому просятъ войти въ разсмотрѣніе проекта надѣла по существу и предписать отвести весь надѣлъ при с. Дятковѣ.

Губернское присутствіе, въ засѣданіи 10-го іюля 1892 г., руководствуясь 64 ст. пол. 12-го іюня 1889 г., заключило: «Признать сужденіе объ отказѣ мастеровыхъ отъ надѣла, за обжалованіемъ ими проекта надѣла, преждевременнымъ и разсмотрѣть означенную жалобу мастеровыхъ по существу, по полученіи изъ Правительствующаго Сената представленнаго въ оный производства по жалобѣ повѣреннаго конкурснаго управленія на неправильное включеніе въ составъ дарственной земли мастеровыхъ с. Дяткова 41 десятины луговъ, подлежащихъ включенію въ дополнительный надѣлъ. Нынѣ, въ виду поданнаго означеннымъ повѣреннымъ въ Правительствующій Сенатъ прошенія объ оставленіи помянутой его жалобы безъ послѣдствій, все производство возвращено въ губернское присутствіе. Губернское присутствіе, въ засѣданіи 23-го апрѣля сего года, разсмотрѣвъ настоящее дѣло и выслушавъ объясненіе повѣреннаго отъ конкурснаго управленія Мальцевскаго товарищества, нашло: 1) что, на основаніи полож. о крест., въ составъ надѣловъ могутъ быть отводимы лишь удобныя земли, а такъ какъ при дѣлѣ нѣтъ доказательствъ на то, чтобы бывшимъ непремѣннымъ членомъ уѣзднаго присутствія были произведены осмотры угодій,

предоставляемыхъ въ добавочный надѣлъ мастеровымъ, то посему слѣдуетъ произвести, въ установленномъ закономъ порядкѣ, этотъ осмотръ, предварительно разрѣшенія поданной мастеровыми жалобы о неудобствѣ проектированнаго надѣла; 2) что хотя въ дѣлѣ имѣются указанія на то, что ходатайства мастеровыхъ объ оставленіи въ ихъ пользованіи всѣхъ дарственныхъ луговъ, о предоставленіи мастеровымъ правъ прогона по большой и шоссейной дорогамъ, объ отводѣ особаго прогона на Брунномъ полѣ и о включеніи въ надѣлъ Орловой рѣчки и т. п.—были удовлетворены конкурснымъ управленіемъ, но указанія эти безъ надлежащаго удостовѣренія со стороны земскаго начальника при окончательномъ разрѣшеніи настоящаго дѣла по существу губернскимъ присутствіемъ приняты во вниманіе быть не могутъ; и 3) 6-мъ пункт. Высочайшаго повелѣнія 21-го ноября 1887 г., въ случаѣ отвода надѣловъ мастеровымъ не при настоящемъ мѣстѣ ихъ поселенія, владѣльцамъ фабрикъ и заводовъ разрѣшается, по предварительному о семъ соглашенію съ мастеровыми, перенести часть ихъ построекъ на новыя мѣста за извѣстное вознагражденіе; почему, въ виду отвода большей части надѣла въ дальнемъ отъ селенія разстояніи, дѣло слѣдуетъ дополнить свѣдѣніями о томъ—является ли необходимость перенести на новыя мѣста часть построекъ мастеровыхъ, и если переносъ этотъ необходимъ, то опредѣлить, по соглашенію сторонъ, потребную на это сумму и вообще выяснить условія этого переноса, о каковомъ предметѣ въ постановленіи непремѣннаго члена ровно ничего не значитъ. Имѣя въ виду все вышеизложенное и руководствуясь 64 и 112 ст. полож.

12 іюня 1889 г., губернское присутствіе постановило: 1) поручить земскому начальнику произвести осмотръ земель, какъ проектированныхъ въ надѣлѣ мастеровымъ с. Дяткова, такъ и прилегающихъ къ этому селенію; 2) постановить заключеніе по неразрѣшеннымъ бывшимъ непремѣннымъ членомъ уѣзднаго присутствія нѣкоторымъ ходатайствамъ мастеровыхъ и по вопросу о перенесеніи части усадьбы мастеровыхъ на новыя мѣста; 3) по исполненіи сего, представить все производство съ своимъ заключеніемъ по содержанію жалобы мастеровыхъ на разсмотрѣніе губернскаго присутствія, и 4) согласно предложенію министра внутреннихъ дѣлъ отъ 16-го апрѣля 1890 г., общее наблюденіе на мѣстѣ за успѣшнымъ ходомъ этого дѣла возложить на непремѣннаго члена губернскаго присутствія». Во исполненіе вышеизложеннаго постановленія земскій начальникъ представилъ въ губернское присутствіе все дѣло, въ которомъ участки земли, проектированные въ надѣлѣ мастеровымъ, характеризуются съ благопріятной стороны, за исключеніемъ самаго отдаленнаго участка (19—26 вер.), гдѣ распашная земля, въ количествѣ 341 десят., характеризуется—«песчанаго» и вообще дурного качества. По содержанію прошенія мастеровыхъ земскій начальникъ пришелъ къ тому заключенію, что ходатайство ихъ объ отводѣ всего надѣла при с. Дятковѣ вполне уважительно, такъ какъ проектированный надѣлъ, большею частью расположенный въ Жиздринскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, вслѣдствіе своей отдаленности отъ поселенія мастеровыхъ, чрезполосности, неудобства сообщенія, недоброкачественности почвы, не можетъ быть признанъ удобнымъ для пользованія; при-

нимая же во вниманіе, что, по силѣ 4 ст. закона 21-го ноября 1887 года, лѣсныя площади могутъ быть отводимы въ надѣль, что, за исключеніемъ небольшого количества цѣннаго строевого лѣса, непосредственно расположеннаго вокругъ с. Дяткова, остальная лѣсная площадь, состоящая изъ средне-возрастнаго дровника, кустарника и мелкаго лѣса, можетъ быть отводима въ надѣль безъ причиненія конкурсному управленію большого ущерба, земскій начальникъ находитъ возможнымъ и удобнымъ приурочить весь дополнительный надѣль къ с. Дяткову. Заявленіе мастеровыхъ о томъ, что границы надѣла не были имъ указаны въ натурѣ бывшимъ непремѣннымъ членомъ, земскій начальникъ призналъ вѣрнымъ. Губернское присутствіе не уважило изложенное мнѣніе земскаго начальника, подтвердившаго справедливость заявленія мастеровыхъ, и утвердило надѣль въ томъ видѣ, какъ онъ проектированъ конкурснымъ управленіемъ. Вслѣдствіе этого, насколько намъ извѣстно, мастера до сихъ поръ не соглашаются принять этотъ надѣль и продолжаютъ ходатайствовать объ отведеніи такового вблизи с. Дяткова.

Мы не беремся судить въ данномъ случаѣ, кто правъ, кто виноватъ, и только еще разъ повторяемъ, что лишь вполнѣ удовлетворительный земельный надѣль можетъ избавить заводское населеніе отъ неминуемаго окончательнаго разоренія. А что земля, отведенная въ достаточномъ количествѣ, могла бы не только поддержать населеніе, но и поднять уровень его благосостоянія до значительной степени,—доказательствомъ тому можетъ служить латышская колонія, расположенная всего въ 4-хъ верстахъ отъ с. Дяткова, въ

Мальцевскихъ же владѣніяхъ, о которой мы и считаемъ наиболѣе подходящимъ сообщить свѣдѣнія вслѣдъ за с. Дятковымъ, а потомъ уже сообщимъ свѣдѣнія о другихъ Мальцевскихъ заводахъ. Въ положеніи колоніи есть тоже свой изъянъ и притомъ весьма существенный, это—необезпеченность на будущее время, такъ какъ латыши поселились по срочнымъ контрактамъ съ землевладѣльцемъ; но пока-что, на этомъ примѣрѣ можно видѣть, какія благодѣтельныя послѣдствія имѣетъ для крестьянина обладаніе достаточнымъ количествомъ земли.

Латышская колонія образовалась слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ, въ 1873 году, такимъ образомъ: у Мальцева былъ хрустальный складъ въ Ригѣ. При посредствѣ своего приказчика онъ въ названномъ году пригласилъ въ свои владѣнія 11 семействъ латышей изъ Добленскаго уѣзда, Курляндской губерніи, на слѣдующихъ условіяхъ: каждому семейству онъ давалъ по 9 десятинъ земли, срокомъ на 12 лѣтъ, съ платою по 3 руб. за десятину въ годъ и 1 руб. съ семейства въ годъ же за право владѣнія выгономъ, т.-е. каждому семейству въ годъ приходилось платить 28 руб. *).

Черезъ нѣкоторое время послѣ прибытія латышей Мальцевъ продлилъ срокъ аренды еще на 8 лѣтъ на тѣхъ же условіяхъ. Въ 1877 году онъ купилъ для нихъ сначала молотилку, а потомъ и вѣялку, при чемъ за пользованіе ими колонисты обязывались уплачивать владѣльцу по 5 р. съ семейства или 55 р. въ годъ со всѣхъ.

*) Помимо того, латыши арендуютъ у Мальцева пастбище съ платою по 50 к. съ большой коровы и 30 к. съ теленка. Овцы, свиньи и лошади ходятъ по своему пару.

Въ моментъ моего пребыванія въ латышской колоніи—въ сентябрѣ 1893 года—въ ней числилось 8 дворовъ съ населеніемъ въ 52 человѣка обоюго пола, а именно 27 мужчинъ и 25 женщинъ, при чемъ по возрасту населеніе это распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Мужской полъ.						Женскій полъ.					
До 7 лѣтъ	7—13	14—17	18—60	Болѣе 60-ти		До 7 лѣтъ	7—11	12—15	16—55	Болѣе 55-ти	
4	6	4	13	—		1	2	6	14	2	

Кромѣ того, четыре семейства латышей, состоявшія изъ 15 лицъ мужского и 9 женскаго пола, ушли на заработки: 3 семейства числились въ Брянскомъ рельсопрокатномъ заводѣ, а 1 семейство, въ Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, занималось хозяйствомъ на арендованной землѣ *).

Скотъ и инвентарь у наличнаго населенія имѣлся въ такомъ количествѣ:

	Лошадей рабочихъ	Лошадей нерабочихъ	Сосуновъ	Коровъ	Бычковъ и подтелокъ	Телятъ	Овецъ	Свиней	Сохъ	Боронъ де- ревянныхъ	Телѣтъ
На 1 дворъ	2,25	0,1	0,4	3,5	1,1	1,9	10,75	5,75	2,1	2,1	2,1

Кому извѣстенъ средній экономическій уровень нашего крестьянства, для того приведенныя цифровыя

*) Земли ушедшихъ находятся въ арендномъ пользованіи оставшихся: 4 домохозяевъ держатъ въ арендѣ по $4\frac{1}{2}$ десятъ каждый.

данныя не требуютъ комментаріевъ: онѣ доказываютъ значительную степень зажиточности латышей, особенно если припомнимъ, что у нихъ, помимо перечисленнаго мертваго инвентаря, имѣются общественныя молотилка и вѣялка. Къ сожалѣнію, все это благосостояніе построено на пескѣ: латыши живутъ недурно, но живутъ подѣ постоянной угрозой выселенія. Но если имѣть въ виду, что они, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ пользуются извѣстнымъ довольствомъ, то ихъ участь представляется все-таки завидной для бѣдствующихъ подлѣ нихъ русскихъ крестьянъ.

Значительное количество скота даетъ возможность латышамъ удобрять свои земли *), вслѣдствіе чего неурожаи у нихъ бываютъ какъ исключеніе и только 1891 и 1892 годы замѣтно повліяли на ихъ благосостояніе: въ эти годы они не мало задолжали за аренду земли.

Культурность и благосостояніе латышей рѣзко выдѣляются при сравненіи ихъ съ окружающими селеніями русскихъ крестьянъ. Прежде всего латыши всѣ поголовно, не исключая и женщинъ, грамотны, при чемъ молодое поколѣніе прекрасно читаетъ и пишетъ по-латышски и по-русски. Внѣшній видъ колоніи также бросается въ глаза: передъ каждою избою латышей имѣются палисадники съ массою цвѣтовъ. Народъ въ колоніи все свѣжій, рослый и здоровый. Только грязь въ избахъ нѣсколько напоминаетъ россійскую культуру. Въ обращеніи какъ другъ съ другомъ, такъ и

*) Система полеводства у латышей, какъ и у крестьянъ, — трехпольная; сѣютъ рожь, овесъ, ячмень, гречу, картофель и немного гороху, чечевицы и льну. Конопли не сѣютъ. За исключеніемъ выгоновъ, землею владѣютъ латыши подворно.

со сторонними латыши очень вѣжливы и деликатны. Съ окружающимъ русскимъ населеніемъ латыши наносятся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Сравнивая жизнь латышской колоніи съ жизнью крестьянъ того же района, ясно видишь, какую громадную роль играетъ величина земельного надѣла въ благосостояніи населенія. Крестьяне и сами это прекрасно понимаютъ и на вопросъ о причинѣ разницы между ними и латышами отвѣчаютъ: «Кабы у насъ земли столько—мы тоже, поди, не хуже бы были».

И дѣйствительно, отъ того или иного размѣра земельной площади зависитъ количество скота, а чѣмъ больше скота, тѣмъ больше и удобренія, безъ котораго земледѣліе немыслимо, по крайней мѣрѣ въ Брянскомъ уѣздѣ. Повторяемъ, г. Мальцевъ плохо сдѣлалъ, не устроивъ бывшихъ крестьянъ своихъ въ земельномъ отношеніи хотя бы такъ же прекрасно, какъ латышей. Одна заводская промышленность безъ земельного обезпеченія рѣшительно ничего не дала населенію, а скорѣе образовала лишь контингентъ для будущаго пролетаріата, въ положеніи котораго и теперь уже находится значительный процентъ рабочаго люда с. Дятково.

Въ концѣ нашего описанія латышской колоніи не можемъ не повторить глубокаго сожалѣнія, что трудолюбивому населенію этому придется, пожалуй, выдвориться изъ насиженнаго, облитаго трудовымъ пѣтомъ мѣста. Дѣло въ томъ, что въ 1893 году окончился срокъ аренды латышей, и въ настоящее время живутъ они какъ бы нелегально, ежедневно ожидая выселенія. Латыши хотятъ выкупить землю, но попытки ихъ до

сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ, какъ не добились они и продленія срока аренды.

Въ 1885 году на очередномъ брянскомъ уѣздномъ собраніи было прочитано слѣдующее «заявленіе» землевладѣльца, коллежскаго асессора Дмитрія Ивановича Козелкина *).

«Въ настоящее время, когда по всей Россіи, вслѣдствіе патріотическихъ чувствъ (?), открываются памятники не только великимъ представителямъ литературы и промышленности (?), но и полезнымъ труженикамъ дѣла, какъ мы видимъ изъ распоряженій его высокопревосходительства г. министра финансовъ касательно г. брянскаго казначея Азбукина, портретъ котораго, вслѣдствіе разрѣшенія правительствомъ, находится въ присутственныхъ мѣстахъ Орловской губерніи по министерству финансовъ, я осмѣливаюсь представить на благоусмотрѣніе собранія нижеслѣдующее: болѣе ста лѣтъ въ нашей мѣстности находятся заводы г. Мальцева, производство которыхъ распространилось не только по всей Россіи, но и за границу.

Столѣтняя дѣятельность гг. Мальцевыхъ имѣла неисчислимыя благотворныя послѣдствія не только для жителей двухъ губерній, Орловской и Калужской, но и для промышленности всей Россіи. Въ тѣ далекія времена, когда всѣ почти издѣлія, необходимыя для сельской жизни, должны были покупаться по дорогой цѣнѣ, какъ привозимыя изъ-за границы или дѣлаемыя

*) См. Журналъ XX-го очередного брянскаго уѣзднаго собранія 1885 г., г. Брянскъ, 1886 г., стр. 76.

въ Россіи, но въ такомъ количествѣ, что не удовлетворяли мѣстнымъ требованіямъ, устроены были заводы г. Мальцева. Представитель этой фамиліи, генераль Сергѣй Ивановичъ Мальцевъ, несмотря на блестящее положеніе въ Петербургѣ и милліонное состояніе, посвятилъ себя для сельской жизни и усовершенствованія заводскаго производства. Болѣе шестидесяти лѣтъ неутомимаго труда, направленнаго не для пріобрѣтенія выгодъ, а для благосостоянія почти стотысячнаго населенія и на достиженіе такого совершенства производствъ своихъ фабрикъ и заводовъ, что они возбуждали зависть (?) гг. заводчиковъ не только въ Россіи, но и за границею (!) и почти прекратили ввозъ литья и стекла изъ-за границы. Я не смѣю утруждать собраніе дальнѣйшимъ перечисленіемъ заслугъ Сергѣя Ивановича Мальцева предъ отечествомъ, а обращусь къ тому, что предъ нашими глазами. Отъ береговъ Десны, т.-е. отъ Радицы, на пространствѣ болѣе ста верстъ генераломъ Мальцевымъ проведена желѣзная дорога безъ всякаго сторонняго содѣйствія и которая составляетъ не малое благодѣяніе для мѣстности, по которой проходитъ означенная дорога.

Благосостояніе, удобства жизни десятковъ тысячъ рабочаго люда въ многочисленныхъ заводахъ и фабрикахъ такъ велики, что дѣлаютъ невозможнымъ никакое сравненіе съ населеніемъ, не входящимъ въ составъ населенія означенныхъ заводовъ, но и смежное населеніе—въ составѣ болѣе ста тысячъ—благословляетъ батюшку генерала Сергѣя Ивановича. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго осмѣливаюсь сдѣлать это заявленіе и просить собраніе о ходатайствѣ предъ правительствомъ черезъ предсѣдателя собранія о дозво-

леніи открыть подписку въ уѣздахъ, гдѣ находятся владѣнія генерала Сергѣя Ивановича Мальцева, т.-е. Мальцевскаго промышленнаго торговаго товарищества, для постановки бюста генерала Мальцева въ гор. Брянскѣ, въ городскомъ саду, какъ уѣздномъ городѣ той мѣстности, гдѣ родился и болѣе 50 лѣтъ жилъ генералъ Сергѣй Ивановичъ Мальцевъ. При чемъ добавляю, что, по утвержденіи правительствомъ ходатайства земскаго собранія, я подписываю пятьдесятъ рублей».

На это возвышенное «заявленіе» брянское уѣздное земское собраніе отвѣтило необыкновенною прозою: «Прочтено,—говорится въ Журналахъ собранія 1885 года *),—заявленіе Козелкина о ходатайствѣ разрѣшить подписку на постановку въ г. Брянскѣ бюста генералу Мальцеву, при чемъ г. предсѣдатель собранія доложилъ, что г. Козелкинъ, въ случаѣ надобности, можетъ представить собранію словесныя по сему предмету объясненія. Собраніе постановило большинствомъ противъ трехъ: «г. Козелкина не допускать до словесныхъ объясненій и единогласно: заявленіе Козелкина о подпискѣ на бюстъ оставить безъ послѣдствій».

Предчувствовало ли земство или, какъ близко стоящее къ населенію, знало о положеніи дѣлъ въ мальцевскихъ владѣніяхъ, но только черезъ годъ послѣ отказа поставить бюстъ надъ мальцевскими заводами прогремѣлъ крахъ, показавшій, что населеніе Мальцевскаго района—нищіе въ буквальномъ смыслѣ этого слова,—нищіе, которымъ пришлось помогать или тому же земству, или казенному управленію.

*) Ibid.

Мы уже видѣли, въ какомъ положеніи очутился Дятьковскій хрустальный заводъ; въ такомъ же положеніи, если не худшемъ, очутился и стеклянный Чернятинско-старскій заводъ. Послѣ краха населенію этого завода, «для поддержанія жизни», начали выдавать: малолѣтнимъ 83 к., а взрослымъ по 1 р. 66 к. въ мѣсяцъ на человѣка! Въ день, слѣдовательно, малолѣтній долженъ быть сытымъ, согрѣтымъ, обутымъ, и одѣтымъ на 2,7 коп., а взрослый на 5,5 к.! Вслѣдствіе этого и чернятинскимъ обывателямъ, какъ и дятьковскимъ, пришлось отправляться въ «долбню» — рубить дремучіе Брянскіе лѣса.

Впослѣдствіи мы подробнѣе опишемъ эту работу, а теперь скажемъ лишь, что «долбня» — работа трудная и отъ нея, какъ вѣрно гласитъ поговорка лѣсныхъ жителей, дѣйствительно, «не богатѣютъ, а горбатѣютъ». Но это было бы еще полгоря, если бы чернятинцы имѣли хотя какое-нибудь представленіе о рубкѣ лѣса: къ сожалѣнію, съ дѣтства «работая стекло», они «ни топора держать не умѣютъ, ни пилы наладить». Ко всему этому присоединилось отсутствіе теплой одежды и недостатокъ въ пищѣ.

«Голь на выдумки хитра», говоритъ пословица. Начала и чернятинская голь «выдумывать» какъ горю помочь — и скоро «выдумала». Кто-то изъ чернятинцевъ «вычиталъ», — говорили мнѣ заводскіе обыватели, — «что ежели заводъ банкротомъ оказывается, рабочіе могутъ взять его за себя». Въ виду этого выборные рабочихъ и обратились къ конкурсному правленію, замѣнившему казенное, съ предложеніемъ «взять Чернятинскій заводъ на свой страхъ». Правленіе согласилось, и въ началѣ 1889 года образовался заводъ на

артельныхъ началахъ. Не мало слуховъ пускалось объ этомъ заводѣ самаго оптимистическаго характера, но на самомъ дѣлѣ тамъ, какъ увидимъ, и сотой доли нѣтъ изъ того въ дѣйствительности, что говорилось и писалось. Прежде всего безусловно невѣрны извѣстія, проникшія въ печать, будто бы артель является полною распорядительницею на фабрикѣ: она всецѣло подчинена конторѣ мальцевскихъ заводовъ, находящейся въ Дятьковѣ. Начать съ того, что самый основной матеріалъ, безъ котораго не можетъ работать фабрика, какъ-то: дрова, глина для «дойницъ», въ которыхъ расплавляется стекло, кирпичи для печей, битое стекло, мѣлъ, песокъ и вообще все необходимое для производства артель обязана по цѣнѣ, которая назначается конторою, забирать у этой послѣдней.

Какія бы цѣны ни существовали на рынкѣ, хотя бы много ниже конторскихъ, рабочіе брать матеріалъ на сторонѣ, помимо конторы, не имѣютъ права. Точно такъ же контора устанавливаетъ размѣры производства, при чемъ все выработанное стекло артель обязана сдавать заводскому управленію по опредѣленной послѣднимъ цѣнѣ. Словомъ, заводское управленіе прекрасно воспользовалось идеею рабочихъ, создавъ подчиненную себѣ артель, учрежденіе которой сократило значительно расходы по управленію Чернятинскою фабрикою и даетъ значительные барыши: напримѣръ, артель отдаетъ конторѣ ящикъ стекла по 12 руб., а контора продаетъ по 14 руб., и т. д. Но контора пользуется не только трудомъ артели—она непосредственно вмѣшивается и во внутреннюю организацію ея: всѣ выборные артели должны быть утверждены заводскимъ

управленіемъ. Насколько для заводскаго управленія выгодно такая организація труда, можно заключить изъ того, что контора, несмотря на просьбы артели, ни за что не соглашалась продать послѣдней совершенно ветхій Чернятинскій заводъ, а, наоборотъ, предлагала построить новый заводъ, чтобы артель выплачивала по 7⁰/₁₀ стоимости его: артель соглашалась на 5⁰/₁₀, но контора не уступила. Всего въ Чернятинско-старской фабрикѣ проживаетъ 180 семействъ, изъ которыхъ 154 наличныхъ надѣльныхъ, 22 безземельныхъ и 4 живущихъ на сторонѣ. Семейства эти состоятъ изъ 1.086 душъ—568 мужского и 518 женскаго пола. Всѣхъ работающихъ на фабрикѣ, по свѣдѣніямъ податного инспектора за 1893 годъ, 452 души обоего пола.

Въ это число, несомнѣнно, вошелъ и нѣкоторый ⁰/₁₀ пришлого элемента. По нашимъ даннымъ, изъ мѣстнаго наличнаго надѣльнаго населенія работами занято 268 человѣкъ, а изъ числа безземельнаго — 29 рабочихъ, а всего изъ мѣстнаго населенія работаетъ 297 человѣкъ, что составляетъ болѣе 27⁰/₁₀ всего наличнаго числа и болѣе 58⁰/₁₀ рабочаго возраста обоего пола *).

Данныя эти показываютъ, что распредѣленіе работъ въ Чернятинѣ значительно благопріятнѣе, чѣмъ въ Дятьковѣ. Тамъ изъ мѣстнаго населенія работаетъ 1.027 чел. **), что составляетъ немного болѣе 21⁰/₁₀

*) Изъ наличнаго населенія въ рабочемъ возрастѣ 263 муж. и 246 женщ.

**) По количеству платныхъ случаевъ, отмѣченныхъ въ Дятьковѣ, рабочихъ тамъ насчитывается 1.630 чел., но изъ нихъ болѣе 600 чел. приходится на пришлыхъ, такъ что мѣстныхъ немного болѣе 1.000 ч., именно около 1.027. Судя

всего наличнаго населенія и немного болѣе 44⁰/₀ рабочаго возраста. Собственно говоря, въ Чернятинѣ рѣдко можно встрѣтить семью, одинъ или нѣсколько членовъ которой не работали бы на фабрикѣ. Расплату артель производитъ каждый мѣсяцъ, при чемъ, смотря по ходу дѣла, члены артели получаютъ извѣстную сумму дивиденда на каждый заработанный рубль, или, въ случаѣ убытковъ, недочетъ распределяется сообразно заработной суммѣ. За исключеніемъ артельной администраціи и нѣкоторыхъ специалистовъ, большинство членовъ артели, особенно «халявные» или «стеклянные мастера», получаютъ сдѣльную плату, работая группами, по-очереди, чтобы дать возможность «всѣмъ имѣть кусокъ хлѣба» *), чтобы возможно уменьшить дѣйствіе закона спроса и предложенія, такъ какъ и здѣсь рабочихъ больше, чѣмъ ихъ нужно для производства. Какъ ни печальны условія, въ которыя поставлена чернятинская артель, но—хотя ничтожное—участіе въ предпріятіи и нѣкоторая самостоятельность артели являются причиною

по нѣкоторымъ даннымъ, пришлаго элемента болѣе всего въ группѣ, получающей 25 р. въ мѣсяцъ.

*) Вся сила фабрики заключается въ «стеклянныхъ» или, какъ чаще называютъ, въ «халявныхъ мастерахъ». «Халявными» мастера называются потому, что выдувають громадныя стеклянные цилиндры, напоминающіе форму халявы, за каждую выдутую, обрѣзанную и расколотую халяву мастера получаютъ 1,5 коп. Очередная партія выдуваетъ халявы 12 ч., а затѣмъ сутки отдыхаетъ. Дутье халявы—работа поистинѣ каторжная, производящаяся возлѣ расплавленной массы, раскаленныхъ печей, въ страшно высокой температурѣ. Хорошій мастеръ въ часъ выдуваетъ халявъ 15, но нѣтъ ни одного, могущаго безостановочно дуть 12 ч., поэтому первостепенный

немного лучшаго состоянія населенія, чѣмъ мы видимъ въ с. Дятковѣ. Такъ въ Чернятинѣ все же нѣтъ той скученности, какъ въ Дятковѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, значительное число семействъ занимаетъ весьма дробныя части домовъ: въ Чернятинѣ лишь 8 семействъ бездомовыхъ, столько же занимаютъ неполное зданіе, а 25 имѣютъ въ своемъ распоряженіи по $\frac{1}{2}$ дома; всѣ же остальные 135 семействъ располагаютъ полными зданіями, при чемъ изъ нихъ 20 семействъ имѣютъ по 2 дома, 1 — 3 и 1 семейство 4 дома. По количеству скота чернятинское населеніе малымъ отличается отъ дятковского: въ Чернятинѣ немного меньшій $\%$ безлошадныхъ, и еще меньшій безъ всякаго скота: въ Дятковѣ таковыхъ семействъ 20,6 $\%$, а въ Чернятинѣ немного болѣе 11 $\%$. Вообще очень рѣзкаго отличія благосостоянія чернятинскаго населенія отъ дятковского не видно, а только, какъ мы сказали, «немного лучшее»; но важно, что въ Чернятинѣ замѣтна нѣкоторая тенденція къ благосостоянію, больше

работникъ въ день изготовляетъ халявъ не болѣе 100. «Распущикъ» получаетъ за 1000 распущенныхъ листовъ 2 руб. Работа его заключается въ томъ, чтобы цилиндру придать форму листа. Для этого стеклянные цилиндры, при извѣстной температурѣ, вкладываются въ особыя печи и, будучи заранѣе расколотыми съ одной стороны въ длину, постепенно отъ дѣйствія жара распрямляются въ печи и разглаживаются мастеромъ. — «Рѣзчикъ» обрѣзываетъ уже расплавленные листы, дѣлая ихъ извѣстныхъ размѣровъ. Получаетъ «рѣзчикъ» по 25 коп. за ящикъ, въ которомъ вмѣщается 120 листовъ. «Ящичники» за ящикъ получаютъ по 9 к., а «вкладчики», наполняющіе ящики стекломъ, получаютъ по 8 к. за 120 листовъ.

жизненности въ населеніи, инициативы, надежды на лучшее будущее. Если бы въ заводѣ этомъ была организована настоящая артель, самостоятельная, которая явилась бы полною участницею въ предпріятіи и не была бы стѣснена тяжелыми условіями, нѣтъ сомнѣнія, Чернятинская фабрика въ скоромъ времени стала бы на ноги, принимая во вниманіе, что здѣсь фабричное населеніе въ 1890 году получило надѣлъ 873,75 дес. на 220 ревизскихъ душъ. Въ моментъ нашего пребыванія въ Чернятинѣ населеніе еще не пользовалось землею самостоятельно, но уже арендные статьи дали возможность фабричнымъ скопить капиталъ въ 3.039 р., не говоря о томъ, что за артелью не было никакихъ недоимокъ *). Сравнивая заводы Дятковскій и Чернятинскій, нельзя не придти къ заключенію, что лишь надѣленіе населенія землею и передача въ руки его всего мальцевскаго предпріятія на артельныхъ началахъ можетъ поднять экономическій уровень обывателей этого громаднaго района. При такихъ условіяхъ, если бы заводы и постигали крахи, населеніе переходило бы къ земледѣльческому труду, къ которому, имѣя землю, мало-по-малу приучалась бы та часть подрастающаго поколѣнія, на которую нѣтъ спроса въ заводахъ. При завѣдываніи артелями во много кратъ уменьшились бы расходы на администрацію, поглощающую громадныя суммы,

*) Въ моментъ моего пребыванія чернятинцы еще не дѣлили землю «настоящимъ образомъ», но въ проектѣ имѣлось подѣлить на живыя души. Значительная часть земли чернятинцевъ занята порослью; они еще ничего не пахали, а, какъ и дятковцы, садили только «картошку» на огородахъ.

было бы меньше злоупотреблений, а все это, вмѣстѣ взятое, устраняло бы до нѣкоторой степени и банкротство.

Дятьково и Чернятинъ являются типичными представителями Мальцевскихъ владѣній въ Орловской губерніи послѣ краха, постигшаго этотъ богатый промышленный районъ. По Дятькову мы можемъ судить, въ какое положеніе было поставлено населеніе не надѣленныхъ землею заводовъ,—населеніе, принужденное продолжать прежнюю работу при необыкновенно понизившемся на нее спросѣ и при старой организаціи труда. Направленные сначала въ лѣса, на «долбню», рабочіе, не сумѣвъ справиться съ непривычнымъ занятіемъ и не имѣя теплой одежды, должны были возвратиться въ Дятьково и, питаясь исключительно «картошкою», которую высѣваютъ на своихъ микроскопическихъ огородахъ, просить возвратить ихъ къ привычной работѣ, соглашаясь довольствоваться весьма низкою платою. Въ Чернятинѣ было то же самое, но здѣсь населеніе осѣнила мысль начать трудъ на новыхъ, артельныхъ началахъ и воспользоваться земельнымъ надѣломъ. И, какъ мы уже говорили, въ Чернятинѣ, несмотря на неблагопріятныя условія, въ которыя поставлена артель, есть признаки тенденціи къ благосостоянію, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, при измѣнившихся немного условіяхъ въ пользу артели. Въ такомъ, приблизительно, какъ Дятьково и Чернятинъ, положеніи находятся и остальные заводы, но въ нихъ не такъ опредѣленно выражено положеніе населенія.

Обращаясь теперь къ причинѣ краха Мальцевскихъ владѣній, невольно бросается въ глаза внезапность и неожиданность этого печальнаго событія. Судя по публичному, вышеприведенному нами, «заявленію» Козелкина и по нѣкоторымъ литературнымъ даннымъ видно, что никто—быть можетъ, даже и самъ г. Мальцевъ—не ожидалъ, что надъ мальцевскимъ райономъ сгустились грозныя тучи. Когда, выражаясь фигурально, сверкнувшая молнія озарила дѣйствительность, всѣ, что называется, рты разинули и растерялись.

Только-что слышали о чудесахъ на заводахъ, только-что читали о необычайномъ, рѣдкомъ благоденствіи населенія—и вдругъ! Вотъ въ полномъ невѣдѣніи и кроется бѣдствіе: много было похвалъ и ни одного настоящаго изслѣдованія! Если бы обширный край этотъ былъ изученъ, быть можетъ, не трудно было бы предупредить бѣду, но этого сдѣлано не было...

Въ чемъ же, однако, заключается главная причина краха?

Хотя намъ не пришлось на этотъ вопросъ получить опредѣленнаго отвѣта, но, познакомившись до нѣкоторой степени съ прошлымъ и настоящимъ Мальцевскихъ заводовъ, мы постараемся сами сдѣлать кое-какія заключенія, быть можетъ, недалекія отъ истины. Повидимому, мальцевскія предпріятія рушились вслѣдствіе патріархально-барскаго отношенія къ дѣлу со стороны г. Мальцева. Что С. И. Мальцевъ былъ добрый человѣкъ—въ томъ нѣтъ особенныхъ основаній сомнѣваться, но что въ то же время г. Мальцевъ былъ «помѣщикъ» въ полномъ смыслѣ этого слова—это также неопровержимая истина. Съ по-

мѣщичьей точки зрѣнія велъ онъ и свое обширное «имѣніе». Жизнь прогрессировала, явились новыя требованія, измѣнился строй хозяйства; открытія, изобрѣтенія появлялись, а г. Мальцевъ все велъ «по своему усмотрѣнію», не заглядывая впередъ.

На вопросъ — отчего рухнуло дѣло? — многіе изъ аборигеновъ Мальцевскихъ владѣній отвѣчали мнѣ: «управляющіе погубили дѣло». Какъ ни странно это объясненіе, но въ немъ и много истины. Отсутствіе строгой системы, недостатокъ въ знающихъ и образованныхъ людяхъ, а главное — «собственное усмотрѣніе» дѣлало то, что заправилами дѣла были не люди знанія, не работники, а тѣ, кто лучше умѣлъ угодить, кто подходилъ подъ «усмотрѣніе» хозяина. Вслѣдствіе такихъ условій дѣйствительно не мало расплодилось «управляющихъ», синекура цвѣла полнымъ цвѣтомъ, и вотъ эти-то «управляющіе», отстраняли взоры хозяина отъ настоящаго положенія дѣла, не позволяли вникнуть въ суть, изображая въ самыхъ розовыхъ краскахъ положеніе населенія, которое при Мальцевѣ, кажется, дѣйствительно не бѣдствовало: по крайней мѣрѣ всѣ утверждаютъ, что «при Мальцевѣ у всѣхъ, по крайности, хлѣбъ былъ». Но бѣда-то въ томъ, что кромѣ «хлѣба» у населенія не было никакого обезпеченія въ будущемъ: каждый жилъ только тѣмъ, что заработалъ, а случись болѣзнь или другое несчастіе, не говоря уже о прекращеніи дѣйствія заводовъ, — и рабочій оставался ни при чемъ. Весьма вѣроятно, что при Мальцевѣ и такія случайности въ жизни рабочихъ не производили особаго впечатлѣнія, если, какъ говорятъ, всегда оказывалась помощь лишившемуся возможности трудиться рабо-

чему и его семьѣ; но не стало Мальцева, прекратилась работа на заводахъ, и населеніе очутилось въ безвыходномъ положеніи. Вотъ тутъ-то и является сомнѣніе—вслѣдствіе какихъ причинъ г. Мальцевъ не озаботился обезпечить жителей своего района землею или какимъ-либо завѣщаніемъ относительно участія своихъ рабочихъ въ предпріятіи? Была ли это непредусмотрительность, вѣра ли — что бываетъ съ людьми—въ безконечность своего существованія или г. Мальцевъ «по убѣжденію» не далъ полного надѣла своимъ крестьянамъ и вообще не обезпечилъ ихъ? При трудности перваго предположенія остается второе, но тогда—гдѣ же благодѣяніе? Впрочемъ, какъ ни плохо живетъ населенію бывшихъ мальцевскихъ владѣній, но въ краѣ «долбни» и «картошки» есть мѣста и много похуже; къ описанію этихъ мѣстъ мы и приступимъ въ слѣдующей статьѣ.

Отъ нѣкогда дремучихъ Брянскихъ лѣсовъ, тянувшихся за многія сотни верстъ, отъ тѣхъ непроходимыхъ дебрей, которыя дали названіе самому городу Брянску *), конечно, осталось очень мало признаковъ; но и до сихъ поръ въ Брянскомъ уѣздѣ кое-гдѣ попа-

*) Г. Пясецкій, авторъ компилятивныхъ исторій городовъ Орл. губ., въ своихъ «Историч. очеркахъ гор. Брянска», между прочимъ, пишетъ: «въ древности этотъ городъ, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, назывался не Брянскомъ, а Дебрянскомъ. Такое названіе, по всей вѣроятности, усвоено было ему отъ тѣхъ дебрей или дремучихъ лѣсовъ, среди которыхъ онъ былъ построенъ»... «Въ лѣтописяхъ встрѣчаются слѣдующія названія гор. Брянска: Дебрянескъ, Добрянескъ, Дябрянескъ и Дьбрянескъ».

даются величавые остатки былого громаднаго лѣснаго царства, приводящіе въ восторгъ временнаго дачнаго жителя или случайнаго путешественника, попавшаго въ лѣса въ хорошую погоду и благопріятное время года. И дѣйствительно, какъ не восхищаться этими лѣсными великанами въ весеннюю, напимѣръ, пору, когда они облакаются въ новыя ярко-изумрудныя и темно-зеленыя одежды, когда въ поздніе часы ночи и на заряхъ воздухъ, пропитанный ароматами, оглашается чудными трелями соловьевъ! Или въ ясный жаркій день: какъ плѣнительна эта лѣсная тѣнь, этотъ таинственный полумракъ и величественная тишина, нарушаемая лишь поэтическимъ шумомъ лѣсныхъ гигантовъ да жужжаніемъ насѣкомыхъ!

Но немного такихъ дней наберется въ лѣсныхъ тущобахъ, и постоянный житель ихъ получаетъ въ общемъ далеко не розовыя впечатлѣнія.

Жутко и страшно въ этихъ тущобахъ въ бурю, когда завоетъ и застонетъ лѣсъ, оплакивая гибель своихъ товарищей, съ корнемъ вырываемыхъ изъ нѣдръ земли. Но особенно тоскливо осенью, когда тяжелыя, свинцовыя тучи недвижимо нависаютъ надъ лѣсомъ, давятъ его и пронизываютъ мелкимъ, ѣдкимъ, дождемъ. Словно озябшій и съжившійся, безмолвно и безропотно стоитъ въ это время лѣсъ, и тихо съ сучьевъ деревъ на опавшую листву льются капли, какъ слезы: будто рыдаетъ лѣсъ о своихъ краткихъ счастливыхъ дняхъ весны и лѣта. А зимою! Оголенные скелеты лиственныхъ деревъ и мрачныя ели забрасываются глубокими непроходимыми снѣгами, вздымаемыми лѣсными выюгами, нерѣдко свирѣпствующими въ лѣсахъ.

Прибавьте ко всему сказанному дикихъ звѣрей, каковы, напримѣръ, медвѣди и волки, представляющіе въ брянскихъ лѣсахъ далеко не рѣдкое явленіе и, полагаясь, понятнымъ сдѣлается, что населеніе лѣсныхъ районовъ не скажетъ того о своей родинѣ, что скажетъ дачный житель или случайный путешественникъ; тѣмъ болѣе не скажетъ, что, по ироніи судьбы, подвергаясь всѣмъ неудобствамъ лѣсной жизни, крестьянинъ не можетъ пользоваться благами ея, потому что онъ вовсе не владѣетъ лѣсами: они принадлежатъ или казнѣ, или частнымъ владѣльцамъ, и нерѣдко лѣсной житель съ трудомъ добываетъ топливо.

Въ разныя времена года я видѣлъ брянскія трущобы, но изучать ихъ пришлось въ самую отвратительную пору — осенью; именно въ это время я попалъ въ сѣверо-восточный уголъ Брянскаго уѣзда, въ Бытошскую волость, граничащую съ Жиздринскимъ уѣздомъ, Калужской губерніи. Добравшись по Мальцевской желѣзной дорогѣ до с. Дяткова, отсюда я отправился на земскихъ лошадяхъ въ глубь брянскихъ лѣсовъ, при чемъ почти до самаго с. Бытоша дорога шла неширокою лѣсною просѣкою: верстъ 12 — до Ивотскаго завода — по шоссе, а дальше — верстъ 20 — грунтовая дорога; за Бытошемъ пошелъ уже лѣсной проселокъ.

На своемъ вѣку не мало мнѣ пришлось видѣть російскихъ дебрей: достаточно сказать, что былъ я въ Сибири, проѣхавъ путь отъ Тюмени до Красноярска, а затѣмъ изъ Красноярска въ Минусинскъ; знакомъ немного и съ сибирскою тайгою; но несмотря

на все это, путешествіе лѣсными проселками Брянскаго уѣзда произвело на меня сильное впечатлѣніе. Начать съ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вовсе не оказалось дорогъ; пронеслись бури и завалили ихъ деревьями; середину этихъ деревьевъ кой-какъ вырубали обыватели и ѣздятъ, ѣздятъ прямо по пнямъ и колодамъ. Достойны также замѣчанія переѣзды черезъ рѣчки бродами, глубина которыхъ неизвѣстна. Никогда я не забуду переправу черезъ рѣчки Волюнку и Вѣтму. Закончивъ подворную перепись въ глухой деревушкѣ Голыжевой, позднимъ вечеромъ отправился я въ д. Сельцо, чтобы, переночевавъ тамъ, рано утромъ приступить къ работѣ. Уже скоро по выѣздѣ изъ Голыжевой пошелъ дождь и наступила такая тьма, что трудно было разглядѣть лошадей и ямщика. Въ довершеніе всего ямщикъ началъ сообщать мнѣ различные эпизоды изъ походовъ волковъ и медвѣдей именно въ той мѣстности, по которой мы ѣхали. Невольно робость закралась въ мою душу, и я, скрывая ее, началъ предлагать возницѣ вопросы, изъ отвѣтовъ на которые выяснилось бы, разсчитываетъ ли онъ живымъ доставить меня въ д. Сельцо или нѣтъ? Увы! Аборигенъ лѣсовъ отвѣчалъ весьма неопредѣленно, нѣсколько разъ упомянувъ, что благополучный исходъ путешествія находится въ зависимости отъ переѣздовъ въ бродъ черезъ рѣчки Волюнку и Вѣтму.

— Развѣ глубокіе броды?—спрашиваю.

— Богъ его знаетъ,—отвѣчаетъ ямщикъ:—давно не ѣздилъ... Броды-то они ничего, да вотъ все дожди идутъ...

— Но вы броды эти хорошо знаете?

Какъ не знать, только вотъ ничего не видно...

Скоро начались и эти броды... Черезъ Волынку, нѣкоторое время вдоль ея, пришлось проѣзжать въ такой чащѣ лѣса, что вѣтви деревь задѣвали лицо... Тьма была абсолютная, дождь усилился, а телѣга наклонялась то въ одну, то въ другую сторону, грозя паденіемъ въ воду, журчавшую, казалось, возлѣ самыхъ краевъ моего первобытнаго экипажа...

— Ну, слава Богу! — произнесъ я, когда мы очутились на сушѣ.

— Это что-о! — отвѣтилъ ямщикъ: — здѣсь-то ничего, а вотъ какъ Вѣтьма...

— Тамъ развѣ хуже?

— Вѣтьма рѣка настоящая, а Волынка это ничего...

Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время среди тьмы блеснула широкая полоса Вѣтьмы. Подѣхавъ къ берегу, ямщикъ началъ-было спускаться къ водѣ, но затѣмъ, раздумавъ, повернулъ лошадей и поѣхалъ вдоль берега.

— Да вы, должно быть, брода не знаете? — не безъ тревоги спрашиваю я.

— Кабы днемъ, — неопредѣленно отвѣчаетъ возница, — а то, вѣдомо, дѣло ночное... а тутъ дожди...

— Куда же вы ѣдете?

— Тамъ, подальше, поди, лучше будетъ, голдобинъ, пожалуй, меньше...

— Да вы тотъ бродъ хорошо знаете?

— Дѣло ночное, кабы днемъ...

И не успѣлъ я предложить еще вопросъ, какъ ямщикъ круто спустился съ берега, перекрестился, всталъ во весь ростъ и, издавая самыя энергичныя слова, началъ хлестать лошадей. Телѣга то почти плыла по водѣ, то шуршала по камнямъ, то пріоста-

навливалась, увязая въ илѣ. А сверху, какъ изъ ведра, лилъ дождь...

Не знаю, сколько времени я ѣхалъ по водному пространству, но этотъ переѣздъ показался мнѣ вѣчностью... Когда ямщикъ произнесъ, наконецъ: «Ну, слава Богу, выѣхали!» — у меня, какъ говорится, словно камень съ души свалился.

— Вы и сами, должно быть, боялись?—спрашиваю возницу.

— Какъ не бояться... Кабы днемъ, а то вѣдомо, дѣло ночное—долго ли душу загубить... Не дай Богъ по нашимъ мѣстамъ въ эту пору ѣздить!

Я нарочно подробно остановился на переѣздѣ изъ д. Голыжевой въ д. Сельцо, чтобы характеризовать проселочные пути сообщенія некультурныхъ лѣсовъ. По этимъ путямъ сообщенія, полагаю, можно составить нѣкоторое представленіе о высотѣ цивилизаціи лѣсныхъ обитателей: такія дороги, конечно, не могутъ привести къ мѣстамъ, заселеннымъ людьми, пользующимися благами цивилизаціи. И дѣйствительность подтвердила это. Я уже не говорю объ обще-русской грязи, духотѣ, тѣснотѣ, милліардахъ таракановъ, клоповъ, мокрицъ и разныхъ другихъ насѣкомыхъ, въ глухихъ деревняхъ Бытошской волости и до сихъ поръ отсутствуютъ самые элементарные признаки культуры. Такъ во многихъ деревняхъ нѣтъ вовсе спичекъ: до сихъ поръ поддерживается вѣчный огонь «въ камелькахъ», т.-е. въ углубленіяхъ на шесткѣ хранятся горячіе угли, присыпанные золою. Нѣтъ въ этихъ деревняхъ ни керосиновыхъ лампочекъ, ни

свѣчей, а освѣщаются здѣсь исключительно лучиною, при которой и мнѣ приходилось работать *). Ко всей этой обстановкѣ присоединяется до того низкій общій, экономическій уровень — вслѣдствіе незначительности надѣла и плохого качества земли, — что населеніе некультурныхъ лѣсовъ вѣчно находится въ полуголодномъ состояніи, вѣчно, чтобы не умереть съ голода, должно заниматься «долбнею», которую ненавидитъ отъ всей глубины души, потому что «долбня» эта доводитъ человѣка до уровня животнаго **).

Благодаря тому обстоятельству, что казна, являющаяся однимъ изъ наиболѣе крупныхъ владѣльцевъ въ лѣсныхъ районахъ. Брянскаго уѣзда, сама лѣсовъ не разрабатываетъ, населеніе находится въ полной зависимости отъ лѣсопромышленниковъ, арендующихъ у казны лѣсныя дѣлянки. При крестьянской бѣдности лѣсопромышленники являются полными господами, чрезъ мѣру обезпеченными рабочимъ людомъ, который, вслѣдствіе дороговизны лѣсныхъ матеріаловъ, не можетъ даже заняться кустарнымъ лѣснымъ промы-

*) Здѣсь кстати упомянуть, что въ теченіе двухъ сутокъ, объѣздивъ около десятка деревень, я не могъ размѣнить 10 руб., такъ что лишь доѣхавъ до волостного с. Бытоша, я имѣлъ возможность переслать мелкіе долги своимъ кредиторамъ (плата хозяевамъ за ночлеги, пищу и т. д.), размѣнявъ, наконецъ, въ Бытошѣ названную громадную сумму — десять рублей.

**) Лучше бы на свѣтъ не родиться, чѣмъ такъ жить, какъ живемъ мы въ лѣсахъ, говорятъ крестьяне. Кстати замѣтить, что весьма нерѣдки случаи гибели людей на лѣсныхъ работахъ отъ паденія деревь и большихъ сучьевъ.

сломъ. Такое выгодное положеніе лѣсопромышленниковъ дѣлаетъ то, что лѣсные жители не сразу переходятъ постылую «долбню»: «ходишь недѣлю, двѣ, а то и мѣсяцъ, кланяешься да просишь, покуда работу дадутъ»,—говорили мнѣ крестьяне. При такихъ условіяхъ не можетъ быть, конечно, и рѣчи о такъ называемомъ «свободномъ договорѣ». На вопросъ о размѣрѣ заработной платы и рабочаго дня крестьяне отвѣчали: «беремъ, чтò даютъ; работаемъ, сколько прикажутъ: отъ зари до зари».

Такъ или иначе добившись «долбни», крестьянинъ пріобрѣтаетъ: топоръ за 1 руб., пилу за 2 руб., 2 напилка по 80 коп. и брусъ за 25 коп. Затѣмъ беретъ онъ «хотомочку» (суму), кладетъ туда хлѣбъ, соль и, если имѣется, конопляное масло и, нерѣдко со всею семьею, бредетъ въ дремучіе лѣса на долгое время. На мѣстѣ работъ копаетъ онъ себѣ землянку, а потомъ «начинаетъ долбить, какъ дятель, отъ зари до зари», питаясь почти исключительно хлѣбомъ да «картошкою». Я уже говорилъ, каковы бываютъ лѣса въ бурное лѣто, осенью и зимою, и потому представляю читателю судить о томъ, каково должно быть житіе человѣка въ этихъ лѣсахъ, да еще въ землянкѣ; здѣсь же прибавлю только, что, работая въ лѣсу, провизію крестьяне могутъ добывать только въ конторахъ, разбросанныхъ по лѣсамъ на далекихъ одна отъ другой стояніяхъ, при чемъ стоимость продуктовъ, опредѣляемая, конечно, лѣсопромышленникомъ, вычитывается изъ заработной платы *).

*) Цѣны въ лѣсахъ на продукты, minimum, вдвое дороже рыночныхъ.

стьяне мнѣ передавали, что иной разъ зимою «по пузо въ снѣгу» приходится версть 15 идти за хлѣбомъ!»

Въ теченіе всего времени лѣсныхъ работъ крестьяне не чешутся и не моются, такъ что возвращаются домой неузнаваемыми: «образа на тебѣ человѣческаго нѣтъ; собаки деревенскія лаютъ, какъ на звѣря», — характеризуютъ появленіе свое въ свѣтъ долбежники.

И работа эта оплачивается самымъ скуднымъ образомъ. Бываетъ такъ, что больше 3 руб. въ мѣсяцъ у рабочаго не останется; въ среднемъ чистый заработокъ не превышаетъ 6 руб. въ мѣсяцъ, и только исключительные работники могутъ отложить отъ 10 до 12 р. въ мѣсяцъ. Если семья лѣсника остается въ деревнѣ, то все хозяйство лежитъ на бабѣ, которая въ свободное время еще плететъ лапти. При непрерывной работѣ баба можетъ сплести въ день 3 — 4 лаптя, но обыкновенно плетутъ не больше одной пары въ день *). Лапти сбываются въ Брянскѣ лавочникамъ по 8—10 коп. за пару.

Довольно близко ознакомившись съ жизнью населенія некультурныхъ лѣсовъ Брянскаго уѣзда, я не могъ себѣ представить, чтобы въ этихъ трущобахъ жили люди еще менѣе обезпеченные, чѣмъ коренные «долбежники». Но каково же было мое удивленіе, когда я наткнулся на временно-обязанныхъ!

*) Бѣда въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ крестьянину не на что лыка пріобрѣсти. Во многихъ селеніяхъ крестьяне говорили: «Баба, поди, всю бы семью прокормила, да купить лыкъ не на что».

Это поразившее меня явленіе и до сихъ поръ имѣетъ мѣсто въ заводахъ Бытошскомъ, Петровскомъ и Маховой Гутѣ.

По словамъ мѣстныхъ жителей, нѣкогда названные заводы принадлежали господамъ Ртищевымъ, а затѣмъ какими-то судьбами перешли къ купцу Василию Фокичу Мельникову, далѣе—къ сыну послѣдняго Козьмѣ Васильевичу, по смерти котораго наслѣдницею сдѣлалась его вдова съ дѣтьми. Въ прежнее время въ Петровскомъ былъ желѣзодѣлательный заводъ, въ Маховой Гутѣ — стеклянный, а въ Бытоши — чугунолитейный. Мельниковъ уничтожилъ два первые завода *) и оставилъ только одинъ послѣдній, существующій и по настоящее время **). Закрытіе двухъ заводовъ лишило заработка массу рабочаго люда, значительная часть котораго разбрелась въ разныя стороны, а существованіе оставшихся всецѣло стало зависѣть отъ хода дѣлъ на заводѣ Бытошскомъ.

Уже при въѣздѣ въ Петровскій заводъ, безъ всякихъ изслѣдованій, замѣчаешь, что въ мельниковскомъ районѣ произошли глубокія потрясенія экономическихъ устоевъ мѣстнаго населенія. Прежде всего бросается въ глаза чугунный колоколь, прикрѣпленный къ почернѣвшему отъ времени столбу, стоящему на пустынной площадкѣ. На вопросъ, чтò это за колоколь, жители съ ироніей объясняютъ, что это ихъ

*) Петровскій заводъ закрытъ лѣтъ 30, а Маховая Гута—около 50-ти лѣтъ тому назадъ Говорятъ, Мельниковъ нашелъ невыгоднымъ существованіе этихъ заводовъ, которые, по словамъ аборигеновъ, въ давнія времена работали очень хорошо.

**) Заводъ этотъ называется «Фокинскій», по отчеству стараго хозяина Василия Фокича Мельникова.

собственность, подаренная Мельниковыми за труды предковъ: «раньше въ этотъ колоколь сзывали на работы, когда заводъ шель, а теперь барабанимъ въ него на пожаръ». При этомъ петровцы показываютъ на группу деревьевъ, расположенную поодаль отъ столба съ колоколомъ, и говорятъ, что на томъ мѣстѣ былъ когда-то заводъ, что еще до сихъ поръ сохранился тамъ паровой молотъ, а громадный нѣкогда прудъ теперь высохъ и заросъ травой.

Помимо колокола, невольно обращаешь вниманіе на значительное число заколоченныхъ домовъ, что производитъ впечатлѣніе бѣгства, разоренія. И когда я въ скоромъ времени приступилъ къ болѣе подробному изученію условій жизни населенія мельниковскихъ владѣній, то убѣдился, что впечатлѣніе, произведенное петровскимъ заводомъ, вполне подтвердилось.

Прежде всего по изслѣдованію оказалось, что изъ Маховой Гуты разошлось въ разныя стороны 26% всего населенія, изъ Бытоши 45%, а изъ Петровскаго завода 50%.

Въ наличности въ настоящее время состоитъ: въ Петровскомъ заводѣ 31 семейство, въ Маховой Гутѣ—43 и въ Бытоши—138 семействъ. Но и изъ наличныхъ семей громадный процентъ работаетъ на сторонѣ, именно: изъ числа бытошскаго населенія работаютъ на сторонѣ 20% мужчинъ рабочаго возраста, изъ Маховой Гуты—21% и изъ Петровскаго населенія на сторонѣ работаютъ 51% мужчинъ рабочаго возраста.

Семьи, оставшіяся на мѣстѣ, влечутъ жалкое существованіе, что уже видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

$\%$ СЕМЕЙ НАЛИЧНАГО НАСЕЛЕНИЯ:

	Безъ всякаго скота.	Безъ крупнаго скота.	Безъ ко- ровъ.	Безъ лошадей.	Бездомо- выхъ.
Петровский заводъ.	3	3	3	74	3
Маховая Гута . . .	2	20	20	95 *)	12
Бытошъ.	9,4	20	21	90	14

Мы здѣсь не выставили еще одного экономического фактора — земли, но дѣло-то въ томъ, что заводскіе жители мельниковскаго района до сихъ поръ именуются «временно-обязанные наслѣдниковъ потомственного почетнаго гражданина Козьмы Васильевича Мельникова горнозаводскіе мастеровые» и владѣютъ землею, до сихъ поръ выплачивая за нее... «оброкъ». Насколько тяжелы эти оброчныя условія, можно видѣть изъ того, что за ничтожные клочки земли во всѣхъ заводахъ на 1 ревизскую душу приходится съ усадьбою немного болѣе 1 десятины **) — крестьяне по 1-е августа 1893 года должны были Мельниковымъ за землю «оброка» 23.092 руб. 76 коп. ***).

*) Въ моментъ моего пребыванія въ Маховой Гутѣ нельзя было найти ни одной лошади, и сельскій староста Гуты посылалъ въ сосѣднюю деревню, расположенную въ 6-ти верстахъ отъ Гуты, чтобы оттуда крестьяне прислали подводу.

**) Кажется, у горнозаводскихъ приходится на ревизскую душу 1 дес. луга, 333 кв. саж. усадебной земли.

***) Данныя эти доставлены намъ заводскою бытошскою конторою, при чемъ бумага была озаглавлена такъ: «Реестры оброчной недоимки, состоящей за временно-обязанными наслѣдникамъ потомственного почетнаго гражданина Козьмы Васильевича Мельникова горнозаводскими мастеровыми Бытошской волости — села Бытоши, Петровскаго завода и Маховой Гуты по 1-ое августа 1893 года и долга». Что касается долга — помимо «оброка» — рабочихъ заводскому управленію, то по указанное время онъ выражался суммою въ 1.747 р. 93 к.

До сихъ поръ каждая ревизская душа платитъ «оброка» Мельниковымъ по $34\frac{1}{2}$ коп. въ мѣсяцъ, или по 4,5 рубля въ годъ, при чемъ у лицъ, работающих на заводѣ, названная сумма вычитается изъ заработной платы, а на неработающихъ пишутъ долгомъ. Такъ какъ въ трехъ названныхъ селеніяхъ считается 654 ревизскихъ души, то населеніе ежегодно должно выплачивать 2.943 р. за право владѣнія землею въ настоящее время, при чемъ эта уплата не даетъ права на пріобрѣтеніе земли въ собственность даже въ отдаленномъ будущемъ: земля все же принадлежитъ Мельниковымъ.

Когда о временно-обязанныхъ мельниковскаго района я разсказалъ одному петербургскому чиновнику, съ которымъ случайно ѣхалъ въ одномъ вагонѣ по Мальцевской дорогѣ, онъ, выразивъ необыкновенное удивленіе, обвинилъ въ существованіи такого разряда населенія орловскую администрацію, которая до сихъ поръ не вошла съ представленіемъ въ надлежащія сферы. По мнѣнію этого чиновника, соотвѣтствующее представленіе немедленно повлекло бы за собою, — какъ это и было будто бы во многихъ мѣстахъ, — надѣленіе горнозаводскихъ мастеровыхъ землею на началахъ выкупа. Если это такъ, то нельзя не пожелать, чтобы орловская администрація озаботилась скорѣйшимъ облегченіемъ тяжелой участи довольно обширнаго мельниковскаго района.

Покуда же «горнозаводскіе мастеровые» всецѣло находятся въ зависимости отъ хода дѣлъ на Бытошскомъ чугунолитейномъ заводѣ. Но, во-первыхъ, этотъ заводъ далеко не требуетъ того количества рабочихъ рукъ, которыя имѣются въ наличности, а во-вторыхъ,

ежегодно заводъ съ 20-го іюля прекращаетъ работы и стоитъ безъ дѣла 2 — 3 и даже, какъ говорятъ, 4 — 5 мѣсяцевъ.

Когда идетъ заводъ, работы въ немъ ежедневно продолжаются отъ 6 час. утра до 7 час. вечера, при чемъ въ лѣтнюю пору на обѣдъ полагается 2 часа, на завтракъ $\frac{1}{2}$ часа и на полдникъ $\frac{1}{4}$ часа; зимою на обѣдъ полагается $1\frac{1}{2}$ часа. Всѣ работаютъ на своихъ харчахъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, забираютъ, въ счетъ заработной платы, въ заводской конторѣ. Что касается заработной платы, то, по показаніямъ рабочихъ, литейщики, работающіе сдѣльно, зарабатываютъ въ мѣсяцъ отъ 7 до 10 руб. Поденныя работы оплачиваются приблизительно такъ: слесаря въ день зарабатываютъ отъ 20 до 70 к., кузнецы — отъ 30 до 60 к., столяры — отъ 20 до 70 к. и чернорабочіе отъ 15 до 30 к. Въ общемъ средній заработокъ рабочаго не превышаетъ 11 руб., а чернорабочаго — 6 р.

Принимая во вниманіе дороговизну продуктовъ, а также и то обстоятельство, что заводъ, въ среднемъ, работаетъ не болѣе 8 мѣсяцевъ въ году, заводскіе заработки не только не обезпечиваютъ населеніе, но не даютъ даже ему возможности быть всегда сытымъ, доказательствомъ чему служить бѣгство жителей изъ мельниковскаго района, розыскъ стороннихъ заработковъ наличнымъ населеніемъ и громадная задолженность конторѣ и частнымъ лицамъ.

Мельниковскій районъ еще болѣе, чѣмъ мальцевскій, требуетъ коренныхъ реформъ въ жизни горнозаводскихъ рабочихъ, въ смыслѣ надѣленія ихъ въ достаточномъ количествѣ землю на правахъ крестьянъ-

собственниковъ. Мельниковскимъ райономъ мы и заканчиваемъ свои очерки Края «долбни» и «картошки». Для болѣе полного о немъ представленія сопоставимъ его еще съ *европейскимъ райономъ* этого края, гдѣ заводская промышленность организована, какъ говорится, на началахъ послѣдняго слова заводской культуры, сравнительно съ русско-патріархальнымъ строемъ (мальцевскія владѣнія) и съ первобытнымъ (мельниковскій районъ), если можно такъ выразиться.

Проѣзжая по Риги-Орловской желѣзной дорогѣ темною ночью возлѣ станціи «Бѣжица», первой за «Брянскомъ» по направленію къ Ригѣ, нельзя не обратить вниманіе на довольно сильный свѣтъ, проникающій въ вагонъ. Если вы, заинтересованные этимъ явленіемъ, заглянете въ окно, то увидите довольно эффектную картину: изъ высокихъ трубъ и доменныхъ печей поднимаются голубоватаго цвѣта огненные языки, освѣщая значительное пространство, на которомъ выступаютъ темные силуэты большихъ зданій. Нѣтъ сомнѣнія, что въ вагонѣ найдетъ лицо, которое на вашъ вопросъ объяснитъ, что это — Брянскій рельсопрокатный заводъ, который также называется «губонинскимъ» *) и «бѣжецкимъ» заводомъ.

Заводъ этотъ — одно изъ громаднѣйшихъ и богатѣйшихъ предпріятій въ цѣлой Россіи. Оно постав-

*) «Губонинскимъ» называется онъ потому, что основанъ Губонинымъ, который строилъ и Орловско-Витебскую жел. дорогу. Затѣмъ образовалось акціонерное общество. Заводъ расположенъ при р. Деснѣ.

лено на совершенно европейских началахъ и представляетъ единственное въ Брянскомъ уѣздѣ, въ строгомъ смыслѣ слова, капиталистическое предпріятіе, рѣзко отличающееся какъ отъ строя заводовъ мельниковскихъ, такъ и отъ мальцевскаго хозяйства. Брянскій заводъ явился одновременно съ проведеніемъ «Орловско-Витебской», нынѣ «Риго-Орловской» желѣзной дороги. Говорятъ, когда заводъ началъ сооружаться, всѣ диву дались, предвѣщая скорую гибель новому предпріятію. И на первый взглядъ казалось, что скептики были правы. Дѣло въ томъ, что губонинскій заводъ былъ заложенъ въ виду «Паровозной Радицы» Мальцева и вообще бокъ-о-бокъ съ старымъ промышленнымъ райономъ названнаго владѣльца, имя котораго гремѣло на всю Россію. Если даже игнорировать то обстоятельство, что заводы Мальцева изготавляли то же самое, что проектировалъ производить заводъ губонинскій, перевѣсь на сторонѣ первыхъ, главнымъ образомъ, заключался въ томъ, что у Мальцева было все свое и въ громадномъ количествѣ: земли, лѣса, руды, воды, полный контингентъ рабочихъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ; Губонину же надо было все пріобрѣсти, до послѣдняго, какъ говорится, гвоздя *). Но устроители завода знали, что дѣлали. Съ одной стороны, они видѣли, что во враждебномъ лагерѣ нѣтъ ни достаточной энергіи, ни знаній, ни способностей для перехода къ хозяйству на новыхъ началахъ, а съ другой, — что на развалинахъ крѣ-

*) Руда, напримѣръ, доставляется, кажется, изъ Екатеринославской губ., гдѣ, къ слову сказать, имѣется большой рельсопрокатный и чугунолитейный заводъ, принадлежащій этому же Брянскому акціонерному обществу.

постного строя осталась масса голодного и холодного люда, бросавшагося изъ стороны въ сторону, съ цѣлью найти какое-либо примѣненіе своему труду.

Акулицкая волость, въ которую Брянскій заводъ проложилъ рельсовый путь, лежитъ въ западномъ углу Брянскаго уѣзда, на границѣ губерній Смоленской и Черниговской, и представляетъ изъ себя громадное болото, на которомъ еще недавно росли дремучіе лѣса. По окраинамъ этого болота разбросаны около 15 селеній, жители которыхъ находятся въ самыхъ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ. Нѣкогда расчищенная изъ-подъ лѣсовъ распашная земля представляетъ изъ себя или глину, или песокъ, перемежающіеся съ болотами и мочегинами. Ничтожные урожаи на такой почвѣ нерѣдко понижаются еще вслѣдствіе вѣчныхъ инеевъ, тумановъ и раннихъ заморозковъ, которые бываютъ даже въ концѣ іюля, а въ августѣ — весьма часто. При такихъ условіяхъ единственнымъ средствомъ для существованія является лѣсной промыселъ, но, какъ мы уже говорили, лѣсомъ въ Брянскомъ уѣздѣ крестьяне надѣлены весьма скудно, такъ что не только не могутъ промышлять имъ, а должны покупать топливо. Еще въ отдаленныя времена, «когда вольно было красть лѣсъ», — говорили намъ лѣсные обыватели, — почти всѣ занимались лѣсною промышленностью, а теперь это занятіе является доступнымъ лишь нѣкоторымъ, имѣющимъ средства купить необходимый для кустарныхъ издѣлій (сани, обручи, клепка, кадушки и т. п.) матеріалъ; большинство же населенія находится въ тѣсной зависимости отъ лѣсопромышленниковъ, арендующихъ казенные лѣса.

Такія условія не гарантируютъ обывателя Акулицкой волости отъ голода, и если мы познакоимся съ исторією продовольственнаго дѣла въ Орловской губерніи въ земскій періодъ *), то увидимъ, что за все это время выдавались рѣдкіе годы, когда не приходилось оказывать помощь этому несчастному уголку въ суровыхъ лѣсахъ Брянскаго уѣзда.

Уже въ 1867 году брянская управа сообщала орловской губернской земской управѣ, что «вслѣдствіе градобитія, наводненія и общаго неурожая, въ Акулицкой волости явился голодъ: многія семейства не имѣя ни хлѣба, ни овощей, начали питаться одними желудями, отъ употребленія которыхъ обнаруживается опухоль лица, покрывающагося желтизною; бѣдствіе это обнаружилось въ селѣ Акуличахъ и деревняхъ: Болотнѣ, Борковичахъ и Алепи, каковому должно было въ непродолжительномъ времени подвергнуться и все населеніе Акулицкой волости». Къ этому брянская управа присовокупила, что магазиннаго хлѣба тамъ весьма недостаточно, а именно, на цѣлую волость налицо имѣлось 227 четвертей озимаго и 352 четверти ярового хлѣба. Въ виду изложеннаго сообщенія, губернское земское собраніе поручило управѣ непосредственно ознакомиться съ положеніемъ Акулицкой волости и соображенія свои представить очередному собранію 1877 года. Губернская управа отправила двухъ членовъ для личнаго дознанія о матеріальномъ состояніи селеній этой волости и изслѣдованія причинъ несостоятельности крестьянъ къ уплатѣ числя-

*) См. нашу книгу: «Народное продовольствіе въ Орловской губ. въ земскій періодъ. Черниговъ, 1892 г.

щейся за ними недоимки продовольственного капитала въ размѣрѣ 10.650 рублей. Добросовѣстно исполнивъ свою миссію, члены управы представили докладную записку, въ которой выставили слѣдующія причины обѣднѣнія крестьянъ: 1) прекращеніе свободного доступа въ казенные лѣса, какъ это было до 1867 года, и воспрещеніе охоты въ этихъ лѣсахъ; 2) плохіе урожаи; 3) падежи скота и лошадей отъ сибирской язвы; 4) истребленіе домашняго скота волками и медвѣдями, а также уничтоженіе послѣдними яровыхъ посѣвовъ. Для возможнаго улучшенія благосостоянія крестьянъ Акулицкой волости авторы доклада предлагали такія мѣры: 1) ходатайствовать предъ правительствомъ объ отдачѣ крестьянамъ казенныхъ участковъ лѣса для дранья лыкъ по уменьшенной цѣнѣ противъ таксы и съ платою денегъ не впередъ, а по срокамъ, по мѣрѣ вырубки; отдачу эту производить не отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлымъ обществамъ; 2) исходатайствовать разрѣшеніе крестьянамъ имѣть свободный доступъ охотиться въ казенныхъ лѣсахъ; 3) для облегченія охотничьяго промысла открыть продажу пороха при волостномъ правленіи; кромѣ охоты за птицей, крестьяне могли бы болѣе свободно уничтожать и своихъ хищныхъ враговъ — медвѣдей и волковъ.

Коммиссія текущихъ дѣлъ, разсмотрѣвъ докладъ управы и дознаніе членовъ, признавая правильными всѣ заключенія первой о причинахъ обѣднѣнія, нашла, что въ докладѣ упущено одно изъ важныхъ обстоятельствъ, о которомъ упоминается въ дознаніи членовъ, а именно, что семь лѣтъ предъ тѣмъ значительная часть крестьянъ Акулицкой волости предприняла переселеніе въ Самарскую губернію и что опытъ

этотъ оказался крайне неудаченъ, что крестьяне попали въ названную губернію въ голодный годъ; претерпѣвъ всякія лишенія и болѣзни, значительная часть перселенцевъ возвратилась на родину, гдѣ и сдѣлалась большимъ бременемъ для бывшихъ своихъ односельцевъ. Затѣмъ, до 100 человекъ, отправившись на заработокъ въ Кіевскую губернію, потерпѣли тамъ новую неудачу: вслѣдствіе развившагося между ними тифа, до 40 человекъ умерло, а остальные возвратились домой съ пустыми руками.

Коммиссія нашла необходимымъ оказать помощь населенію Акулицкой волости и признала полезными всѣ ходатайства управы, прибавивъ, что на крестьянахъ названной волости, кромѣ 10.650 руб. отсроченнаго долга въ продовольственный капиталъ, числится еще недоимокъ казенныхъ податей 18.000 рублей, отсроченныхъ имъ въ 1872 году по 1877 годъ, въ виду безнадёжности пополненія ихъ. Коммиссія полагала ходатайствовать предъ правительствомъ если не о сложеніи недоимокъ, то о разсрочкѣ ихъ по крайней мѣрѣ на 10 лѣтъ. Она признавала нелишнимъ обратить также вниманіе брянской управы на то обстоятельство, что, по удостовѣренію членовъ управы, доходность земли Акулицкой волости могла бы значительно повыситься, если бы были приняты нѣкоторыя мѣры къ осушенію и расчисткѣ низменныхъ луговъ, часто въ ней встрѣчающихся. Въ случаѣ неуспѣха всѣхъ указанныхъ мѣропріятій, по мнѣнію коммиссіи, остается одно средство, а именно: облегчить, по возможности, переселеніе крестьянъ этой волости въ другія губерніи Россіи, а потому она полагала бы небезполезнымъ поставить на очередь вопросъ о кре-

стьянскихъ переселеніяхъ и о надлежащей организаціи этого дѣла.

Всѣ эти земскія ходатайства остались безъ послѣдствій.

Такія условія, конечно, были благопріятны для основанія большого промышленнаго предпріятія: дремучіе лѣса и нуждающееся населеніе, готовое топливо и готовая рабочая сила. Нѣтъ ничего поэтому непонятнаго въ томъ, почему устроители Брянскаго рельсопрокатнаго завода въ глубь болотъ и дремучихъ лѣсовъ провели широко-колейную желѣзную дорогу. Она называется «Жуково-Акулицкою» и тянется отъ станціи «Жуковки», Риго-Орловской желѣзной дороги, по безлюднымъ мѣстамъ, при чемъ до станціи «Людинки», отстоящей за 40 верстъ отъ «Жуковки», существуетъ правильное сообщеніе: одинъ разъ въ день товаро-пассажирскій поѣздъ идетъ на «Людинку» и одинъ разъ изъ «Людинки» на «Жуковку». Отъ «Людинки» линія идетъ дальше въ дебри Акулицкой волости, но тамъ ходятъ исключительно уже товарные поѣзда. Поселеній по линіи никакихъ нѣтъ, а станціи — первая отъ «Жуковки» «Никольская» и вторая «Акуличи» — представляютъ простые домики въ лѣсу и только «Людинка» имѣетъ видъ селенія, потому что здѣсь находится лѣсная контора Брянскаго завода, лѣсопилка и т. д.

Чтобы не возвращаться болѣе къ Акулицкой волости, теперь же сообщу нѣкоторыя данныя о роли названной желѣзнодорожной линіи и акулицкихъ лѣсовъ въ развитіи дѣятельности рельсопрокатнаго завода. Матеріаломъ для этого послужитъ намъ процессъ брянскаго земства съ заводомъ относительно

обложенія имуществъ послѣдняго, а также личныя наблюденія во время пребыванія моего въ Акулицкой волости. Уже въ журналахъ брянскаго земства за 1882 г. сообщается о «протестѣ» какого-то г. Фойгта «противъ обложенія земскимъ сборомъ желѣзныхъ дорогъ вообще» и въ частности «Жуково-Акулицкой». Въ журналахъ 1890 года имѣется «докладъ о назначеніи комиссіи для переоцѣнки фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ заведеній въ уѣздѣ», въ которомъ говорится также и о Жуково-Акулицкой желѣзной дорогѣ. Контора завода на запросъ управы опредѣлила стоимость ея въ 1.035.055 руб. 45 коп., при чемъ прибавила, что эта сумма составляетъ сумму всѣхъ затратъ, сдѣланныхъ обществомъ со дня основанія дороги, а дѣйствительная опредѣляется за вычетомъ погашенія въ размѣрѣ 291.393 р. 31 к., т.-е. дѣйствительная стоимость дороги опредѣляется суммою въ 743.662 р. 14 к. Далѣе слѣдуетъ протестъ директора завода на практикуемое управою исчисленіе 10% доходности, потому что дорога «построена спеціально для заводскихъ надобностей и только приурочивается къ этимъ послѣднимъ». Въ докладахъ управы за 1893 г. опять имѣется весьма интересный докладъ по поводу той же оцѣнки дороги. Приведя рѣшеніе сената «объ исключеніи изъ предметовъ обложенія земскимъ сборомъ вѣтви Жуково-Акулицкой желѣзной дороги, устроенной въ Рославльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, брянская управа говоритъ: «это обстоятельство не даетъ повода исключать изъ оклада главную Жуково-Акулицкую дорогу, пролегающую по Брянскому уѣзду. Дорога эта составляетъ одно изъ цѣнныхъ сооруженій Брянскаго рельсопрокатнаго завода и, спо-

собствуя его производительности доставленіемъ лѣсныхъ матеріаловъ и прочаго, должна увеличивать цѣнность заводскихъ имуществъ въ размѣрѣ своей стоимости; но этого мало: Брянская Жуково-Акулицкая дорога имѣетъ и самостоятельное значеніе въ торговомъ отношеніи: она устроена преимущественно для эксплуатаціи лѣсныхъ дачъ, приобретаемыхъ Обществомъ завода у казны и частныхъ лицъ; на ней имѣется обширный паровой лѣсопильный заводъ, разрабатывающій ежегодно сотни тысячъ кряжей на различные матеріалы, которые частью распродаютъ на мѣстѣ, а главнымъ образомъ направляются въ центры лѣсной торговли, слѣдуя по этой самой дорогѣ ежедневно десятками вагоновъ, а именно за счетъ Брянскаго рельсопрокатнаго завода перевезено со станціи «Жуковки» лѣсныхъ матеріаловъ: въ 1890 году 1.657 вагоновъ, въ общемъ вѣсомъ въ 1.151.380 пудовъ, и въ 1891 году 1.478 вагоновъ, въ общемъ вѣсомъ въ 1.028.160 пудовъ. А потому,—основательно говоритъ управа,—означенная дорога, какъ сооруженіе, приносящее довольно крупный доходъ, отъ обложенія земскимъ сборомъ изъята быть не можетъ».

Мы полагаемъ, что приведеннаго достаточно, чтобы уяснить значеніе Акулицкой волости для Брянскаго рельсопрокатнаго завода и чтобы понять цѣнность Акулицкой желѣзной дороги. Закончимъ пока свѣдѣнія о дѣятельности завода въ Акулицкой волости данными, полученными нами на мѣстѣ въ текущемъ году.

Людиновская контора сообщила, что заводомъ ежегодно вырубается—при сплошной рубкѣ—350 дес., за каковыя казнѣ уплачивается 12.250 руб. Изъ этого количества лѣса получается до 7.000 кубическихъ са-

женъ дровъ и до 10.000 кряжей; вырубка первыхъ обходится въ 15.000 р., а вторыхъ въ 5.000 руб. По словамъ мѣстныхъ жителей, лѣсъ рубится настолько «часто», что на вырубленныхъ мѣстахъ трудно ожидать даже въ далекомъ будущемъ прежнихъ дремучихъ лѣсовъ,—остаются одни непроходимыя болота, поросшія густою зарослью. Теперь заводъ сдалъ казнѣ свою Жуково-Акулицкую дорогу: теперь, говорятъ, она не нужна ему *). Теперь перейдемъ къ ознакомленію съ самимъ Брянскимъ рельсопрокатнымъ заводомъ.

Брянскій рельсопрокатный заводъ, несмотря на свою молодость, сравнительно съ промышленными районами мельниковскимъ и мальцевскимъ, представляетъ въ настоящее время громадное предпріятіе, совершенно затмившее своихъ предшественниковъ. Если быстро перенестись изъ района старой промышленности на брянскій рельсопрокатный заводъ, то получится, вѣроятно, такое же впечатлѣніе, какъ если бы изъ какой-нибудь Чухломы попасть, напримѣръ, въ Манчестеръ или Ливерпуль. Насколько тамъ видимо все трещить по швамъ, ясно замѣтны матеріальные недостатки, отъ всего несетъ стариною, дряхлостью, неповоротливостью, настолько здѣсь все ново, все кипитъ, блеститъ. Въ

*) Теперь почти уже перешли къ нефтяному и каменноугольному топливу, которое выгоднѣе дровяного, несмотря на то, что нефть и каменный уголь доставляются издалека по желѣзной дорогѣ. Говорятъ, что заводъ ранѣе потреблялъ ежедневно до 30 вагоновъ топлива, т.-е. до 60 куб. саж., на сумму до 700 руб., а въ мѣсяцъ, слѣдовательно, на 21.000 руб. и въ годъ 108.000 руб.

старомъ районѣ еще царить закоптѣлая керосиновая лампочка и примитивная водяная сила, которая, когда пожелаетъ *), съ поэтическимъ шумомъ, не спѣша, приводитъ въ движеніе неуклюжія колеса, заставляющія въ свою очередь работать устарѣлыя машины; а въ новомъ промышленномъ центрѣ—вездѣ электричество и паръ, работающіе безъ усталости и отдыха. Но, помимо несравненнаго превосходства въ производительности, внутреннее благоустройство рельсопрокатнаго завода рѣзко отличаетъ его отъ старыхъ промышленныхъ районовъ. Въ новомъ центрѣ имѣется пять школъ**), библіотека***), клубъ, магазины, выписываются въ значительномъ количествѣ газеты, журналы, устраиваются народныя чтенія съ туманными картинами, имѣется больница****), организовано Общество потребителей и т. д. и т. д.

Да, все это очень заманчиво! Если, по сравненію съ новымъ, микроскопическимъ кажется старое заводское же хозяйство, то насколько же ничтожно производство кустарное, мужицкое! Какъ жалокъ и смѣшонъ

*) Кому неизвѣстно, что сильныя разливы или упадокъ воды нерѣдко прекращаютъ дѣйствіе заводовъ, работающихъ водою.

**) Начальное съ 418 учащимися, женское училище съ 220 учащимися, цер.-прих. со 100 учащимися и платное училище съ 60 учащимися. Кромѣ того имѣются частныя школы.

***) Въ ней насчитывается 2.400 отдѣльныхъ сочиненій и до 2.000 періодическихъ изданій прошлыхъ лѣтъ. Подписчиковъ въ библіотекѣ до 300.

****) Зданіе больницы по земской оцѣнкѣ показано стоимостью въ 25.040 руб.

этотъ кустарь! Вотъ онъ, при свѣтѣ лучины или тусклой масляной лампочки, сидитъ въ тѣсной грязной избушкѣ и что-то ковыряетъ примитивнымъ орудіемъ. Долго уже онъ ковыряетъ, а въ концѣ концовъ продаетъ свое «производство» за мѣдный грошъ, чтобы накормить этихъ ребятъ, которые спятъ теперь по всѣмъ угламъ хаты, укрывшись жалкими лохмотьями отъ зимняго холода съ выюгою, жалобно завывающею за ветхими стѣнами избы. А тамъ, на заводѣ тепло и ярко до ослѣпленія, тамъ, за время, которое затрачено на какое-нибудь «кустарное издѣліе», онъ, кустарь, получилъ бы десятки рублей; былъ бы онъ сытъ и пьянъ и не нуждался бы въ этой сырой избенкѣ, не слышалъ бы дѣтскаго плача и сѣтованій больной жены...

Все, повидимому, говорить въ пользу новаго заводскаго хозяйства, но только «повидимому», до тѣхъ поръ, покуда мы поверхностно осматриваемъ грандіозное предпріятіе, любимся торжествомъ ума человѣческаго. Но стоитъ углубиться въ смыслъ заводской жизни, какъ сейчасъ же раздумье беретъ...

Зайдемте ночью въ казарму. Здѣсь въ каждой комнатѣ помѣщается по двѣ семьи. Лица обоого пола и всякихъ возрастовъ спятъ вплотную другъ возлѣ дружки. Нужно ли говорить, какія послѣдствія являются отъ такого рода условій *).

*) Помимо казармъ, существуетъ еще довольно значительное количество отдѣльныхъ домовъ для рабочихъ, цѣлностью (страховая оцѣнка) отъ 600 и почти до 3000 р. Конечно, дома

Но вотъ свистокъ. Надо идти на работу. Она продолжается, включая перерывъ въ $1\frac{1}{4}$ ч. на обѣдъ, 12 часовъ. За все это время каждый исполняетъ одну какую-либо работу. Помимо этихъ 12 часовъ, нерѣдко работаютъ еще часовъ шесть сверхъ срока, за что полагается особая плата какъ за 12-часовой трудъ.

Отдохнувъ послѣ смѣны, заводскій опять принимается за ту же самую работу—и такъ всю жизнь! Для такого труженика не существуетъ ни времени дня, ни времени года: не все ли равно для него—зима ли на дворѣ или осень, свѣтитъ ли на небѣ яркое солнышко, согрѣвая вселенную, или луна обливаетъ землю своимъ серебристымъ свѣтомъ; для него безразлично—покрылись ли поля свѣжею зеленью или уже желтѣютъ колосы, весело ли шумитъ зеленый лѣсъ или уже сбрасываетъ свои украшенія, приготовляясь къ зимнему сну. Въ концѣ концовъ человѣкъ превращается въ машину, и когда выпадетъ время небольшого отдыха, единственное развлеченіе видитъ онъ въ алкоголь. Ему нѣтъ времени посѣщать заводскіе клубы и библіотеки и другія общественныя учрежденія, да и мозги его дѣйствуютъ слабо отъ изсушающей работы *).

эти—прекрасная вещь, и рабочіе употребляютъ всѣ усилія выбраться въ нихъ изъ казармъ. Но условія пріобрѣтенія домовъ довольно затруднительны. Заводъ даетъ землю, лѣсной матеріалъ и, кажется, нѣкоторую сумму на возведеніе дома. Долгъ за все это вычитается изъ заработка въ теченіе условнаго времени владѣнія (9 или 12 лѣтъ), по истеченіи котораго, если не заключено новаго условія, рабочій обязанъ строеніе свое продать заводу.

*) Мы, конечно, не говоримъ о рѣдкихъ исключеніяхъ въ заводской средѣ, о тѣхъ, которые, будучи поставлены въ бла-

Высказанныя мысли невольно приходили мнѣ въ голову, когда я, при посредствѣ опроса значительной части заводскаго люда, познакомился съ внутреннимъ духовнымъ содержаніемъ его жизни. Матеріальныя условія также не представляютъ чего-либо слишкомъ завиднаго. Пожалуй, для крестьянскаго населенія, живущаго внѣ завода и работающаго на него, заработокъ, какъ подспорье къ земледѣльческому хозяйству, представляется болѣе цѣннымъ и выгоднымъ, чѣмъ для настоящаго рабочаго, трудящагося въ заводскихъ мастерскихъ и получающаго много больше крестьянина *). Очень многіе крестьяне ближайшихъ и отдаленныхъ деревень намъ прямо говорили, что «кабы не заводъ—намъ умирать бы пришлось».

И это не удивительно, если мы вспомнимъ тяжелое экономическое положеніе населенія края «долбни» и «картошки». Выгода небольшого заработка для крестьянина заключается въ томъ, что онъ, во-первыхъ, какъ мы уже сказали, служитъ плюсомъ къ имѣющемуся, хотя бы и ничтожному, хозяйству, а во-вторыхъ, крестьянинъ можетъ свободно располагать своею платою съ точки зрѣнія пріобрѣтенія необходимыхъ продуктовъ. Дѣло въ томъ, что прежде всего заводскому рабочему нѣтъ времени заниматься своимъ хозяйствомъ, а нерѣдко—нѣтъ возможности. Но если бы и не встрѣчалось препятствій имѣть дѣло съ рынкомъ,

гопріятныя условія, отличаются высокимъ, сравнительно, умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ.

*) Поденная плата на заводѣ начинается, кажется, отъ 50 коп. При сдѣльной платѣ, каковую получаютъ всѣ рабочіе мастерскихъ, говорятъ, мѣсячный заработокъ бываетъ отъ 30 и почти до 150 руб.

при посредствѣ, на примѣръ, жены у семейнаго рабочаго, то все же рынокъ не подъ руками. Въ виду всего этого, постояннымъ обитателямъ завода приходится приобретать все въ заводскихъ лавкахъ и магазинахъ. Обыкновенно бываетъ такъ, что въ концѣ мѣсяца рабочій получаетъ лишь часть заработной платы, такъ какъ при этомъ удерживается сумма стоимости всѣхъ забранныхъ имъ товаровъ. Поэтому, получивъ немного наличною суммою, заводскій тутъ же беретъ и талоны для забора въ долгъ необходимаго въ заводскихъ лавкахъ, каковой долгъ, на основаніи представленныхъ магазинами талоновъ, въ будущемъ мѣсяцѣ и вычтется изъ заработной платы, и т. д.

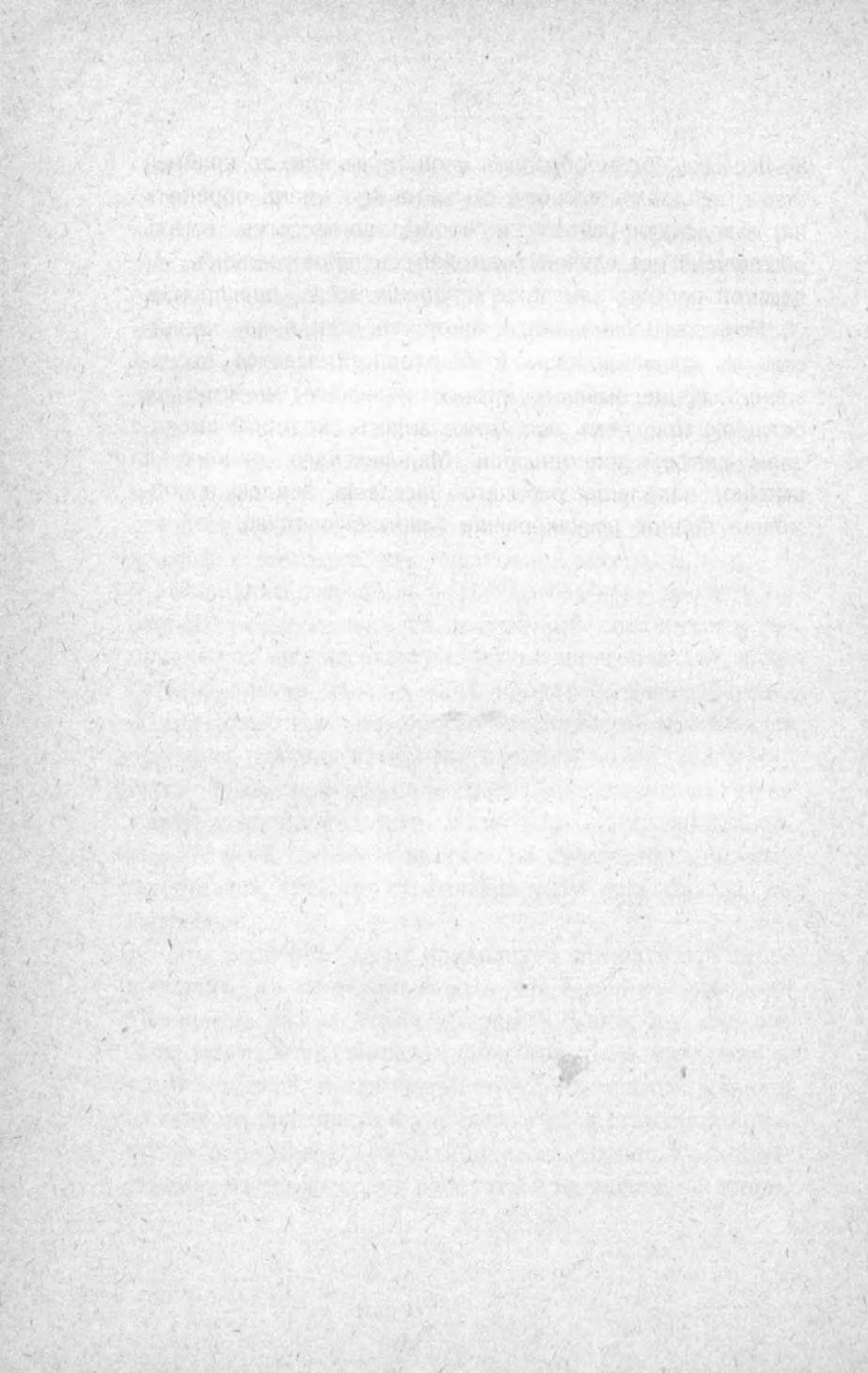
Если представляется болѣе выгоднымъ работать на заводѣ, не зачисляясь въ постоянный контингентъ рабочихъ, то еще несравненно лучше пользоваться заработной платою только какъ придаткомъ къ собственному хозяйству, не бросая послѣдняго. Главная и основная разница между той и другой категоріей мѣстныхъ обывателей та, что заводскій людъ, не имѣя своего угла, своего, хотя и ничтожнаго, хозяйства, въ теченіе всей жизни мыкается по свѣту. Вотъ почему замѣчается сильное стремленіе уйти изъ завода въ деревню.

Это особенно часто приходится слышать отъ перешедшихъ въ Брянскій заводъ съ бывшихъ заводовъ Мальцевскихъ, населеніе которыхъ, какъ мы уже писали, надѣляется землею. Они только и мечтаютъ о томъ моментѣ, когда урегулируется земельный вопросъ на старомъ пепелищѣ и улучшатся дѣла стараго района, чтобы перекочевать обратно и тамъ, занимаясь хозяйствомъ, въ то же время работать и на заводахъ, чтобы,

во-первыхъ, разнообразить свой трудъ или, по крайней мѣрѣ, не всѣхъ членовъ семьи на всю жизнь обречь на заводскую работу, и чтобы, во-вторыхъ, имѣть обезпеченіе на случай возможныхъ пріостановокъ заводской работы или даже крушенія всего предпріятія.

Изъ всего сказаннаго ясно, что если новое хозяйство въ краю «долбни» и «картошки» ведется несравненно лучше бывшаго крѣпостническаго, мы все-таки остаемся при тѣхъ же пожеланіяхъ, которыя высказали ранѣе, при описаніи Мальцевскаго района, а именно: надѣленіе рабочаго населенія землею и возможно полное регулированіе заводскаго труда.

Въ родномъ гѣздѣ

И. С. Тургенева.

— А вотъ и Спасское!—весело сказалъ мой возница, указывая кнутовищемъ на виднѣвшееся вдаль селеніе.

Какъ ни обыденна такая фраза при поѣздкахъ, но она удивила меня. Дѣло въ томъ, что возница мой представлялъ изъ себя апатичнѣйшее созданіе, для котораго, казалось, все вокругъ совершающееся было по меньшей мѣрѣ безразлично. Съ нимъ я объѣздилъ не мало селъ и деревень, но ни разу не предупредилъ онъ меня относительно названія селенія безъ вопроса съ моей стороны, а тѣмъ болѣе не выказывалъ никакой радости, не проявлялъ оживленія. Обыкновенно, когда я, закончивъ перепись въ данномъ селеніи, садился въ телѣгу, чтобы ѣхать въ слѣдующее, возница сурово спрашивалъ: «А теперь куды везть?» и, получивъ отвѣтъ, онъ дергалъ вожжами и, не произнося болѣе ни единого слова, шагомъ везъ по адресу и произносилъ «тппр...» только передъ избою сельскаго старосты.

— А вы знаете Спасское?—воспользовался я настроеніемъ возницы, чтобы побесѣдовать на интересовавшую меня тему.

— Какъ не знать! Кто его не знаетъ! А вы развѣ не слышали?

— Нѣтъ, ничего не слыхалъ,—отвѣтилъ я, чтобы дать возможность самому возницѣ сообщить достопримѣчательности Спасскаго.

— Чѣмъ же оно славится?—спрашиваю возницу.

— Баринъ больно хорошъ былъ.

— Какой баринъ?

— Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ.

Такой отвѣтъ окончательно изумилъ меня. Обыкновенно воспоминанія крестьянъ—да и то, собственно говоря, стариковъ—не простираются далѣе тѣхъ господъ, въ крѣпостной зависимости которыхъ они находились, а разъ имѣнье перешло къ новымъ владѣльцамъ, то, въ большинствѣ случаевъ, фамиліи послѣднихъ они не знаютъ, вѣдаясь по дѣламъ съ какимъ-либо приказчикомъ, котораго называютъ по имени, отчеству, или перевираютъ эти фамиліи до совершенной неузнаваемости. Между тѣмъ, возница былъ изъ другой волости, а послѣдній разъ Тургеневъ посѣтилъ свое родовое имѣніе, кажется, въ 1881 или 1882 году, т.-е. 11—12 лѣтъ тому назадъ, владѣнія его перешли въ другія руки, а память осталась.

— Чѣмъ же баринъ хорошъ былъ?

— Усѣмъ... Нашего брата не обиждалъ...

— Чтò же это баринъ дѣлалъ?

— Да усѣ; только рѣдко живалъ здѣсь...

— А гдѣ же онъ жилъ?

— На теплыхъ водахъ...

— Значитъ, его никто и не видалъ?

— Какъ можно! Онъ сюды пріѣзжалъ, поди, кажинъ годъ.

— Какъ же онъ не обижалъ?

— Да такъ... Вотъ хоть бы эта часовня—видите?

Возница опять ткнулъ кнутовищемъ по направленію къ бѣлѣвшему предмету въ началѣ села.

— Ну, вижу, такъ что же?

— Супротивъ этой часовни—во-онъ за плетнемъ—кабакъ стоялъ. Кабатчикъ былъ настоящій кровопивецъ и народъ оченно страдалъ. Вотъ, какъ Иванъ Сергѣевичъ пріѣдутъ, къ нему народъ и претъ, особливо бабы: «Смилуйся, говорятъ, баринъ-батюшка, ослобони отъ кабатчика, не вели ему грабительствомъ заниматься». А баринъ въ отвѣтъ: «Не могу, говоритъ, потому не на моей землѣ кабакъ». Такъ это онъ все говорилъ, говорилъ сколько тому лѣтъ. А потомъ, какъ-то, пріѣхалъ и на зорькѣ по селу идетъ. Какъ увидѣли его,—баринъ былъ высоченный, а голова съ котелъ,—повалили къ нему мужики и бабы, дѣвки и малые ребята. Онъ идетъ, они за нимъ. И подходитъ онъ къ энтому самому мѣсту, гдѣ теперь часовня, и говоритъ: «Ну, робята, будемъ, говоритъ, часовню строить, а какъ, говоритъ, выстроимъ, съ Божіею помощію, говоритъ, можетъ и кабакъ уничтожимъ». Отвалилъ онъ тутъ же сколько тамъ сотенныхъ, и зачали спасовцы часовню строить. А какъ выстроили, Иванъ Сергѣевичъ куды-то въ Питерь, либо что—бумагу подалъ, что супротивъ часовни кабаку быть нельзя. Завопилъ тутъ кабатчикъ—туды-сюды, да ничего не подѣлаешь: такъ кабакъ и снесли... Вотъ эта часовня,—закончилъ свой разсказъ возница, указывая на каменную, выкрашенную въ желтую краску постройку, напоминающую круглую печь, сдѣланную болѣе чѣмъ аляповато. «Этою часовнею» и начиналось село Спас-

ское, вытянувшееся въ одну, чрезвычайно широкую и длинную, поросшую травю улицу, заканчивающуюся усадьбою Ивана Сергѣевича Тургенева.

По переписи, произведенной земскими статистиками въ 1885 г., въ Спасскомъ-Лутовиновѣ числится 54 надѣльныхъ и 10 безземельныхъ семей, т.-е. всего 64 семьи, состоящихъ изъ 365 душъ обоого пола, а именно—199 мужчинъ и 166 женщинъ. Надѣльные семьи получили отъ Ивана Сергѣевича полный надѣлъ, въ размѣрѣ 3-хъ десятинъ на ревизскую душу, какихъ числилось 134, а изъ 10-ти безземельныхъ 5 получили по $\frac{1}{3}$ усадебной земли

Село Спасское-Лутовиново играло большую роль въ жизни великаго писателя *). Вскорѣ послѣ рожденія Ивана Сергѣевича, бывшаго вторымъ въ семьѣ,—говорить біографъ Тургенева,—отецъ его вышелъ въ отставку, съ чиномъ полковника, и поселился въ имѣніи своей жены, селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ... Тамъ провелъ Иванъ Сергѣевичъ первые годы своего дѣтства...

Возвратившись изъ-за границы, семейство Тургеневыхъ надолго поселилось въ Спасскомъ и зажило обычною деревенскою жизнью,—тою дворянскою, просторною, но мелкою жизнью, самая память о которой въ настоящее время почти уже изгладилась. Будущій великій писатель росъ и воспитывался, какъ подобало тогда сыну богатаго помѣщика, подъ присмотромъ гувернеровъ и учителей—швейцарцевъ и нѣмцевъ, до-

*) Къ слову сказать, село это находится въ Орловской губ., Мценскаго уѣзда, Кавергинской волости, въ 10 вер. отъ уѣзднаго города и въ 3-хъ отъ полустанціи Москов.-Кур. ж. д.—«Бастыево», первой за станцію «Мценскъ» по направленію къ Москвѣ.

морощенныхъ дядекъ и крѣпостныхъ нянекъ. Въ воспитаніи главную роль играли языки французскій и нѣмецкій, которымъ Тургеневъ выучился въ раннемъ дѣтствѣ; на русскій языкъ обращалось мало вниманія... Гувернеровъ перебивало въ Тургеневскомъ домѣ очень много; учителемъ, который впервые заинтересовалъ мальчика произведеніемъ русской литературы, былъ крѣпостной камердинеръ его матери, читавшій ему украдкой, гдѣ-нибудь въ саду или въ дальней комнатѣ «Россіаду» Хераскова... Внутренніе распорядки въ Тургеневской семьѣ ничѣмъ не отличались отъ прочихъ. Родители Тургенева, богатые помѣщики, не только къ своимъ крѣпостнымъ людямъ, но и вообще ко всѣмъ домохозяевамъ относились деспотически-сурово, такъ что все въ домѣ, начиная съ дѣтей, постоянно трепетало. Особою строгостью отличался отецъ, обладавшій атлетическою фигурою и большою силою... Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ Тургеневъ говоритъ, что онъ выросъ «среди побоевъ и истязаній»... «Почти все, что я видѣлъ вокругъ себя,—писалъ онъ позже,—возбуждало во мнѣ чувство смущенія, негодованія, отвращенія наконецъ. Надо было или покориться и смиренно побрести общей колеей, по избитой дорогѣ, либо отвергнуть разомъ, оттолкнуть отъ себя «всѣхъ и вся», даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ...» Въ концѣ 1850 г. извѣстіе о смерти матери, скончавшейся въ это время въ преклонномъ возрастѣ, заставило Тургенева вернуться въ Россію для устройства своихъ дѣлъ. Пріѣхавъ въ доставшееся ему, вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ, родовое имѣніе, онъ немедленно отпустилъ всѣхъ своихъ дворовыхъ

на волю, пожелавшихъ крестьянъ перевелъ на оброкъ и всячески содѣйствовалъ успѣху общаго освобожденія. И впослѣдствіи, въ 1861 году, при выкупкѣ, онъ вездѣ уступилъ $\frac{1}{5}$ часть, а въ главномъ имѣніи ничего не взялъ за усадебную землю, что составляло довольно крупную сумму. Въ 1851 году Тургеневъ жилъ то у себя въ имѣніи, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, продолжая «Записки Охотника»... Въ мартѣ 1852 г., за извѣстное письмо по поводу смерти Голя, Тургеневъ былъ посаженъ на мѣсяцъ «на съѣзжую»... По освобожденіи отъ ареста, Тургеневъ былъ высланъ на жительство въ свою деревню Спасское «безъ права выѣзда». Эта ссылка продолжалась до конца 1854 года. Во время ссылки въ деревню Тургеневъ не прекращалъ своей литературной дѣятельности; напротивъ, вынужденное уединеніе заставило его сосредоточиться на умственномъ трудѣ. Онъ жилъ въ деревнѣ, развлекаясь охотой и занимаясь въ своей обширной библіотекѣ, представлявшей очень цѣнное собраніе книгъ по исторіи, философіи и литературѣ, на древнихъ и новыхъ языкахъ.

Въ составъ этого собранія вошла, между прочимъ, вся библіотека Бѣлинскаго, купленная Тургеневымъ послѣ смерти знаменитаго критика. Пребываніе подъ арестомъ и въ деревнѣ, по признанію самого Тургенева, принесло ему пользу, сблизивъ его съ такими сторонами русскаго быта, которыя, при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно, ускользнули бы отъ его вниманія; нѣтъ сомнѣнія, что талантъ его въ это время окончательно окрѣпъ и развился. Въ деревнѣ Тургеневъ написалъ повѣсти: «Два пріятели» и «Затишье»; критическія статьи о «Запискахъ ружейнаго охотника»

С. Т. Аксакова и о стихотвореніяхъ Тютчева и начало комедіи «Мѣсяцъ въ деревнѣ». Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ Тургеневъ, объѣздивъ всю Европу, живя преимущественно въ Парижѣ и Баденъ-Баденѣ, все же время отъ времени заглядывая въ Петербургъ, заѣзжалъ и въ свою Орловскую деревню. Въ концѣ 60-хъ годовъ Тургеневъ «каждый годъ принуждалъ себя, хотя съ очевиднымъ трудомъ, отправляться на зиму или весну въ Россію, и во время этого кратковременнаго прикосновенія къ родной почвѣ, какъ древній Антей, сынъ Земли, набирался новыхъ силъ и новыхъ впечатлѣній для работы».

Принимая во вниманіе все до сихъ поръ приведенное, а ргіогі можно предположить взаимное вліяніе села Спасскаго на Тургенева и обратно. Что касается лично меня, то, получивъ возможность побывать въ родномъ гнѣздѣ великаго писателя, я не сомнѣвался найти въ немъ еще неизглаженные слѣды жизни Тургенева, несмотря на то, что былъ я въ Спасскомъ черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти бывшаго владѣльца. Возможно ли,—думалъ я,—чтобы Тургеневъ не бралъ матеріала изъ непосредственно окружавшей его жизни? Возможно ли, чтобы эти «134 ревизскія души», изъ которыхъ многія были крѣпостными Тургеневыхъ, не обратили на себя вниманіе писателя, а бралъ онъ типы свои исключительно на сторонѣ? А разъ онъ бралъ матеріалъ подъ рукою, слѣдовательно, имѣлъ близкія отношенія съ мѣстнымъ населеніемъ, изъ котораго значительная часть должна помнить Тургенева. Въ лицѣ возницы надежды мои оправдались ранѣе, чѣмъ я предполагалъ.

Приѣхалъ я въ Спасское довольно рано, но рѣшилъ весь этотъ день посвятить изученію хозяйственнаго строя бывшаго имѣнія Ивана Сергѣевича, а потому перепись крестьянскаго населенія и составленіе пообщиннаго бланка отложилъ до слѣдующаго дня, тѣмъ болѣе, что раньше необходимо было выяснитъ нѣкоторыя явленія аренды, добыть точныя данныя о ней въ экономіи, гдѣ, какъ мнѣ передавали, велись правильныя записи. Съ этою цѣлью я прямо съ телѣги, въ сопровожденіи сельскаго учителя, помогавшаго мнѣ въ работахъ, и одного молодого крестьянина села Спасскаго, отправился въ усадьбу, бывшую Тургенева.

Какъ я уже сказалъ, она начинается почти тотчасъ за селомъ. Приподнятое настроеніе, когда я очутился въ районѣ мѣстопробыванія великаго писателя, было охлаждено на первыхъ же шагахъ моимъ чичероне — молодымъ крестьяниномъ.

— Вотъ здѣсь когда-то была богадѣльня, устроенная Иваномъ Сергѣевичемъ для престарѣлыхъ дворовыхъ,—сказалъ онъ, указывая на одинъ изъ домиковъ.

— А теперь?

— Теперь здѣсь отведена квартира уряднику...

— А вотъ это, — прибавилъ чичероне, указывая еще на одинъ домикъ, — была школа...

— А теперь?

— Да тоже школа, только дѣчекъ въ ней обучаетъ и почти что ничему не обучаетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы очутились въ паркѣ. Въ самомъ началѣ его я увидѣлъ небольшихъ размѣровъ домъ съ мезониномъ. Половина его, обращенная къ каменной церкви, находящейся недалеко отъ дома — съ низенькимъ балкономъ, на который выходитъ много

оконъ — деревянная, а другая половина — словно пристроенная сзади деревяннаго дома и идетъ отъ него полукругомъ — кажется, каменная. Вотъ въ этомъ-то домѣ и жилъ Иванъ Сергѣевичъ. Внутри зданія мнѣ побывать не удалось, но объ этомъ нечего и жалѣть: въ домѣ ничего нѣтъ, даже и мебели, какъ передавали мнѣ обыватели.

Но если мнѣ не удалось въ совершенствѣ ознакомиться съ домомъ Тургенева, то чудный, громаднхъ размѣровъ паркъ я прошелъ изъ конца въ конецъ и вдоволь насмотрѣлся на обширный прудъ. Мнѣ кажется, что и домъ этотъ, и паркъ, и прудъ описаны въ «Фаустѣ».

«Зато садъ мой,—читаемъ мы въ этомъ произведеніи Тургенева,—удивительно похорошѣлъ: скромные кустики сирени, акаціи, жимолости разрослись въ великолѣпные сплошные кусты; березы, клены — все это вытянулось и раскинулось; липовыя аллеи особенно хороши стали. Люблю я эти аллеи, люблю сѣро-зеленый нѣжный цвѣтъ и тонкій запахъ воздуха подъ ихъ сводами; люблю пестрѣющую сѣтку свѣтлыхъ кружковъ по темной землѣ — песку, ты знаешь, у меня нѣтъ. Мой любимый дубокъ сталъ уже молодымъ дубомъ. Вчера, среди дня, я болѣе часа сидѣлъ въ его тѣни на скамейкѣ. Мнѣ очень хорошо было. Кругомъ трава такъ весело цвѣла; на всемъ лежалъ золотой свѣтъ, сильный и мягкій; даже въ тѣнь проникалъ онъ... а что слышалось птицъ! Ты, я надѣюсь, не забылъ, что птицы — моя страсть. Горлинки немолчно ворковали, изрѣдка свистала иволга, зябликъ выдѣлывалъ свое милое колѣнце, дрозды сердились и трещали, кукушка отзывалась вдали; вдругъ, какъ

сумасшедшій, пронзительно кричалъ дятелъ. Я слушалъ, слушалъ весь этотъ мягкій, слитый гулъ, и пошевелиться не хотѣлось, а на сердцѣ не то лѣнь, не то умиленіе»... «Я поселился въ бывшей твоей комнаткѣ. Правда, солнце въ нее ударяетъ, и мухъ въ ней много, но зато меньше пахнетъ старымъ домомъ, чѣмъ въ остальныхъ комнатахъ. Странное дѣло! Этотъ затхлый, немного кислый и вялый запахъ сильно дѣйствуетъ на мое воображеніе: не скажу, чтобы онъ былъ мнѣ непріятенъ, напротивъ; но онъ возбуждаетъ во мнѣ грусть и, наконецъ, унылость. Я такъ же, какъ и ты, очень люблю старые пугзатые комоды съ мѣдными бляхами, бѣлыя кресла съ овальными спинками и кривыми ножками, засиженныя мухами стеклянныя люстры, съ большимъ яйцомъ изъ лиловой фольги посрединѣ, — словомъ, всякую дѣдовскую мебель; но постоянно видѣть все это не могу: какая-то тревожная скука (именно такъ!) овладѣваетъ мною... Какая-то душевная тишь нашла на меня съ тѣхъ поръ, какъ я поселился здѣсь; ничего не хочется дѣлать, никого не хочется видѣть, мечтать не о чемъ, лѣнь мыслить; но думать не лѣнь: это двѣ вещи разныя, какъ ты самъ хорошо знаешь... Воспоминанія дѣтства сперва нахлынули на меня... Куда я ни шелъ, на что ни взглядывалъ, они возникали отовсюду, ясныя, до малѣйшихъ подробностей ясныя, и какъ бы неподвижныя въ своей отчетливой, опредѣленности... Потомъ эти воспоминанія смѣнились другими, потомъ... потомъ я тихонько отвернулся отъ прошедшаго, и только осталось у меня въ груди какое-то дремотное бремя. Вообрази! Сидя на плотинѣ подъ раkitой, я вдругъ неожиданно заплакалъ и долго бы проплакалъ, не-

смотря на свои преклонныя лѣта, если бы не устыдился проходившей бабы, которая съ любопытствомъ посмотрѣла на меня, потомъ, не обращая ко мнѣ лица, прямо и низко поклонилась и прошла мимо. Я бы очень желалъ остаться въ такомъ настроеніи (плакать, разумѣется, я уже больше не буду) до самаго моего отъѣзда отсюда, т.-е. до сентября мѣсяца, и очень былъ бы огорченъ, если бы кто-нибудь изъ сосѣдей вздумалъ посѣтить меня. Впрочемъ, опасаться этого, кажется, нечего; у меня же и нѣтъ близкихъ сосѣдей... А скучать я не буду. Я привезъ съ собой нѣсколько книгъ, и здѣсь у меня библіотека порядочная»...

Повторяю, быть можетъ, я и ошибаюсь, но почему-то въ Спасской усадьбѣ Тургенева на мысль приходитъ это мѣсто изъ «Фауста», почему-то кажется, что о себѣ писалъ онъ приведенныя строки, здѣсь именно испытывалъ тѣ ощущенія. Такъ вотъ и представляется, что въ этомъ домѣ находится описываемая «комнатка», куда «солнце ударяетъ, и мухъ въ ней много». А тутъ вотъ и «садъ»; вотъ они «березы, клены», вотъ чудныя «липовыя аллеи»; идемъ въ одинъ изъ концовъ этого «сада»: тамъ прудъ—и не эта ли та плотина, гдѣ подъ ракитой вдругъ неожиданно заплакалъ авторъ «Фауста»?.. Все это имѣется, все осталось въ Спасской усадьбѣ.

Управляющаго, котораго мы разыскивали, въ паркѣ не оказалось. Какой-то человѣкъ въ оранжереѣ заявилъ намъ, что онъ на «Петровскомъ хуторѣ», рас-

положенномъ въ одной верстѣ отъ усадьбы *). Крестьянинъ любезно предложилъ проводить насъ и въ этотъ хуторъ. Верста пройдена была совершенно незамѣтно, и вскорѣ мы очутились на громадномъ дворѣ хутора. Еще не доходя до него, встрѣтившійся крестьянинъ сообщилъ, что «управляющій въ скирдахъ». Поэтому мы и направились къ скирдамъ, виднѣвшимся вдали, вправо отъ воротъ хутора, за прекрасною липовою аллеєю. Въ скоромъ времени мы увидѣли вышедшаго изъ риги коренастаго субъекта; русско-европейскій костюмъ его—«пинжакъ», штаны на выпускъ и шапка типа англійскихъ жокеевъ—не могъ скрыть дубоватости, если можно такъ выразиться, субъекта. Замѣтивъ насъ, онъ приблизился и подозрительно съ ногъ до головы осмотрѣлъ наши мирныя фигуры. Поклонившись, я обратился къ управляющему съ покорнѣйшею просьбою дозволить осмотрѣть домъ Ивана Сергѣевича Тургенева.

— Нельзя-съ!—отрѣзалъ онъ.

— Не могу ли узнать причину?..

— Воспрещено-съ... Нельзя-съ, словомъ! Ключъ, конечно, у меня, я бы могъ-съ, но... но... нельзя-съ!

— Въ такомъ случаѣ, не будете ли вы любезны сообщить данныя, которыя мнѣ необходимо собрать по порученію губернской земской управы? Я—земскій статистикъ, а вотъ и удостовѣреніе.

*) Нѣкоторые изъ обывателей передавали, что Петровскій хуторъ «описанъ» въ «Отцахъ и Дѣтяхъ». Мы полагаемъ, что это совершенно неосновательное предположеніе: ни Марьино, Слободка тожъ, Кирсановыхъ, ни Никольское Одинцовой, ни усадьба Базарова, по описанію, не напоминаютъ Петровскаго хутора.

При этомъ изъ бокового кармана кожаной куртки я вынулъ свидѣтельство и предъявилъ грозному управляющему.

Онъ взялъ бумагу и медленно началъ разбирать ее, шепча промежъ себя губами, какъ это дѣлають лица, не особенно искушенные въ грамотѣ. Просмотрѣвъ бумагу, управляющій опять повторилъ свое: «нельзя-съ!»

— Но вѣдь это мнѣ необходимо по дѣламъ службы.

— Не могу-съ!.. Ни одной сажени земли не дозволю осматривать!

— Но мнѣ не земли...

— Н...нне-могу-съ!

Дѣлать было нечего... Мы переглянулись и отправились въ Спасское.

Тяжелое воспоминаніе, произведенное свиданіемъ съ управляющимъ, испортило бы настроеніе духа на весь день, если бы въ селѣ я не очутился въ обстановкѣ, которая на время заставила забыть пребываніе на хуторѣ Петровскомъ. Крестьянская семья, у которой я остановился, оказалась полна воспоминаніями «о добромъ баринѣ» Иванѣ Сергѣевичѣ Тургеневѣ. Эти воспоминанія заполнили все время, покуда мы пили чай.

Прежде всего сынъ хозяина, работающій вмѣстѣ съ другими спасовцами въ Петербургѣ, на водочномъ заводѣ Келлера, сообщилъ, что при каждомъ отъѣздѣ изъ Петербурга въ Спасское и при пріѣздѣ въ столицу спасовцы считаютъ своимъ долгомъ посѣтить могилу Тургенева на Волковомъ кладбищѣ.

— Кто же вамъ указалъ его могилу?—спросилъ я.

— Кто указалъ? Да мы ее сами лучше другихъ

знаемъ: наши вѣдь спасовцы сложились, за 50 рублей вѣнокъ Ивану Сергѣевичу купили и, когда хоронили барина, несли вѣнокъ на шестахъ до самой могилы, а вы—кто указалъ? Мы хорошо знаемъ могилу Ивана Сергѣевича...

Затѣмъ начались воспоминанія изъ жизни Тургенева въ Спасскомъ.

Подтвердивъ все сообщенное возницею о часовнѣ, наши собесѣдники начали припоминать еще факты о добротѣ «барина» и его заботахъ о мужикѣ.

— Обходительный, простой былъ баринъ, — говорилъ одинъ крестьянинъ:—кто хотѣлъ, тотъ и шелъ къ нему—никого не обидить, со всякимъ поговорить привѣтливо и объяснить, что и какъ...

— Добрый былъ, — вспоминалъ другой. — Бывало, пріѣдетъ—сейчасъ къ нему идемъ лѣсу просить, потому у насъ его нѣтъ. Придемъ и скажемъ: здравствуйте, Иванъ Сергѣевичъ!—Здравствуйте, — говоритъ, — что надо?—Лѣску, Иванъ Сергѣевичъ... Вѣдомо дѣло, просимъ мы самую малость; на дровишки или тамъ колъ какой понадобится. А онъ сейчасъ записку пишетъ, что десятины двѣ либо три отпустить. Ужъ мы потомъ рубимъ, рубимъ,—до другого пріѣзду хватить...

Въ это время слышался топотъ копытъ и веселое гиканье ребятъ. Съ быстротою молніи и необыкновеннымъ шумомъ промчались они мимо оконъ избы.

— Кавалерія наша поѣхала, — весело замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Куда это? — спросилъ я.

— Въ ночное.

— А Бѣжинъ лугъ далеко отъ васъ? — невольно

спросилъ я, припомнивъ внезапно, по ассоціаціи идей, «Бѣжинъ лугъ».

— Бѣжинъ лугъ? Нѣтъ, недалеко: верстъ 8—10 отсюда, по р. Снѣжети, въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Бѣжинъ лугъ тоже Ивана Сергѣевича былъ, при деревнѣ Лутовиновкѣ, которая также Слободкою прозывается.

Послышавшіяся пѣсни прекратили нашу бесѣду: бывшіе въ избѣ крестьяне ушли «дѣвокъ слушать», а за ними вышелъ и я на крыльцо избы.

Былъ прекрасный осенній вечеръ. Западъ еще чуть-чуть мерцалъ послѣдними отблесками давно зашедшаго солнца, а все остальное небо приняло уже темно-голубой цвѣтъ и было усѣяно безчисленнымъ множествомъ звѣздъ. Въ темнѣвшихся за ракидами избушкахъ мерцали огоньки; со всѣхъ сторонъ неслись звонкіе голоса крестьянскихъ дѣвушекъ, «игравшихъ свадьбы» или, скорѣе, преддверіе свадебъ, которыхъ, благодаря урожаю 1894 года, предвидѣлось значительное число.

Долго я любовался этою деревенскою картиною и только около одиннадцати часовъ отправился спать, чтобы на зарѣ опросить все населеніе и добыть данныя для статистики и біографіи Ивана Сергѣевича. Но, увы!—это мнѣ не удалось.

Когда я и учитель почти уже раздѣлись, въ избѣ внезапно появился управляющій въ сопровожденіи трехъ субъектовъ съ солидными палками и сельскаго старосты. Вошедши, онъ, съ унтерскою грубостью, потребовалъ у меня «паспортъ».

Сначала я думалъ не исполнить требованія упра-

вляющаго, который добровольно отправлялъ несвойственную ему обязанность, но мысль, что населеніе заподозритъ меня въ нелегальности, что это обстоятельство заставитъ меня временно прекратить изслѣдованія, заставила меня предъявить «добровольцу» свои бумаги, которыхъ было цѣлыхъ три: отъ губернской земской управы, отъ уѣздной мценской и отъ мценскаго исправника.

Разсмотрѣвъ бумаги, насколько позволяла грамотность, управляющій, возвращая мнѣ ихъ, зычно произнесъ: «Да что мнѣ эти бумаги! Мало ли есть теперь тайныхъ типографій, въ которыхъ разныхъ бумагъ можно наготовить сколько угодно... Мало ли ѣздитъ разныхъ людей, которые являются надувать крестьянъ»...

Я потребовалъ отъ старосты, чтобы онъ составилъ протоколъ, но растерявшееся начальство только низко кланялось, Богомъ клянясь, что «этихъ дѣловъ не знаетъ», а «доброволецъ» продолжалъ: «Вы смуту въ народѣ производите, уже и теперь говорятъ о надѣлѣ земли»...

Затѣмъ, обратясь къ старостѣ, управляющій потребовалъ, чтобы тотъ мчался въ волость и заявилъ о пріѣздѣ неизвѣстныхъ лицъ...

Не знаю, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы меня не осѣнила мысль послать съ нарочнымъ телеграммы на имя мценскаго предводителя дворянства и предсѣдателя орловской губернской земской управы *). По

*) Опасеніе «бунта» со стороны крестьянъ вслѣдствіе «разспросовъ»—явленіе нерѣдкое. Въ глуши Брянскаго уѣзда одинъ «помѣщикъ» написалъ мнѣ слѣдующее письмо, которое привожу дословно: «М. Г.! собираемая вами свѣдѣнія, какъ я

крайней мѣрѣ «добровольецъ» вышелъ, сильно хлопнувъ дверью, лишь послѣ того, какъ я началъ составлять телеграммы, потребовавъ отъ старосты отвезти ихъ на полустанцію «Бастыево». Ушли также и провожаемые управляющаго, и остался лишь староста, начавшій успокаивать меня и убѣждать, чтобы я не обращалъ вниманія на только-что происшедшую сцену.

Я такъ былъ взволнованъ, что не могъ спать; учитель тоже всю ночь ворочался съ боку-на-бокъ, совершенно ошарашенный управляющимъ. О переписи нечего было и думать, такъ какъ со стороны «добровольца» возможенъ былъ скандалъ такого характера, что пришлось бы и вовсе прекратить работы, тѣмъ болѣе, что онъ, между прочимъ, говорилъ: «Когда вы были въ усадьбѣ, тамъ пребывали помѣщики, пріѣхавшіе на охоту: они удивлялись, какъ я выпустилъ васъ изъ усадьбы, почему я васъ не арестовалъ» (!).

Принимая все это во вниманіе, я на зарѣ составилъ пообщинный и уѣхалъ изъ Спасскаго.

Путь лежалъ возлѣ усадьбы Тургенева. Поровнявшись съ нею, возница быстрѣ погналъ лошадь, оглядываясь назадъ, словно опасаясь чего-то. И мнѣ въ этотъ моментъ припомнилась вся исторія пребыванія въ Спасскомъ, припомнилась—и тяжелая дума легла на сердце. Боже!—думалъ я:—давно ли жилъ здѣсь

полагаю для статистики, показываются Вамъ невѣрно—въ чемъ я сейчасъ убѣдился. Совѣтую Вамъ избрать лицо, при присутствіи котораго не могли бы солгать показатели. Въ противномъ случаѣ поѣздка Ваша будетъ безъ всякаго успѣха. *Можетъ произойти бунтъ...* Крестьяне по ихъ тупоумію полагають, что Вы пріѣхали надѣлать ихъ землями, кои отобрать отъ помѣщиковъ... *Въ случаѣ надобности готовъ слушать потрентіэнизмъ* (?). Конечно «бунта» никакого не было.

одинъ изъ лучшихъ людей, великій писатель земли русской? Здѣсь онъ лелѣялъ великую мечту объ освобожденіи народа изъ рабства, здѣсь онъ бывалъ и тогда, когда наступило и осуществилось величайшее событіе нашей жизни—освобожденіе крестьянъ, стремясь, насколько возможно, поднять умственный и экономическій уровень народа. Но прошло десять лѣтъ со смерти бывшаго владѣльца с. Спасскаго, только де-сять лѣтъ—и чтó мы видимъ? «Въ Вольтеры» крестьянамъ «данъ унтеръ»... Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!...»

Какъ бы въ подтвержденіе полной основательности моего отчаянія, въ городѣ мнѣ было сообщено содержаніе «донесенія», посланнаго на меня изъ с. Спасскаго. Оно такъ характерно, что считаю небезынтереснымъ привести его буквально, сохраняя подлинную орфографію:

«Покорнейше прошу, отъветить действительны ли Лица Явившіяся въ Село Спаское и заявившія, что онѣ Командированы Орловскимъ Губернскимъ Комитетомъ для повѣрки размежеванія Крестьянской и владѣльческой земли, а равно и всего урожая сего 1894 г. предъявили документы но я въ подлинности у сумнился Лица эти безъ формы сегодня ночуютъ въ сѣле Спасское-Лутовиново. 21 Августа. 10 ч. 40 м. ночи» *).

Умственный и нравственный уровень автора этого «донесенія», полагаю, не требуетъ комментаріевъ...

*) Это «донесеніе» въ то же время можетъ служить объясненіемъ того обстоятельства, что въ Орловской губерніи изслѣдованъ весьма незначительный процентъ частновладѣльческихъ хозяйствъ. Причина понятна: въ большинство частновладѣльческихъ хозяйствъ положительно нѣтъ доступа.

Проклятый хѣмецъ.

Однажды позднимъ осеннимъ вечеромъ, направляясь отъ станціи желѣзной дороги въ одно изъ намѣченныхъ имѣній, мой ямщикъ заблудился, благодаря чему случайно пришлось познакомиться съ такимъ хозяйственнымъ строємъ одного владѣнія, который уяснилъ мнѣ одну изъ причинъ такъ называемаго сельско-хозяйственного кризиса. Объ этомъ-то случайномъ приключеніи я и думаю здѣсь рассказать.

Что мнѣ сразу бросилось въ глаза, такъ это то, что громадный дворъ былъ вымощенъ камнемъ и освѣщенъ нѣсколькими фонарями, укрѣпленными на высокихъ столбахъ. Свѣтъ былъ настолько силенъ, что легко было разсмотрѣть всѣ постройки. Посреди двора высился ярко освѣщенный большой двухъэтажный бѣлый домъ, передъ которымъ виднѣлся круглый цвѣтникъ; влѣво отъ него расположено длинное, тоже бѣлое, зданіе и также ярко освѣщенное. Затѣмъ со всѣхъ сторонъ дворъ застроенъ былъ такими же солидными, бѣлыми, вѣроятно, каменными постройками, и все большими.

Къ тому длинному зданію, которое виднѣлось влѣво отъ барскаго дома, мы и подѣхали. Это, оказалось, была контора.

Пославъ ямщика просить о дозволеніи переночевать, я съ душевнымъ трепетомъ ожидалъ отвѣта, при чемъ раздумывалъ, что предпринять, если отвѣтъ будетъ отрицательный?

Къ счастью, я скоро убѣдился въ совершенно благопріятныхъ обстоятельствахъ. Семень—такъ звали ямщика—возвратился въ сопровожденіи конторскаго сторожа съ фонаремъ. Послѣдній заявилъ, что меня «покорнѣйше просятъ пожаловать», а когда я слѣзъ съ телѣги, взялъ мои вещи и пошелъ за мною въ контору. Здѣсь въ прихожей меня встрѣтилъ видный, свѣжій блондинъ, лѣтъ 45, одѣтый въ прекрасно сидѣвшую на немъ сѣрую пиджачную пару. Бросивъ взглядъ на мой весь облѣпленный грязью костюмъ, онъ улыбнулся, предложилъ прежде всего оправиться съ дороги. Комната, которая указана мнѣ была для приведенія въ порядокъ туалета, изобиловала всѣми удобствами: большое трюмо, великолѣпный умывальникъ, щетки, гребни, полотенца, мягкая мебель и т. д.

Когда я вышелъ въ контору, тамъ уже былъ сервированъ чай съ закускою: сыръ, икра, балыкъ, масло. Въ свѣтлой, чистой, большой комнатѣ царилъ необыкновенный порядокъ; бросались въ глаза телеграфные, телефонные приборы, въ сосѣдней комнатѣ черезъ отворенную дверь виднѣлись полки, шкафы, заполненные книгами, и столъ, на которомъ лежало много газетъ.

— Теперь позвольте отрекомендоваться: Иванъ Карловичъ Утренбергъ, — сказалъ встрѣтившій меня въ

прихожей господинъ, оказавшійся хозяиномъ.—Садитесь и подкрѣпите ваши силы.

Я не заставилъ себя долго упрашивать.

Сейчасъ же началась бесѣда, при чемъ я замѣтилъ, что Иванъ Карловичъ, хотя безукоризненно объяснялся по-русски, но, казалось, словно бы подѣлывалъ каждое слово, опасаясь ошибиться, говорилъ медленно и ясно, отчеканивая каждое слово.

Какъ и слѣдовало ожидать, прежде всего разговоръ зашелъ о нашей сельскохозяйственной культурѣ.

— Удивительно, какъ невысокъ нашъ хозяйственный уровень,—сказалъ Иванъ Карловичъ.

— Но о вашемъ имѣніи, кажется, этого сказать нельзя.

— Я нѣмецъ,—отвѣтилъ онъ, улыбнувшись.

— Вы иностранный подданный?

— Нѣ-етъ! Еще мой прадѣдъ, кажется, поселился въ Россіи, и всѣ мы были управляющими: и прадѣдъ, и дѣдъ, и отецъ, и я; точно такъ же всѣ мы высшее образованіе получили въ Германіи. Что касается меня, то я учился въ Гейдельбергѣ.

— Вамъ, конечно, приходилось проводить параллель между русскимъ и германскимъ хозяйствомъ?

— О, да!

— Ну-съ?

— По-моему, нашимъ хозяйствамъ, по крайней мѣрѣ въ ихъ настоящемъ видѣ, конечно, грозитъ неминуемая гибель.

— Вы думаете?

— Да вѣдь это ясно, какъ дважды-два четыре. При высокой германской культурѣ, тамъ доходъ въ 4% годовыхъ считается весьма солиднымъ. Между тѣмъ,

у насъ, при культурѣ почти примитивной, 4% только вносится въ банкъ, такъ какъ все имѣніе заложено, слѣдовательно, чтобы только дойти до уровня германскаго владѣльца, необходимо получать 8%, но такой доходъ совершенно немыслимъ. Такимъ образомъ, эти недостающіе 4% необходимо достать гдѣ-нибудь, иными словами, перезакладывать имущество, кредитоваться у частныхъ лицъ и т. д., и т. д.

— Этого, однако, мало. Нашъ владѣлецъ живетъ неразсчитливо, вслѣдствіе чего ему надо больше денегъ, чѣмъ германскому: выводъ является самъ собою, и доказательствъ особенныхъ не требуется...

— А вы находитесь въ зависимости отъ тѣхъ же условій?

— Нѣтъ, хотя не знаю, позволятъ ли обстоятельства удержать занятую позицію.

— Въ чемъ же вашъ секретъ, если вопросъ этотъ вы не считаете нескромнымъ?

— О, нѣтъ! Наоборотъ, только широкое распространѣніе всякихъ свѣдѣній можетъ привести къ желательнымъ результатамъ. Но сообщая о «секретѣ», какъ вы выражаетесь, я долженъ сказать, что сначала былъ управляющимъ въ этомъ имѣніи, а затѣмъ, по смерти мужа Анны Николаевны, я женился на ней; это, однако, важно лишь въ томъ отношеніи, что я изучилъ имѣніе такъ, что когда сдѣлался фактическимъ хозяиномъ, могъ безъ промаховъ произвести необходимыя реформы. Я началъ съ продажи половины имѣнія, т.-е. продалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 1.000 десятинъ. Вырученными отъ продажи деньгами я расплатился рѣшительно со всѣми долгами и оставилъ 1.000 десятинъ безусловно чистыми. Затѣмъ я

немедленно перешелъ на многополье, ввелъ травосѣяніе и, соотвѣтственно кормовой площади, расширилъ скотоводство и птицеводство; изъ хлѣбовъ обратилъ вниманіе на пшеницу, сокративъ площадь ржи и овса; наконецъ, практикую посѣвъ промышленныхъ растеній. Все это, однако, не дало сейчасъ же видныхъ результатовъ въ силу массы и внѣшнихъ, и внутреннихъ общихъ условій нашей жизни, а главное — въ силу нѣкоторыхъ, какъ бы такъ выразиться, частновладѣльческихъ традицій, которыя создали такія обстоятельства, что иногда приходилось продавать всевозможные продукты не во-время, когда цѣны на нихъ совершенно неподходящія. Я говорю о той роскоши, которую мы себѣ позволяемъ, не имѣя на то средствъ: проживаніе въ столицѣ, поѣздки на воды, за-границу и т. д. Поэтому надо было сократить до удовлетворенія лишь первостепенныхъ нуждъ, допуская излишества только при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, когда будутъ излишки въ полномъ смыслѣ этого слова. Завоеваніе этой послѣдней позиціи,—добавилъ Иванъ Карловичъ, улыбаясь,—потребовало больше всего времени и энергіи, и все-таки не могу сказать, чтобы долго пришлось устоять на ней: быть можетъ, придется сдаться...

Въ это время вошелъ молодой человѣкъ, очень похожій на Ивана Карловича.

— Мой братъ, Карлъ Карловичъ, — отрекомендовалъ послѣдняго Иванъ Карловичъ: — только что съ университетской скамьи—присматривается къ хозяйству.

Мы поздоровались.

— Усталъ?—спросилъ Иванъ Карловичъ.

— Такъ себѣ.

— Но закусить, конечно, не прочь?

— О, да!

И молодой человѣкъ тотчасъ же сѣлъ за столъ и съ здоровымъ аппетитомъ началъ уничтожать закуски, запивая чаемъ.

— У насъ такъ время распредѣлено: я встаю часовъ въ 6 утра и хозяйничаю до обѣда, до часу, а онъ часовъ съ 2 до 8 и болѣе.

— Значить, непрерывно.

— Да, иначе невозможно... Перейдемъ въ кабинетъ,—предложилъ Иванъ Карловичъ, когда въ контору начали приходить одинъ за другимъ разные служащіе и прежде всего кругленькій старичокъ, оказавшійся «главнымъ конторщикомъ».

Мы перешли въ ту комнату, гдѣ, какъ я сказалъ выше, въ отворенную дверь виднѣлись шкафы, газеты и книги. Уже одинъ поверхностный взглядъ убѣждалъ, что эта библіотека изобилуетъ не только сельскохозяйственною русскою и, главнымъ образомъ, европейскою литературой, но и общею; на столѣ же лежали почти всѣ наши наиболѣе извѣстные газеты и журналы и очень много газетъ нѣмецкихъ.

— Да, ужасно низка культура,—продолжалъ разговоръ Иванъ Карловичъ, въ то время, какъ Карлъ Карловичъ принялся за чтеніе.—Если при такой культурѣ лично не смотрѣть за всѣмъ, то убытокъ получится громадный, пожалуй, большій даже, чѣмъ вслѣдствіе излишней роскоши. Прежде всего, дорогостоящимъ сельско-хозяйственнымъ машинамъ грозитъ скорая и окончательная гибель, потому что покуда крестьянинъ не умѣетъ съ нею обращаться, а затѣмъ

относится къ ней съ предубѣжденіемъ; полное уничтоженіе грозитъ также и скоту, особенно высокимъ его сортамъ; и въ этомъ случаѣ вліяетъ не только неумѣлость ухода, но еще жестокость, являющаяся результатомъ невѣжества: самъ же наложить невѣроятный возъ, самъ плохо запряжетъ или что-либо въ этомъ родѣ, и стоитъ, положимъ, животному не сразу двинуться съ мѣста, какъ начинается просто истязаніе... Наконецъ, помимо того, что я сказалъ, необходимость личнаго ежедневнаго досмотра объясняется невѣроятною бѣдностью населенія, результатомъ чего вѣчныя потравы, хищеніе чужой собственности. Вѣдь все это нищія въ буквальномъ смыслѣ этого слова, и весьма понятно, что вслѣдствіе страшной нужды они вынуждены добывать недостающее къ своему невѣроятно скромному бюджету. Приходится, слѣдовательно, смотрѣть, смотрѣть и смотрѣть... При высокой культурѣ, при широкомъ просвѣщеніи, соединенномъ съ экономической обезпеченностью населенія, доходы наши, всѣхъ владѣльцевъ, поднялись бы неимовѣрно, но этого мы еще не сознаемъ. Я вошелъ въ земство съ особымъ докладомъ по этому поводу...

— Много у васъ бываетъ столкновеній съ окружающимъ населеніемъ?

— Ни одного не было, хотя меня не любятъ за неуклонное преслѣдованіе. Иной разъ мнѣ самому кажется, что наше законодательство не соответствуетъ экономическимъ условіямъ, т.-е. что экономическій уровень населенія настолько низокъ, что для его поднятія я не знаю, что дѣлать. Чтобы вы поняли мою мысль, приведу примѣръ. Когда я

только-что перешелъ отъ трехполя къ многополю, то, между прочимъ, засѣялъ двадцать пять десятинъ клевера. Удался онъ великолѣпно, просто нельзя было налюбоваться. И вотъ, однажды лѣтомъ, на зарѣ, когда я отправился осматривать свои поля, вижу и глазамъ не вѣрю: табунъ лошадей, головъ въ 40, занявъ громадное пространство, пожираетъ мой клеверъ. У меня, какъ говорится, похолодѣла въ жилахъ кровь. Я возвращаюсь обратно въ усадьбу, велю сѣдлатъ лошадей и съ двумя рабочими и братомъ ѣдемъ на мѣсто преступленія. Оказалось, что къ клеверному моему полю прилегаетъ нѣчто въ родѣ болотишка, съ корявыми кустишками, куда сосѣдніе крестьяне гоняютъ въ ночное лошадей. Конечно, и говорить нечего, что на этомъ болотцѣ ѣсть нечего. Кромѣ того, штукъ десять мальчишекъ спокойно почивали подъ кустомъ, не выспавшись, вѣроятно, ночью. Проснувшись, они страшно испугались и пустились бѣжать, куда глаза глядятъ. Мы отправились смотрѣть клеверъ и увидѣли, что большая его часть погибла. Что дѣлать? Загнали мы лошадей въ усадьбу и вмѣстѣ съ тѣмъ я предъявилъ законнымъ путемъ взысканіе за потраву. На другой день являются хозяева лошадей и просятъ возвратить послѣднихъ. Сохранивъ полное хладнокровіе, я употребилъ всѣ усилія, чтобы доказать всю законность моего поступка, высчитать при нихъ убыль и убѣдить, что они обязаны покрыть ее.

На мою длинную рѣчь слышу отвѣтъ:

— Что же ты подѣлаешь, ежели скотина голодная...

— Но мнѣ-то что за дѣло?

— Да это вѣрно, мы это понимаемъ, что дѣла

тебѣ нѣтъ, а мы-то что подѣлаемъ; если бы скотина умная была, понимала, а то она не понимаетъ: хочется ей ѣсть, она и идетъ... Ужъ на что человѣкъ, а и тотъ, если проголодается, красть полѣзеть...

— Думаю: «логично, вполне логично, но что же мнѣ дѣлать?»

Въ концѣ концовъ, крестьянъ, конечно, приговорили пополнить всѣ убытки, но зная, что у нихъ ничего нѣтъ, я возвратилъ лошадей, а затѣмъ, убѣдившись, что при такихъ условіяхъ ничего не подѣлаешь, окопался глубочайшими рвами...

— Однако мы заболтались: 11 часовъ ночи, — прибавилъ Иванъ Карловичъ.

Я простился съ Иваномъ Карловичемъ и ушелъ вмѣстѣ съ Карломъ Карловичемъ въ смежную съ библіотекой комнату, гдѣ приготовлена была постель.

Но мы еще долго бесѣдовали съ Карломъ Карловичемъ, все время молчавшимъ, пока я говорилъ съ его братомъ.

Не знаю, въ силу какихъ обстоятельствъ, онъ, когда была потушена лампа, разоткровенничался со мною.

— Невѣроятную глупость сдѣлалъ братъ, — началъ Карлъ Карловичъ, словно бы вслухъ разговаривалъ самъ съ собою.

И потомъ, закуривъ папиросу, продолжалъ:

— Женился онъ на молодой, очень красивой вдовѣ владѣлицѣ имѣнія. Первый мужъ ея былъ отставной офицеръ, представитель Марса въ полномъ смыслѣ этого слова. Зимой жили они, обыкновенно, въ Пе-

тербургѣ, осенью за границую, весною въ Крыму, при чемъ супругъ вездѣ находилъ возможность кутить и заводить пошлые романы. Къ брату чуть не ежедневно летѣли телеграммы, письма о немедленной скорѣйшей высылкѣ денегъ, при чемъ предписывалось «достать во что бы то ни стало». Братъ всегда употреблялъ всѣ усилія доказать невозможность такой расточительности, указывалъ, что хозяйство наканунѣ краха—ничего не помогало!

Сюда наѣзжали они только позднимъ лѣтомъ въ сопровожденіи офицеровъ всѣхъ оружій. Здѣсь опять были кутежи, охоты, пикники безъ конца.

Въ трезвые промежутки мужъ иной разъ показывался въ усадьбѣ въ качествѣ хозяина, но съ тѣмъ лишь, чтобы, ради страха и напоминанія о власти, выругать встрѣчнаго и поперечнаго и разбить двѣ-три фізіономіи.

Такое поведеніе супруга, особенно вѣчныя его измѣны, конечно, не могли не повліять на Анну Николаевну, и въ то же время вокругъ не было никого, кто бы стоялъ выше ея мужа. Вотъ почему она оставила вниманіе на братѣ, который также увлекся ею. Извѣстно, какъ влюбленные идеализируютъ другъ друга. Братъ не находилъ ни одного порока въ будущей своей женѣ, а послѣдняя также, повидимому, видѣла одни только достоинства брата. Нужно отдать честь офицеру — онъ не обращалъ рѣшительно ни малѣйшаго вниманія на близкія отношенія своей жены къ моему брату, не проявлялъ ровно никакой ревности и только зубоскалилъ въ кругу своихъ пріятелей, нерѣдко въ присутствіи Анны Николаевны. — Какъ и предсказывали врачи, полный Сергѣй Ивано-

вичъ, имѣвшій порокъ сердца, внезапно скончался послѣ одной загородной попойки въ Петербургѣ. Похоронивъ мужа, Анна Николаевна, несмотря на зимнее время, когда, слѣдовательно, петербургскій сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ, пріѣхала въ деревню и скоро обвѣнчалась съ братомъ. Годъ прошелъ въ самыхъ прекрасныхъ отношеніяхъ. Братъ подъ мощнымъ вліяніемъ любви сталъ работать еще усерднѣе, а такъ какъ всѣ его совѣты безпрекословно исполнялись, то, благодаря продажѣ половины имѣнія, умѣренности и аккуратности, ко второму году на теперешнемъ имѣніи не было ни копейки долга. Но только первый годъ и прошелъ при такихъ благопріятныхъ условіяхъ. Съ весны второго года Анна Николаевна начала тосковать, вспоминая Ялту, Ниццу, Ментону и т. д., и т. п. Но кой-какъ прошла все-таки весна, а лѣтомъ она и раньше привыкла нѣкоторое время проводить въ деревнѣ. Съ осени же уже началось чистое мученье: органическія качества выступили въ полной силѣ... Она мало-по-малу начала укорять брата въ невѣроятной скупости, объясняя все это нѣмецкимъ происхожденіемъ, говорила, что такъ жить не можетъ что вовсе не обрекала себя на погребеніе въ деревнѣ, на которую всегда смотрѣла лишь какъ на средство «жить по-человѣчески». Братъ указывалъ ей на возможность болѣе осмысленной жизни въ деревнѣ, онъ предлагалъ ей читать, заниматься художествомъ, музыкой, выписалъ великолѣпный инструментъ; наконецъ онъ говорилъ, что не только не отрицаетъ необходимости разумныхъ путешествій, но, наоборотъ, считаетъ ихъ болѣе, чѣмъ необходимыми и далъ слово, что на третій годъ, когда, по его мнѣнію, имѣніе дастъ чи-

стый доходъ, тотчасъ же они совершаютъ кругосвѣт-ное путешествіе, при чемъ поживуть и въ Америкѣ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, дѣло было не въ путешествіяхъ, а просто въ жизни курортовъ...

И вотъ неизвѣстно, чѣмъ это кончится»...

Я не проронилъ ни одного слова, считая неумѣстнымъ предлагать какіе-либо вопросы по этому интимному дѣлу, хотя непосредственно относящемуся къ строю хозяйства. Карлъ Карловичъ, закончивъ повѣствованіе, пожелалъ мнѣ спокойной ночи и замолчалъ. Я же еще долгое время не могъ уснуть. Меня заинтересовала эта исторія и сильно захотѣлось увидать Ивана Карловича и Анну Николаевну вмѣстѣ. Вѣдь это, думалъ я, двѣ совершенно различныя натуры. Болѣе чѣмъ интересно воочию видѣть борьбу этихъ натуръ,—борьбу, которую остановить не могутъ даже супружескія отношенія. Но придется ли наблюдать это? Къ счастью, какъ читатель увидитъ, пришлось, и при обстоятельствахъ исключительныхъ.

Проснулся я почему-то очень рано, хотя уснулъ часовъ около 2-хъ, если не позже. Ивана Карловича засталъ я за чаемъ и завтракомъ. Онъ удивился раннему пробужденію, но въ то же время высказалъ одобреніе, замѣтивъ, что благодаря этому, я могу хорошо познакомиться съ хозяйствомъ. Выпивъ по стакану отличнаго кофе съ густыми сливками, закусивъ превосходнымъ бифштексомъ, который былъ запить стаканомъ хорошаго подогрѣтаго лафита, а затѣмъ чаемъ, выкуривъ по «настоящей» гаванской сигарѣ, мы отпра-

вились осматривать усадьбу. Слишком много потребовалось бы мѣста, чтобы описать все мною видѣнное, а потому ограничусь замѣчаніемъ, что впечатлѣніе отъ хозяйства Утренбергъ было таково, что о Россіи я забылъ совершенно. Ясно припомнились мнѣ нѣкоторыя европейскія хозяйства, которыя, около 20-ти лѣтъ тому назадъ, мнѣ пришлось видѣть въ бытность мою за границею. Невольно также бросалось въ глаза обращеніе съ рабочими. Оно было сдержанное, сухое, но вполне корректное: всѣхъ Иванъ Карловичъ называлъ на вы и первый при встрѣчѣ снималъ шапку. Обращала также на себя вниманіе рѣдкая чистота помѣщеній для рабочихъ. Одна сцена доказала мнѣ, что для достиженія этой простой, повидимому, вещи надо было не мало внимательности и настойчивости. Мы зашли въ зданіе, гдѣ рабочіе въ строго опредѣленное время завтракали, обѣдали и ужинали. Въ кухнѣ, распростершись на лавкѣ, спала толстая баба. Немытая посуда виднѣлась въ разныхъ мѣстахъ кухни; на полу валялись корки хлѣба, въ сѣняхъ видно было много сору и грязи.

— Матрена! — окликнулъ Иванъ Карловичъ: — Матрена!

Баба вскочила.

— Вы вчера, вѣроятно, поздно легли? — спросилъ серьезно Иванъ Карловичъ.

— Нѣтъ... по обыкновенію...

— Почему вы не подтянете гирю: у васъ часы остановились...

— Да не натянешься ихъ: кажиннъ день тягай да тягай, да еще и не разъ, — сердилась Матрена.

— Я васъ прошу немедленно подтянуть гирю и

чтобы этого больше не было: зачѣмъ же вамъ часы повѣсили?

— А мнѣ хоть и пропади они...

— Ну, хорошо, только я васъ прошу всегда это дѣлать, иначе намъ придется разстаться съ вами.

Матрена нехотя подошла къ часамъ и съ неудовольствіемъ дернула за цѣпь гирию.

— Почему у васъ такъ грязно?

— Да я сичасъ прибирала...

— Во-первыхъ, вы спали, а не прибирали, а во-вторыхъ, завтракъ окончился уже давно, а у васъ все въ безпорядкѣ. Вы дотянете такъ до обѣда, который и будетъ происходить въ грязи.

— Не велики баре, и такъ пообѣдаютъ... мы привышны...

— Я васъ прошу, чтобы этого не было, я каждый день буду ходить и если замѣчу, то вы меня знаете,— тотчасъ разсчитаю...

Матрена, ворча что-то подъ носъ, взялась за вѣнникъ, а мы ушли...

Когда мы обошли все хозяйство, при чемъ скотный дворъ былъ осмотрѣнъ дважды, Иванъ Карловичъ, взглянувъ на часы, совершенно неожиданно заявилъ мнѣ: «Время идти... я познакомлю васъ съ женой».

Отказаться было неловко, да, по-правдѣ сказать, я этого и не хотѣлъ, а потому наклоненіемъ головы молчаливо изъявилъ свое согласіе.

Изъ прихожей мы поднялись во второй этажъ и черезъ рядъ парадныхъ, съ богатою обстановкою и массою цвѣтовъ, комнать прошли въ столовую. Здѣсь, за круглымъ столомъ, на которомъ шумѣлъ блестящій самоваръ и виднѣлись закуски, сидѣла молодая, чрез-

вычайно красивая, изящная дама, одѣтая просто, но съ большимъ вкусомъ. Увидѣвъ насъ, она привѣтливо улыбнулась Ивану Карловичу и удивленно взглянула потомъ на меня. Иванъ Карловичъ подошелъ къ молодой женщинѣ, поцѣловалъ ей руку и тотчасъ отрекомендовалъ меня. Но идиллическое настроеніе супруговъ продолжалось очень недолго. Иванъ Карловичъ почему-то заговорилъ о налогахъ на имѣнія и высказалъ точку зрѣнія, что они далеко необременительны.

Анна Николаевна тотчасъ вспыхнула:

— Налоги эти, по-моему, просто невыносимы.

— Но, Анна Николаевна,—заспорилъ Иванъ Карловичъ:—вѣдь не можетъ же государство жить безъ налоговъ: иначе какимъ же образомъ оно будетъ существовать, прогрессировать, доставлять тѣ удобства, которыми мы съ вами пользуемся.

— О какихъ вы удобствахъ говорите?

— Ну, мало ли... ну, желѣзныя дороги, напримеръ...

— Удивительно! надѣюсь, что по нимъ всѣ ѣздятъ... Я давно уже никакихъ «удобствъ» не испытываю...

— Ахъ, Анна Николаевна, вы все сведете на свое я: мало ли чего вамъ бы захотѣлось, совершенно невѣроятнаго...

— Даже невѣроятнаго! По-вашему, что за предѣлами усадьбы — это уже «невѣроятное».

— Бросимъ это, Анна Николаевна!

— Вы сами начали... А что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить.

— Довольно, довольно, Анна Николаевна.

— Вамъ хорошо, если вы обладаете такою нѣмецкою уравновѣшенностью и удовлетворяетесь...

Но Иванъ Карловичъ не дослушалъ окончанія: всталъ изъ-за стола и ушелъ.

Я остался въ самомъ нелѣпомъ положеніи и готовъ былъ провалиться сквозь землю.

Но, къ моему удовольствію, тотчасъ по уходѣ Ивана Карловича Анна Николаевна сдѣлалась мила и любезна.

— Удивительный человѣкъ! — произнесла она по уходѣ Ивана Карловича: — онъ совершенно удовлетворяется этою ямою: навозъ, скотъ, птица, пшеница, рожь, овесъ — и ему больше ничего не надо... А все свободное время, знай, захлебывается книгами — и больше ничего!

Въ это время вошелъ Карлъ Карловичъ. Анна Николаевна встала къ нему на встрѣчу, любезно поздоровалась и пригласила пить кофе.

— А братъ гдѣ? — спросилъ онъ, ища глазами Ивана Карловича.

— Поссорились мы съ вашимъ братомъ, — отвѣтила Анна Николаевна, обворожительно улыбаясь. — Скажите мнѣ, Карлъ Карловичъ, откровенно: вамъ нравится деревня?

— О какой деревнѣ идетъ рѣчь: о деревнѣ въ полномъ объемѣ или о помѣщичьей усадьбѣ?

— Ахъ да, я этого не сообразила... Ну, сначала, положимъ, мужики?

— Какъ вамъ сказать? Понятно, большого интереса сами по себѣ они не представляютъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, деревня — это обширная арена для дѣятельности, такъ что съ этой точки зрѣнія скучать здѣсь невозможно...

— Ну, конечно, яблоко отъ яблони далеко не па-

детъ: Иванъ Карловичъ и Карлъ Карловичъ — два сапога пара...

— А вы, Анна Николаевна, точно также представляете слишкомъ обыденный типъ русскаго дворянства: ничего не дѣлать и жить въ свое удовольствіе...

— Вы всегда дерзки, Карлъ Карловичъ...

— Вотъ, знаете ли, я думаю, что сравнительно съ вами я идеалъ деликатности...

— Вы полагаете?

— Полагаю.

— Вы просто нѣмецъ, Карлъ Карловичъ, и братъ вашъ нѣмецъ.

— «Проклятый», прибавьте.

— Да, не мѣшаетъ... У васъ медленно струится кровь, нѣтъ сильныхъ страстей; вы скоро сживаетесь съ самою обыденною обстановкою, если только она даетъ средства къ существованію...

— Этимъ вы меня, конечно, нисколько не оскорбляете, такъ какъ факты говорятъ совершенно противное. Прежде всего у меня осталось только имя да фамилія нѣмецкая, потому что мы живемъ съ незапамятныхъ временъ въ Россіи: мать моя была русская, бабка тоже русская и т. д. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, если мы сравнимъ Германію съ Россіею, то вся ваша ни на чемъ неоснованная критика разлетается въ прахъ: культура нѣмецкая несравнима съ нашею.

Анна Николаевна умолкла, сѣла у окна и съ грустью смотрѣла въ садъ на оголенные деревья, раскачиваемыя свистѣвшимъ осеннимъ вѣтромъ, на низко ползшія мрачныя тучи, на дождь, бившій въ окна...

Затѣмъ черезъ нѣкоторое время она вдругъ обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы бывали въ Крыму?

— Не разъ.

— Жили въ Ялтѣ?

— Да.

— Что за прелесть!

— Хорошо.

— Вотъ теперъ мнѣ она такъ ясно, такъ отчетливо представляется...

— Вы гдѣ обыкновенно останавливаетесь?

— Въ «Grand Hôtel»...

— Это въ какомъ мѣстѣ?

— Тамъ... близъ мола...

— А-а, но тамъ море не такъ хорошо видно.

— Нѣтъ, ничего...

— А я всегда останавливалась въ «Россіи»... Ахъ какая прелесть, какой видъ оттуда!

— Я на вашемъ мѣстѣ, Анна Николаевна, никогда бы не занимался самобичеваніемъ, — сказалъ Карлъ Карловичъ.

— А чтò же бы вы дѣлали?

— Взялъ бы да и уѣхалъ...

— А вашъ братъ?..

— А мой братъ во всякомъ случаѣ не хозяинъ и, конечно, фактическихъ правъ не имѣетъ никакихъ.

— Чтò вы этимъ желаете сказать?

— Да просто не кривить душою, а прямо потребовать средствъ или просто...

И Карлъ Карловичъ ушелъ, крѣпко хлопнувъ дверью...

Я очутился въ такомъ дурацкомъ положеніи, что

совершенно не зналъ, что мнѣ дѣлать, тѣмъ болѣе, что не зналъ даже, куда уйти. Анна Николаевна продолжала молча смотрѣть въ окно, и мнѣ показалось, что на глазахъ у нея появились слезы. Я рѣшилъ уйти во что бы то ни стало и уже придумывалъ предлогъ для этого, какъ раздался звонъ шпоръ, и въ столовой появился красивый высокій офицеръ... Анна Николаевна моментально стала неузнаваема.

— Владиміръ Сергѣевичъ! Какими судьбами! — почти вскрикнула она.

— Здравствуйте, Анна Николаевна! — отвѣтилъ офицеръ, цѣлуя ея руку.

— Позвольте васъ отрекомендовать, — сказала Анна Николаевна, обращая взглядъ въ мою сторону.

Замѣтивъ, что она забыла мою профессію, а также, конечно, имя, отчество и фамилію, я поспѣшилъ самъ назваться.

Офицеръ, стукнувъ молодецки шпорами, поклонился и протянулъ руку.

— До свиданья, — сказалъ я, обращаясь къ Аннѣ Николаевнѣ.

— Куда же вы? Сейчасъ будемъ обѣдать... Вѣроятно, и мужъ придетъ сейчасъ...

— Да, да, онъ сію минуту заканчиваетъ дѣло въ конторѣ, и мы съ нимъ побесѣдуемъ уже здѣсь.

— Не угодно ли кофе, чаю, — быстро говорила Анна Николаевна:—вѣроятно, все это уже холодное... Я велю...

— Пожалуйста, не беспокойтесь, я и пилъ, и ѣлъ.

— Вы не церемонитесь?

— Да что вы это!

— Ну, будемъ обѣдать.

— Это конечно...

Анна Николаевна подавила пуговку электрическаго звонка, спускавшагося на шнуркѣ съ лампы.

Тотчасъ же явился лакей во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ.

Анна Николаевна, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы накрывали столъ, пригласила насъ въ гостиную.

— Ну, рассказывайте, какими судьбами вы завернули къ намъ въ такую ненастную пору, — вторично обратилась Анна Николаевна къ офицеру съ вопросомъ, указывая ему мѣсто подлѣ себя на диванѣ.

— Ъзжу, знаете ли, по конской переписи... Не можете представить, до какой степени я усталъ! Отъ помѣщичьихъ усадебъ осталось, въ большинствѣ случаевъ, одно воспоминаніе, и нерѣдко приходилось ночевать не только въ волостныхъ правленіяхъ, но даже просто у мужика.

— Ахъ, неужели?

— Честное слово!

— Воображаю!

— Это нѣчто, знаете ли, невѣроятное. Много мнѣ рассказывали товарищи, но воочію я убѣдился, что мужикъ — это дѣйствительно скотина въ полномъ смыслѣ этого слова; что живетъ онъ прямо-таки въ хлѣву со свиньями, телятами вмѣстѣ, бокъ-о-бокъ... Обыкновенно въ этихъ случаяхъ я всю ночь напролетъ не спалъ, а шагаль изъ угла въ уголь... Ужасъ! Ужасъ!

— И вотъ, значитъ, по дорогѣ заѣхали къ намъ?

— Кругъ сдѣлалъ я большой... Я долженъ былъ быть у васъ нѣсколько позже, но вдругъ слышу: Анна

Николаевна дома! Неужели! Что сей сонъ означаетъ? Какъ же не заѣхать!

— Да, дома, второй годъ никуда не выѣзжаю...

— Позвольте, въ чемъ дѣло?

— Экономія...

— Чтò я слышу!

— Да, да.

— И не тоскуете?

— Это уже другой вопросъ...

— Нѣтъ, вы не шутите?

— Какія тутъ шутки...

— А я думалъ, вы просто на время, и воображалъ, что двинемся вмѣстѣ на югъ, къ морю. Вы ѣдете?

— О, какъ рвется моя душа!

— А я только вотъ окончу эту процедуру и прямо въ Ялту.

— Счастливецъ!

Въ это время вошелъ Иванъ Карловичъ. Разговоръ тотчасъ принялъ дѣловую форму. Вопросъ шелъ о лошадяхъ, которыхъ хотѣлъ пріобрѣсти офицеръ. Такъ дѣло шло до самаго обѣда, къ которому пришелъ и Карлъ Карловичъ. Вечеромъ вмѣстѣ съ офицеромъ я отправился на вокзалъ въ прекрасномъ ландо, запряженномъ четверкою вороныхъ.

— Проклятый нѣмецъ!—развалившись въ ландо и закуривъ сигару, произнесъ офицеръ, какъ только мы выѣхали за предѣлы усадьбы:—этакую аппетитную штучку подхватилъ, чтобы пользоваться лишь въ свое удовольствіе.... Какое она на васъ произвела впечатлѣніе?

— Я ее видѣлъ только нѣсколько часовъ, а потому, право, не знаю...

— Вы, вѣроятно, меня не понимаете: я спрашиваю на счетъ, знаете ли, внѣшней оболочки, формъ, такъ сказать, а не внутренняго содержанія, въ которомъ я, по правдѣ сказать, совершенный профанъ!

— Ахъ, въ этомъ отношеніи...

— Да, да... Я вамъ доложу, она на всѣхъ курортахъ, а также и въ Петербургѣ производила фуроръ. Тутъ, знаете ли, она въ простомъ костюмѣ, а ежели, понимаете ли, глубокое декольте—одуряетъ!... Чортъ его знаетъ, какимъ образомъ нѣмецъ ее подхватилъ и засадилъ въ деревню!

— Но, насколько мнѣ извѣстно, кажется, въ концѣ концовъ, средства не позволили...

— Это все нѣмецкая штука, все нѣмецкія соображенія! А почему? Вѣдь это, собственно говоря, мужикъ, получившій высшее образованіе. Это наше несчастье! Всякой сволочи есть доступъ въ высшее учебное заведеніе, особенно за границей. И что же получается? Понятно, эти заведенія даютъ, такъ сказать, только внѣшнюю полировку, а кровь-то у него мужичья—такъ-съ? Благодаря образованію, онъ пролѣзаетъ въ нашу среду и въ конецъ ее заражаетъ!.. Съ каждымъ годомъ все больше и больше разбавляется, такъ сказать, дворянская среда этою холопскою мутью, и если не будетъ какихъ-либо экстренныхъ мѣропріятій, исчезнетъ съ лица земли чисто-кровный дворянинъ!

— Вотъ я не понимаю, что дурного сдѣлалъ Иванъ Карловичъ? По-моему, наоборотъ, онъ избавилъ Анну Николаевну отъ полного краха.

— Низвелъ жизнь ея до уровня жизни жены какого-нибудь мѣщанина: сиди, да смотри въ окошечко на деревенскую дрянъ... Нѣтъ-съ! Дворянство должно жить соотвѣтственно своему происхожденію, соотвѣтственно своимъ историческимъ правамъ—да-съ! Оно должно требовать, понимаете ли, требовать необходимыя на это средства! Оно имѣетъ на это полное право, такъ какъ, посудите, не можетъ же этого быть, чтобы не было возвращено отобранное? А эти разночинцы, такъ сказать, впитывая въ себя дворянскій элементъ, уничтожаютъ его...

Прибытіе на станцію прекратило бесѣду съ офицеромъ, который черезъ нѣсколько минутъ съ курьерскимъ поѣздомъ и уѣхалъ, а тотъ поѣздъ, съ которымъ мнѣ надо было ѣхать, шелъ черезъ часъ.

Отъ нечего дѣлать завожу разговоръ съ «дежурнымъ»,—крестьяниномъ, наряженнымъ въ желѣзнодорожную форму.

Начали съ телефонной и телеграфной проволоки, проведенныхъ къ станціи отъ Утренбергъ.

— Откуда эти провоки?

— Отъ нѣмца, Вуткина...

— Утренбергъ?

— По-нашему Вуткинъ.

— Хорошій нѣмецъ?

— Не такъ чтобы...

— Вы его знаете?

— Какъ же: я ишшо при старомъ баринѣ, фидерѣ тамъ служилъ, да при нѣмцѣ съ годъ.

— Кто же лучше?

Дежурный, повидимому, задумался, медленно свернулъ цыгарку и потомъ уже отвѣтилъ.

— Поди, фицеръ почише былъ.

— Почему?

— Нѣмецъ дюжо строгъ...

— Дерется, что ли?

— Нѣѣ—тъ: и не дерется, и платить поболѣ, и не ругается, да дюжо строгъ...

— Чтó же онъ дѣлаетъ?

— Да вотъ, ежели, примѣрно, взялъ у него работу какую, либо въ услуженіе поступилъ—хоть пропади, а сполняй! Такой проклятый нѣмецъ—бид-д-а-а!

— А офицеръ не требовалъ этого?

— Его мы не видѣли. Какъ это пріѣдетъ когды-тамъ, покрычать—покрычить, каму и въ морду заѣдетъ, но только такъ зря, а не то чтобы требовалъ. Какъ это, знаете, узнаемъ, что пріѣдетъ, ну тамъ кое-што и подробишь, справность наведешь, а какъ на-кричался, да отбился—такъ и не видать его! Тогда, знаете, ложись и спи—больше ничево! А нѣмецъ какъ проснулся, такъ ему спокою нѣту и тебѣ нѣту: усе это ему покажи, какъ и чтó, чтобы усе въ справности, а на счетъ этой чистоты—бид-да! У иво скотина лучше живетъ, чѣмъ нашъ братъ—ей Богу! и чтобы тебѣ въ конюшнѣ, въ хлѣву, какъ у хатѣ было! Ахъ ты, Господи! Навозъ на вѣсахъ вѣшаетъ—вотъ дьяволъ! А какъ землю эту начнетъ ворошить—Бо-о-же м-мой! Штобы катышка крупнаго не было: все разотреть, разомнеть, скатертью сдѣлаеть!

— Потому и урожай у него отличный!

— Урождай, что и говорить, первой сортъ! Кругомъ бываетъ, что ни зерна, а у него никогда. Слово одно «нѣмецъ»!

На этомъ бесѣда наша и прекратилась, такъ какъ

телеграфъ давно сообщилъ, что вышелъ съ ближайшей полустанціи товарный поѣздъ, и «дежурный», позвонивъ въ колоколъ, отправился...

Я хотѣлъ-было уснуть, но не могъ и безцѣльно шагаль по платформѣ до самаго прихода поѣзда.

Весною слѣдующаго года я съ однимъ товарищемъ былъ въ Крыму и, между прочимъ, въ Алупкѣ. Здѣсь, при осмотрѣ Воронцовскаго дворца, я встрѣтилъ Анну Николаевну и офицера. Когда осмотрѣли дворецъ, вышли въ садъ съ чуднымъ видомъ на море, мы невольно разговорились, такъ какъ и офицеръ и Анна Николаевна, какъ оказалось, узнали меня.

Когда мы поздоровались, она спросила:

— А вы у насъ потомъ больше не были?

— Нѣтъ, зачѣмъ же?

— Тамъ теперь большія перемѣны...

— Я, наконецъ, вырвалъ изъ рукъ нѣмца Анну Николаевну,—прибавилъ офицеръ.

— Какія же перемѣны?

— Я разошлась съ Иваномъ Карловичемъ. Заложила имѣніе и сдала его въ аренду.

— Да?

— Да.

— А Иванъ Карловичъ гдѣ?

— Онъ и братъ его поступили управляющими... Это удивительные люди, у которыхъ нѣтъ никакихъ потребностей... А я такъ жить положительно не могу...

И затѣмъ мы распрощались, чтобы болѣе не встрѣтяться.

Барихъ.

— «От-во-ри-те-е!.. от-во-ри-те-ее!»—кричалъ, что есть мочи, мой возница, стуча кнутовищемъ въ рѣшетчатые ворота громаднѣйшей усадьбы.

Но, увы!—звичный голосъ и громкіе удары, которые могли, казалось, поднять изъ гроба мертвеца, не давали рѣшительно никакихъ результатовъ.

Усадьба производила впечатлѣніе мертваго царства. Съ высоты телѣги виденъ былъ большой дворъ, весь поросшій травою; въ концѣ его—фруктовый садъ; влѣво—двухъэтажный каменный домъ, за которымъ по пригорку тянулся паркъ, спускаясь къ рѣчкѣ; вправо—надворныя постройки, а за ними—тоже нѣчто въ родѣ парка.

Нигдѣ намека не было на живое существо, и, что удивительно, не слышно и не видно было собакъ, составляющихъ, такъ сказать, органическую принадлежность каждаго имѣнія, особенно въ послѣднее время.

— И наро-одъ!—сердился при передышкахъ возница:—хоть домъ бери, да и неси!..

— Можетъ, на работахъ?

— Какія тутъ работы! Тутъ только полтора чело-вѣка живутъ: приказчикъ да экономка...

— Экономка?

— Она самая; да ей ужъ, поди, лѣтъ за сто... Перелѣзть, что-ли?

— Если надѣетесь кого найти,—полѣзайте...

— Экономка должна быть,—куда ей идти?..

— Какъ знаете...

Но что-то, повидимому, смущало возницу, и онъ опять принимался стучать и орать во всю глотку, нерѣшаясь отправиться черезъ заборъ.

И вотъ, въ одинъ изъ такихъ моментовъ на крыльцѣ самой отдаленной постройки показалась старуха. Долго не обращала она на насъ никакого вниманія, хотя, казалось, смотрѣла въ нашу сторону, а возница разрывался отъ крика, и только, когда онъ прибѣгъ къ мимикѣ, старуха зашевелилась, а затѣмъ неимоვნю медленнымъ шагомъ пошла къ намъ.

— А чтобъ тебѣ ноги отсохли, дьяволъ!—нетерпѣливо ворчалъ возница:—глухая тетеря, окаянная!..

Это, однако, не производило никакого вліянія, и «окаянная глухая тетеря» не только не прибавляла шага, а останавливалась, не будучи въ силахъ преодолѣть безъ отдыха громадное для нея разстояніе.

Дѣло туго подвигалось впередъ и послѣ того, какъ старуха, наконецъ, приблизилась къ воротамъ: глухота ея раздражала возницу, что, по русскимъ нравамъ, выражалось отборною бранью.

— Отвори во-ро-та!—надрывался онъ.

Старуха, не отвѣчая, долго, опершись на клюку, смотрѣла въ упоръ ему своими мутными, слезящимися глазами.

— От-во-ри во-ро-та, сатана безухая!

— Ты громчей говори,—прошамкала, наконецъ, собесѣдница:—я съ глушинкой...

— Съ какою ты «глушинкою»: у тебя, анаемы, совсѣмъ уши поотсыхали!

— Откеда? Не разслышу!..

— Отъ дьявола, по твою окаянную душу!

— Кого надуть?

— Провались ты проваломъ! От-во-ри во-ро-та!

Вѣроятно потому, что при послѣднемъ возгласѣ возница, просунувъ руку, указаль на замокъ, старуха поняла.

— Ключъ у Семена!

— А Семень гдѣ-е?!

— У Семена, у приказчика!

— Знаю я его, холера ты азіацкая! Гдѣ-е Се-ме-нъ?!!

Видя, что не выходитъ толка, возница перелѣзъ черезъ ворота и, приложивъ, въ видѣ трубы, ладони къ уху старухи, гаркнулъ:—«г-д-ѣ-е Се-ме-е-нъ?!»

— А-а!—разслышала она:—рыбу удить!

— Гдѣ-е-е?!!

— Тутъ, на низу...

— Ну, теперь ты мнѣ не нужна, хоть сдохни!—сказаль возница и направилъ къ парку, гдѣ скоро и скрылся.

Я остался tête-à-tête со старухой и готовъ былъ провалиться сквозь землю. Прислонивши лицо къ рѣшеткѣ, она не сводила съ меня глазъ, а я не зналъ, что мнѣ дѣлать, такъ какъ разговаривать съ нею не было возможности. Но еще тяжелѣе сдѣлалось, когда она, не спуская взора, заговорила не то про себя, не то мнѣ, излагая свое горе.

— «Э-эхъ!.. грѣшная я... не беретъ меня могила...

всѣхъ пережила... о-о-охъ, хо-хо-о!.. всѣ ужъ у Господа Бога, одной мнѣ Божіе угоднички мѣста не даютъ... Мать Пресвятая Владычица! на кого-жъ ты меня оставила... молю-молю, прошю-прошу, а могилки, знать, всѣ заняты... о-оохъ!-хо-хо-о!»...

Словно камень свалился у меня съ души, когда я увидѣлъ своего возницу, быстрыми шагами направлявшагося къ воротамъ, въ сопровожденіи приземистаго, коренастаго мужика, съ окладистою лопатообразною бороною. Послѣдній тотчасъ отворилъ замокъ и ввелъ лошадь во дворъ.

— Вы приказчикъ?

— Точно такъ-съ,—испуганно отвѣчалъ онъ.

— Вы завѣдуете хозяйствомъ?

— М... мы-съ... Баринъ дома-съ...

— Неужели?

— Точно такъ-съ: ночью пріѣхали, ночью уѣзжаютъ-съ...

— Ну и прекрасно: онъ, слѣдовательно, дастъ свѣдѣнія?

— Не можемъ знать, какъ имъ будетъ угодно.

— А баринъ гдѣ же?

— Спятъ-съ: съ дороги очень устали...

— Гдѣ же я могу остановиться? контора есть?

— У меня-съ она, пожалуйста...

Опасаясь, что не достану подводы, я попросилъ возницу подождать меня и отправился за приказчикомъ.

Спустившись въ подземный этажъ барскаго дома, я очутился въ длиннѣйшемъ полутемномъ корридорѣ

съ сводчатымъ потолокомъ, кирпичнымъ поломъ и мас-
сой дверей, какъ въ номерахъ, направо и налѣво. Въ
одну изъ такихъ дверей вошелъ приказчикъ, а за
нимъ и я.

«Контора» и помѣщеніе приказчика представляли
изъ себя точную копію одиночной камеры какой-ни-
будь провинціальной тюрьмы: узкая, длинная, сырая,
освѣщаемая единственнымъ окномъ у самого потолка;
а необычайная грязь и неряшество обывателя еще усу-
губляли непривлекательность жилища. Вся мебелировка
состояла изъ небольшого, совершенно засаленнаго
стола, на которомъ виденъ былъ и хлѣбъ, и соль, и
табакъ, и старый сапогъ съ длиннымъ кускомъ дратвы,
вѣнскаго стула безъ сидѣнья и большого сундука, слу-
жившаго, несомнѣнно, постелью приказчика, судя по
вони отъ измятаго полушубка и грязной до-нельзя
подушки. Единственнымъ признакомъ нѣкоего отно-
шенія «конторы» къ хозяйству былъ громадный «эко-
номическій планъ имѣнія», висѣвшій на стѣнѣ и до
того засиженный мухами, что еле-еле возможно было
разсмотрѣть квадратики, означавшіе не то посѣвныя
площади, не то участки, сдающіеся въ аренду.

— Ну, что же: вы доложите сначала барину, или,
быть можетъ, сами, покуда что, дадите какія-нибудь
свѣдѣнія?—началъ я привычный допросъ, кой-какъ
примостившись на неприхотливомъ сидѣннѣ.

— Насчетъ чего собственно?

— Насчетъ имѣнія.

— Къ продажѣ, что-ли?

— А развѣ оно заложено?

— Да нѣтъ... это мы такъ... Да нонѣ, съ позво-
ленія сказать, кто же не заложень?..

— Нѣтъ, я не по продажѣ...

— Можетъ, купить желаете?

— И купить не желаю. Мнѣ нужны свѣдѣнія — сколько земли распахной, луговой, лѣсной, усадебной; какіе урожаи; сколько для себя распахиваете и сколько сдаете — можете вы сообщить объ этомъ?

— По всѣмъ, то-есть, статьямъ?

— Ну, хоть и по всѣмъ статьямъ. Потомъ, планы мнѣ необходимы, записи, быть можетъ, есть о сборѣ хлѣбовъ, цѣнахъ и прочемъ такомъ?

— Это какъ баринъ: мы своихъ поступковъ не имѣемъ—ежели прикажутъ, мы должны сполнять. Какъ прикажете доложить?

— А вотъ отнесите эту карточку.

Приказчикъ взялъ карточку и ушелъ, при чемъ, возвратившись, заявилъ, что «баринъ, затворившись, спясть въ средней комнатѣ, а лакей будить опасается».

На первыхъ порахъ эти безконечныя ожиданія раздражали меня, но затѣмъ привычка взяла свое, и теперь, получивъ извѣстіе объ отдохновеніи барина, я сбросилъ пальто и сталъ терпѣливо *высиживать*, такъ сказать, свои обязанности, вступивъ отъ тоски въ бесѣду съ тѣмъ же приказчикомъ, несомнѣнно въ душѣ проклинавшимъ меня за то, что я отвлекъ его отъ уженія рыбы.

— А мнѣ говорили, что вашъ баринъ вовсе не живетъ въ имѣніи.

— Это точно-съ: не болѣ, какъ разъ въ годъ приворачиваютъ, а бываетъ — то и два года нѣтъ.

— Гдѣ же онъ живетъ?

— Сказываютъ, на теплыхъ водахъ...

— Гдѣ же именно?

— Дѣло наше темное, доподлинно объяснить не можемъ, а сказываютъ страны такія есть, что никогда тамъ зимы не бываетъ, птица круглый годъ поетъ, фрухтъ разный есть и вода завсегда, то-есть, теплая и отъ всякихъ болѣстей... всякое, значитъ, тамъ при-давольствіе...

— А баринъ вашъ боленъ?

— Богъ ихъ знаетъ... По-нашему, по дурацкому, ничего не видно, ну, конечно, господамъ больше извѣстно...

— Значитъ, домъ цѣлый годъ пустуетъ?

— Это точно-съ, ранѣе—пустовалъ, а вотъ второй годъ братъ тутъ ихній проживаетъ...

— Онъ тоже спитъ?

— Никакъ нѣтъ-съ... да они такъ себѣ... отъ второй, то-есть, жены...

— Но, быть можетъ, онъ сообщить мнѣ что-либо о хозяйствѣ?

— Никакъ нѣтъ-съ; они вмѣшательства не имѣютъ, и правовъ у нихъ нѣтути...

— Почему?

— Да, видите ли, старый, то-есть, баринъ — царствіе имъ небесное и вѣчный упокой—съ первой женой, бають, лѣтъ тридцать прожили, и теперешній, на-стоящій баринъ отъ первой жены рожденъ; а потомъ того, какъ померла, то-есть, старая барыня, старый-то баринъ еще разъ женился, когда ему лѣтъ съ полсотни было; отъ этой-то второй жены второй сынъ пошелъ. Какъ помиралъ, бають, поровну все до-чиста раздѣлили, но только второй-то сынъ въ Сибирь съ лишеніемъ пошелъ, а первому-то все и перешло, бають, по начальству...

— За что же онъ въ Сибирь пошелъ?

— Богъ ихъ вѣдаетъ... Это еще за мою память— тутъ его арестовали за что-ся, а потомъ, того, погнали... Баринъ-то по эту пору командиромъ полка были, а они, барчукъ, изъ Петербурга тогда пріѣхали и собирались къ Сивастополю, анъ, глядь, не пришлось...

— Что же онъ теперь дѣлаетъ?

— Да такъ себѣ... больны они дюжо... тоже, сказываютъ, на теплыя же воды поѣдутъ...

Въ это время дверь отворилась и въ ней показался субъектъ во фракѣ, бѣлыхъ перчаткахъ и галстукѣ; вмѣсто бакенбардовъ — котлетки возлѣ ушей; сильно нафиксатуаренные усы торчали, какъ палки.

— Васъ требуютъ наверхъ,—важно обратился онъ къ приказчику, довольно презрительно взглянувъ на меня.

— Иду-съ,—поспѣшно произнесъ послѣдній и тотчасъ вышелъ вмѣстѣ съ лакеемъ.

На этотъ разъ ждать мнѣ пришлось недолго: черезъ нѣсколько минутъ приказчикъ принесъ извѣстіе, что «дозволено, что требуется, рассказать».

Однако, свѣдѣнія его были таковы, что я опять послалъ его къ владѣльцу съ запискою, въ которой просилъ или принять меня, или пожаловать въ контору, гдѣ я не могу добиться самыхъ элементарныхъ данныхъ.

Не надѣясь на успѣхъ своего посланія, признакомъ чего служило порученіе дать свѣдѣнія приказчику и сношенія при посредствѣ лакея, я уже приготовился направиться въ дальнѣйшее скитаніе, какъ явившійся лакей торжественно заявилъ мнѣ, что «просятъ пожаловать наверхъ».

Миновавъ свѣтлую, уставленную цвѣтами обширную прихожую, я вслѣдъ за лакеемъ прошелъ чрезъ громадный, въ два свѣта и со стекляннымъ потолкомъ залъ, изображавшій изъ себя роскошный садъ тропическихъ растеній; далѣе шла комната, заполненная японскими и китайскими издѣліями, потомъ—комната для птицъ, изъ которыхъ развѣ только соловьи да канарейки представляли сравнительно обыденное явленіе, а остальные, въ родѣ, на примѣръ, фламинго, райскихъ птицъ, птицы «лира», массы разнообразнѣйшихъ попугаевъ, сдѣлали бы честь любому специально птичному учрежденію; за комнатою для птицъ шла картинная галлерей и, наконецъ, кабинетъ. Здѣсь, въ креслѣ, за письменнымъ столомъ я увидѣлъ среднихъ лѣтъ страшно худого и блѣднаго господина, одѣтаго въ чесунчовую пару.

Онъ приподнялся, подалъ мнѣ руку, предложилъ садиться и тотчасъ спросилъ:

— Чѣмъ могу быть полезенъ?

— Вамъ передали карточку?

— Да, но я все-таки ничего не соображаю.

— Я — земскій статистикъ...

— Это я понялъ, но что, собственно, отъ насъ нужно?

— Получить свѣдѣнія о хозяйствѣ.

— Значить, я не ошибся, но вы введены въ какое-то заблужденіе. Лично я хозяйства не веду и вообще не владѣлецъ, и когда пришелъ приказчикъ, я разбудилъ брата, настоящаго хозяина, передалъ ему въ чемъ дѣло, и онъ отдалъ приказъ Семену сообщить все, о чемъ вамъ нужно.

— Совершенно вѣрно, но приказчикъ не могъ дать самыхъ элементарныхъ свѣдѣній.

— Въ такомъ случаѣ отъ насъ вы ничего не получите: я, повторяю, и не хозяинъ, и не владѣлецъ, а брату шестьдесятъ пять лѣтъ, онъ старый помѣщикъ, и этого, полагаю, достаточно, чтобы вы убѣдились въ полной невозможности узнать отъ него что-либо, касающееся интересующаго васъ предмета.

— Я васъ не понимаю: вашъ братъ, слѣдовательно, очень старъ и хилъ?

— Наоборотъ, — идеаль здоровья и бодрости.

— Въ такомъ случаѣ, что же можетъ служить препятствіемъ?..

Собесѣдникъ мой въ этотъ моментъ сильно закашлялся, потомъ началъ долго харкать и плевать въ стоящій возлѣ стола мѣдный тазъ съ пескомъ, и только послѣ всей этой тяжелой чахоточной процедуры онъ опять началъ разговаривать, сердясь и нервничая.

— Повторяю: онъ вамъ ничего не сообщитъ, не можетъ, просто, этого сдѣлать... Если желаете, вы получите отъ него детальнѣйшія свѣдѣнія о Германіи, Франціи, Англіи, Италіи, даже объ Индіи и Египтѣ, но о своемъ имѣніи онъ не имѣетъ представленія...

— Но, позвольте...

— Да что «позвольте»... Вы, конечно, опять выразите ваше удивленіе, отъ котораго никому ни тепло, ни холодно... А вотъ *вы* «позвольте»... Лѣтъ двадцать тому назадъ у насъ кричали, что сильно стремленіе къ естественнымъ наукамъ, что теорія Дарвина господствуетъ надъ умами. Но, судя по всему, а въ томъ числѣ и по васъ, я вижу, что все это чушь! Вѣдь изъ этой остроумной и прекрасной теоріи явствуетъ, что

для измѣненія типа нужны громадныя періоды. Между тѣмъ, что же мы видимъ въ нашихъ умахъ, которые, по предположеніямъ, проникнуты дарвинизмомъ? Только тридцать одинъ годъ прошелъ со времени крѣпостного права, а у насъ воображаютъ, что нѣтъ уже ни крѣпостниковъ, ни крѣпостничества, и затѣваютъ такія мѣропріятія, словно мы и на самомъ дѣлѣ — Европа! Какая нелѣпость! Какое недомысліе! Возьмите для примѣра моего брата. Прежде всего, ему шестьдесятъ пять лѣтъ, но когда вы его увидите,—не дадите болѣе пятидесяти, а можетъ, и менѣе. И здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго: исключительно на одну свою персону, единственно на питаніе, такъ сказать, своего тѣла и на увеселеніе духа онъ, за тридцать лѣтъ, десятина въ десятину, прожилъ двѣ тысячи десятинъ двухъ-аршиннаго чернозема! Почему же не быть ему чуть не вдвое моложе своихъ лѣтъ? Для этого, полагаю, достаточно проживать тысячу рублей въ мѣсяцъ. А умретъ тетка, старая дѣва восьмидесяти лѣтъ, онъ будетъ имѣть возможность поглотить еще полторы тысячи десятинъ тучныхъ пастбищъ, пашень, лѣсовъ и, конечно, въ восемьдесятъ лѣтъ не уступитъ шестидесятилѣтнему субъекту...

Тутъ братъ хозяина опять закашлялся, лицо и глаза его разгорѣлись, и онъ сдѣлался еще раздражительнее и злѣе.

— Вамъ все это удивительно,—сердито продолжалъ онъ, хотя я никакого удивленія не выражалъ,—но онъ, братъ, только плоть отъ плоти, кровь отъ крови своего времени, да-съ! Теперь перейдемъ, какъ вы изволите выражаться, къ «владѣнію и хозяйству». Вамъ, думаю, извѣстно, что для веденія хозяйства нужны рабочіе?

— Конечно...

— Но у него *рабочихъ* нѣтъ.

— Не понимаю...

— У меня, у васъ — да, но у него нѣтъ...

— Не понимаю...

— Надѣюсь, въ этомъ вы сейчасъ убѣдитесь. Съ ранняго дѣтства, какъ только у него въ головѣ образовалось то, что мы называемъ памятью, онъ билъ уже тѣхъ субъектовъ, которые теперь громко именуются «крестьянами-собственниками». По парѣ и тройкѣ запрягали въ его телѣжку этихъ молодыхъ двуногихъ животныхъ, всовывали имъ въ ротъ веревки, давали ему въ руки кнутъ, и онъ стегалъ ихъ и до крови натиралъ рты. Затѣмъ, во весь періодъ дальнѣйшей жизни онъ могъ нещадно пороть ихъ на сѣновалѣ, не обращая вниманія на полъ и возрастъ, продавать, отнимать дѣтей, разлучать мужей и женъ, не позволять жениться желающимъ и совокуплять ненавидящихъ другъ друга, ссылатъ въ Сибирь, на какому-нибудь торгу. Теперь подумайте и сообразите, *какъ же* онъ можетъ смотрѣть на этихъ, съ позволенія сказать, «крестьянъ-собственниковъ»? *Чѣмъ* въ его глазахъ они выше животныхъ? Если этотъ «крестьянинъ-собственникъ» требуетъ отъ него мѣдный грошъ, — его уже это раздражаетъ, потому что онъ знаетъ время, когда этотъ «крестьянинъ-собственникъ» *былъ обязанъ*, понимаете ли, *бы-лъ обяза-нъ*, работать на него *даромъ*; а если, представьте, мужикъ требуетъ повышенія платы, отказываясь работать, — онъ уже не можетъ удержаться отъ негодованія. Представьте умственно эту картину: вотъ «свободные хлѣбопашцы» появляются передъ нимъ. Боже, да вѣдь это все зна-

комья фізіономіі! Вѣдь это — его бывшіе рабы, понимаете ли, *е-и-о бывшіе р-а-а-бы-ы!* Можетъ ли вступить онъ съ ними въ «свободный договоръ». Ха-ха-ха! Только тридцать лѣтъ прошло, какъ по одному мановенію пальца онъ могъ сдѣлать съ ними что угодно, и вдругъ, они являются и сообщаютъ *свои условія! ус-ло-ві-я!* Ха-ха-ха-а!.. Поняли вы, наконецъ, что у него и ему подобныхъ нѣтъ и быть не можетъ *рабочихъ*, онъ не признавалъ и не признаетъ ихъ, хотя бы требовали отъ него, повторяю, мѣдный грошъ! И онъ совершенно прекратилъ хозяйство съ 1861 года, бросилъ Россію, какъ... про-те-ста-нтъ! оп-по-зи-ці-я! Вы удивлены? Это — фактъ реальный, имѣющій всѣ права на существованіе... Впрочемъ, еще одно обстоятельство... Вамъ, конечно, извѣстно, что для того, чтобы вести хозяйство, необходимо трудиться? Но, позвольте, во-первыхъ, зачѣмъ трудиться, и, во-вторыхъ, *какъ* это трудиться? Онъ привыкъ только требовать и не зналъ отказовъ въ удовлетвореніи своихъ требованій, не мо...

И собесѣдникъ закашлялся сильнѣе прежняго.

Не знаю, что еще узналъ бы я отъ него, если бы не слышались увѣренные, твердые шаги и въ кабинетъ не вошелъ «братъ».

Это былъ рослый, цвѣтущій еще мужчина, съ нахмуреннымъ лбомъ, орлинымъ носомъ и громадными усами. Одѣтъ онъ былъ въ бѣлоснѣжный китель, синіе брюки съ тонкими красными лампасами и въ лакированныхъ туфляхъ; несло отъ него какими-то тонкими духами.

При его входѣ больной еще больше раскашлялся, какъ-то съежился, немедленно поднялся съ кресла и незамѣтно исчезъ.

— Петръ Николаевичъ Х., — сухо произнесъ вошедшій баритономъ, еле протягивая мнѣ руку.

Я тоже отрекомендовался.

Затѣмъ онъ сѣлъ въ то кресло, гдѣ сидѣлъ братъ, положилъ ногу на ногу, вытащилъ изъ бокового кармана изящный серебряный портсигаръ, досталъ оттуда сигару, обрѣзалъ ее миниатюрнымъ ножичкомъ, закурилъ и, не глядя на меня, сталъ тѣмъ же ножичкомъ чистить ногти.

Я растерялся и нѣкоторое время не зналъ, что мнѣ дѣлать, а потому, въ свою очередь, закурилъ папиросу и сталъ перелистывать бланки, намекая такимъ путемъ на необходимость приступить къ дѣлу.

Видя, что это не помогаетъ, я раза три кашлянулъ, чтобы обратить на себя вниманіе, а затѣмъ, когда и этотъ общепринятый способъ не возымѣлъ ровно никакого дѣйствія, я рѣшился заговорить.

— Вамъ, вѣроятно, извѣстна цѣль моего пріѣзда?..

— Никакъ нѣтъ-съ, — отчеканилъ онъ, продолжая невозмутимо чистить ногти и не глядя на меня.

Я началъ самымъ подробнѣйшимъ образомъ объяснять, что, какъ и почему, и когда кончилъ, Петръ Николаевичъ произнесъ:

— Но никакого отношенія ни къ какому земству я не имѣю и имѣть не желаю.

— Не будете ли вы такъ любезны написать это на бланкѣ, чтобы не ставить меня въ неловкое положеніе: вѣдь мнѣ, въ концѣ концовъ, придется объяснить причину, почему не описано ваше имѣніе...

— Мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла... Наконецъ, я отдалъ приказъ сообщить вамъ...

— Совершенно вѣрно, но вашъ управляющій или приказчикъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія...

— Что же, я *обязанъ* вамъ *лично* давать показанія?

— Нѣтъ, но я полагалъ, что просто вы больше знаете...

— «Полагать» можно, конечно, что угодно... Наконецъ, я не понимаю, какимъ образомъ субъектъ, обкрадывающій меня, не знаетъ моего имущества... Его-рь!

На этотъ зовъ моментально явился тотъ лакей, о которомъ говорилось выше.

— Что прикажете? — спросилъ онъ, вытянувшись въ струнку.

— Позвать Семена!

— Слушаю-съ!

Черезъ самый короткій промежутокъ времени Семень, вѣроятно, бывшій, на всякій случай, поблизости, уже стоялъ у стола, вытянувъ руки по швамъ и устремивъ широко раскрытые глаза на Петра Николаевича.

— Ты что лжешь, мерр-завецъ, что ничего не знаешь!

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше вскородіе!

— Какъ «никакъ нѣтъ-съ!» А вотъ онъ... они говорятъ, что...

— Они насчетъ плантовъ изволили, а планты въ банкѣ, да у Сидора Поликарповича...

— Да, да, совершенно вѣрно... А вамъ зачѣмъ планы? — строго обратился ко мнѣ Петръ Николаевичъ.

— Но вѣдь я же говорилъ вамъ, что мнѣ необходима документальная цифра земли...

— То-есть этими глупостями *ваше* «земство» занимается... Наконецъ, онъ можетъ вамъ сказать, сколько земли... Развѣ ты, Семенъ, не знаешь, сколько у насъ земли?

— Я сказывалъ, да они говорятъ, что не то...

— Вы говорили мнѣ только о пашнѣ, которую цѣликомъ раздаете крестьянамъ, но ничего не могли сказать о количествѣ луга, лѣса, парка, усадьбы...

— Это точно-съ, этого мы не можемъ...

— Но, позвольте, — воскликнулъ Петръ Николаевичъ, — зачѣмъ вамъ все это? Кто же это, наконецъ, можетъ знать эту мелочь? Если *вашему* земству пришла въ голову блажь, то вѣдь мы не намѣрены потворствовать всякой глупости...

— Земство въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ по закону, оно исполняетъ только предъявленныя къ нему требованія...

— Законы! Ха-ха-ха! Съ какихъ это поръ появились за-ко-ны? А на основаніи какихъ законовъ насъ ограбили, а?! На основаніи какихъ законовъ отобрали у меня земли?! На основаніи какихъ законовъ меня приравняли къ мужику, отдавъ ему кровное мое имущество?!

— Я въ данномъ случаѣ являюсь только исполнителемъ...

— Для меня все это безразлично... Желаете, *донесите вашему земству* то, что вамъ говорятъ, а не желаете, — какъ угодно... До свиданья!

И онъ быстро ушелъ, а я, совершенно ошеломленный, нѣсколько минутъ не двигался съ мѣста; потомъ,

очнувшись, я поспѣшилъ собрать свои матеріалы и въ сопровожденіи Семена, на лицѣ котораго изображалась насмѣшливая улыбка, отправился въ «контору», наскоро одѣлся и поспѣшно убрался изъ усадьбы.

Возница мой былъ человѣкъ съ большой смекалкой, а такъ какъ онъ долго путешествовалъ со мной, то замѣчательно напрактиковался въ опредѣленіи времени пребыванія у того или иного владѣльца, въ зависимости отъ размѣра земли и строя хозяйства.

— Куда-жъ мы нонѣ ѣдемъ? — спрашивалъ онъ меня каждое утро.

Я перечислялъ ему по списку лицъ, которыхъ было бы желательно посѣтить въ данный день, а онъ дѣлалъ свои замѣчанія въ родѣ: «ну, у этого долго сидѣть не будете: у него, что-то, не то сотня, не то полторы сотни десятинъ», или: «у этого, поди, придется посидѣть: пожалуй, до пяти сотенъ земельки есть и хозяйство тоже, какъ слѣдуетъ», или, наконецъ: «ну, тутъ, поди, скоро отдѣлаемся: земли-то хотя и много, да хозяйства никакого, — по мужичкамъ все, какъ есть, раздають».

Что касается даннаго имѣнія, то, вслѣдствіе отдаленности отъ мѣстожительства возницы, онъ зналъ о немъ мало, хотя, «по слухамъ», предполагалъ, что «сидѣть, пожалуй, и вовсе не придется». Только присутствіе барина, который чрезвычайно рѣдко наѣзжалъ въ усадьбу, заставило возницу перемѣнить свое мнѣніе о количествѣ времени пребыванія, вслѣдствіе чего я думалъ, что онъ удивится моему быстрому отъѣзду. Но никакого удивленія возница не высказы-

валъ, а только лукаво улыбался, выжидая съ моей стороны какихъ-либо объясненій; а такъ какъ я молчалъ, то, по обыкновенію, заговорилъ онъ первый.

— Ужъ и баринъ!—началъ возница.

— А что?

— Дюждъ строгъ!

— Вы откуда знаете?

— По слухамъ, давно онъ намъ извѣстенъ, и тетка его, Марья Сергѣевна, поблизости нашей деревни проживаетъ, а теперъ Семень сказывалъ.

— А Семена вы какъ знаете?

— Онъ жену у насъ первую бралъ, дочку Матрены, а потомъ, какъ померла, другую тожъ поблизости бралъ; можетъ, слыхали,—на Ендовищѣ...

— И вторая умерла?

— И вторая: онъ опять вдовъ теперъ.

— А экономку вы какъ знаете?

— Да она ранѣе у тетки его жила, а потомъ того сюды ее перевезли, а то тамъ двѣ старыя собрались: и теткѣ лѣтъ за сто, и экономкѣ не менѣе... Бають, будто, и баринъ старый отъ экономки рожденъ, да онъ, бають, не знаетъ того...

— Это неправда: Семень рассказывалъ, что отецъ теперешнихъ господъ два раза женатъ былъ; отъ одной—первой—родился старый баринъ, а отъ второй—молодой.

— А Семень откедова знаетъ? Онъ и двадцати еще лѣтъ тутъ не живетъ: первая барыня не дала приплоду...

— А вы же откуда знаете?

— Сама тетка сказывала: на старости лѣтъ все говорить...

Возница привязалъ къ телѣгѣ вожжи, свернулъ изъ махорки «цыгарку», закурилъ, сплюнулъ и опять завелъ разговоры.

— Молодой-то баринъ, вишь, съ лишеніемъ въ Сибирь пошелъ; по́томъ того подъ манифестъ былъ подведенъ; какъ, значитъ, правá взяли, сюды и пріѣхали; туды-сюды, а имѣніе начисто заложено, перезаложено, и ничего, то-есть, ему нѣтъ, а старый-то баринъ вонъ гонить: «твоего, баить, ничего здѣсь нѣтути», а молодой возьми да въ Петербургъ жалобу: «такъ, молъ, и такъ, правá получилъ, а имуществомъ братъ завладалъ. Теперича рѣшенія ждуть. А старый баринъ не будь дуракъ, къ теткѣ подкатывается, чтобы, то-есть, имѣніе заполучить, покуда братъ-то правѣвъ на имущество не имѣеть.

— Тетка—это сестра отца?

— Да, да.

— Значить, она родная тетка и стараго, и молодого.

— Это вѣрно, только, значитъ, какъ молодой въ Сибири былъ, она имъ брезговаить.

— Это вамъ все Семень рассказывалъ.

— Семень—онъ все знаетъ... Какъ вы пошли къ барину, онъ и сказываетъ: «ну, говоритъ, съ молодымъ-то, можетъ, и побалакаетъ, а старый — сурьезный человѣкъ—какъ бы не вытолкалъ»... А я ему говорю: «Не посмѣеть, потому бѣду наживетъ: А онъ: «Не такимъ, говоритъ, морды били»...

И возница въ этотъ моментъ взглянулъ на мою фізіономію, словно желая обнаружить признаки оскорбленія дѣйствіемъ, а потомъ продолжалъ:

— Я ему рассказываю: «Пускай-ка тронить! мой баринъ прямо изъ Петербурга!» Вѣрно я рассказываю?

— Нѣтъ, не вѣрно, потому что я не изъ Петербурга.

— А откуда?

— Изъ губерніи—я же вамъ говорилъ...

— Да оно такъ-то-такъ, только народъ говоритъ, что ваше вскородіе прямо изъ Петербурга...

Въ это время слышался топотъ многихъ копытъ. Среди густого облака пыли и затѣмъ возлѣ насъ пронеслась четверка вороныхъ, везшихъ просторное ландо, въ которомъ, развалясь, съ сигарою во рту сидѣлъ Николай Петровичъ, а рядомъ съ нимъ—купецъ-землевладѣлецъ Сидоръ Поликарповичъ Новотшинъ.

— Къ теткѣ поѣхалъ,—замѣтилъ возница.

— А Сидоръ Поликарповичъ зачѣмъ?

— Да, вишь, денегъ онъ не даетъ, покуда тетка ручательства не дастъ.

— А-а!.. Тоже Семенъ рассказывалъ?

— Онъ все знаетъ... Эхъ ты, головушка бѣдная!

— А что?

— Да вѣдь отсюда вы хотѣли къ Х. ѣхать, а я забалакался и пропустилъ поворотъ: надо ворочаться.

— А далеко?

— Нѣ-ѣтъ, съ вѣрсту.

— Ну, поворачивайте.

И мы отправились къ Х.

„Настоящій мужикъ“.

Съ «настоящимъ мужикомъ», Максимомъ Ивановичемъ, познакомился я благодаря пристава Оиміамову, а съ этимъ послѣднимъ познакомился потому, что на сестрѣ жены пристава былъ женатъ отецъ діаконъ Рясинъ; за нимъ по окладнымъ книгамъ числилось сто десятинъ земли, на дѣлѣ же оказалось, что земля принадлежит не отцу діакону, а его женѣ, пополамъ съ женою пристава Оиміамова, при чемъ планъ хранился у Оиміамова. Дѣло это выяснилось весьма скоро, и не болѣе какъ черезъ полчаса послѣ бесѣды съ Рясинымъ я убѣдился, что безъ пристава и плана землю не опишешь, но отецъ діаконъ оказался настолько человѣкомъ гостепріимнымъ, что отъ него уѣхать не было никакой возможности: онъ настоялъ, чтобы я съ нимъ въ саду попилъ чаю съ свѣжимъ сотовымъ медомъ. «Раздѣлить трапезу», какъ выражался отецъ діаконъ, я долженъ былъ тѣмъ болѣе, что Рясинъ былъ одинъ: жена и дѣти уѣхали въ гости «къ сосѣдней дворянкѣ», крестной матери всѣхъ чадъ отца діакона.

Когда мы перешли въ маленькій садъ-огородъ, то, взглянувъ на столъ, сервированный подъ молодою раз-

вѣсистую яблонкою, я убѣдился, что Рясинъ былъ правъ, называя чай «трапезою»; собственно чай игралъ самую послѣднюю роль, а первое мѣсто принадлежало домашнимъ наливкамъ и множеству домашнихъ же закусокъ. Отецъ діаконъ весьма усердно началъ угощать меня и еще усерднѣе самого себя, при чемъ онъ не такъ закусывалъ, какъ, главнымъ образомъ, выпивалъ. Это обстоятельство скоро развязало языкъ Рясины и вызвало желаніе «бесѣдовать по душѣ». Изъ этой бесѣды выяснилось, что матушка держитъ отца діакона въ ежовыхъ рукавицахъ. Болѣе всего слѣдитъ она, чтобы отецъ діаконъ «не пилъ въ одиночку»: съ гостями разрѣшаетъ. Такимъ образомъ я для хозяина явился превосходнымъ предлогомъ утолить «жажду тѣлесную», какъ характеризовалъ наклонность къ спиртнымъ напиткамъ Рясинъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, «отвести душу».

За деспотическія наклонности своей половины отецъ діаконъ не только не укорялъ матушку, но, наоборотъ, называлъ ее «ангеломъ-хранителемъ».

— Скажу вамъ по душѣ, — объяснялъ нѣжность свою къ супругѣ Рясинъ, — что уже съ юныхъ лѣтъ пристрастіе имѣлъ къ напиткамъ. По сей причинѣ и семинарію не окончилъ, и въ попы не попалъ. Такой грѣхъ случился въ послѣднемъ уже классѣ. Вмѣсто всенощной, — знаете ли, — врагъ человѣческой направилъ меня съ товарищами въ трактирное заведеніе. Такая мысль была, чтобы лишь немного плоть усладить: выпить, закусить и назадъ. Но дьяволъ зѣло лукавъ: въ трактирномъ заведеніи онъ свелъ насъ съ купеческими сыновьями, у коихъ невѣдомое множество презрѣннаго металла было. Сначала, знаете ли,

мы даже съ ними въ перебранку вступили, чуть было до мордобоя не дошло, но потомъ того лукавый же и помирилъ насъ. И начали мы миръ, знаете ли, запивать. И вотъ какъ, доложу я вамъ, нахлестались!.. Можетъ быть и сей грѣхъ прошелъ бы безъ слѣда, но по пути въ общежитіе завернула насъ нечистая сила къ дѣвамъ нечистымъ, сирѣчь въ домъ непотребный. А время позднее уже было, такое, что и дѣвы уже почивали. Мы стучать, а намъ не отворяютъ и ругаютъ изъ-за двери самими, понимаете ли, первосортными словами. Ну, по пьяному дѣлу, мы, значить, крикнули «ур-праа!»—и взяли приступомъ... Побѣжали за полиціею, схватили насъ, да въ часть, а тамъ—протоколъ, а тамъ... по шапкѣ изъ семинаріи. А у отца моего 15 человѣкъ дѣтей. Ну, думаю, шаб-башъ, пропадать! И запилъ я Бо-оже мой!.. Тутъ отецъ пріѣхалъ, разыскалъ меня, потомъ того, къ архіерею въ ноги: «Спаси, моль, владыко!» А по со-сѣдству у насъ тоже попъ жилъ, дочерей у него девять было: искалъ жениховъ. Онъ былъ благочинный и вѣсь большой въ консисторіи имѣлъ: секретарь консисторіи зятемъ ему приходился. Архіерей-то и говоритъ: «Жаль, говоритъ, сѣдыхъ твоихъ власовъ—ищи сыну жену, да мѣсто діаконское, попомъ ему не быть». И тому отецъ обрадовался. Повезъ прямо меня къ благочинному и все это рассказалъ. Тотъ и говоритъ: пусть беретъ старшую дочь и мѣсто діакона вотъ въ этомъ селеніи. Вышла дочь. Посмотрѣлъ я на нее—стара! Ну, да что подѣлаешь! А женился—и Господа Бога благодарю: какъ у Христа за пазухою живу—знай только да обѣдни служи, а она остальное все сдѣлаетъ! Я на судьбу не пеняю и Господа

Бога благодарю: досталась мнѣ жена хорошая, дочь благочиннаго, народила мнѣ восьмеро дѣтенышей и сама и одѣваетъ, и обуваетъ, и обшиваетъ, и обѣды готовитъ, и хозяйство ведетъ, да еще пятьдесятъ ей десятинокъ приходится земельки. На 12 лѣтъ старше она меня и словно бы какъ мать. Даже, что я вамъ скажу, народъ теперь сталъ маловѣренъ и лютъ, ибо любовь къ ближнему, аки воскъ растаяла предъ лицомъ дьявола. Въ прежнее время попъ сидитъ у окна да поглядываетъ, какъ приношенія несутъ — только было бы куда складывать. А теперь нѣтъ сего! Теперь мужикъ отъ священнаго лица все прячетъ, а то самъ, аки тать скрывается: скорѣе въ кабацкѣ пропѣетъ, чѣмъ дастъ что лицу духовному. И если бы не матушка, пришлось бы крутовато, а матушка, вмѣсто меня, по бабамъ сборъ дѣлаетъ, и какъ, доложу я вамъ, превосходно! Много лучше, чѣмъ съ мужикомъ: баба больше Бога боится и чинъ духовный поэтому. И вотъ, знаете ли, восемь дѣтокъ, да я съ женою, да мать моя — одиннадцать человѣкъ, не считая прислуги, а живемъ, слава тебѣ, Пресвятая Богородица. И мясца свѣжій кусокъ скушаешь, и рыбкой въ посту побалуешься, и грибокъ солененькій съѣшь; огурчики никогда не переводятся, яблочко моченое тоже почти до весны видишь; праздникъ Христовъ — безъ свой свиньи не обходимся, всегда собственнаго кормленія туши имѣемъ; Воскресенье Христово — столъ уставленъ всякою всячиною, что дай Богъ и попу имѣть! Тутъ тебѣ и индѣчка, и поросеночекъ, а ужъ бабы да куличи печетъ — загляднѣе! И, знаете ли, благодать какая послана благочинному: всѣ дочери такія вышли, всѣ девять одна

въ одну — хозяйки, какихъ мало! Вотъ у Оиміамова сестру жены увидите—тоже женщина преотличная!

И отецъ діаконъ сообщилъ мнѣ біографію пристава. За то же «ночное богомерзкое шатаніе», какъ говорилъ Рясинъ, Оиміамовъ также исключенъ былъ изъ семинаріи. Будущій приставъ принужденъ былъ немедленно своими трудами зарабатывать хлѣбъ. Очень можетъ быть, что исканіе мѣста заняло бы не мало времени, если бы на выручку не явился уѣздный исправникъ, въ былыя времена также служившій приставомъ въ томъ станѣ, гдѣ священствовалъ отецъ Оиміамова, послѣдній крестилъ, вѣнчалъ и хоронилъ дѣтей пристава, а также нерѣдко раздѣлялъ съ семействомъ его хлѣбъ и соль и игрывалъ въ рамсы, стуколки, преферансы и т. д. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что исправникъ весьма быстро опредѣлилъ сына своего пріятеля въ уѣздное полицейское управленіе, а затѣмъ способствовалъ его повышенію впредь до пристава включительно, и лишь смерть пріостановила дальнѣйшія заботы исправника о Оиміамовѣ. Послѣдній, между тѣмъ, получивъ хлѣбное, сравнительно, мѣсто, тотчасъ женился на одной изъ дочерей того благочиннаго, у котораго взялъ дочь и Рясинъ. Жена Оиміамова точно такъ же быстро устроила гнѣздо и сдѣлала Оиміамова отцомъ многочисленнаго семейства.

Благодаря длиннымъ біографіямъ, «трапеза» наша продолжалась минимумъ часа три, и мнѣ только къ вечеру удалось отъ отца діакона попасть къ приставу. Послѣдняго я засталъ въ апогеѣ семейнаго блаженства.

Окруженный наслѣдниками всѣхъ возрастовъ и половъ, Оиміамовъ еле вмѣщался въ громадномъ креслѣ, говорилъ чрезвычайно медленно, при чемъ пускалъ

слюну и былъ въ какомъ-то полудремотномъ состояніи и постоянно зѣвалъ, да такъ сладко, что и самому зѣвать хотѣлось и клонило ко сну.

Понятно, что при такихъ качествахъ Өиміамовъ съ ужасомъ относился къ своимъ обязанностямъ, когда вдругъ являлась ему необходимость летѣть, сломя голову, по дѣлу какого-нибудь убійства, буйства, безпорядковъ и т. д., и т. д. Особенно паническій страхъ наводили на него платежи и недоимки, требовавшіе необыкновенныхъ усилій для извлеченія ихъ изъ мужика. Вслѣдствіе же этого съ другой стороны Өиміамовъ съ необыкновеннымъ умиленіемъ говорилъ о двухъ-трехъ деревняхъ, которыя платили исправно, не требовали личнаго его присутствія, и наперечетъ зналъ въ своемъ станѣ тѣхъ «хорошихъ», единичныхъ «настоящихъ мужиковъ», которые безпрекословно давали то, что отъ нихъ требовалось. Но особенно хорошаго мнѣнія былъ онъ о Максимѣ Ивановичѣ, разговоръ о которомъ зашелъ у насъ потому, что отъ пристава я долженъ былъ отправиться въ то селеніе, гдѣ именно проживалъ Максимъ Ивановичъ.

— А гдѣ бы мнѣ остановиться, Тихонъ Ивановичъ?—спросилъ я Өиміамова.

— Гдѣ остановиться?!—удивился приставъ:—развѣ вы не знаете, что тамъ живетъ Максимъ Ивановичъ?

— Кто это такой?

— Неужели не знаете? Бывшій старшина.

— Не знаю.

— Уд-дивительно! Его самъ губернаторъ знаетъ: еще покойнаго исправника, Ферапонта Семеновича, я просилъ доложить и онъ доложилъ.

— Извиняюсь, но, повторяю, впервые слышу. Чѣмъ же онъ замѣчателенъ?

— Это, можно сказать, единственный «настоящій мужикъ», которыхъ скоро и вовсе не будетъ. Если бы все были такіе мужики, то или вовсе бы нашего брата не надо было, или, по крайности, мы, какъ котъ въ маслѣ, живали бы припѣваячи: получи и отвези куда слѣдуетъ.

— Исправенъ въ платежахъ?

— Не только лично, а все селеніе побуждаетъ; когда былъ старшиною, такъ что онъ дѣлалъ: пришло время, является, бумажникъ откроетъ, да за всю волюсть и выбросить! «Что ты»—кричу я, бывало.—«Не бойтесь, говорить, ваше благородіе, мое не пропадетъ». И не пропадало! Я вамъ говорю, если бы такіе мужики были—ничего больше не надо! Теперь развѣ есть настоящіе мужики? Теперь сволочь пошла, голь, пьяницы, душу всю вымотаютъ, покуда грошъ изъ него выбьешь! Да еще, подлецы, хитрятъ: раньше, бывало, пріѣдешь, глядь кто-нибудь изъ толпы начнетъ грубіянить; ну, его сейчасъ въ морду, подъ арестъ: всѣ видятъ и страшатся, а тамъ, смотришь, и платить начинаютъ; а теперь, подлецы, стоятъ и молчатъ—хоть бы кто глазомъ моргнулъ! Орешь-орешь, кричишь-кричишь, а они молчатъ! Не знаешь, какую морду бить и какъ острастку дать. Нѣтъ, знаете ли, чѣмъ дальше, тѣмъ больше убѣждаешься, что поспѣшили, очень поспѣшили взять ихъ отъ помѣщика. Надо бы потихоньку да помаленьку: проявилъ смиреніе, послушаніе, аккуратность—освободить! Вотъ если бы такихъ только сначала освободили, какъ Максимъ Ивановичъ—совсѣмъ другая игра! Тогда бы всѣ видѣли, кто достоинъ,

и какъ надо поступать, чтобы получить свободу, и какая бы тогда получилась исторія! А теперь поздно, ничего уже не подѣлаешь...

— Такъ совѣтуете у Максима Ивановича остановиться?

— Всенепремѣнно! Кланяйтесь ему отъ меня и скажите, что скоро буду.

— Конечно, поклонюсь.

Когда я, достигнувъ селенія Слюняваго, подѣхалъ, по совѣту Тихона Ивановича, прямо къ большой, крытой тесомъ избѣ Максима Ивановича, послѣдній встрѣтилъ меня на крыльцѣ.

Это былъ здоровый, плотный мужчина, по виду лѣтъ не болѣе пятидесяти, хотя на самомъ дѣлѣ ему было уже за семьдесятъ. Онъ фамиллярно протянулъ мнѣ руку и осклабился, когда я передалъ ему поклонъ отъ Ѳиміамова, и черезъ сѣни провелъ въ горницу, оклеенную лубочными картинами, съ массою иконъ въ правомъ, дальнемъ отъ входа углу, и уставленную мебелью: деревянный диванъ, столъ возлѣ него и около полдюжины деревянныхъ стульевъ.

— Эй, вы!—крикнулъ онъ, пріотворивъ дверь. Ментально явились четыре, довольно молодые еще женщины, босыя и въ грязныхъ ситцевыхъ юбкахъ, приподнятыхъ до самыхъ колѣнъ.

— Ну, сволочь лѣнивая!—злобно продолжалъ кричать Максимъ Ивановичъ:—прибирай!

Испуганныя женщины, ни слова не говоря, начали быстро мести, стирать пыль, убирать одежду, а когда

окончили и собирались уйти, Максимъ Ивановичъ приказалъ:

— Пускай Дмитрій придетъ!

Скоро явился какой-то забитый рябой парень, лѣтъ подъ тридцать.

— На ключъ, — сказалъ Максимъ Ивановичъ, — возьми какую-нибудь бабу и принеси ветчины, сала, огурцовъ, меду.

Парень удалился, не проронивъ, какъ и бабы, ни единого слова.

— Можетъ, курочку желаете зажарить? — обратился ко мнѣ хозяинъ.

— Нѣтъ, не надо.

— А то у меня, слава Богу, есть.

— Нѣтъ, благодарю.

— А на счетъ самовара?

— Это, пожалуйста.

— Эй, вы, — опять пріотворивъ дверь, крикнулъ Максимъ Ивановичъ, и когда кто-то появился въ сѣняхъ изъ другой половины избы, онъ отрѣзалъ: Самоваръ!

Затѣмъ сѣлъ на скамейку и, въ ожиданіи чая, мы повели бесѣду.

Само собою разумѣется, рѣчь прежде всего зашла о Ѳиміамовѣ.

— Ужъ и чело-вѣкъ! — восхвалялъ Максимъ Ивановичъ. — Я ему сказываю: какой бы изъ васъ, Тихонъ Ивановичъ, протопопъ вышелъ! А онъ сказываетъ: «Я, сказываетъ, сызмальства по этой части идти хотѣлъ, да неудача»; очень, сказываетъ, къ священству любовью имѣетъ. Это онъ теперь постарѣлъ да чуть-чуть въ тѣло вошелъ, а какъ молодымъ-то былъ, экую голо-

сину имѣлъ! Какъ была это супруга ихняя еще невѣстою, такъ они изволили на клирѣ пѣть и псалтырь читать. Бывало, какъ вззоетъ въ концѣ-то въ самомъ, такъ смотришь, цѣлы ли, стекла. А то ужъ недавно было, лѣтъ десять, что ли, тутъ мужиченки въ деревнѣ Копытиной чего-то побѣсились, да айда! въ губернію къ губернатору съ прошеніемъ. Онъ ихъ перегналъ, да ка-акъ вззоетъ — такъ шапки всѣ и долой! А одинъ-то перечить хотѣлъ; онъ его вытащилъ, повалилъ на землю, да и приналегъ своимъ тѣломъ: три дня очухаться не могъ! Теперь, извѣстно, не то-о! куды-ы! А все же, охъ, барины! хор-рошъ!

— А Тихонъ Ивановичъ васъ хвалить, что вы подати исправно вносите.

— Очень его удивленіе беретъ. Онъ все сказываетъ, какъ это, говорить, у тебя все ладно: экая семья, а тихо, скромно, дѣлежа нѣтъ и всякое продовольствіе. А я ему сказываю: какъ самъ Бога я боюсь, такъ и всѣхъ въ страхѣ Господнемъ держу. Почему теперь раздѣлы? страха настоящего нѣтъ, а ты во-какъ держи, въ страхѣ!

И Тихонъ Ивановичъ сжалъ кулакъ, покраснѣлъ и продолжалъ съ жаромъ разговоръ на самую, повидимому, наболѣвшую тему.

— Позвольте васъ теперь спросить: у меня, приблизительно, четыре сына да всѣ женаты; считайте, четыре снохи, да народили онѣ одиннадцать щенятъ. Хорошо. Ежели теперь, приблизительно, всѣ онѣ вззоютъ или грызня пойдетъ—можно жительство имѣть? Никакъ этого невозможно. Потому и держи ихъ, какъ Господь Богъ предписываетъ. У меня теперь какъ? Слышу, примѣрно, баба говоръ начала: войдешь, по-

глядишь кто, да въ морду! Мало—за косу да въ шею; выть зачала—также въ морду! Потому воетъ она, ни къ чему. А сынъ за жену уступился и его въ морду да выпяткомъ вонъ изъ хаты! Покуда живъ, я здѣсь хозяинъ! Щенята пошли визжать: за виски, а побольше—лозою! И вотъ, можете вы у меня жить хоть сколько вамъ угодно, и вы не услышите, чтобъ кто разговоръ даже имѣлъ: въ избѣ тихимъ манеромъ можешь бесѣду вести, а ежели тебѣ взвыть хочется—пошелъ въ клуню! А старшиною я былъ: у меня, какъ солнышко возшло,—пошелъ по избамъ! Ни этого вою, ни крику—а-ни-ни! А подати теперь внесу за всѣхъ, а потомъ и пошелъ собирать—и всегда все выбиралъ, потому знаю мужика! Мужика баловать невозможно, потому онъ мужикъ. А ежели ты мужикъ, такое о себѣ и понятіе долженъ имѣть. Меня вѣ-какъ господа бивали! Бывало, чуть что,—на сѣноваль и такъ оттяпаютъ, что до помороковъ; а потомъ того, какъ добродѣтель приобрѣлъ, и награда тебѣ, къ ручкѣ допущеніе имѣлъ; опять, приблизительно, протрафилъ—дуй! и вотъ какъ благодарю! и по гробъ жизни благодарить буду, потому человѣкомъ настоящимъ сталъ, и всякое тебя начальство уважаетъ.

Въ это время двѣ изъ четырехъ женщинъ, убравшихъ комнату, болѣе чисто одѣтая, внесли одна вслѣдъ за другой большой подносъ съ закусками и чайною посудой и самоваръ.

— Пришлите Дмитрія,—сурово сказалъ имъ Максимъ Ивановичъ, когда женщины, молча поставивъ все на столъ, направились къ двери. Явился тотъ же Дмитрій.

— Ключъ?!—рѣзко спросилъ его Максимъ Ивановичъ.

Дмитрій молча отдалъ ключъ. Максимъ Ивановичъ спряталъ его въ одинъ карманъ, а изъ другого досталъ новый ключъ и сказалъ:

Иди въ лавку и принеси вязанку баранковъ, что посвѣжѣ (надъ боченкомъ висятъ) и бутылку водки получше, что подъ прилавкомъ, съ лѣваго бока.

Дмитрій повернулся и ушелъ, а затѣмъ, скоро возвратившись, принесъ требуемое и, молча поставивъ на столъ, отдавъ ключъ, удалился.

Такъ какъ уже стемнѣло, Максимъ Ивановичъ зажегъ висѣвшую надъ столомъ небольшую лампу, и мы вдвоемъ стали пить чай, водку и закусывать.

— А семейство ваше придетъ пить чай?

— Не доросли еще... Пускай не балуются, пускай сначала по-мужицкому привыкнуть жить, да пускай сами наживутъ, тогда и чай пьютъ, а я ихъ всѣхъ не напою... Мнѣ каждый грошъ во гдѣ сидитъ.

И Максимъ Ивановичъ прикоснулся рукой къ затылку. Разговоръ послѣ этого не клеился, и до конца чая мы проронили только нѣсколько словъ относительно доброкачественности продуктовъ, особенно огурцовъ.

По окончаніи чаепитія Максимъ Ивановичъ ушелъ и долго не возвращался, а такъ какъ я не зналъ, гдѣ мнѣ приготовить себѣ постель, то и отправился въ другую часть избы, расположенную черезъ сѣни.

Здѣсь въ низкомъ, темномъ и тѣсномъ помѣщеніи съ землянымъ поломъ ютилась вся громадная, не раздѣленная семья. Засталъ я ее за ужиномъ, состоявшимъ изъ хлѣба, соли и прокисшей капусты съ

противнымъ запахомъ. Помимо взрослыхъ, это же ѣли и дѣти, за исключеніемъ грудныхъ, пищавшихъ въ трехъ люлькахъ, привѣшенныхъ къ потолку. При моемъ входѣ и мужчины, и женщины испуганно схватились со своихъ мѣстъ и молча низко мнѣ поклонились.

— А Максима Ивановича здѣсь нѣтъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ одинъ изъ сыновей.

— А гдѣ же онъ?

— Должно, въ лавку на минутку ушли.

— Гдѣ мнѣ можно постель постлатъ?

— А они сейчасъ придутъ.

— А кто-нибудь изъ васъ не можетъ указать?

— Они скажутъ... они сейчасъ придутъ.

Дѣйствительно, вслѣдъ за моимъ приходомъ въ горницу вошелъ и Максимъ Ивановичъ.

— А я васъ искалъ въ той половинѣ, — сказалъ я ему.

— А что?

— Да гдѣ мнѣ можно постлаться?

— Гдѣ вамъ загодно... Вотъ я сейчасъ прикажу бабамъ...

— Но ваше семейство сюда придеть...

— Въ горницу-то?

— Да.

— Ну—шшалишь! По горницамъ набалуется, рабывать перестанутъ, хлѣба печь не захотятъ; пускай-ка сами заработаютъ, да горницы строятъ... Къ горницѣ и нарядъ нуженъ настоящій: бабы атласы да канихвасы потребуютъ... Въ этой горницѣ только благородные господа бываютъ... Тутъ завсегда Тихонъ

Ивановичъ почиваютъ. А разъ колесо у его преосвященства сломалось, какъ по епархіи ѣздилъ, тоже ко мнѣ заѣхалъ, ночевали, и вонъ ентою иконою благословилъ.

Максимъ Ивановичъ вздохнулъ, перекрестился и, какъ бы вспомнивъ при этомъ свои обычныя обязанности, зажегъ четыре лампадки и прибавилъ: неугодно горять лампы за упокой души папаши, мамы, жены и всѣхъ сродственниковъ.

Затѣмъ онъ вышелъ, чтобы отдать приказъ бабамъ постлатъ постель, хотя я уговаривалъ его не беспокоиться, такъ какъ все необходимое было у меня съ собою.

Бабы принесли откуда-то громадную перину, но я наотрѣзъ отказался спать на ней, такъ какъ вообще терпѣть ихъ не могу, а тѣмъ болѣе тѣхъ перинъ, которыя гдѣ-то валяются до пріѣзда излюбленныхъ гостей, а затѣмъ служатъ логовищемъ каждому изъ пріѣзжихъ, никогда не провѣтриваются и изобилуютъ миллиардами насѣкомыхъ. Тогда Максимъ Ивановичъ приказалъ постлатъ перину для него, пояснивъ, что, дабы гости не скучали, онъ, во время пребыванія ихъ, также ночуетъ въ горницѣ, а вообще спитъ въ той половинѣ, гдѣ и всѣ остальные.

Уснули мы съ хозяиномъ пріятелями, и не предвидѣлъ я, что утромъ уже сдѣлаемся врагами.

А между тѣмъ это случилось.

Утромъ я узналъ, что Максимъ Ивановичъ сдѣлалъ много больше, чѣмъ я просилъ. Мнѣ желательно было только увидѣть старосту, чтобы сдѣлать распоряженіе о созывѣ схода, а хозяинъ лично приказалъ всѣмъ собраться у него, въ томъ числѣ повелѣлъ явиться и

старостѣ. Мало этого Благодарая тишинѣ, удобству помѣщенія, я, сравнительно, заспался: обыкновенно лѣтомъ встаешь часа въ 4 и 5, а я всталъ уже около семи. Затѣмъ, не видя старосты, я не спѣшилъ съ чаемъ, такъ какъ разсуждалъ, покуда онъ придетъ да созоветъ, — спокойно успѣю не разъ напиться, а когда, около 8-ми уже часовъ, пришелъ Максимъ Ивановичъ «провѣдать меня», я, къ досадѣ своей, отъ него услышалъ, что «народъ давно уже согнали, что ждетъ онъ съ самой зари».

— Отчего же меня не разбудили?

— Какъ это возможно! Эки дѣла, что мужикъ подождетъ: по недѣлямъ въ волости валяются...

— Но почему же потомъ не сказали?

— Я приказъ отдалъ, чтобы безъ меня дыхнуть не смѣли!

— Въ другихъ деревняхъ, какъ соберутся, я и просыпаюсь, потому слышу, какъ говорятъ...

— Пускай бы у меня посмѣли! Какъ былъ старшиною, я имъ всѣмъ зубы посчиталъ — до смерти не забудутъ... Гдѣ это видано, чтобы благородный чловѣкъ сномъ покоится, а тутъ разговоръ...

— Ну, пожалуйста, зовите...

— Да вы не беспокойтесь, не спѣшите...

— Нѣтъ, прошу васъ.

— Извольте.

Хозяинъ вышелъ, и скоро я услышалъ кашлянье, говоръ, тяжелые шаги, а затѣмъ дверь отворилась, и вслѣдъ за Максимомъ Ивановичемъ ввалила толпа.

— Не напирай! — гаркнулъ онъ: — не входи всѣ! — И порядокъ тотчасъ водворился: въ избу вошла часть, а другая остановилась въ сѣняхъ и на улицѣ.

Такъ какъ Максимъ Ивановичъ стоялъ ближе другихъ къ столу, то съ него и началъ я опросъ.

Когда я совершенно закончилъ съ нимъ дѣло, прибавилъ уже «больше ничего», какой-то крестьянинъ, стоявшій вслѣдъ за Максимомъ Ивановичемъ, тихо произнесъ:

— А Денисъ?

— Какой Денисъ?! — обернувшись, свирѣпо спросилъ Максимъ Ивановичъ: — его нѣтъ.

— Кто это Денисъ?! — спрашиваю.

— Да какой тамъ Денисъ, — сердито отвѣчаетъ Максимъ Ивановичъ: — онъ у меня не живетъ...

— Но кто онъ?

— Да сынъ; да онъ не въ счету...

— Что онъ, отдѣлился, что ли?

— Нѣтъ, да только онъ ни къ чему, я его своимъ не считаю, въ родѣ какъ, примѣрно, собака...

— Ну, какъ вамъ угодно считать его, такъ и считайте, а я долженъ его записать: сколько ему лѣтъ?

— Нѣтъ, это какъ хотите, а я не допущу...

— Но на какомъ основаніи?

— Потому, какъ ежели насчетъ земли или имущества...

— Эта перепись никакого отношенія не имѣетъ ни къ вашей землѣ, ни къ имуществу; вообще она ровно ничего не значитъ.

— Нѣтъ, это какъ загодно, а я не могу.

— Но я долженъ его записать...

— Нѣтъ, ежели что, я Тихону Ивановичу пожелаю.

— Можете жаловаться и Тихону Ивановичу.

— А ежели и онъ не поможетъ—пойдемъ дальше...

— Куда вамъ угодно, а все-таки я васъ прошу со-общить о вашемъ сынѣ, такъ какъ все равно другіе скажутъ...

Не отвѣтивъ на это, Максимъ Ивановичъ обра-тился къ старостѣ и сказалъ:

— Иди-ка ищи другую избу, а въ своей я этого допускать не могу.

Положеніе мое было не особенно пріятное, но слѣ-довало во что бы то ни стало сохранить спокойствіе.

— Конечно, вы вольны дать ваше помѣщеніе или нѣтъ,—отвѣтилъ я и прибавилъ:—староста, идите же искать другую избу; нѣтъ ли у васъ сборной.

— Есть, ваше вскородіе!

— Въ такомъ случаѣ,—обратился я къ собрав-шимся,—вы, пожалуйста, и идите въ сборную.

А затѣмъ Максиму Ивановичу сказаль:

— Я гдѣ все не просилъ васъ, чтобы опросъ произ-водился въ вашемъ домѣ, я только хотѣлъ видѣть старосту, которому и поручилъ бы найти другое мѣсто.

Когда всѣ вышли, я обратился къ хозяину съ во-просомъ, сколько слѣдуетъ ему за ночлегъ, самоваръ и угощеніе.

Онъ, заложивъ назадъ руки, разставивъ ноги, под-нялъ вверхъ голову, какъ бы высчитывая стоимость, а потомъ отвѣтилъ:

— Три рубля.

— Извольте. До свиданія!

— Также и вамъ.

И я ушелъ вслѣдъ за крестьянами.

— Что такое съ Максимомъ Ивановичемъ ста-лось?—спрашиваю по дорогѣ присоединившагося ко мнѣ старосту.

— Да вотъ, видите, какое дѣло,—началъ послѣдній, испуганно оглянувшись назадъ и по сторонамъ, словно опасаясь, какъ бы кто не подслушалъ.—Максимъ Ивановичъ крутъ, ахъ, какъ крутъ! Ну, ентихъ-то сыновъ и бабъ ихнихъ, какъ слѣдуетъ, къ порядку призвёлъ, а касательно Дениски-то не призвёлъ. Потому какъ была, т.-е., здѣсь барышня, а онъ къ ней и убѣгъ. А барышня-то ента грамотѣ дѣтей обучала. Потомъ, того, болѣзнь на нее нашла и поѣхала она на теплыя воды въ Таврію; поѣхала и Дениску захватила, да тамъ, проживши года съ три или четыре, возьми да и умри. Дениска-то и пришелъ домой, книгъ съ собою привезъ и хотѣлъ тоже ребятъ обучать. Максимъ-то Ивановичъ и ну на него! А у Дениски-то къ тому же болѣзнь: жаба въ нутри, либо ужъ, бабы сказываютъ: какъ это чего поѣстъ кислаго—капусты, огурцовъ—такъ на блевоту и вернетъ, такъ и вернетъ. Дениска-то и сказываетъ: «какъ я, говоритъ, боленъ, къ работамъ непривыченъ, а охочъ по письменной части, я, говоритъ, въ горницѣ жить буду и своихъ, и чужихъ ребятъ грамотѣ обучать». А Максимъ Ивановичъ насупротивъ, да какъ осерчалъ, взялъ книги-то и въ печку бросилъ: «Отъ ентихъ, сказываетъ, дьяволовъ и самъ ты сатаной сдѣлался, и болѣзнь твоя пошла, и къ родителямъ почтенія не имѣешь». А Денисъ-то ему въ отвѣтъ: «не я, говоритъ, сатана, а ты кровопивецъ». Слово-за-слово, Максимъ Ивановичъ его и прогналъ, прямо за волосы изъ избы вытащилъ, да каблуками билъ... Большой грѣхъ былъ!

— Гдѣ же теперь Денисъ?

— Да тутъ въ лѣсу живетъ, въ барышникомъ же. Имѣніе по смерти досталось сродственницѣ какой-то,

а полѣсовщикъ тотъ же остался и знаетъ Дениску, ну, такъ и держитъ его въ своей избѣ.

Мнѣ ужасно захотѣлось познакомиться съ этимъ единственнымъ протестантомъ въ семьѣ «настоящаго мужика» и, къ моему удовольствію, оказалось, что это совсѣмъ легко: отъ старосты узналъ, что дальнѣйшій мой путь не только пролегаетъ близъ барышнинаго лѣса, но и идетъ ближе къ сторонѣ, гдѣ именно живетъ полѣсовщикъ. Предвидя такое свиданіе, я, не смотря на позднее окончаніе переписи, ночевать не остался, а отправился въ лѣсъ.

Полѣсовщикъ, котораго мы застали у избы за починкою бочки, былъ удивленъ и испуганъ нашимъ появленіемъ, сначала принявъ меня за какого-нибудь ревизора, а потомъ предположивъ, что оба мы, я и возница,—агенты Максима Ивановича, уполномоченные взять Дениса; но скоро мнѣ, благодаря, впрочемъ, возницѣ, удалось разсѣять недоразумѣніе и уяснить, въ чемъ дѣло. Тогда полѣсовщикъ заявилъ, что Денисъ сидитъ на погостѣ, на могилѣ барышни.

— А далеко это?

— Нѣтъ, тутъ сейчасъ, по прогалинкѣ—во-онъ прямая дорога.

Оставивъ возницу бесѣдовать съ полѣсовщикомъ, я отправился къ церкви.

Въ дубовомъ лѣсу было уже темно, но виднѣвшаяся вдали свѣтлая прогалина, на которую указалъ полѣсовщикъ, и широкій, уѣзженный путь къ ней совершенно облегчали короткое путешествіе, тѣмъ болѣе

пріятное, что въ такой мѣстности, о которой идетъ рѣчь, такіе лѣса теперь величайшая рѣдкость.

Прогалина, на которую я скоро вышелъ, уже была освѣщена показавшимся изъ-за деревьевъ мѣсяцемъ, и бѣлая изящная церковь, окруженная оградой, рельефно вырисовывалась на пригоркѣ, направо; за церковью опять тянулся лѣсъ, въ концѣ котораго виднѣлась блестящая желѣзная крыша барской усадьбы.

Желѣзные ворота погоста были открыты настежь, и когда я вошелъ внутрь ограды, то тотчасъ увидѣлъ на одной изъ трехъ могилъ съ памятникомъ человѣка и подошелъ къ нему. Освѣщенный луною, человѣкъ этотъ походилъ на живого мертвеца; неимовѣрно худой, сгорбленный, блѣдный, со впалою грудью онъ съ большимъ трудомъ, при помощи палки, поднялся съ могилы и, широко отъ удивленія открывъ глаза, отвѣсилъ поклонъ, какъ бы ожидая какой-нибудь бѣды. Я упросилъ его сѣсть, помѣстился съ нимъ рядомъ и очень быстро пояснилъ ему, въ чемъ дѣло, рассказавъ сцену у отца.

Денисъ болѣзненно улыбнулся, понурилъ голову и послѣ долгаго молчанія, наконецъ, заговорилъ тихо и медленно:

— Вотъ говорится: «чти отца твоего», а не поясняется, какого отца... Развѣ это отецъ?.. Это звѣрь лютый, хуже того... Онъ мать въ гробъ уложилъ: все училъ онъ ее—за косу да обѣ полъ, да приговаривалъ: «жена мужу должна повиноваться». Онъ вѣдь мало того, что жить не даетъ ни внукамъ, ни сыновьямъ своимъ, онъ еще грѣхъ творить съ женами братьевъ...

— Неужели?

— О-о!.. Господи, Господи!.. Боже мой, Бо-о-же

мой... Да и не сдѣлаешь ничего, и въ свидѣтели побоятся идти: міръ весь у него въ долгу, а потомъ водку поставить можетъ.

— А какъ съ вами дѣло вышло?

— Со мной-то?

И, повернувъ голову, онъ, глядя на могилу, на которой мы сидѣли, прибавилъ:

— Вотъ она...

Слезы показались на глазахъ Дениса; онъ пригнулъ голову къ колѣнямъ и такъ зарыдалъ, что и у меня безпричинно начали подступать слезы. Когда Денисъ оправился, я не рѣшился болѣе спрашивать его, но онъ послѣ нѣкотораго молчанія самъ заговорилъ, какъ бы отвѣчая на мой вопросъ:

— Если бы она жива была, того бы ничего не было... Умная она была и добрая... Она совсѣмъ уже замужъ собиралась за доктора, да онъ мертвеца рѣзалъ, палецъ себѣ порѣзалъ и умеръ... Вотъ онъ рядушкомъ похороненъ: она его сюда перевезла... Потомъ захирѣла и захирѣла... А ребятъ нашихъ все же учила: давно этимъ занималась, потому школы у насъ никогда не было... Какъ я отъ отца бѣжалъ, она меня спрятала... Приѣхалъ приставъ, а она сказала—будетъ губернатору жаловаться; приставъ испугался и уѣхалъ... А она знатная была: губернаторъ не разъ обѣдалъ у нея, когда уѣздъ объѣзжалъ... Учила она меня, поила, кормила, одѣвала... Бывало, говоритъ: «отецъ твой звѣрь потому, что его звѣремъ сдѣлали съ дѣтства, когда крѣпостнымъ былъ, а дѣти не будутъ такими, если наукамъ учиться будутъ...» И чего только у нея не было: и волшебные фонари, и глобусы, и книгъ множество, и показывала она, какъ молнія и отъ чего

происходитъ, какъ дождь, тучи—ну, все рѣшительно! Я больно золь къ наукѣ былъ, и, должно быть, за это она меня полюбила... А сама все на могилу эту ходитъ и сидитъ, да все хирѣетъ, хирѣетъ... Потомъ и вовсе слегла. Приѣхала родственница, доктора привезла, а онъ и говоритъ, что непременно въ Крымъ надо ѣхать. Вотъ весною поѣхала она и меня взяла. Въ Ялтѣ три года мы жили... Господи! Что за страна! Бывало, какъ еще не ослабѣла, проснется до солнышка и на море, далеко туда, къ Массандрѣ... Возьмемъ провизію, сидимъ и смотримъ... Господи! Вѣкъ не забуду!.. Глядимъ на дно, какъ въ зеркало, и вода—то зеленая, то синяя, то какъ хрусталъ! А дельфины эти какъ начнутъ кувыркаться! Господи! Такъ бы до смерти и пролежалъ... Съ годъ такъ дѣло шло, только зимою сидимъ дома, да въ окно смотримъ на то же море. На другой годъ слабость стала больше и больше; кровь горломъ пошла... Доктора не позволили ходить... У меня тоже болѣзнь началась, только въ желудкѣ... На третій годъ она померла...

Денисъ замолчалъ и опять прижалъ голову къ колѣнямъ, глотая слезы, а затѣмъ, успокоившись, продолжалъ:

— Передъ смертью книгъ подарила мнѣ множество, пятьдесятъ рублей дала и говоритъ: «иди въ деревню, учи тамъ, какъ я тебя учила, чтобы не было такихъ злыхъ людей, какъ твой отецъ...» Потомъ улыбнулась и говоритъ: «меня тоже туда привезутъ—я буду изъ могилы слушать, что ты дѣлаешь...»

И Денисъ опять зарыдалъ, и опять меня точно такъ же стали душить слезы...

А луна, между тѣмъ, дошла до зенита яснаго без-

облачного неба и освѣщала серебристымъ свѣтомъ эту чудную лужайку, окаймленную дремавшимъ въ нѣгѣ дубовымъ лѣсомъ и покрытую муравою, на которой, какъ крошечные брилліантики, блестѣли капельки росинокъ; стройная церковь вырисовывалась еще рельефнѣе, и ярко горѣлъ на ней позолоченный крестъ. Такъ казалось хорошо, такъ привольно среди этой молчаливой природы, и тѣмъ жгучѣе выступало чувство боли, тоски, досады при видѣ этого страданія погибающей жизни и при воспоминаніи о погибшей уже молодой хорошей жизни, такъ умѣвшей любить, такъ страстно желавшей счастья окружающимъ, что даже въ послѣднюю минуту жизни думавшей только объ этомъ...

На этотъ разъ Денисъ долго не могъ успокоиться, сильно кашлялъ; затѣмъ у него начались припадки рвоты, и онъ ушелъ куда-то за ограду.

Я думалъ, что разговоръ нашъ законченъ, но Денисъ возвратился, выпилъ воды въ церковной сторожкѣ, опять подошелъ ко мнѣ и продолжалъ:

— Какъ умерла, я дождался, покуда повезли ее и самъ уѣхалъ, да въ Севастоподѣ меня такъ подломило съ этою болѣзною, что въ больницу легъ и всѣ деньги истратилъ. Докторъ мнѣ сказалъ, что болѣзнь нехорошая—катарръ желудка, чтобы я въ ѣдѣ былъ остороженъ и въ тяжелой работѣ. Ну, думаю, доберусь до деревни своей, буду учить и своихъ, и чужихъ, а то ужъ и забылъ, каковъ отецъ у меня: три года я не слыхалъ о немъ ничего, да и о деревнѣ своей не слыхалъ... Приѣзжаю... Отецъ первымъ дѣломъ и говоритъ: «Если повиновенія имѣть не будешь, работъ исполнять всѣхъ не будешь, чтобы и духу не было»...

Я ему начинаю пояснять, что и какъ,—и не слушаетъ!.. Созвалъ міръ, водкою напоилъ и говоритъ, что вотъ, молъ, ученый нашелся и болѣзней нанесъ... Міръ ну смѣяться, а бабы сказываютъ, что у него не то жаба въ животѣ, не то ужъ: приговоромъ можно вылѣчить... Что подѣлаешь? А не могу я ничего ни работать, ни пищи этой ѣсть, которою онъ кормить всѣхъ... Все же я кой-какъ терпѣлъ: нѣтъ отца дома—я дома, вижу идетъ—я изъ дому... Какъ-то не успѣлъ я уйти—въ горницѣ книгою зачитался, а онъ тутъ-какъ-тутъ. «Ахъ, ты—говоритъ,—такой-сякой, во-онъ отсюда!» Да не дождался, покуда выйду, захватилъ всѣ мои книги, да въ ту избу, да въ печь... Я не помнилъ ужъ себя, кричу: «Что ты, кровопивецъ, дѣлаешь?» И вцѣпилъ ему въ горло, да ослабъ: онъ меня тогда прибралъ, схватилъ за волосы, вытащилъ на улицу и нну! Вотъ какъ билъ! А міръ собрался, да гогочетъ: «Больше, кричитъ, его дьявола, ученаго: можетъ, и болѣзнь пройдетъ!» Избилъ меня до безпамятства... Долго я лежалъ, а какъ очнулся, и ну бѣжать, самъ не знаю куда... Уже по дорогѣ вспомнилъ про лѣсъ-то: полѣсовщикъ меня знаетъ и барышню любилъ—она часто у него бывала. Онъ меня принялъ, а барыня новая дозволила помощникомъ у ночного сторожа быть и жить въ сторожкѣ. Вотъ я днемъ у полѣсовщика, а ночью здѣсь... Э-эхъ, кабы ты знала, болѣзная, что со мною!—закончилъ Денисъ, глянувъ на могилу, и ушелъ.

Я больше его не тревожилъ, хотѣлъ только при прощаньи дать немного денегъ на лѣчение, но Денисъ не взялъ: «Богъ съ нею, съ такою жизнью,—сказалъ онъ,—кому я и зачѣмъ?.. Я вотъ только не осмѣлюсь

у барыни попросить, чтобы рядушкомъ съ барышней меня положили».

Съ тяжелымъ чувствомъ возвращался я обратно къ возницѣ, чтобы ѣхать дальше. «Да,—думалъ я,— вотъ онъ, «настоящій мужикъ», старинный, излюбленный типъ отживающихъ поклонниковъ крѣпостного времени,

Что и говорить—онъ «удобенъ». Дѣйствительно, при такомъ мужикѣ раздѣловъ семейныхъ не будетъ, вѣрно, что при посредствѣ его легко править деревнею и «приблизить власть къ народу»; но каково народу этому приходится, какова жизнь семьи, объ этомъ, конечно, горя мало... А какъ ужасенъ этотъ «настоящій мужикъ», когда увидить свѣтлую силу, другія начала—онъ не щадить тогда родного сына! А вмѣстѣ съ тѣмъ набоженъ, молится, возжигаетъ лампы и вѣрить, что онъ и есть истинный христіанинъ, какъ думаютъ и многіе... А «міръ»? Темный и невѣжественный, насчитывающій въ рядахъ своихъ не мало еще представителей стараго крестьянства, онъ идетъ за силою, въ какихъ бы формахъ она ни проявлялась, и боится еще людей, выдающихся среди него и показывающихъ его невѣжество.

Возница давно уже ждалъ меня съ нетерпѣніемъ, и я, попрощавшись съ полѣсовщикомъ, тотчасъ уѣхалъ.

— А Денисъ хорошій парень,—сказалъ я ему, когда мы выѣхали на дорогу.

— Денисъ-то?

— Да.

— Да парень ничего...

— А что же вы его не защитили, когда отецъ его до смерти билъ?

— Мы-то?

— Да.

— Извѣстно, отецъ, ну и бьетъ...

— А если несправедливо бьетъ?

— Не за правду то-есть?

— Да.

— Какъ же не за правду: за глотку отца-то схватилъ.

— Онъ въ безпамятствѣ былъ: человѣкъ больной, а у него книги отецъ отобралъ да въ печь бросилъ.

— А чего онъ эту самую книгу при себѣ имѣетъ, потому какъ дѣло мужицкое: гдѣ бы хлѣбушко добывать, а онъ книгу...

— Но вѣдь онъ хотѣлъ вашихъ же дѣтей научить грамотѣ.

— Хотѣлъ, это точно.

— Развѣ это плохо?

— Какъ плохо? Конечно, дѣло хорошее.

— Ну, такъ, какъ же вы?

— Потому, не мужицкое дѣло.

— Почему же не мужицкое?

— А Богъ его знаетъ.—Наше дѣло темное... Нно-о!

И возница, видя, вѣроятно, что не можетъ разобратъся въ путаницѣ собственныхъ мыслей, занялся усердно лошадыю, чтобы не бесѣдовать со мною на трудную для него тему.

И я умолкъ.

Какъ-то, долго спустя, встрѣтилъ я въ губернскомъ городѣ Оиміамова, еле передвигавшаго ноги по тротуару. Поздоровавшись, я вспомнилъ о «настоящемъ

мужикѣ» и его семьѣ. Оказалось, что Максимъ Ивановичъ умеръ, а сыновья его, обрадовавшись свободѣ, испились окончательно. Денисъ умеръ, и барыня разрѣшила похоронить его лишь за оградой.

— По-моему, большой подлецъ былъ Максимъ Ивановичъ,—сказалъ я Ѳиміамову.

— Подлецъ?!—удивился онъ.

Я рассказалъ ему все, что узналъ, а онъ отвѣтилъ: «Это, батенька, насъ не касается, а мнѣ важно было, что на деревню Слюнявую любо было смотрѣть, а теперь мнѣ уже самому приходится туда ѣздить».

